

Редакционный совет

Главный редактор

Конев Андрей Николаевич,
начальник Академии управления МВД
России, доктор технических наук, кандидат
юридических наук, доцент.

Заместитель главного редактора

Павличенко Николай Владимирович,
заместитель начальника Академии
управления МВД России, доктор
юридических наук, профессор.

Члены редакционного совета:

Аверьянова Татьяна Витальевна,
профессор кафедры судебных экспертиз
и криминалистики Российского
государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации;

Беляева Лариса Ивановна, профессор
кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор;

Капинус Оксана Сергеевна, ректор
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, доктор юридических
наук, профессор;

Майдыков Анатолий Федорович, профессор
кафедры управления органами внутренних
дел в особых условиях центра командно-
штабных учений Академии управления
МВД России, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации;

Мацкевич Игорь Михайлович, старший
партнер юридической группы «ЮрАкадемия:
Кутафин и партнеры», доктор юридических
наук, профессор, заслуженный деятель
науки Российской Федерации;

Россинская Елена Рафаиловна, директор
Института судебных экспертиз Московского
государственного юридического
университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор,
академик РАЕН, заслуженный деятель науки
Российской Федерации;

Сейтенов Калиолла Кабаевич, директор
Института судебной экспертизы Казахского
гуманитарно-юридического университета,
доктор юридических наук, профессор.

2018 № 1 (45)

март

ТРУДЫ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

Редакционная коллегия

Председатель

Павличенко Николай Владимирович,
заместитель начальника Академии управления
МВД России, доктор юридических наук,
профессор.

Заместитель председателя

Воронин Михаил Юрьевич, начальник кафедры
уголовной политики Академии управления
МВД России, доктор юридических наук, доцент;
Андреева Ирина Анатольевна, профессор кафедры
теории и методологии государственного
управления Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, доцент;

Афанасьев Владимир Сергеевич, главный научный
сотрудник отдела по изучению проблем истории
МВД России научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России, доктор
юридических наук, государственный советник
юстиции 3-го класса;

Гаврилов Борис Яковлевич, профессор кафедры
управления органами расследования
преступлений Академии управления МВД
России, доктор юридических наук, профессор;

Джоробекова Арзыгуль Мамаяновна, заместитель
начальника Академии МВД Кыргызской
Республики имени генерал-майора милиции
Э.А. Алиева по науке, доктор юридических наук;

Дильбарханова Жанат Рахимжановна, заместитель
начальника Алматинской академии МВД
Республики Казахстан имени Макана Есбулатова
по научной работе, доктор юридических наук,
профессор;

Елагин Александр Георгиевич, профессор
кафедры управления деятельностью
подразделений обеспечения охраны
общественного порядка центра командно-
штабных учений Академии управления МВД
России, доктор юридических наук, профессор;

Киричк Евгения Владимирович, начальник
управления учебно-методической работы
Академии управления МВД России, доктор
юридических наук;

Кононов Анатолий Михайлович, референт
Договорно-правового департамента МВД
России, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации;

Корякин Илья Петрович, заместитель начальника
Карагандинской академии МВД Республики
Казахстан имени Б. Бейсенова, доктор
юридических наук;

Лексин Иван Владимирович, заведующий кафедрой
правовых основ управления факультета
государственного управления Московского
государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор;

Мазур Сергей Филиппович, профессор кафедры
гражданского права и гражданского процесса
Института международного права и экономики
имени А.С. Грибоедова, доктор юридических
наук, профессор;

Мартыненко Наталия Эдуардовна, заместитель
начальника кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России, доктор
юридических наук, доцент;

Мелёхин Александр Владимирович, профессор
кафедры государственного строительства и
права Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, старший советник
юстиции, доктор юридических наук, профессор;

Миронов Анатолий Николаевич, начальник
кафедры управления и административно-
правовых дисциплин юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН
России, доктор юридических наук, доцент;

Можаева Ирина Павловна, главный научный
сотрудник отдела по исследованию
проблем отраслевого управления научно-
исследовательского центра Академии
управления МВД России, доктор юридических
наук;

Мулукаев Роланд Сергеевич, главный
научный сотрудник отдела по изучению
проблем истории МВД России научно-
исследовательского центра Академии
управления МВД России, доктор юридических
наук;

Невский Сергей Александрович, главный научный
сотрудник ВНИИ МВД России, доктор
юридических наук, профессор;

Осокин Роман Борисович, начальник факультета
подготовки научно-педагогических и научных
кадров Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук,
доцент;

Победин Александр Викторович, профессор
кафедры управления органами расследования
преступлений Академии управления МВД
России, доктор юридических наук, профессор;

Солдатов Александр Петрович, главный
научный сотрудник отдела по изучению
проблем истории МВД России научно-
исследовательского центра Академии
управления МВД России, доктор юридических
наук;

Тарасов Анатолий Михайлович, главный советник
генерального директора по юридическим
вопросам ЗАО «Лаборатория Касперского»,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации;

Цепелев Валерий Филиппович, профессор
кафедры уголовного права Московского
государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор
юридических наук, профессор, заслуженный
юрист Российской Федерации;

Секретарь

Яковец Евгений Николаевич, профессор
кафедры организации оперативно-разыскной
деятельности Академии управления МВД
России, доктор юридических наук, профессор.

Membership of the Editorial Council of the Journal 'Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia'

Editor-in-Chief

Andrei N. KONEV,

Dr. of Technology, Candidate of Law, Associate Professor, Head of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Deputy Editor-in-Chief

Nikolai V. PAVLICHENKO,

Dr. of Law, Professor, Deputy Head of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Members:

Tatyana V. AVERYANOVA, Dr. of Law, Merited Research Worker of the Russian Federation, Professor at the Department of Forensics and Forensic Examination (Russian State University of Justice);

Larisa I. BELIAYEVA, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the Criminal Policy (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Oksana S. KAPINUS, Dr. of Law, Professor, Head of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation;

Anatoly F. MAYDYKOV, Dr. of Law, Merited Research Worker of the Russian Federation, Professor at the Department of Management of Bodies and Units of the Internal Affairs Bodies in Special Conditions of Center for Command Games (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Igor M. MATSKIEVICH, Dr. of Law, Merited Research Worker of the Russian Federation, Senior Partner of the Law Firm 'Law Academy: Kutafin & Partners';

Elena R. ROSSINSKAYA, Dr. of Law, Professor, Merited Research Worker of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor, Director of the Institute of Forensic Examinations (O. E. Kutafin Moscow State Law Academy);

Kaliolla K. SEYTENOV, Dr. of Law, Professor, Director of the Institute of Forensic Examinations (Kazakh University of the Humanities and Law).

Editorial Board of the Journal 'Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia'

Chairperson

Nikolai V. PAVLICHENKO,

Dr. of Law, Professor, Deputy Head of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Deputy Chairperson

Mikhail Yu. VORONIN, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Department of the Criminal Policy (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Irina A. ANDREYEVA, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Theory and Methodology of Government (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Vladimir S. AFANASYEV, Dr. of Law, State 3rd-Class Adviser of Justice, Chief Researcher at the Department of the History of the Interior Ministry of Russia Problems Studying at the Research Center (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Boris Ya. GAVRILOV, Dr. of Law, Professor at the Department of Management of Bodies and Units Crimes' Investigation (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Arzygul' M. DZHOROBKOVA, Dr. of Law, Professor, Deputy Head for Science at General Major E. A. Aliyev Academy of the Ministry of the Interior of the Kyrgyz Republic;

Zhanat R. DILBARKHANOVA, Dr. of Law, Professor, Deputy Head for Scientific Work at Makan Yesbulatov Almaty Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan;

Alexander G. YELAGIN, Dr. of Law, Professor at the Department of Management of Public Order Services (Center for Command Games, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Evgeniy V. KIRICHYOK, Dr. of Law, Head of the Educational Methodical Work Management (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Anatoliy M. KONONOV, Dr. of Law, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor, Referent at the Law and Agreements Department of the Interior Ministry of Russia;

Ilya P. KORYAKIN, Dr. of Law, Deputy Head for Scientific Work at the Barimbek Beysenov Karaganda Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan;

Ivan V. LEKSIN, Dr. of Law, Professor, Head of the Department of the Legal Foundations for Management at the Faculty of the State Management of the State Moscow University named after M. V. Lomonosov;

Sergey F. MAZUR, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of Civil Law and Civil Process of the Institute of the International Law and Economics named after A. S. Griboyedov;

Natalia E. MARTYNENKO, Dr. of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of the Criminal Policy (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Alexander V. MYELYOHIN, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the State Building and Law of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, Senior Counselor of Justice;

Anatoliy N. MIRONOV, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Department of Management and Administrative Law Disciplines of the Juridical Faculty of the Vladimirovskiy Juridical Institute (Federal Service of the Punishments Execution of Russia);

Irina P. MOZHAEVA, Dr. of Law, Chief Researcher at the Department of the Studying Branch Management Problems at the Research Center (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Roland S. MULUKAYEV, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher at the Department of the History of the Interior Ministry of Russia Problems Studying at the Research Center (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Sergei A. NEVSKY, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher at the All-Russia Scientific Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia;

Roman B. OSOKIN, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Faculty for Training Research and Teaching Staff of V. Ya. Kikotya Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia;

Alexander V. POBEDKIN, Dr. of Law, Professor, Department of Management of Bodies and Units Crimes' Investigation (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia);

Alexander P. SOLDATOV, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher at the Department of the History of the Interior Ministry of Russia Problems Studying at the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia;

Anatoliy M. TARASOV, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Chief Adviser of the General Director of the "Kaspersky Laboratory" for the Juridical Questions;

Valeriy F. TSEPELEV, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the Criminal Law of the State Moscow Juridical University named after O. Ye. Kutafin (SMJU), Merited Law Expert of the Russian Federation.

Secretary

Yevgeniy N. YAKOVETS, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of Organization of Field Operations, Detection and Search (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia).

Главный редактор РИО

К. Б. Файбусович

Ответственный за выпуск

Д. В. Алентьев

Над номером работали

С. Х. Аминов

В. В. Позёмнова

Е. В. Белик

С. А. Романова

В. И. Долинко

В. А. Яровая

Е. В. Малышева

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26202 от 16 ноября 2006 г.

При использовании материалов ссылка на журнал «Труды Академии управления МВД России» обязательна.

Подписано в печать 30.03.2018.
Формат 60×84 1/8.
Объем 23,02 п. л.
Тираж 500 экз.
Выходит 4 раза в год.

Адрес редакции и издателя:
125993, Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8.
Тел.: 8 (499) 745-81-43.
Тел./факс: 8 (499) 745-82-23.
E-mail: ebelik3@mvd.ru
Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 15548.

Отпечатано
в отделении полиграфической
и оперативной печати РИО
Академии управления
МВД России.
125171, Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8.
Тел.: 8 (499) 745-81-43.

Решением Высшей
аттестационной комиссии
Министерства образования
и науки
Российской Федерации
журнал «Труды Академии
управления МВД России»
включен в Перечень
рецензируемых научных
изданий, в которых
должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание
ученых степеней доктора
и кандидата наук.

© Академия управления МВД России, 2018.

2018
№ 1 (45)

март

Т
РУДЫ
АКАДЕМИИ
УПРАВЛЕНИЯ
МВД РОССИИ

СОДЕРЖАНИЕ

НА АКТУАЛЬНУЮ ТЕМУ

Конев А. Н. Идеологические основы уголовного судопроизводства: новые понятия, новые подходы	7
Безруков С. С. Неразрешенные идеологические противоречия в соотношении назначения и принципов уголовного судопроизводства	12
Воскобитова Л. А. От идеологии ведомственных интересов к идеологии Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации	18
Гаврилов Б. Я. Идеология формирования современного досудебного производства	22
Гирько С. И. Отнесение уголовно-исполнительной системы России к категории федеральных органов исполнительной власти, наделенных в уголовно-процессуальном законодательстве России полномочиями органов дознания, и исключение из нее: идеология проблемы	29
Зайцев О. А. Государственно-правовая идеология развития уголовного судопроизводства в Российской Федерации	35
Масленикова Л. Н. Мировоззренческая основа уголовно-процессуального права: соотношение публичного и диспозитивного начал	40
Поляков М. П. Идеологический подход и уголовно-процессуальная концептология как инструменты познания сущности отечественного уголовного судопроизводства	43
Терехин В. В. Идеологические нюансы формирования и применения стандарта допустимости доказательств в уголовном процессе	48
Химичева О. В. Основные направления развития современной уголовно-процессуальной науки	55

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Гапоненко В. Ф. Вопросы планирования затрат на выполнение научно-исследовательских работ в системе МВД России	58
---	----

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО:

СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Образцов А. В. О системе процессуального руководства расследованием преступлений	63
Красильников А. В. Безопасность участников уголовного судопроизводства: правовое регулирование и субъекты обеспечения	68
Кустов А. М., Кокорев Р. А. Проблемы применения видеозаписи при расследовании преступлений против личности	73

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Корнеева М. П. Особенности организации начальником территориального органа МВД России на районном уровне внешнего взаимодействия органов предварительного следствия с общественными организациями и средствами массовой информации	78
Потапов Д. В. О создании цифровой платформы взаимодействия в ходе досудебного производства надзирающего прокурора и органа предварительного расследования	85
Репьев А. Г. Оценка эффективности деятельности участковых уполномоченных полиции на основе статистических данных: анализ, планирование, прогнозирование	90
Ульянов А. Д. Контроль служебной деятельности как способ обеспечения исполнительской дисциплины в территориальных органах МВД России	94

Уважаемые авторы!

Журнал «Труды Академии управления МВД России» размещает материалы, имеющие научное и практическое значение, отличающиеся актуальностью и новизной.

Просим вас вместе со статьями предоставлять аннотации к ним (объемом не более 500 знаков), ключевые слова (5–7), пристатейные библиографические списки. Материалы подаются на электронных носителях в виде текстового файла Microsoft Word вместе с распечаткой на бумаге через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman 14 размера.

Объем статьи не должен превышать 12 страниц машинописного текста, включая таблицы, список литературы и рисунки (не более 5). Текст статьи подписывают все авторы — с указанием полного имени, должности, ученой степени.

Все статьи рецензируются. В случае возвращения автору рукописи статьи для исправления или доработки к ней будет прилагаться рецензия.

Редакционная коллегия, главный редактор и издательство научного журнала в своей деятельности придерживаются этических норм, позволяющих повысить качество публикуемых статей.

Журнал находится в открытом доступе в сети Интернет. При передаче в журнал рукописи статьи автор дает согласие на размещение текста статьи в сети Интернет. Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей. Журнал публикует только подлинные высококачественные научные работы. Статьи, в которых присутствует плагиат, не допускаются к публикации.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Васильева М. А.** Криминалистические проблемы расследования приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины 100
- Воронцов А. В., Парфенов А. В.** Направления совершенствования деятельности органов внутренних дел по борьбе с криминальным автобизнесом 104
- Нечаев А. А.** Информационно-аналитическое обеспечение деятельности начальника территориального органа МВД России на районном уровне при организации работы следователей по уголовным делам о преступлениях прошлых лет 109
- Семенец М. Ю.** Особенности административно-правового регулирования помещения несовершеннолетних граждан иностранных государств в центры временного содержания и передачи их законным представителям 114

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Аносов А. В., Ищук Я. Г.** Оперативно-разыскная профилактика преступлений несовершеннолетних: направления, содержание, меры 120

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Андреева И. А.** Полицейская реформа в Англии в конце XX — начале XXI в. 125
- Зигмунт О.** Миграция, интеграция и преступность: мировой исследовательский опыт 133

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Княжев В. Б., Грищенко Л. Л.** Обзор международной научно-практической конференции «Россия — США. Перспективы взаимоотношений: противники, партнеры, союзники?» 138

Трибуна молодого ученого

- Богданов А. В.** Административная преюдиция и реализация принципов справедливости и законности в уголовном праве 142
- Григорьева И. В.** Уголовная политика в отношении охраны государственных бюджетных средств 148
- Парадникова Г. А.** Виды уголовно-процессуальных решений, обусловленных участием несовершеннолетних в досудебном производстве по уголовным делам и их классификация 153
- Маматкулов А. Т.** Правовая природа особого порядка производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц 158
- Царева Ю. В.** Залог в системе мер уголовно-процессуального пресечения 162
- Цепинский С. А.** Организация расследования угонов и краж автотранспорта с использованием специальных знаний 169

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- Вольнский А. Ф.** Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления 175
- Корнакова С. В.** Квалификация насильственных преступлений сексуального характера, совершенных несовершеннолетними в отношении несовершеннолетних 186
- Тарасов А. М.** Теоретические аспекты принципов президентского контроля за деятельностью правоохранительных органов 193

*Editor-in-Chief
of Publishing Editorial Department*
K. B. Fajbusovich
Responsible for issue
D. V. Alentev
Worked with issue
S. H. Aminov
E. V. Belik
V. I. Dolinko
E. V. Malysheva

V. V. Pozemnova
S. A. Romanova
V. A. Yarovaya

The journal «Trudy Akademii Upravleniya MVD Rossii» is registered with the Federal Service of the Russian Federation for Supervising Compliance with the Law in the Fields of Mass Communications and Heritage Preservation. Certificate of registration mass media ПИ № ФС77-26202 on November 16, 2006.

Using materials reference to the Journal «Trudy Akademii Upravleniya MVD Rossii» is required.

Print is signed 30.03.2018
Format 60×84 1/8
Capacity, printed sheet 23,02 p. s.
Circulation 500 copies.
Published 4 times a year.

Address of Editorial Office and Publisher:
125993, Zoi i Alexandra
Cosmodemyanskih street, 8, Moscow.
Tel.: 8 (499) 745-81-43.
Tel/fax: 8 (499) 745-82-23.
E-mail: ebelik3@mvd.ru
Subscription index
at the General catalogue
«The Press of Russia»: 15548.

Printed by the Unit for Typographic and Operative Printing of the Publishing Department of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia.
125171, Zoi i Alexandra
Cosmodemyanskih street, 8, Moscow.
Tel.: 8 (499) 745-81-43.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation journal «Trudy Akademii Upravleniya MVD Rossii» is included in the list of reviewed scientific journals, in which major scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

© Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2018.

2018
№ 1 (45)
march

ТРУДЫ
АКАДЕМИИ
УПРАВЛЕНИЯ
МВД РОССИИ

CONTENT

TOPICAL ISSUES

Konev A. N. The Ideological Foundations of the Criminal Proceedings: New Concepts, New Approaches.....	7
Bezrukov S. S. Unresolved Ideological Contradictions in the Ratio to the Purpose and Principles of the Criminal Proceedings.....	12
Voskobitova L. A. From the Departmental Interests' Ideology to the Russian Federation Constitution's Ideology and the Criminal Procedural Codex of the Russian Federation.....	18
Gavrilov B. Ya. Formation' Ideology of the Modern Pre-Trial Proceedings	22
Girko S. I. Assignment of the Criminal Executive System of Russia to Category of the Federal Executive Bodies Endowed in the Criminal Procedural Legislation of Russia with Powers of Inquiry Bodies and an Exception from it: Problem's Ideology.....	29
Zaytsev O. A. The State Legal Ideology of the Criminal Proceedings' Development in the Russian Federation	35
Maslennikova L. N. The Ideological Basis of the Criminal Procedural Law: Ratio of the Public and Dispositive Beginnings	40
Polyakov M. P. The Ideological Approach and Criminal Procedural Conceptology as the Tools for Understanding the Essence of the Native Criminal Proceedings.....	43
Terekhin V. V. Ideological Nuances of Formation and Standard's Application for Evidences' Admissibility in Criminal Process.....	48
Khimicheva O. V. The Main Directions of the Modern Criminal Procedural Science' Development	55

SCIENTIFIC-METHODOLOGICAL PROBLEMS

Gaponenko V. F. The Questions of Costs' Planning on Implementation of the Scientific Research Works in the System of the Interior Ministry of Russia	58
---	----

LEGISLATION:

CONDITION AND WAYS TO IMPROVE SYSTEM

Obraztsov A. V. About a Procedural Management System of Crimes' Investigation	63
Krasilnikov A. V. The Criminal Proceedings Participants' Safety: Law Regulation and the Subjects of Support	68
Kustov A. M., Kokorev R. A. The Problems of Video Recording Using During the Crimes' Investigation Against a Person.....	73

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT MANAGEMENT

Kornyeveva M. P. The Specifics' Organization by a Head of a Territorial Body of the Interior Ministry of Russia on a Regional Level of the External Interaction of the Preliminary Investigation Bodies with Public Organizations and Mass Media	78
Potapov D. V. About Creation of a Digital Platform for Interaction During the Pre-Trial Proceedings of a Supervising Prosecutor and a Preliminary Investigation Body	85
Repyev A. G. Use of Statistics to Evaluate Professional Performance by Neighborhood Police Commissioners: Analysis, Planning, Forecasting	90
Ulyanov A. D. Control for Service Activity as a Method of Executive Discipline in the Territorial Bodies of the Interior Ministry of Russia.....	94

For the attention of authors

The journal 'Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia' publishes original material of topical significance, scientific value and practical importance.

The text of your paper should come together with a list of references, 5 to 7 keywords and an abstract of no more than 500 typed characters. The material is expected to be delivered to the Journal as a Microsoft Word text file and a hard copy (spaced 1.5 intervals, font Times New Roman, size 14).

Your paper cannot be bigger than 12 typewritten pages (references, tables and pictures included). There can be no more than 5 pictures. The paper should be signed by all of its authors, each giving his (her) full name, position and academic degree.

All the articles are peer reviewed. If it is sent back to you for revision or improvement, a copy or copies of the relevant review(s) will be enclosed.

The Editorial Board, the Editor-in-Chief and the Publisher of the research journal espouse certain ethical principles, which also makes for a high quality and intellectual continuity of the publishing articles.

This Journal is an open-access in the Internet. When transferring to the journal the manuscript the author agrees to the placement of articles in Internet. The edition do not charge any fees for publication of the articles. The Journal publishes only original high quality scientific works. Articles that contain plagiarism are not allowed to publish.

THEORY AND PRACTICE OF LAW ENFORCEMENT

- Vasilyeva M. A.** Criminalistic Problems of Acquisition Investigation, Storage, Transportation, Processing for Sale or its Knowingly Sale Illegally Prepared Wood 100
- Vorontsov A. V., Parfenov A. V.** Perfection's Directions of the Internal Affairs Bodies' Activity for a Struggle with the Criminal Auto Business 104
- Nechayev A. A.** Informational Analytical Support for Activity of a Head of a Territorial Body of the Interior Ministry of Russia on a Regional Level During Working Organization of the Investigators in the Criminal Cases on the Past Years Crimes 109
- Semenets M. Yu.** The features of the Administrative Legal Regulation for Placing Minors Citizens of Foreign Countries to the Centers of the Temporary Detention and Transfer Them Ones to Their Legal Representatives 114

CRIMINOLOGICAL PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

- Anosov A. V., Ishchuk Ya. G.** Operative Investigative Prevention of Minors's Crimes: Directions, Content, Measures 120

FOREIGN EXPERIENCE

- Andreyeva I. A.** The Police Reform in England (Late 20th – Early 21st c.) 125
- Zigmunt O.** Migration, Integration and Crime: Global Research Experience 133

SCIENTIFIC LIFE

- Knyazhev V. B., Grichenko L. L.** The Review of the International Scientific Practical Conference "Russia – the USA. Relationships' Prospects: Enemies, Partners, Allies?" 138

THE TRIBUNE OF A YOUNG SCIENTIST

- Bogdanov A. V.** Administrative Prejudice and Realization of Justice and Legality Principles in the Criminal Law 142
- Grigoryeva I. V.** Criminal Policy about Protection of the State Budget Funds 148
- Paradnikova G. A.** The Types of the Criminal Procedural Solutions Caused by Minors' Participation in the Pre-Trial Proceedings on the Criminal Cases and its Classifications 153
- Mamatkulov A. T.** The Law Nature of a Special Procedure for the Production of the Criminal Cases Toward to the Certain Persons' Categories 158
- Tsareva Yu. V.** A Bail in a System of Measures of the Criminal Procedural Restraint 162
- Tsepinskiy S. A.** Investigation's Organization of the Thefts and Vehicles' Burglaries with Special Knowledges' Using 169

FORUM FOR DISCUSSION

- Volynskiy A. F.** Subject of Criminalistics and "Scientific Separatism": Consequences and Opportunities of Their Overcoming 175
- Kornakova S. V.** The Violent Sex Crimes' Qualification Made by Minors Against Minors 186
- Tarasov A. M.** The Theoretical Aspects of the Presidential Control's Principles for the Law Enforcement Bodies Activity 193

НА АКТУАЛЬНУЮ ТЕМУ

А. Н. КОНЕВ,
начальник Академии управления МВД России,
доктор технических наук,
кандидат юридических наук, доцент

A. N. KONEV,
Dr. of Technology, Candidate of Law, Associate Professor,
Head of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia

УДК 343.1

Идеологические основы уголовного судопроизводства: новые понятия, новые подходы

The Ideological Foundations of the Criminal Proceedings: New Concepts, New Approaches

Статья посвящена исследованию идеологических основ уголовного судопроизводства с учетом современного состояния уголовно-процессуальной науки и практики судопроизводства. Обосновывается существование в отечественном уголовном процессе двух обособленных типов идеологии: идеология «проектная» и идеология «истинная». Идеи первой группы (идеи «назначенные») – результат интеллектуального проектирования и моделирования, они привлечены для реализации определенных целей, порой не всегда явных. Идеи второй группы (идеи «предназначенные») рождаются на волне мировоззренческих революций, они касаются не только уголовного процесса как такового. Идеологические основы современного уголовного процесса представляют собой «территорию», на которой идет борьба идей.

Идеологические основы, уголовное судопроизводство, идеи, концепт, проект.

The article is dedicated for research of the ideological foundations of the criminal proceedings taking into account the current state of the criminal procedure science and the judicial practice. The existence of two separate types of ideology in the domestic criminal process is substantiated: “design” ideology and true ideology. Ideas of the first group (“ideas appointed”) – the result of intelligent design and modeling, its are involved for realization of the certain goals, sometimes it is not always clear. Ideas of the second group (“ideas designed”) – born on the wave of ideological revolutions, they concern not only the criminal process as such. The ideological foundations of the modern criminal process are the “territory” where ideas are fought.

Ideological foundations, criminal proceedings, ideas, concept, project.

В настоящее время наблюдаются активные идеологические «брожения» в сфере уголовного судопроизводства. Само слово «идеология» здесь обосновалось давно и надежно. Сегодня уже никого не удивляют и не смущают такие словосочетания, как состязательная идеология,

разыскная идеология, идеология следственная и инквизиционная.

Помимо собственно уголовно-процессуальных идеологий активно обсуждается и особый идеологический контекст, в котором развивается судопроизводство. В качестве примера та-

кого контекста можно представить либеральную идеологию. Вокруг центральных ее идей ведутся ожесточенные теоретические схватки. Все громче звучат сомнения в идеологической безупречности ее основных концептов, выводящих уголовно-процессуальные нормы из идеи первенства свободы и общечеловеческих ценностей. В качестве альтернативы предлагаются «культурные ценности русского народа» и другие новые идеологемы.

Систематизируя эти работы, можно уловить не только их смысловую взаимосвязь и общую идеологическую направленность, но и еще одну закономерность. Все они каким-то образом причастны к научной школе, известной под названием «Нижегородская школа процессуалистов». К этой научной школе автор относит и себя.

Теперь непосредственно о понятии идеологических основ. Изначально данное понятие возникло как некий собирательный образ, как исследовательская установка на выявление и структурирование идей, их классификацию. Однако чем больше мы погружались в идеологическое разнообразие отечественного и зарубежного уголовного судопроизводства, тем больше нами осознавалась потребность самостоятельной методологической разработки этого понятия. В результате возникло как бы два понятия – «идеологические основы уголовного судопроизводства» в широком смысле и «идеологические основы уголовного судопроизводства» в узком смысле.

Идеологический подход в широком смысле слова включает все обилие идей, проявляющих себя через уголовно-процессуальную форму и уголовно-процессуальные отношения. Известные и достаточно осмысленные группы этих идей: во-первых, это принципы уголовного процесса в целом, во-вторых, это общие условия двух ключевых стадий: предварительного расследования и судебного разбирательства.

Есть системные блоки идей и другого свойства. Так, ст. 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ¹) предусмотрены общие правила производства следственных действий. Однако мы понимаем, что в этих правилах не так много идеологичности. В них чистая методология, узаконенные достижения криминалистической техники и тактики. Тем не менее даже в этой малой «методологической совокупности», в этих конкретных правилах мы чувствуем присутствие неких идей, которые направляют и одухотворяют эти действия и таким образом

передают аргументирующую силу результатам этих действий.

Принято считать, что уголовно-процессуальный метод – это явление сугубо методологического свойства, результат эмпирической эволюции, хранилище лучших рациональных открытий человечества. Однако наше исследование убедило нас в том, что это не совсем так. Мы полагаем, что уголовно-процессуальный метод – это живое воплощение особой технологии и идеологии. Воплощение не простое, а очень утонченное.

У Михаила Веллера есть рассказ «Оружейник Тарасюк», посвященный выдающемуся исследователю оружия. Устами главного героя озвучивается одна простая мысль: «Идеология не может влиять на форму оружия». Поэтому крестообразная форма некоторых видов холодного оружия – это вовсе не дань христианской символике, а лишь хорошее технологическое решение [1].

Может быть, чуть раньше мы охотно согласились бы с этим подходом. Действительно, идеология и технология не всегда могут взаимодействовать напрямую. Пули в форме серпа и молота и колеса в форме пятиконечной звезды могут быть максимально идеологичными, но при этом минимально технологичными.

Однако, продолжая оружейные ассоциации, трудно отрицать, что форма оружия – это все же результат, достижению которого импульс дает именно идеология. Ведь конфликты идей весьма эффективно разрешаются военным путем. Так и в уголовном процессе – идеологическое влияние на уголовно-процессуальную форму, на технологию процесса присутствует всегда. Но присутствие это не может быть понято столь прямолинейно. УПК РФ это очень наглядно подтверждает.

С одной стороны, кодекс попытались сделать живым воплощением либеральной идеологии. Главная идея, которая проводится в УПК РФ, это идея защиты прав и свобод человека и гражданина. Под эту идею были сверстаны и значение уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ), и его принципы (гл. 2 УПК РФ). Либеральный идеологический подтекст хорошо заметен даже невооруженным глазом. Идеологи «либерального УПК» сделали все, чтобы провозгласить свою ключевую идею на нормативном уровне.

Они даже не остановились перед тем, чтобы решать технологические задачи (задачи целеполагания), открыто нарушая научные принципы. Так, профессор В. Т. Томин, указывая на видимый изъян законодательной формулировки назначения уголовного судопроизводства, заметил, что цель системы не может формулироваться через не достижение результата [4]. Цель системы – это всегда результат, к которому система устремлена. И сам результат уже

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

есть гарантия от неблагоприятных последствий, на которые указывают разработчики УПК РФ, закрепившие в законе постулат: «отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания...» есть полноценное назначение процесса.

Система принципов, закреплённая нормативно, это тоже в некотором смысле «пиар-акция» либерального проекта. По сути, все принципы, представленные в гл. 2 УПК РФ, являются воплощением идеи, которая была известна и уголовно-процессуальному закону советского периода и никогда им и не отрицалась. Это идея защиты прав и законных интересов личности. Во всех советских учебниках эта идея включалась в систему принципов. Присутствие ее легко прочитывалось и в тексте УПК РСФСР.

Однако в УПК РФ эта общая и признанная идея (ценность которой мы ничуть не отрицаем и не принижаем) разбивается на частные элементы, которые явно не дотягивают не только до уровня мировоззренческих идей, но и идей вообще.

Однако критика нормативной системы принципов в нашу задачу не входит. Критических оценок этой системы в юридической науке хватает и без нас. Нормативную систему принципов мы вспомнили с совершенно иной целью, чтобы подвести к одной интересной и, на наш взгляд, новой гипотезе.

Мы полагаем, что в отечественном уголовном процессе присутствуют как минимум два обособленных типа идеологии. Это идеология «проектная» и идеология «истинная». Приведенные названия пока лишь условные обозначения этих типов, но их вполне достаточно, чтобы наглядно предъявить наш подход и обозначенные в ходе его применения концепции научной общественности.

«Проектная» идеология предполагает рассмотрение идеологических основ уголовного судопроизводства как составную часть более общих идеологических проектов. Мы уже говорили о либеральном проекте. Либеральная идеология есть порождение определенного социально-политического контекста.

Причем понятие «проектная» идеология не означает наличие единого консолидированного проекта. Этот проект может быть результатом борьбы и компромисса разных подходов. В своем исследовании мы не напрасно затрагиваем идеологические взгляды различных партий, представленных в Государственной Думе Российской Федерации. Кому-то может показаться, что это не имеет отношения к уголовному процессу. Мы же считаем, что имеет, и самое непосредственное. Эти партии через фракции и комитеты вполне ощутимо влияют на уголовную и уголовно-процессуальную политику.

В ходе разработки проблемы идеологических основ отечественного уголовного судопроизводства мы обратили внимание на то, что уголовный процесс, понимаемый в технологическом ключе, весьма активно сопротивляется этой внешне навязываемой «проектной» идеологии. Реальное развитие уголовно-процессуальной формы порой идет вразрез с провозглашенными идеями. Взять, к примеру, все тот же либеральный проект, сумевший провозгласить состязательную форму, но не сумевший провести ее в сферу досудебного производства. Если же посмотреть на взаимодействие официальной уголовно-процессуальной идеологии и современной технологии судопроизводства в реальном эмпирическом контексте, то ситуация еще более усугубляется.

В качестве примера можно привести рассмотрение уголовных дел в особом порядке в случае согласия обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ).

Сегодня в таком ускоренном и сокращенном порядке рассматривается почти 70 % уголовных дел. Очевиден процедурный парадокс, когда исключение становится правилом. Однако, если посмотреть на ситуацию с другой стороны, то можно понять, что никакого парадокса здесь нет. Существующая диспропорция — всего лишь подтверждение того, что идея, сотни лет господствовавшая в уголовном процессе, так и не умерла, и более того, вовсе не утратила своего «царского положения». Речь идет о статусе признательных показаний обвиняемого как «царицы доказательств». Эта теоретически отвергаемая и дискредитируемая идея, будучи реально востребованной практикой, и запускает в жизнь принцип процессуальной экономии.

Однако этот самый популярный сегодня особый порядок сам по себе противоречит изначальному смыслу «гербового» принципа либерального проекта уголовного процесса — принципу презумпции невиновности. На первый взгляд, формально никаких несоответствий нет, поскольку процедура, предполагающая опровержение данной презумпции «в установленном законом порядке...», формально не нарушается. Ведь порядок действительно установлен законом. Но, по сути, это ускоренное производство не предполагает установления нового порядка, оно предполагает отмену прежнего. С точки зрения классической уголовно-процессуальной формы обвинение в данной ситуации получается доказанным без суда. Таким образом, главная технологическая установка либерального проекта, согласно которой открытое судебное разбирательство с его состязательным судебным следствием есть гарант истины, без всякого зазрения совести опускается. И здесь остается

лишь один шаг до реализации принципа самого «экономичного вида процесса», укладывающегося в формулу военного времени — «без суда и следствия».

Мы привели этот пример вовсе не для того, чтобы ратовать за исключение особого порядка судебного разбирательства. Наша цель иная: показать, что наряду с провозглашенными принципами в уголовном процессе живут другие не менее, а порой и более влиятельные идеи. Именно эти идеи побуждают нас к введению нового понятия — «идеологические основы в узком смысле этого слова».

В подобном ключе идеологические основы — это идеи, питающие уголовное судопроизводство энергией развития и оказывающие влияние на его технологию. Эти идеологические основы и составляют существо истинной идеологии уголовного судопроизводства. Это те идеи, которые реально воздействуют на уголовный процесс от начала времен до его современного состояния. Идеи неустранимые и неуничтожимые.

Понятно, что сам термин «истинная идеология» достаточно условен. Обычно авторы уклоняются от слова «истинный» из скромности, чтобы, по их словам, не претендовать на истину в последней инстанции. Мы же полагаем, что из лучших исследовательских побуждений можно использовать название «истинная идеология», подразумевая тем самым, что в уголовном процессе есть идеи, черпающие свою сущность в высших объективных сферах.

Подобный взгляд — это проявление нового научного подхода. Напомним, что этот подход в Нижегородской школе процессуалистов назван идеологическим подходом.

Если зреть в корень, как говорил Козьма Прутков, то можно с легкостью увидеть, что замысел этого идеологического подхода был проявлен еще в работах основателя Нижегородской школы процессуалистов профессора Валентина Тимофеевича Томина. При желании намек на этот подход можно уловить в его знаменитом афоризме: «Чем меньше принципов, тем они принципиальнее» [3]. Да и сама его главная концептуальная установка, согласно которой принцип есть не просто идея, а идея именно мировоззренческая, — это и есть исходная установка идеологического подхода.

Идеологический подход сегодня явление новое и развивающееся. И не все исследователи понимают его одинаково. Так, М. П. Поляков видит суть подхода в том, чтобы вскрывать идеи, лежащие за правовыми явлениями [2]. Таким образом, может показаться, что каждому правовому явлению соответствует своя собственная идея. Нам же представляется, что суть идеологического подхода заключается в выявлении не всяких идей, а в выявлении идей первоначальных, т. е. тех идей, из которых вырастают

целые институты уголовного судопроизводства и даже целые производства.

В качестве примера можно привести досудебное производство и производство в суде. Казалось бы, этим производствам в равной мере присущи общие принципы уголовного процесса. Однако сам факт наличия в уголовном процессе такого феномена, как «общие условия стадий», показывает, что эти производства опираются не столько на официально провозглашенные принципы, сколько на свою систему принципов. Тех принципов, которые как раз и формируют технологию этих производств.

Однако если мы будем связывать общие условия стадий с их типологическими основаниями, то сможем обнаружить весьма странные обстоятельства.

Во-первых, увидим, что общие условия судебного разбирательства очень близко отражают типологические принципы уголовного процесса состязательного типа. Во-вторых, легко можем установить, что общие условия досудебного производства (предварительного расследования) лишь фрагментарно совпадают с типологическими принципами уголовного процесса разыскного (инквизиционного) типа.

Закономерен вопрос: почему имеет место такое несоответствие? Будучи помещенным в поле идеологического подхода, этот вопрос предстает совершенно в новом ракурсе. В свете идеологического подхода мы начинаем понимать, что эти несоответствия объясняются не тем, что есть изъяны в системе общих условий досудебного производства, а тем, что изъяны имеются в научном описании самих типологических принципов разыскного (инквизиционного) процесса.

Сопоставляя современные эмпирические проявления идей, направляющих досудебное производство, с их официальной научной типологической интерпретацией, мы выходим на гипотезу о том, что в типологическом разделе учения об уголовном процессе нам предъявлены не те или почти не те принципы. В основе их современного теоретического осмысления лежит не желание докопаться до истины, а желание создать негативный фон для более яркого «сияния» принципов уголовного процесса состязательного типа.

Таким образом, в уголовном процессе постоянно взаимодействуют идеи разного толка. Передать сущность этих идей мы попытались через такие понятия, как «идеи назначенные» и «идеи предназначенные». Первые являются идеями проектными, т. е. результатом определенного интеллектуального проектирования и моделирования. Эти проектные идеи привлечены для реализации определенных целей, порой не всегда явных.

Так, нынешняя система принципов и есть по преимуществу набор проектных идей, отражающих общий либеральный проект мироустройства.

Идеи «предназначенные» – это идеи, условно говоря, дарованные Вселенной. Такие идеи рождаются на волне мировоззренческих революций. Они касаются не только уголовного процесса как такового, они генетически вырастают из нового мировоззрения. В качестве примера такой идеи можно назвать идею «рациональности». Эта идея является следствием принятия человечеством научного мировоззрения. Именно из этой идеи и вырастает такая рациональная форма процесса, как процесс розыскного (инквизиционного) типа.

Эти первоначальные («предназначенные») идеи иногда пытаются называть «материнскими» идеями. Это название представляется нам не совсем удачным ввиду слишком образной формы. Думается, что для этих идей предпочтительно научное выражение. Для «изобретения» адекватного термина мы обратились к старому испытанному способу – к латыни. Учитывая, что смысл понятия должен сводиться к понятию «первоначальной идеи», мы предлагаем ввести в научный оборот термин «прима-концепт» или «прима-концепция», что буквально и отражает это идеологическое первенство.

Идеологические основы современного уголовного процесса представляют собой «территорию», на которой идет борьба идей. Идей предназначенных («прима-концептов») и идей назначенных. Для обозначения последних мы предлагаем соответственно термин «альтер-концепты», что буквально означает – другие идеи. Другие в значении – «не те», т. е. не представляющие собой истинной идеологии.

С одной стороны, можно представить взаимосвязь этих концептов как переход от не-

знания к знанию, как эволюционную смену концепций и парадигм. Но это представление верно лишь в рамках сугубо методологических мыслительных конструкций. Однако в идеологическом мире их взаимодействие осуществляется по другим законам, или вообще по принципу «беззакония». Нередко «иные идеи» в целях реализации очередного проекта наносятся поверх «назначенных», подобно тому, как новая картина маскирует старинный шедевр. И цели этой маскировки не всегда бывают возвышенными.

Бывает, что под заявленной благой идеей на самом деле скрывается чистый прагматизм. К примеру, процессуальный институт судебного штрафа, задуманный как альтернатива уголовному наказанию без социального клейма «судимый», в реальности оказался средством сбора денежных средств для пополнения федерального бюджета и бюджета судебной власти. Для общества же нет большой разницы – судим ли человек или привлекался к уголовной ответственности. Таким образом, клеймо поблекло, но не исчезло.

Конечно, образности и примерам не всегда под силу передать сущность идеологического взаимодействия различных типов идей. Но думается, что мы идем в правильном направлении. Трудно отрицать, что теории уголовного процесса не хватает серьезных идеологических разработок в области идеологических основ процесса.

Думается, что наши разработки в области новых понятий и подходов к идеологическим основам позволили задать правильное направление. И представленные размышления внесут определенный вклад в консолидацию усилий исследователей, осознающих созидательную роль уголовно-процессуальной идеологии.

Список литературы:

1. Веллер М.И. Легенды Невского проспекта. М., 2017.
2. Поляков М.П. Несколько мыслей об идеологической сущности принципов уголовного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35).
3. Томин В.Т. Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: лекция-монография. Нижний Новгород, 2007.
4. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина и И.А. Зинченко. М., 2013.

References:

1. Veller M. I. Legendy Nevskogo prospekta. M., 2017.
2. Polyakov M. P. Neskol'ko myslej ob ideologicheskoy sushchnosti principov ugovol'nogo processa // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2016. № 3 (35).
3. Tomina V. T. Principy otechestvennogo ugovol'nogo processa kak otrasli gosudarstvennoj deyatel'nosti: ponyatie, znachenie i sistema; doktrinal'nye podhody i zakonodatel'stvo: lekciya-monografiya. Nizhnij Novgorod, 2007.
4. Ugolovnyj process. Problemnye lekciy / pod red. V. T. Tomina i I. A. Zinchenko. M., 2013.

E-mail: akonev@mvd.gov.ru

С. С. БЕЗРУКОВ,
начальник отдела научно-исследовательского центра
по исследованию проблем расследования преступлений,
доктор юридических наук, доцент
(Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации)

S. S. BEZRUKOV,
Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of the Research Center for Researching of Crimes' Investigation Problems
(All-Russia Research Institute of the Interior Ministry of the Russian Federation)

УДК 343.131

Неразрешенные идеологические противоречия в соотношении назначения и принципов уголовного судопроизводства

Unresolved Ideological Contradictions in the Ratio to the Purpose and Principles of the Criminal Proceedings

В статье обозначаются отдельные противоречия между назначением и принципами уголовного судопроизводства. Указывается на дисбаланс совокупности норм о защите прав потерпевших от преступлений и лиц, подвергаемых уголовному преследованию, в пользу последних. Предлагается скорректировать систему принципов уголовного процесса с учетом интересов потерпевшего, общества и государства.

The article identifies the individual contradictions between the purpose and principles of the Criminal Proceedings. The imbalance of a set of norms about protection of victim's rights from the crimes and persons subject to the criminal prosecution, in favor of the last ones, is indicated. It is proposed to adjust a system of the principles for the criminal procedure taking into account the interests of a victim, society and state.

Назначение уголовного судопроизводства, принципы уголовного судопроизводства, права и законные интересы потерпевшего, равенство прав сторон в уголовном судопроизводстве.

Purpose of the criminal proceedings, principles of the criminal proceedings, rights and legal interests of a victim, equality of parties' rights in criminal proceedings.

Закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) в качестве назначения уголовного судопроизводства защиты прав и законных интересов личности, обусловленная этим корректировка системы принципов уголовного процесса, как полагают некоторые процессуалисты, лишают тезис о борьбе с преступностью цели процессуальной регламентации функционирования уголовной юстиции нормативной почвы и позволяют утверждать, что в России формируется процесс нового, охранительного типа [4–5, 12].

Столь разительные изменения уголовно-процессуального закона привели, как констатирует В. А. Лазарева, к противостоянию двух тен-

денций. Сторонники одной из них настаивают на устранении гипертрофированного публичного интереса, установлении в уголовно-процессуальном законодательстве четких оснований для любого ограничения свободы личности. Приверженцы другой тенденции, демонстрирующие в ее понимании «парадигмальную инерцию», критикуют теоретические конструкции примата прав человека над любой социальной общностью, доминирование гражданского общества над государством и призывают к пересмотру значения индивидуалистических политико-правовых ценностей [13].

Смысловая нагрузка понятия «назначение уголовного судопроизводства» разъясняется

Е. Б. Мизулиной посредством сопоставления ст. 6 УПК РФ со ст. 2 УПК РСФСР, определявшей задачи советского уголовного процесса: «назначение уголовного судопроизводства» терминологически равнозначно понятию задачи уголовного процесса, однако идеологически отлично от первоочередных задач советского уголовного процесса, заключавшихся в быстром и полном раскрытии преступлений, изобличении виновных в их совершении лиц [10]. На полное устранение из УПК РФ обязанности быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных указывает и Л. А. Воскобитова [3].

В юридической литературе высказываются и противоположные суждения, касающиеся идеологических установок современного российского уголовного процесса [1, 8, 11]. Полемизировать по этому поводу можно бесконечно долго, однако полноценная реализация назначения уголовного судопроизводства, выраженного в ст. 6 УПК РФ, заключающегося не только в защите прав и законных интересов потерпевших, но и в обеспечении прав лиц, подвергаемых уголовному преследованию, возможна, как представляется, только при условии раскрытия преступления. Добиться восстановления прав и законных интересов потерпевшего, отказаться от уголовного преследования тех, кто не причастен к совершенному преступлению, можно лишь в случае установления лица (лиц), действительно совершившего (совершивших) уголовно наказуемое деяние. Иными способами обеспечить права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, преследующих абсолютно разные цели, представляющих противоборствующие стороны, попросту невозможно. Таким образом, задача раскрытия преступления, непосредственно не закрепленная ни в ст. 6 УПК РФ, ни в других нормах, незримо присутствует в уголовно-процессуальном законе, логически вытекает из отдельных его предписаний.

Представляется, что вне зависимости от криминологических подходов, менявшихся от искоренения к борьбе с преступностью, от борьбы — к государственному контролю над преступностью, в уголовном процессе должен обеспечиваться именно баланс интересов государства и личности, противоборствующих сторон, потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого). Утверждение о том, что лицо, совершившее правонарушение, должно подвергаться соответствующему виду юридической ответственности (или с учетом возможности освобождения от ответственности — правовому воздействию), в современном мире носит едва ли не аксиоматичный характер. Боремся ли мы с преступностью или контролируем ее, государство, а вместе с ним и потерпевший за-

интересованы в выявлении преступлений, установлении лиц, их совершивших, применении к таким лицам мер уголовно-правового воздействия. Иного не дано. Защита прав потерпевших от преступлений презюмирует привлечение к ответственности виновных, а следовательно, защитить (восстановить) права потерпевшего можно исключительно через раскрытие преступления и наказание виновных. Долго и плодотворно рассуждают о создании специальных фондов, из средств которых пострадавшим от преступлений будут производиться некие компенсационные выплаты даже в случаях, когда преступник не установлен, или о праве потерпевшего простить своего обидчика, но вряд ли допустимо вести речь об эффективной защите прав пострадавшего, пока преступление не раскрыто.

Не подлежит сомнению и то обстоятельство, что в правовом государстве права лиц, возможно прикосновенных к преступлению, подозреваемых и обвиняемых не могут ограничиваться чрезмерно, без реальной необходимости. Уголовное преследование лица в рамках подозрения или обвинения его в совершении преступления отнюдь не выталкивает его за пределы правового поля, позволяя произвольно игнорировать его права, свободы и законные интересы, а также считать такое лицо находящимся вне закона. Результатом размышлений о том, как одновременно обеспечить защиту и законнопослушных лиц, чьи права нарушены преступлением, и защиту тех, кто преступил закон и должен понести заслуженное наказание, может быть только предложение о паритете интересов указанных участников уголовного судопроизводства. Такой паритет или баланс интересов, несомненно, должен найти отражение как в перечне задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, так и в системе его принципов.

Ознакомление с содержанием ст. 6 УПК РФ и системой принципов, несомненно взаимосвязанных с назначением уголовного судопроизводства, со всей очевидностью демонстрирует дисбаланс данной совокупности норм. Предполагая, что в уголовном судопроизводстве в равной степени должна обеспечиваться защита прав потерпевших от преступлений и лиц, подвергаемых уголовному преследованию, законодатель перенасыщает систему процессуальных принципов положениями, со всей очевидностью направленными на отстаивание интересов подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, лишь иногда вспоминая и о потерпевшем.

Достижение цели, равно как и решение задач, поставленных перед тем или иным видом деятельности, может обеспечиваться различными

способами. Построение порядка производства по уголовным делам в строгом соответствии с принципами удерживает правоприменителя от использования возможно и эффективных, но не соответствующих закону средств установления обстоятельств преступления. В таком ракурсе цель и принципы уголовного судопроизводства представляют собой систему, получившую в теории государства и права наименование «система сдержек и противовесов». Принципы, безусловно, служат здесь сдерживающими факторами, призванными исключить малейшие злоупотребления органов уголовного преследования. Прежде всего принципы уголовного процесса выступают ориентиром, весьма четко обозначающим контуры правового поля, лишь в рамках которого законно и допустимо применение мер процессуального принуждения, ограничение конституционных прав и свобод граждан.

Но это лишь один аспект регулирующего воздействия системы принципов. Поскольку в уголовном судопроизводстве сталкиваются диаметрально противоположные (как правило) интересы противоборствующих сторон, задачи уголовно-процессуальной деятельности, а следовательно и процессуальные принципы, просто не могут формулироваться однобоко, в угоду участникам, выступающим на стороне обвинения или стороне защиты. Адекватное, соответствующее интересам потерпевшего, общества и государства отражение в законе цели и задач уголовного процесса предопределяет и существование принципов, обеспечивающих (хотя бы гипотетически) достижение и решение таких.

Несложно заметить, что подавляющее большинство принципов уголовного судопроизводства направлено на реализацию при производстве по уголовным делам прав подозреваемого, обвиняемого. Что же касается потерпевшего, то в принципах уголовного судопроизводства о нем фактически не упоминается. Тем не менее именно защита прав организаций, потерпевших от преступлений, насколько можно судить по конструкции ст. 6 УПК РФ, поставлена законодателем на первый план (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). О защите прав лиц, подвергающихся уголовному преследованию, говорится в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, т. е. во вторую очередь. Как ни странно, в формулировках принципов уголовного процесса приоритет явно отдается гарантиям интересов подозреваемых и обвиняемых.

Специалисты не раз упрекали советского законодателя, уделявшего первоочередное внимание интересам государства и общества, а равно — наказанию лиц, виновных в совершении преступлений. При этом интересы пострадав-

ших от преступных деяний защищались в меньшей степени. Кардинально изменить подобный подход должны были Конституция Российской Федерации (далее — Конституция РФ) и разработанное на ее основе уголовно-процессуальное законодательство. В соответствии с положениями Конституции РФ¹ права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, а государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52). Основной закон нашей страны также гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (ч. 1 ст. 46), право на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой в случаях, предусмотренных федеральным законом, бесплатно (1, ч. 1 ст. 48). Реализация конституционных норм в ходе уголовно-процессуальной деятельности достигается в первую очередь за счет системы принципов уголовного судопроизводства. Однако анализ образующих ее положений позволяет вполне однозначно заключить, что в УПК РФ использован подход, разительно отличающийся от конституционного: права, гарантированные Конституцией РФ каждому, обеспечиваются прежде всего подозреваемому, обвиняемому, подсудимому. О потерпевшем в статьях гл. 2 УПК РФ практически не упоминается, за исключением случаев, когда речь идет обо всех участниках уголовного судопроизводства, и не вспомнить о нем просто невозможно.

Не подлежит сомнению тот факт, что меры принуждения в уголовном процессе ориентированы на лиц, подвергаемых уголовному преследованию, права которых могут быть ограничены порой без достаточных к тому оснований или даже нарушены при производстве по уголовным делам. В правовом государстве, безусловно, в распоряжение подозреваемого (обвиняемого) должны быть предоставлены эффективные и весомые средства для защиты от уголовного преследования, опровержения доводов о его виновности в совершении преступления, в том числе с использованием квалифицированной юридической помощи. Но при этом нельзя ущемлять и интересы потерпевшего. В 2008 г. в специальном докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, посвященном защите прав потерпевших, отправление правосудия абсолютно справедливо было увязано с обеспечением прав и законных интересов потерпевшего от преступления [9]. В Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 г. вновь обращалось внимание на то, что права потерпевших от преступлений нуждаются в дополни-

¹ Конституция Российской Федерации: офиц. текст // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

тельной защите со стороны государства [6]. Тем не менее на значительное несоответствие УПК РФ в этой части требованиям гуманизма и справедливости указывается и в настоящее время [2].

В последние годы в УПК РФ был внесен ряд заметных изменений, направленных на развитие правового статуса потерпевшего. Федеральные законы «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»², «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора»³ значительно расширили права данных лиц при производстве по уголовным делам в целом, а также в рамках деятельности по исполнению приговора. Но все-таки следует констатировать, что внимание законодателя к этой процессуальной фигуре не повлекло за собой вообще никаких изменений системы принципов уголовного процесса. Сравнительный анализ прав потерпевших и обвиняемых (подозреваемых) оставляет все меньше оснований для утверждений о привилегированном положении одних и принижении статуса других. Однако обращение исключительно к положениям, закрепленным в гл. 2 УПК РФ, по-прежнему способно создать вполне однозначное впечатление о первоочередном характере защиты лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Как представляется, баланс интересов сторон обвинения и защиты, равенство прав сторон и отдельных лиц, преследующих в уголовном деле противоположные интересы, не могут обеспечиваться за счет механического надления каждого из участников одинаковым объемом правомочий. Начать необходимо с правильной расстановки приоритетов среди базовых процессуальных ценностей, к которым относятся цель, задачи и принципы. В связи с этим систему уголовно-процессуальных принципов необходимо подвергнуть корректировке, учитывающей интересы конкретного потерпевшего, а также общества и государства.

Вторая проблема, на которой хотелось бы акцентировать внимание, касается реализации назначения и принципов уголовного судопроизводства в упрощенных (сокращенных, ускоренных) производствах.

Дифференциация уголовно-процессуальной формы, как это ни удивительно, позволяет говорить о существовании в рамках УПК РФ двух, разительно отличающихся друг от друга порядков производства по уголовным делам: первый – осуществляется в строгом соответствии с современными стандартами, установленными в государстве, причисляющем себя к правовому; второй – содержит ряд вполне допустимых, по логике законодателя, отступлений от общепринятой процессуальной формы. В нашей стране параллельно существуют уголовный процесс, к которому мы стремимся, считая его, если и не идеальным, то наилучшим в настоящий момент, и уголовный процесс – прагматичный, более соответствующий возможностям правоприменительной практики. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве «облегченные» процедуры представлены особым порядком принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ), возможностью заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, что также влечет последующий отказ от полноценного судебного разбирательства (гл. 40¹ УПК РФ), и наконец, производством дознания в сокращенной форме (гл. 32¹ УПК РФ), когда существенные изъяты касаются уже не только судебного, но и досудебного производства по уголовному делу. Как средство ускорения уголовного судопроизводства следует рассматривать и прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа, появившееся после внесения в УПК РФ в июле 2016 г. очередных изменений⁴. Как совершенно справедливо заметил В. В. Кальницкий, «использование по аналогии ч. 6 ст. 108 УПК РФ для решения вопроса о причастности лица к совершению преступления и прекращения в отношении его уголовного преследования с назначением судебного штрафа напоминает имитацию "погружения" суда в существо обстоятельств дела» [7].

Общеизвестно, что разработчики УПК РФ отказались от сохранения в уголовно-процессуальном законе протокольной формы досудебной подготовки материалов, на которую в начале судебной реформы обрушилась острая критика. В то же время была предпринята попытка сокращения сроков дознания, оказавшаяся не вполне удачной. Порядок производства дознания за сравнительно небольшой период действия УПК РФ менялся неоднократно, то отдаляясь, то приближаясь к форме пред-

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: федер. закон от 28 декабря 2012 г. № 432-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6997.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора: федер. закон от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 13. Ст. 1806.

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

варительного следствия. Теперь реформаторы фактически существенно снизили стандарты доказывания, допустив не вполне процессуальные способы собирания доказательств.

Присутствие в российском уголовном судопроизводстве процедур, упрощающих досудебное производство и судебное разбирательство, приводит к ограничению таких принципов уголовного процесса, как осуществление правосудия только судом, презумпция невиновности, состязательность сторон, свобода оценки доказательств и др. Но каких-либо предписаний, допускающих подобные отступления, УПК РФ не содержит.

Мы отнюдь не выступаем против новелл уголовно-процессуального законодательства, полагая, что упрощенные производства имеют право на существование. Во многих случаях они позволяют избежать излишних формальностей, разгрузить органы предварительного расследования и суд, ускорить вынесение пригово-

ра. Однако подходить к нововведениям следует более взвешенно. Помимо того, появление таких процедур должно было отразиться и на содержании принципов отечественного уголовного процесса. В начале судебной реформы практически все специалисты говорили о необходимости максимально широкого внедрения в процесс расследования и разрешения уголовных дел презумпции невиновности, состязательности сторон, искоренения случаев выполнения судебных функций органами предварительного расследования. Почему-то впоследствии в УПК РФ появились и стали активно развиваться институты, ограничивающие реализацию этих положений в правоприменительной практике. К сожалению, идеологи реформ не сочли необходимым ни изменять базовые процессуальные нормы, ни даже ограничить сферу их действия, указав на допустимые исключения, чем заложили почву для очередных противоречий.

Список литературы:

1. *Азаров В. А.* Уголовно-процессуальная идеология и одноименная фразеология // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3.
2. *Быков В. М.* Права потерпевшего в уголовном судопроизводстве России // Российская юстиция. 2015. № 7.
3. *Воскобитова Л. А.* Проблемы понимания назначения, целей и задач современного уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений (к 90-летию со дня рождения проф. И. М. Гуткина). М., 2009. Ч. 1.
4. *Гуськова А. П.* К вопросу о современной функции уголовного судопроизводства — охранительной // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3.
5. *Гуськова А. П.* Уголовно-процессуальная форма и ее значение в становлении уголовного судопроизводства охранительного типа // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 3 (139).
6. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 год // Рос. газ. 2015. 7 мая.
7. *Кальницкий В. В.* К вопросу о процессуальной форме судебного заседания в досудебном производстве // Российская юстиция. 2017. № 3.
8. *Конев А. Н.* Идеологические основы уголовного судопроизводства России: контуры проблем и очертания концепций // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23.

References:

1. *Azarov V. A.* Ugolovno-processual'naya ideologiya i odnoimennaya frazeologiya // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 3.
2. *Bykov V. M.* Prava poterpevshego v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Rossijskaya yusticiya. 2015. № 7.
3. *Voskobitova L. A.* Problemy ponimaniya naznacheniya, celej i zadach sovremennogo ugolovnogogo sudoproizvodstva // Aktual'nye voprosy primeneniya ugolovno-processual'nogo i ugolovnogogo zakonodatel'stva v processe rassledovaniya prestuplenij (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya prof. I. M. Gutkina). M., 2009. Ch. 1.
4. *Gus'kova A. P.* K voprosu o sovremennoj funkcii ugolovnogogo sudoproizvodstva — ohranitel'noj // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 3.
5. *Gus'kova A. P.* Ugolovno-processual'naya forma i ee znachenie v stanovlenii ugolovnogogo sudoproizvodstva ohranitel'nogo tipa // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 3 (139).
6. Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii za 2014 god // Ros. gaz. 2015. 7 maya.
7. *Kal'nickij V. V.* K voprosu o processual'noj forme sudebnogo zasedaniya v dosudebnom proizvodstve // Rossijskaya yusticiya. 2017. № 3.
8. *Konev A. N.* Ideologicheskie osnovy ugolovnogogo sudoproizvodstva Rossii: kontury problem i ochertaniya koncepcij // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2013. № 23.

9. *Лукин В.* Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений: специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: [http://www.rg.ru / 2008/06/04/ doklad-dok.html](http://www.rg.ru/2008/06/04/doklad-dok.html) (дата обращения: 17.01.2018).
10. *Мизулина Е. Б.* Комментарий ст. 6 УПК РФ // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
11. *Михайлов В. А.* Конституционно-правовые основы уголовного судопроизводства. М., 2010.
12. *Михайловская И. Б.* Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства. М., 2003.
13. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. М., 2012.
9. *Lukin V.* Problemy zashchity prav poterpevshih ot prestuplenij: special'nyj doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii [Ehlektronnyj resurs]. URL: [http://www.rg.ru / 2008/06/04/ doklad-dok.html](http://www.rg.ru/2008/06/04/doklad-dok.html) (data obrashcheniya: 17.01.2018).
10. *Mizulina E. B.* Kommentarij st. 6 UPK RF // Kommentarij k Uголовно-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / отв. red. D. N. Kozak, E. B. Mizulina. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2004.
11. *Mihajlov V. A.* Konstitucionno-pravovye osnovy ugovolnogo sudoproizvodstva. M., 2010.
12. *Mihajlovskaya I. B.* Celi, funkcii i principy rossijskogo ugovolnogo sudoproizvodstva. M., 2003.
13. Uголовно-processual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: uchebnik dlya magistrrov / pod red. V. A. Lazarevoj, A. A. Tarasova. M., 2012.

E-mail: bezrukovsergeyperm@rambler.ru

Л. А. ВОСКОБИТОВА,
заведующая кафедрой уголовно-процессуального права,
доктор юридических наук, профессор
(Московский государственный университет им. О. Е. Кутафина)

L. A. VOSKOBITOVA,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of the Criminal Procedural Law
(Moscow State University named after O. Ye. Kutafin)

УДК 342

От идеологии ведомственных интересов к идеологии Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

From the Departmental Interests' Ideology to the Russian Federation Constitution's Ideology and the Criminal Procedural Codex of the Russian Federation

В статье рассматривается возможность и необходимость формирования единой идеологии уголовного судопроизводства, способной выявить реальные проблемы и недостатки, выбрать необходимые пути и средства для их устранения и определить перспективу совершенствования уголовного судопроизводства в современных условиях, а также раскрываются отдельные требования к выработке такой идеологии.

Уголовное судопроизводство, идеология, функции идеологии в современном государстве, идеология уголовного судопроизводства.

The article considers opportunity and necessity of the single criminal proceedings' ideology formation, capable of revealing the real problems and disadvantages, choose the necessary ways and means for its elimination and to determine the prospect of improvement for criminal proceedings in the modern conditions, some requirements for development of such ideology are being disclosing.

Criminal proceedings, ideology, ideology functions in the modern state, ideology of the criminal proceedings.

Постановка вопроса о необходимости определения (выработки) идеологии современного российского уголовного судопроизводства представляется весьма актуальной. Однако это требует разъяснения понятия «идеология» в современном употреблении. Известно, что данный термин был введен в конце XVIII в. французским философом, экономистом, общественным деятелем и политиком Антуаном-Луи-Клод Дестютом, графом де Траси в четырехтомнике «Элементы идеологии». Подразумевая под идеологией систему знаний о первоосновах морали, политики и права, он полагал, что ее смысл со-

стоит в том, чтобы обосновать и оправдать определенный тип организации жизни людей в обществе, сформулировать определенные принципы жизнеустройства. Эта мысль и сам термин вызвали критику уже у его современников – А. Сен-Симона и О. Конта. До настоящего времени взгляды на понятие идеологии весьма расходятся. Принципиальное различие, имеющее значение и для обсуждаемой темы, состоит в том, чтобы определить, является ли идеология системой знаний и представлений, отражающих объективные характеристики того социума, в котором она создается, или это всегда сознательно искажаемая в интересах

определенного социального слоя система навязываемых (порою ложных) представлений.

С самого начала формирования данного понятия исследователи обращали внимание на ее принципиальную ложность, поскольку идеологическая система представлений строится в интересах, как правило, одной, наиболее значимой и заинтересованной социальной группы (класса) для того, чтобы завуалировать собственные интересы в глазах всего населения и тем самым облегчить возможность их обеспечения. Одним из представителей этой критической позиции был К. Маркс, считавший, что идеология, включая широкий спектр представлений, в том числе религию, идеалистическую философию, служит на самом деле средством подчинения трудящихся господствующим классам, монополизировавшим идеологическую функцию в своих интересах [2]. Критическое отношение к идеологии, высказывавшееся ранее (А. Сен-Симон, О. Конт, Ф. Энгельс), сохраняется и в работах ряда современных исследователей (К. Манн-Хейма, Э. Фрома, Д. Истона, М. Дюверже) [3]. В связи с этим, приступая к выработке идеологии современного российского уголовного судопроизводства, следует ответить на вопрос, чья это идеология: формируется ли она ведомствами, осуществляющими правоохранительную и процессуальную деятельность, в своих интересах, чтобы оправдать свою деятельность, несмотря на имеющиеся ошибки и неудачи, низкий уровень доверия населения, критические оценки в их адрес, или это будет идеология «потребителя» результатов деятельности указанных ведомств. Общество возлагает на эти ведомства свои социально-правовые ожидания, не всегда совпадающие с интересами самих ведомств, и вправе требовать от них соответствующего этим ожиданиям качества и эффективности работы. Поэтому в целях поддержки вырабатываемой идеологии всем обществом и создания механизмов вовлечения общества в активную помощь и поддержку усилий правоохранительных и процессуальных ведомств предпочтение должно быть отдано выработке такой идеологии, которая будет ориентирована на максимальное удовлетворение интересов общества, населения и отдельных людей, ожидающих строго законных, своевременных и эффективных действий от этих органов.

Такой подход совпадает с представлениями о возможности позитивного значения идеологии, об объективной необходимости идеологии. По мнению современных исследователей, «идеология должна давать: а) объяснение, каким образом те или иные явления стали такими, каковы они есть; б) указание направления развития этих явлений (руководство к действию); в) критерии различения истины и лжи,

действенных аргументов и несущественных... Идеология имеет границы; она может быть всего лишь одним из ряда возможных комплексов идей; вера в нее может быть соотносима с объективностью при помощи аргументов, весьма отличных от ее предполагаемой истины» [4]. Применительно к разработке идеологии уголовного судопроизводства эти характеристики особенно важны. Многолетний спор о правильности модели уголовного судопроизводства, созданной в 2001 г., когда был принят Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), до сих пор не имеет решения. В среде процессуалистов отсутствует единое согласованное мнение по принципиальным вопросам, например о назначении и целях уголовного судопроизводства, задачах, которые обязаны решать различные властные субъекты процесса, о построении и назначении досудебного производства, характере и качестве познания и возможности либо невозможности установления истины по уголовному делу, о месте и роли суда в познании, обеспечении справедливости судебного разбирательства и правосудности принимаемых судом решений, о роли и качестве судебного контроля и многие иные. Над всеми этими нерешенными процессуальными проблемами возвышается конституционная социально-политическая проблема: должно ли уголовное судопроизводство обеспечивать всей своей деятельностью защиту прав человека как высшую ценность, признаваемую государством, или оно должно быть направлено исключительно на усиление борьбы с преступностью и демонстрировать обществу свою силу в достижении этой цели и свои успехи в осуществлении этой деятельности. Эти вопросы, имеющие объективное значение для построения и осуществления уголовного судопроизводства, не могут быть успешно решены без выбора идеологии. И этот выбор требуется сделать уже сейчас, потому что, не имея внятной и четко сформулированной идеологии, уголовное судопроизводство обречено на усиление кризисных явлений и бесконечное противопоставление интересов, представлений и мнений различных групп процессуалистов.

Из современных представлений об идеологии следует принять во внимание и рассуждения о функциях идеологии. К основным из них политологи относят следующие:

- 1) ориентационную, состоящую в том, что идеология может задавать определенное направление человеческой деятельности, формулировать основные цели общественного развития;
- 2) мобилизационную, поскольку идеология может выступать как непосредственный мотив

политической деятельности, побуждая все общество или отдельные социальные группы к активной политической деятельности;

3) интеграционную, обусловленную тем, что идеология способна формировать определенное единство социальной группы и создавать единое политическое сообщество;

4) коммуникативную, в силу которой современная идеология формирует систему политического общения между представителями той или иной социальной группы: она может признавать плюрализм мнений, обеспечивать процессы обсуждения разногласий и выработки консенсуса, необходимые в открытом и демократическом государстве [5].

При этом исследователи подчеркивают очень важное обстоятельство, которое нельзя не учитывать при современных разработках вопросов идеологии. Современное общество тем и отличается, что не дает над собой властвовать никому, кто бы предварительно не объяснил своих действий, кто бы не обосновал свое право на власть, кто бы не убедил большинство в значимости и ценности своего проекта, своей идеологии. Поэтому и при выработке идеологии уголовного судопроизводства уже недостаточно предлагать ее из позиции властного статуса или принадлежности к политической элите. Любая современная идеология критически оценивается социумом, может отвергаться, не приниматься или игнорироваться большинством населения или представителями иных взглядов.

В силу этого идеология уголовного судопроизводства должна демонстрировать, что она отражает объективное положение вещей и объективные характеристики уголовного судопроизводства, потому что учитывает не только усилия и успехи властных субъектов процесса, но и видит реальные проблемы, дает ответы на критику в адрес законодателя или практики со стороны различных заинтересованных групп (властных и невластных участников процесса, населения, представителей юридической науки, социологов, психологов и пр.). Объективная природа уголовного судопроизводства обусловлена тем, что преступления сопровождаются социальными отношениями с момента их возникновения до настоящего времени и рассматриваются как их неотъемлемый атрибут. Судопроизводство – это объективно необходимая и единственная форма реализации государством уголовной ответственности за совершенное преступление, призванная обеспечить правильное применение уголовного закона и позволяющая государству преодолеть презумпцию невиновности в рамках закона, не нарушая прав человека. Это обусловлено не столько идеологией, сколько объективным характером сложившихся социальных отношений в со-

временных государствах, с которыми должна считаться и современная идеология. Однако совокупность знаний и представлений об этой деятельности и понимании должного исторически менялась неоднократно, что так или иначе отражалось в ее идеологическом осмыслении. Если для инквизиционного процесса применение пыток воспринималось как нормальное явление, то современные факты применения недозволённых и тем более насильственных методов расследования признаются не только противозаконными, но и нетерпимыми идеологически: вызывают осуждение, резко снижают доверие населения к работе правоохранительных органов, порождают негативные оценки и отношение к их сотрудникам. Поэтому современная и ответственно формируемая идеология уголовного судопроизводства должна, прежде всего, объективно выявить и обозначить сложившиеся проблемы, слабые места и те явления, с которыми невозможно мириться. Такой ориентационный подход сразу же представит общественности уровень осознания реальных проблем уголовного судопроизводства разработчиками идеологии.

Выполняя мобилизующую функцию, идеология должна содержать и представления о возможности, путях и способах дальнейшего развития уголовного судопроизводства. Давая аргументированные ответы и обоснованные предложения об устранении недостатков, указываемых критиками современного уголовного судопроизводства, идеология должна принимать во внимание разнообразие мнений о путях его развития; учитывать и внятно объяснять причины и побудительные мотивы выбора тех объективно возможных средств, которые полагаются наиболее целесообразными для изменения негативных тенденций и позитивного развития или реформирования. Только идеология, интегративно учитывающая разные представления и оценки, открывающая возможность коммуникации по проблеме дальнейшего развития уголовного судопроизводства, может быть принята обществом и вызвать интерес. «Нужно уметь предложить такой идеологический проект, такую идеологию, которые приведут к согласию, которые будут конкурентоспособными, которые будут приняты» [1].

Эти положения могут быть исходными для обсуждения возможности выработки, а также для определения самого содержания современной идеологии российского уголовного судопроизводства. Множество упреков от общества, населения, участников судопроизводства, отмечающих резкое снижение профессионализма лиц, ведущих процесс, усиление тенденций обвинительного уклона, утрату навыков объективного расследования, отсутствие уважения

к правам человека при осуществлении досудебного производства и судебного разбирательства, нигилистическое отношение должностных лиц к праву и законности следует признать важным основанием необходимости внятной и системной идеологии уголовного судопроизводства, соответствующей его объективной природе, а также современным изменениям социальной среды, в которой оно осуществляется. Природа уголовно-процессуальных отношений определяется объективной необходимостью государства реагировать на преступное поведение и защищать от него общество и не зависит от идеологии. Но признание ценности правильного знания о природе уголовного судопроизводства, понимания этой природы, современных конституционных и международно-правовых рамок такой деятельности или игнорирование всего этого теорией, законодательством или практикой — это уже вопрос идеологии. Представляется, что для исправления возникшей критической ситуации с качеством уголовного судопроизводства вопрос о формировании внятной идеологии не является лишним. Она могла бы более четко определить социально-правовое назначение, процессуальные цели и задачи уголовного судопроизводства; его политико-правовую роль в обеспечении конституционных ценностей и принципов; в обеспечении верховенства такой

конституционной ценности как права человека. Одновременно идеология могла бы четко закрепить представление о том, что современное уголовное судопроизводство не может быть репрессивным инструментом в руках государства для борьбы с преступностью. Оно должно быть защитным механизмом, определяющим не только систему защищаемых социальных ценностей, но и правовые рамки возможной репрессии по отношению к конкретному человеку, допускающие ее только в пределах, указанных законом и правами человека. Выработка единой идеологии уголовного судопроизводства позволила бы устранить ведомственные противостояния и, согласовав ведомственные интересы, интересы общества и отдельных участников процесса, исключить узковедомственную идеологию. Интересы отдельного ведомства в современном правовом государстве не могут выдаваться за целеполагание всего уголовного судопроизводства. Законодателю не должны настойчиво предлагаться различного рода проекты реформ уголовного судопроизводства, откровенно направленные в пользу одного из ведомств, осуществляющих тот или иной этап процессуальной деятельности, игнорирующих системность правового регулирования, природу уголовно-процессуальных отношений, интересы иных участников процессуальной деятельности.

Список литературы:

1. Большая актуальная политическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://politike.ru/slovari/bolshaja-aktualnaja-politicheskaja-enciklopedija.html> (дата обращения: 15.01.2018).
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3.
3. Обзор точек зрения современных исследователей [Электронный ресурс]. URL: <http://politike.ru/termin/ideologija.html> (дата обращения: 15.01.2018).
4. Политика. Оксфордский толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://politike.ru/slovari/politika-oxfordskii-tolkovyi-slovar.html> (дата обращения: 15.01.2018).
5. Словарь по политологии [Электронный ресурс] / под ред. В. Н. Коновалова. URL: <http://politike.ru/slovari/slovar274.html> (дата обращения: 15.01.2018).

References:

1. Bol'shaya aktual'naya politicheskaya ehnciklopediya [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://politike.ru/slovari/bolshaja-aktualnaja-politicheskaja-enciklopedija.html> (data obrashcheniya: 15.01.2018).
2. Marks K., Ehngel's F. Soch. 2-e izd. M., 1955. T. 3.
3. Obzor toчек zreniya sovremennyh issledovatelej [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://politike.ru/termin/ideologija.html> (data obrashcheniya: 15.01.2018).
4. Politika. Oksfordskij tolkovyj slovar' [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://politike.ru/slovari/politika-oxfordskii-tolkovyi-slovar.html> (data obrashcheniya: 15.01.2018).
5. Slovar' po politologii [Ehlektronnyj resurs] / pod red. V. N. Konovalova. URL: <http://politike.ru/slovari/slovar274.html> (data obrashcheniya: 15.01.2018).

E-mail: lavosk@mail.ru

Б. Я. ГАВРИЛОВ,
 профессор кафедры управления органами расследования преступлений,
 доктор юридических наук, профессор
 (Академия управления МВД России)

B. Ya. GAVRILOV,
 Doctor of Law, Professor,
 Professor at the Department of Management
 of Crimes' Investigation by Bodies and Units
 (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343.125

Идеология формирования современного досудебного производства

Formation' Ideology of the Modern Pre-Trial Proceedings

В статье освещаются проблемные вопросы идеологии формирования современной доктрины досудебного производства, излагаются отдельные причины внесения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации многочисленных изменений, а также предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

The article highlight the problematic questions of formation' ideology of the modern doctrine of pre-trial proceedings, the separate reasons of numerous changes' introduction to the Criminal and Procedural Codex of the Russian Federation are stated, and also the proposals for the criminal procedural proceedings.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, уголовно-процессуальная политика, досудебное производство, следователь, процессуальные сроки, предъявление обвинения, протокольная форма расследования.

Criminal and Procedural Codex of the Russian Federation, criminal procedural policy, pre-trial proceedings, investigator, procedural terms, indictment, protocol form of investigation.

Говоря о формировании идеологии современного досудебного производства, следует отметить, что в период подготовки (1997–2001 гг.) проекта Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) ко второму чтению возникла необходимость реализации в уголовно-процессуальном законодательстве положений Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) в части:

– обеспечения прав и законных интересов как лиц, пострадавших от преступления, так и граждан от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения их прав и свобод;

– ограничения конституционных прав подозреваемых, обвиняемых и других участников уголовного процесса исключительно по судебному решению, что, например, способствовало резкому сокращению количества

подозреваемых, обвиняемых, заключенных под стражу в период предварительного расследования (с 450 тыс. в 1998–1999 гг. до 130–150 тыс. в 2015–2017 гг.);

– повышения эффективности уголовного судопроизводства в целом и его досудебной части в частности за счет перехода на упрощенный порядок предварительного расследования и судебного разбирательства при условии обеспечения в полном объеме прав и законных интересов их участников. К таким формам сегодня следует отнести дознание в общей форме (гл. 32 УПК РФ) и дознание в сокращенной форме (гл. 32¹ УПК РФ), досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40¹ УПК РФ), а при рассмотрении уголовных дел в суде – особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ), а также пре-

крашение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (гл. 51¹ УПК РФ).

Идеологические установления по совершенствованию уголовного производства в последующие после принятия УПК РФ годы формировались с учетом следующих факторов:

– внесенные в УПК РФ с момента его принятия многочисленные изменения не всегда носили системный характер [4];

– имели место законодательные ошибки, в выявлении которых активную роль занимает Конституционный Суд РФ при его одновременной склонности к контрреформам, которые профессор В. П. Божьев назвал «тихой революцией Конституционного Суда РФ» [1];

– не остался в стороне от контрреформ и Верховный Суд РФ в части возврата в УПК РФ института судебного доследования, проблему чего многие страны, в том числе и бывшего постсоветского пространства, давно разрешили [4].

Внесение в УПК РФ столь многочисленных изменений, в свою очередь, было обусловлено, с одной стороны, компромиссными решениями законодателя при принятии УПК РФ, с другой – отказом при подготовке его проекта ко второму чтению от реформирования отдельных процессуальных институтов, что пришлось уже делать после принятия УПК РФ, в том числе и путем внесения в него многочисленных изменений, например, исключение согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, необходимость дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа и др.

Указанные факторы вполне объясняют постановку перед законодателем, представителями юридической науки и правоприменителями задачи выработки концепции развития уголовно-процессуального законодательства и его отдельных институтов с учетом недостаточной исследованности вопросов современной идеологии уголовного судопроизводства [9].

Немаловажными для формирования идеологических основ совершенствования УПК РФ явились и результаты исследования проведенного в течение двух лет (с 1 января 2002 г.) мониторинга применения УПК РФ, в ходе которого члены рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы РФ исследовали проблемы правоприменительной практики [13].

Одновременно низкая эффективность предварительного расследования в совокупности с мониторингом мнений ученых-процессуалистов позволяет утверждать о несовершенстве многих процессуальных правил современного

досудебного производства, что наряду с выше-приведенными факторами обуславливает необходимость обсуждения вопросов развития уголовно-процессуального законодательства в контексте совершенствования в целом уголовно-правовой политики государства.

Данные вопросы обсуждались 18 ноября 2013 г. на парламентских слушаниях в Совете Федерации Федерального Собрания РФ, где с основным докладом выступал Генеральный прокурор РФ Ю. Я. Чайка [3], а также 24 июня и 23 сентября 2014 г. там же на заседаниях круглого стола¹.

В последующем активная научная дискуссия о необходимости разработки концепции досудебного производства продолжалась на «Бабаевских» чтениях в мае 2015 г. [11], на «Кутафинских» чтениях в апреле 2016 г. [12], на парламентских слушаниях в Совете Федерации 20 декабря 2016 г., 29 июля 2017 г., а также 5 апреля 2017 г. при обсуждении Дорожной карты (2017–2025 гг.) совершенствования уголовного законодательства, представленной А. Л. Кудриным.

Вопросы формирования концепции уголовно-процессуальной политики, включая досудебное уголовное производство, обсуждались на заседании круглого стола в Совете Федерации 13 декабря 2017 г. с участием заместителя Генерального прокурора РФ Н. А. Винниченко, заместителя Министра юстиции РФ А. Д. Алханова, президента Федеральной палаты адвокатов РФ Ю. С. Пилипенко, ученых-процессуалистов и практических работников МВД России, Следственного комитета РФ и других ведомств. К изложенному следует добавить, что в основе требований по реформированию досудебного производства лежат произошедшие в России за три последних десятилетия изменения в экономической и социально-правовой сферах развития государства и общества.

Таким образом, представляется возможным выделить ряд факторов, обуславливающих необходимость формирования современной доктрины досудебного производства и продолжения реформирования уголовно-процессуального законодательства с приведением ряда аргументов обоснованности, научности и прикладного характера предстоящих изменений в УПК РФ.

Во-первых, современное уголовно-процессуальное законодательство, особенно его досудебная часть, несмотря на произошедшие весьма существенные преобразования, содержит в себе немало положений УПК РСФСР 1922 и 1960 гг., в настоящее время являющихся крайне забюро-

¹ Нами были разработаны и представлены предложения по совершенствованию отдельных институтов УПК РФ.

кратизированными и чрезвычайно затратными при их недостаточной эффективности. В суд из числа возбужденных направляется ежегодно менее трети уголовных дел, а порядка 70–80 % дел (в зависимости от региона) приостанавливается производством.

Во-вторых, более двух третей изменений, внесенных в УПК РФ, обусловлены введением вновь или совершенствованием ряда институтов УПК РФ. Так, с 1 января 2013 г. действует принципиально измененное апелляционное, кассационное и надзорное производство. С 1 июня 2018 г. грядут изменения в суде присяжных. В уголовно-процессуальный закон введена норма-принцип (ст. 6¹ УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства») с последующим внесением только в нее изменений четырьмя федеральными законами.

Законодателем предприняты существенные шаги и по совершенствованию досудебного производства:

- вывод следователей из состава органов прокуратуры; дифференциация процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа; изъятие у прокурора не только права на согласование решения следователя, дознавателя, органа дознания на возбуждение уголовного дела, но и права на возбуждение им уголовного дела²;

- введение в УПК РФ впервые в качестве участника уголовного процесса начальника подразделения дознания³, а в последующем – и начальника органа дознания⁴;

- принятие нового для России процессуального института досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40¹ УПК РФ)⁵;

- возвращение в досудебное производство сокращенной формы дознания⁶, а также ряд других нововведений.

Кстати, позицию о необходимости принятия многих из этих изменений в сфере досудебного производства автор как представитель МВД России в рабочей группе при Комитете по за-

конодательству Государственной Думы РФ по подготовке УПК РФ ко второму чтению отстаивал в конце 90-х гг. XX в.

В-третьих, отвечая на явно чрезмерную критику представителей научного сообщества о низком качестве УПК РФ, мы обращаем внимание на то обстоятельство, что УПК РФ принимался в условиях компромисса.

Так, при введении в действие УПК РФ законодатель предусмотрел переходные положения в той части, что судебное санкционирование основных следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, вводилось в действие лишь с 1 января 2004 г., или через 11 лет после принятия Конституции РФ. В связи с этим Конституционный Суд РФ в постановлении от 14 марта 2002 г.⁷ признал не соответствующей Конституции РФ ст. 96 УПК РСФСР в части, предусматривающей заключение подозреваемого, обвиняемого под стражу с санкции прокурора, обязав законодателя с 1 июля 2002 г. внести изменения в уголовно-процессуальный закон (имея в виду новый УПК РФ), что и было сделано ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»⁸.

Тем самым еще до вступления УПК РФ в силу в него были внесены соответствующие изменения, установившие судебный порядок ограничения прав и свобод участников уголовного процесса.

Компромиссом со стороны законодателя являлась и редакция ст. 146 УПК РФ, предусматривающая получение согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, для пересмотра которого потребовалось пять лет (ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"»). Кстати, члены рабочей группы были категорически против указанной редакции. А по поручению руководства МВД России автор докладывал об этой проблеме Д. Н. Козаку.

Вместе с тем развитие научной мысли, складывающаяся следственная и судебная практика, признание Конституционным Судом РФ отдельных положений УПК РФ несоответствующими Конституции РФ, а также происходящие в уголовно-процессуальном законодательстве

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: федер. закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. 1). Ст. 60.

⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

⁷ По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Пустовалова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 14 марта 2002 г. № 6-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

государств бывшего СССР значительные изменения и в целом затратность и забюрократизированность уголовного процесса потребовали его совершенствования, включая формирование современной доктрины досудебного производства.

Обозначая необходимость дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства, хотелось бы внести следующие предложения:

— о пересмотре процессуальной нормы о двухмесячном сроке предварительного следствия (ч. 1 ст. 162 УПК РФ), которая воспроизводит аналогичное положение ст. 119 УПК РСФСР 1922 г., притом что уровень сложности расследования уголовных дел многократно возрос. Сегодня и правовое содержание ч. 1 ст. 162 УПК РФ не соответствует введенной в УПК РФ норме-принципу (ст. 6.1 УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда от 29 марта 2016 г. № 11-П⁹ по уголовным делам не должен превышать четырех лет. С учетом изложенного предлагается исключить из УПК РФ правило о процессуальных сроках предварительного следствия;

— об увеличении первоначального срока (два месяца) содержания обвиняемого под стражей, в который входят от 10 до 30 суток (вместо пяти суток по УПК РФ в первоначальной редакции), — для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного решения по поступившему к нему уголовному делу (ч. 1 и ч. 1.1 ст. 221 УПК РФ) и еще 14 суток — для принятия судом (судьей) в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ соответствующего решения. Это порождает ситуацию, при которой следователь после заключения лица под стражу по большинству уголовных дел сразу же готовит соответствующее ходатайство в суд. Как следствие, на 1 января 2017 г. под стражей содержались с продленным сроком свыше двух месяцев более 10 тыс. обвиняемых, или 15 % от всех находящихся под стражей. Расчеты показывают, что на подготовку ходатайств о продлении срока содержания под стражей затрачивается ежегодно труд более 2 тыс. следователей. При этом в государствах Европы первоначальный срок содержания под стражей по судебному решению составляет от 100 до 120 суток;

— о принципиальном пересмотре процессуального института предъявления обвинения. Аргументами за его отмену выступают те обстоя-

тельства, что Устав уголовного судопроизводства (1864 г.) не предусматривал данного института. В уголовном процессе он появился на основании особого наказа Санкт-Петербургского окружного суда (1887 г.), а затем и определения Высшего дисциплинарного присутствия Сената от 23 марта 1898 г. [10].

Далее, предъявление обвинения являлось на протяжении десятилетий правовым основанием допуска в уголовное дело защитника, что сегодня законодатель предусмотрел не только с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, но и с начала проверки в отношении этого лица сообщения о преступлении. Кроме того, различия в правовом статусе подозреваемого и обвиняемого сегодня нивелированы, о чем можно судить, анализируя содержание ст. 46–47 УПК РФ.

В числе других обстоятельств за отмену института предъявления обвинения выступает решение Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П: «пределы судебного разбирательства должны определяться обвинением, сформулированным в обвинительном заключении (обвинительном акте)»¹⁰.

Боле того, за 15 лет действия УПК РФ без «классического» предъявления обвинения в суд направлено более 4,5 млн уголовных дел, расследованных в форме дознания, и ни один из осужденных ни в Конституционный Суд РФ, ни в Европейский Суд по правам человека о нарушении своего права на защиту не обратился.

Сегодня прокуратурой вновь ставится под сомнение эффективность ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"», несмотря на неоднократные высказывания ученых о положительных результатах его действия [2, 7, 8]. В свою очередь, анализируя сведения о следственной работе и дознании за 2006–2017 гг. (форма № 1-Е), можно сделать вывод о том, что произошло снижение (почти в пять раз) числа оправданных судами обвиняемых, в том числе содержавшихся под стражей. Так, число подсудимых сократилось с 1 885 в 2006 г. (по делам, расследованным следователями прокуратуры) до 539 в 2017 г. (по делам, расследованным следователями Следственного комитета РФ), в том числе содержавшихся под стражей, за этот период уменьшилось число подсудимых с 954 до 219 лиц. Одновременно значительно повысился уровень надзорной деятельности прокурора за качеством расследова-

⁹ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П // СЗ РФ. 2007. № 22. Ст. 2686.

Таблица

Тренд преступности

Временной период	1980	1991	1999	2006	2010	2014	2015	2016	2017
Количество зарегистрированных преступлений (млн)	1,028	2,168	3,002	3,853	4,4 прогноз	2,166	2,388 (без КФО)	2,160	2,058

ния уголовных дел, на что неоднократно нами обращалось внимание в публикациях [4].

Предлагается также ввести в УПК РФ протокольную форму расследования, близкую по своей сущности к протокольной форме досудебной подготовки материалов. Ее основными элементами должны стать расследование в отношении конкретного лица, признавшего факт совершения преступления, при условии, что его расследование не требует производства всего комплекса следственных действий; производство по уголовному делу должно начинаться незамедлительно с момента регистрации сообщения о преступлении (без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела). При этом в УПК РФ следует предусмотреть ограничение перечня следственных действий допросом подозреваемого и потерпевшего (свидетеля факта преступления), а проведение экспертизы должно допускаться лишь в случаях ее обязательности (п. 2 ст. 196 УПК РФ). Эффективность данной формы расследования доказана многолетней практикой применения протокольной формы досудебной подготовки материалов. Так, с 1995 по 1996 г. ежегодно направлялось в суд 250–300 тыс. таких материалов.

Среди прикладных проблем совершенствования УПК РФ – избрание меры пресечения в отношении лиц, скрывшихся от органов расследования и объявленных в федеральный розыск, число которых достигает 150 тыс. в год. Сегодня возможность заочного ареста допускается, но в силу ч. 5 ст. 108 УПК РФ лишь при объявлении обвиняемого в международный розыск. Поэтому для реализации предложения о возможности заочного заключения под стражу по судебному решению объявленных в федеральный розыск обвиняемых необходим механизм, предоставляющий лицу, задержанному вне места производства расследования, право предстать в течение 48 часов перед судом по месту фактического задержания, где в ходе судебного заседания устанавливается личность задержанного и проверяется, не отменено ли решение суда о заключении данного лица под стражу. После доставления задержанного к месту производства предварительного расследования он в течение 48 час. подлежит доставлению

в суд, избравший меру пресечения, для решения вопроса об оставлении ее в силе либо изменении. Данный порядок предусмотрен уголовно-процессуальным законодательством Германии, Франции и других государств.

Однако первоочередной проблемой, требующей своего незамедлительного разрешения, является изменение процессуальных правил начала производства по уголовному делу, в том числе по причине того, что прямым негативным последствием института возбуждения уголовного дела является двукратное только за последние 10 лет снижение доли возбужденных уголовных дел (с 3,3 млн в 2006 г. до 1,78 млн дел в 2017 г., или на 1,52 млн уголовных дел меньше) при увеличении количества «отказных» материалов на 2,3 млн, что отражено в наших публикациях [4].

Прямым следствием действия института «отказных» материалов является следующее:

- ежегодно 10 млн потерпевших от совершенных в отношении них противоправных деяний не получают юридической помощи от государства в лице правоохранительных органов и судов, чем прямо нарушаются положения ст. 2 Конституции РФ;

- необоснованный вызов (ежегодно) порядка 10 млн граждан из числа пострадавших от противоправных деяний и свидетелей этого события в правоохранительные органы для дачи показаний по указанным «отказным» материалам;

- искусственное изменение «тренда» преступности, уровень которой к 2010 г. должен был достигнуть 4,4 млн преступлений в год, что затрудняет принятие государством более эффективных мер в борьбе с преступностью (табл.).

Наше предположение об изменении процессуальных правил начала производства по уголовному делу путем исключения из УПК РФ процессуальных норм (ст. 146, 148 УПК РФ) обусловлено и складывающейся с учетом решений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ судебной практикой о необходимости возбуждения самостоятельного уголовного дела. Например, в случае установления нового лица, совершившего преступление, по факту которого уже возбуждено и расследуется основное дело,

или при выявлении нового преступления лицом, в отношении которого уголовное дело было возбуждено ранее, что противоречит как непосредственно многолетней практике расследования, так и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении 55 лет норме о возбуждении дела и ч. 1 ст. 448 действующего УПК РФ, не требующей вынесения самостоятельного постановления о возбуждении уголовного дела, если оно возбуждено в отношении другого лица [5, 6].

Изложенное неоднократно озвучивалось учеными и практикующими юристами, мнения многих из них созвучны с вышевысказанными предложениями. Дело за конкретными мерами по формированию с участием законодателя, юридической общественности и правоприменителей современной доктрины досудебного производства, чему препятствует устоявшаяся в нашем сознании идеологическая установка в виде стереотипа незыблемости вышеприведенных процессуальных институтов.

Список литературы:

1. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации. М., 2010.
2. Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38).
3. Выступление Генерального прокурора РФ Ю. Я. Чайки на парламентских слушаниях в Совете Федерации РФ от 18 ноября 2013 г. на тему: «Уголовная политика в Российской Федерации: проблемы и решения» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.genproc.gov.ru> (дата обращения: 12.02.2018).
4. Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37).
5. Гаврилов Б. Я. Проблемы законодательного регулирования использования специальных знаний на этапе проверки сообщения о преступлении // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4.
6. Гаврилов Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела: нужна ли она современному российскому уголовному судопроизводству? // Публичное и частное право. 2015. № 4.
7. Гаврилов Б. Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2.
8. Ковтун Н. Н. К дискуссии об «утраченных» полномочиях прокурора. Есть ли предмет для дискуссии? // Российская юстиция. 2010. № 5.
9. Конев А. Н. Идеологические основы уголовного судопроизводства России: контуры проблем и очертания концепций // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23.
10. Макаринский П. В. Практическое руководство для судебных следователей. СПб., 1907.
11. Новая теория уголовно-процессуальных доказательств: в рамках шестых «Бабаевских чтений» // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 5.

References:

1. Bozh'ev V. P. «Tihaya revolyuciya» Konstitucionnogo Suda v уголовном процессе Rossijskoj Federacii. M., 2010.
2. Bozh'ev V. P., Gavrilov B. Ya. Konceptsiya sovershenstvovaniya dosudebnogo proizvodstva v XXI veke: mnenie nauki i praktika // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2017. № 2 (38).
3. Vystuplenie General'nogo prokurora RF Yu. Ya. Chajki na parlamentskih slushaniyah v Sovete Federacii RF ot 18 noyabrya 2013 g. na temu: «Ugolovnaya politika v Rossijskoj Federacii: problemy i resheniya» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.genproc.gov.ru> (data obrashcheniya: 12.02.2018).
4. Gavrilov B. Ya. Dosudebnoe proizvodstvo po UPK RF: konceptsiya sovershenstvovaniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2016. № 1 (37).
5. Gavrilov B. Ya. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya ispol'zovaniya special'nyh znaniy na eh tape proverki soobshcheniya o prestuplenii // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 4.
6. Gavrilov B. Ya. Stadiya vobzuzhdeniya ugovnogogo dela: nuzhna li ona sovremennomu rossijskomu ugovnomu sudoproizvodstvu? // Publichnoe i chastnoe pravo. 2015. № 4.
7. Gavrilov B. Ya. Ehfektivnost' dosudebnogo proizvodstva // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2017. № 2.
8. Kovtun N. N. K diskussii ob «utrachennyh» polnomochiyah prokurora. Est' li predmet dlya diskussii? // Rossijskaya yusticiya. 2010. № 5.
9. Konev A. N. Ideologicheskie osnovy ugovnogogo sudoproizvodstva Rossii: kontury problem i ochertaniya koncepcij // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2013. № 23.
10. Makarinskij P. V. Prakticheskoe rukovodstvo dlya sudebnyh sledovatelej. SPb., 1907.
11. Novaya teoriya ugovovno-processual'nyh dokazatel'stv: v ramkah shestyh «Babaevskih chtenij» // Vestnik Nizhegorodskoj pravovoj akademii. 2015. № 5.

12. Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты: матер. Междунар. научн.-практ. конф., посвященной 95-летию профессора Полины Абрамовны Лупинской. М., 2016.
13. Уроки реформы уголовного правосудия в России: сб. статей и материалов. М., 2006.
12. Sovremennye problemy dokazyvaniya i prinyatiya reshenij v ugovnom processe. Social'nye tekhnologii i pravovye instituty: mater. Mezhdunar. nauchn.-prakt. konf., posvyashchennoj 95-letiyu professora Poliny Abramovny Lupinskoj. M., 2016.
13. Uroki reformy ugovnogo pravosudiya v Rossii: sb. statej i materialov. M., 2006.
- E-mail: profgavrilov@yandex.ru
-

С. И. ГИРЬКО,
главный научный сотрудник,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
(НИИ ФСИН России)

S. I. GIRKO,
Doctor of Law, Professor,
Merited Researcher of the Russian Federation,
Chief Researcher
(Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia)

УДК 343

Отнесение уголовно-исполнительной системы России к категории федеральных органов исполнительной власти, наделенных в уголовно-процессуальном законодательстве России полномочиями органов дознания, и исключение из нее: идеология проблемы

Assignment of the Criminal Executive System of Russia to Category of the Federal Executive Bodies Endowed in the Criminal Procedural Legislation of Russia with Powers of Inquiry Bodies and an Exception from it: Problem's Ideology

В статье анализируются наиболее вероятные причины, идеологические соображения наделения пенитенциарной системы России уголовно-процессуальными полномочиями органа дознания, приводятся суждения о причинах и обстоятельствах ограничения таких полномочий после принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, формулируются предложения о преодолении создавшегося положения и восстановлении процессуальной компетенции органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

Идеологические подходы к изменениям в законодательстве, международные пенитенциарные стандарты, уголовно-процессуальные полномочия уголовно-исполнительной системы, ее органов и должностных лиц, пенитенциарная преступность, ее уровень и структура.

The article analyzes the most probable causes, the ideological considerations of provision of the penitentiary system of Russia by the criminal procedural powers of a body of inquiry, expresses opinions about the reasons and restrictions' circumstances of such powers after adoption the new Criminal and Procedural Codex of the Russian Federation, formulates the proposals about overcoming of created position and procedural competence' restoration of the bodies and institutions of the criminal executive system.

Ideological approaches to the changes in legislation, international penitentiary standards, criminal procedural powers of the criminal executive system, its bodies and officials, penitentiary crime, its level and structure.

Стремление разобраться в причинах, по которым в течение достаточно короткого времени уголовно-исполнительная система России (далее – УИС), в международной юридической практике именуемая пенитенциарной, была наделена полномочиями органа дознания, привело нас к определенным размышлениям и выводам.

Прежде всего, анализируя дореформенное законодательство Российской Федерации конца 1990-х – начала 2000-х гг., которое дошло до нас из времен СССР и РСФСР, невольно приходим к выводу, что несмотря на очевидное отсутствие в тот период достаточного количества нормативных правовых актов, призванных регулировать различные, в частности самые малозначительные, сферы общественных отношений, законодатель тем не менее уделил внимание тем актам, которые устанавливали общие условия ответственности за наиболее серьезные отступления от правил поведения в обществе, содержали процедуры привлечения граждан к ответственности в случаях криминального поведения и назначения им наказания, а затем и порядок отбывания наказания за совершенные преступления. Уголовное, уголовно-процессуальное и исправительно-трудовое законодательство достаточно четко расставляло акценты в сфере правового регулирования, обеспечивало значительную степень сбалансированности и свободы нормативных правовых актов от дублирования друг друга, наличия в них противоречивых правовых дефиниций.

Например, законодатель, закрепив в базовом законе пенитенциарной системы об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы¹, право учреждений, исполняющих уголовные наказания, производить в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях и порядке уголовно-процессуальные действия, регламентировал и детализировал такие полномочия в Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК) РСФСР. Поскольку данные вопросы относились к сфере правового регулирования указанного закона, то законодатель не счел возможным еще раз упомянуть их, тем самым продублировав, в Исправительно-трудовом кодексе (далее – ИТК) РСФСР, поскольку последний имел совершенно иной предмет правового регулирования: обеспечение исполнения уголовного наказания, порядок и условия отбывания наказания и применение мер исправительно-трудового воздействия к осужденным.

Аналогичным образом ситуация выглядит и с другими полномочиями пенитенциарной

системы: оперативно-розыскными. Регламентировав право их производства в базовом законе уголовно-исполнительной системы, законодатель детализировал их в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»², к сфере правового регулирования которого относятся указанные правоотношения.

Впоследствии подходы законодателя к формированию законодательных актов, да и сама юридическая техника их подготовки претерпели существенные изменения, что, к сожалению, не повлекло качественных позитивных изменений самих разрабатываемых законодательных актов.

Что же послужило законодателю основанием для наделения руководителей исправительных учреждений полномочиями начальников органов дознания?

В соответствии с п. 4 ст. 117 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР начальники исправительных учреждений и следственных изоляторов, т. е. руководители тех учреждений, в которых содержались осужденные лица, являлись органами дознания по делам о преступлениях, совершенных сотрудниками этих учреждений в связи с исполнением служебных обязанностей, а равно по делам о преступлениях, совершенных в расположении этих учреждений.

При этом в описываемый период времени: до 1 сентября 1998 г. (Указ Президента РФ «О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации»³), УИС, возглавляемая Главным управлением исполнения наказаний, относилась к органам внутренних дел и входила в структуру МВД России.

Данные современной статистики пенитенциарной преступности достаточно наглядно демонстрируют ее многоаспектность, а также ее уровень и структуру.

Согласно статистической форме отчетности о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, за период с 2012 по 2016 г. общее число всех преступлений варьируется в пределах 1 280–1 144 и выглядит достаточно нестабильным. Так, за этот период уменьшилось абсолютное количество убийств – ст. 105 УК РФ (с 26 до 16), побегов из мест лишения свободы – ст. 313 УК РФ (с 322 до 190), приобретения и сбыта наркотических средств – ст. 228 УК РФ (с 348 до 183). Некоторый рост произошел по числу совершенных преступлений,

² Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 28 июля 1998 г. № 904. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы [Электронный ресурс]: закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

связанных с дезорганизацией деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, – ст. 321 УК РФ (с 217 до 248), покушений на убийство – ст. 30, 105 УК РФ (с 3 до 8).

Характерно, что также неоднозначно уровень пенитенциарной преступности выглядел и десятилетие назад. Сведения о состоянии преступности в учреждениях УИС в период с 2002 по 2007 г. свидетельствуют о следующем количестве зарегистрированных преступлений:

– убийств (ст. 105 УК РФ): в 2002 г. – 23, 2003 г. – 11, 2004 г. – 19, 2005 г. – 21, 2006 г. – 32, 2007 г. – 31;

– преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (ст. 228 УК РФ): в 2002 г. – 166, 2003 г. – 212, 2004 г. – 125, 2005 г. – 101, 2006 г. – 184, 2007 г. – 249;

– причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ): в 2002 г. – 43, 2003 г. – 33, 2004 г. – 36, 2005 г. – 51, 2006 г. – 60, 2007 г. – 40;

– побегов (ст. 313 УК РФ): в 2002 г. – 222, 2003 г. – 158, 2004 г. – 229, 2005 г. – 277, 2006 г. – 341, 2007 г. – 298.

Разнообразной выглядит и структура преступлений, совершенных в исправительных учреждениях.

Согласно только одной выборке – электронной базе данных «Учет преступлений среди осужденных» – в течение 2016 г. в исправительных учреждениях и следственных изоляторах ФСИН России совершено 103 преступления с использованием средств мобильной связи, в том числе:

– ст. 159 УК РФ (мошенничество) – 55;

– ст. 205¹ УК РФ (содействие террористической деятельности) – 1;

– ст. 205² УК РФ (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма) – 1;

– ст. 207 УК РФ (заведомо ложное сообщение об акте терроризма) – 3;

– ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)) – 1;

– преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, – 23;

– ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) – 2;

– ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) – 9 и ряд др.

Опрошенные 2 600 сотрудников пенитенциарных учреждений о наиболее часто совершаемых в местах изоляции преступлениях указали на следующие преступления:

– преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (64 %);

– действия, дезорганизующие работу исправительных учреждений (47 %);

– тяжкие преступления против личности среди осужденных (30 %);

– побег (28 %);

– преступления небольшой тяжести среди осужденных и побои (23 %).

Вышеприведенные данные, как представляется, вряд ли отражают реальное состояние такой преступности, поскольку степень латентности этих преступлений достаточно высока. К подобным выводам пришли многие исследователи проблем пенитенциарной преступности. Данные выводы напрашиваются еще и потому, что кратным по отношению к зарегистрированным является количество преступлений, предотвращенных по результатам профилактической деятельности в учреждениях и органах УИС.

Так, по итогам 2016 г. их общее количество – с 101,4 тыс. в 2012 г. снизилось до 95,8 тыс., оставаясь все же существенным. В числе таких криминальных проявлений 1730 случаев дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, и 4 046 побегов из мест лишения свободы.

Подводя итог краткой характеристике пенитенциарной преступности, мы утвердительно отвечаем на вопрос об основных причинах наделения начальников исправительных учреждений и следственных изоляторов полномочиями органов дознания, так как они кроются именно в количестве преступлений и специфике самих пенитенциарных учреждений. Действительно, с такими преступлениями, особенно на первоначальном этапе их расследования, должны были справляться специалисты, обладающие знаниями особенностей пенитенциарных учреждений, психологии, социальных связей и взаимоотношений контингента, отбывающего наказания в таких учреждениях, навыками по расследованию преступлений в местах изоляции, а также способные оперативно и квалифицированно работать по горячим следам преступлений разной степени сложности, совершаемых лицами, отбывающими наказания, документировать их следы и вербальную информацию о происшествии. Только после этого ими принималось решение: либо проводить дознание самостоятельно, либо, после производства неотложных следственных действий, передавать материалы уголовного дела по подследственности в профильный орган расследования.

Все вышеизложенные полномочия начальников исправительных учреждений в полном объеме и охватывались статусом органа дознания, закрепленным в ч. 4 ст. 117 УПК РФ.

По нашему мнению, в данной ситуации и с учетом сформулированного выше утверждения скептики могут заявить, что всю процессуальную работу по производству дознания в уч-

реждениях уголовно-исполнительной системы с надлежащим качеством могли бы полноценно выполнять и сотрудники специализированных подразделений дознания милиции (полиции).

Вероятно, могли бы, но именно в этом случае мы сталкиваемся с идеологическими подходами законодательных органов того времени к вопросу о наделении тех или иных федеральных органов исполнительной власти и их должностных лиц уголовно-процессуальными полномочиями и компетенцией органов дознания.

Так произошло и с пенитенциарной системой. Сотрудники дознания милиции (полиции) в последние десятилетия практически всегда работали в условиях избыточной нагрузки по дознанию. Так же и по итогам 2016 г.: дознаватели полиции имели в своем производстве около 1,5 млн уголовных дел, а нагрузка на одного дознавателя при норме в 45 составила 66,6 дел. Такое же соотношение существовало и ранее. Как представляется, именно по этой причине, несмотря на то что и милиция, и уголовно-исполнительная система входили в состав органов внутренних дел, законодатель индивидуализировал их уголовно-процессуальную компетенцию, выделив дознание в исправительных учреждениях, ориентируясь при этом на качество и специфику процессуальной деятельности в пенитенциарных учреждениях, а также на соразмерное перераспределение процессуальной нагрузки, высвобождая от ее избыточности дознавателей милиции (полиции) и возлагая, адекватно специфике, на иные федеральные органы исполнительной власти, включая УИС в целом и начальников исправительных учреждений в частности.

Так, по данным официальной статистики, количество принятых решений об отказе в возбуждении уголовного дела в пенитенциарной системе составило в 2004 г. – 9 494, 2005 г. – 10 053, 2006 г. – 19 596, 2012 г. – 13 400, 2013 г. – 12 268. Иные показатели работы по расследованию в настоящее время статистически не учитываются. Как видим, в начале 2000-х гг. нагрузка по дознанию ежегодно возрастала.

Позднее указанием Генпрокуратуры России, изданным в 2013 г., начальникам пенитенциарных учреждений было запрещено принимать решения о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела. Но даже и в этих условиях начальниками учреждений и органов УИС осуществлялась процессуальная деятельность. Так, в 2014 г. во всей системе было вынесено 4 039 решений об отказе в возбуждении уголовного дела и, соответственно, в 2015 г. – 3 330, 2016 г. – 2 313.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. проводилась активная работа по совершенствованию законодательства Российской Федерации. В частности, были приняты и введены в действие с 1

июля 1997 г. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ), пришедший на смену ИТК РСФСР, а с 1 июля 2002 г. – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), заменивший УПК РСФСР. В этот же период времени велась активная работа по имплементации норм международного и европейского законодательства в российское. Пенитенциарная система, как уже говорилось выше, переместилась из Министерства внутренних дел Российской Федерации в состав Министерства юстиции Российской Федерации.

Однако этот перевод уголовно-исполнительной системы произошел не сам по себе, а был обусловлен требованиями Европейского союза.

Как отмечали авторы коллективной монографии, «в связи со вступлением России в Совет Европы важное значение приобретает работа по реализации европейских стандартов исполнения уголовных наказаний. Европейские стандарты, составляющие систему правил обращения с осужденными, закреплены в целом ряде документов, включая Европейские тюремные правила» (далее – ЕТП) [1], которые отражают основополагающие принципы и ценности, провозглашенные Советом Европы, политику европейских государств в сфере исполнения наказаний в виде лишения свободы и обращения с правонарушителями. Именно в этом документе сконцентрированы основные международные положения и стандарты, которые оказывали и оказывают свое влияние на формирование правовых конструкций, отраженных в законодательных документах Российской Федерации.

ЕТП или Рекомендация № Rec (2006) 2 Комитета министров Совета Европы государствам-членам о европейских пенитенциарных правилах, принятая 11 января 2006 г. на 952-м заседании постоянных представителей министров, например, в ст. 71 содержала конкретное указание на то, что «за пенитенциарные учреждения должны отвечать органы государственного управления, не подчиненные военному ведомству, полиции или ведомству уголовного расследования (осуществляющему уголовное преследование)» [1]. Как мы полагаем, именно это положение, перенесенное в ЕТП из других международных актов, и стало в Российской Федерации основой для требования о передаче пенитенциарной системы из МВД в Минюст России.

Так какие же изменения произошли с уголовно-процессуальной компетенцией начальников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с принятием новых кодексов?

Радикальные, если существо перемен определить коротко.

В новом УПК РФ за начальниками учреждений и органов УИС сохранилось только право на производство неотложных следственных действий по уголовным делам о преступлениях, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а также в расположении таких учреждений и органов иными лицами. Одновременно учреждения и органы УИС были исключены из перечня органов дознания.

УИК РФ, пришедший на смену ИТК РСФСР, по существу, расширив предмет своего правового регулирования, наряду с ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», регламентировал оперативно-разыскную деятельность в исправительных учреждениях, посвятив этому целый ряд специальных норм. В то же время в УИК РФ уголовно-процессуальная деятельность начальников учреждений и органов УИС не нашла отражение ни в одной правовой норме, как будто таких полномочий и не существовало. Так что же произошло?

По нашему мнению, обоснованием изменения правовой регламентации деятельности органов и учреждений УИС является то, что такой подход опирается на требования международных стандартов пенитенциарной системы.

Анализ ЕТП показывает, что данному направлению деятельности пенитенциарных учреждений значительного внимания в них не уделено, но в то же время эти правила и не свободны от него.

В частности, в ст. 55 раздела «Преступные деяния» ЕТП говорится, что «предполагаемое преступное деяние, совершенное в пенитенциарном заведении, расследуется таким же образом, что и национальным законодательством».

Очевидно, что положение, закрепленное в УПК РСФСР и наделяющее начальников исправительных учреждений полномочиями органов дознания, не вступало в противоречие с международными пенитенциарными стандартами и не требовало радикальной корректировки.

Более того, правовая норма, содержащаяся в ст. 67 раздела «Применение силы» ЕТП, а также имеющая отношение к проблематике нашего исследования, гласит, что «сотрудники других правоохранительных ведомств могут непосредственно работать с заключенными в пределах пенитенциарных учреждений только в исключительных обстоятельствах».

Возникает вопрос: а кто может работать с заключенными в пределах исправительных учреждений в обычной ситуации. Ответ на него очевиден: сами сотрудники уголовно-исполнительной системы.

Накладывая эти правовые положения ЕТП на уголовно-процессуальные полномочия по производству дознания в исправительном учреждении, несложно прийти к выводу о том, что расследование преступлений, совершенных в условиях

учреждений УИС осужденными или иными лицами, должно осуществляться самими сотрудниками пенитенциарной системы по правилам, определяемым законодательством Российской Федерации: Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Соответственно, такие процессуальные полномочия по производству дознания должны быть делегированы уголовно-исполнительной системе, в частности ее соответствующим органам и должностным лицам.

Иными словами, лишение начальников исправительных учреждений статуса органа дознания является ошибкой, допущенной законодателем, а точнее разработчиками УПК РФ, при формулировании его правовых положений, определяющих процессуальную компетенцию и перечень органов дознания, и явно противоречит стандартам ЕТП.

Более того, с учетом сегодняшнего уровня пенитенциарной преступности и необходимости противодействия ей, в том числе и процессуальными средствами, УИС остро нуждается в конкретном правовом закреплении в УПК РФ положений, касающихся подследственности органов и учреждений УИС, полномочий руководителей пенитенциарных учреждений, полноценной регламентации их статуса в качестве начальников органов дознания и приведения уголовно-исполнительной системы в целом и ее органов в частности в состояние, адекватное современным требованиям к уголовно-процессуальной деятельности исправительных учреждений, которая должна быть регламентирована также в УИК РФ. Что же касается Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года, к разработке которой приступили ученые и практические работники ФСИН России, то в ней уголовно-процессуальным проблемам и путям их решения должен быть посвящен отдельный специальный раздел.

В беседе с одним из участников рабочей группы, осуществившей подготовку УПК РФ, мы поинтересовались причинами, по которым в кодексе изменено и сужено правовое положение учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, на что он ответил, что на этом особенно настаивали представители правозащитных организаций. При этом ФСИН России в рабочей группе представлена не была и, соответственно, некому было аргументировать сохранение процессуального положения УИС и ее органов.

Так в чем же состоит идеологическая основа произошедших изменений в уголовно-процессуальном законодательстве? Полагаем, что положенная в основу изменения законодательства идея, вытекающая, к примеру, из международных стандартов, рекомендаций экспертов Европейского союза, также работавших с законо-

дательными актами, принимаемыми в России, как таковая отсутствует. В данном случае допущена ошибка, которая привела к ослаблению пенитенциарной системы, лишению ее возможности осуществления дознания в полном объеме. Вполне возможно, именно к этому и стремились защитники идеи освобождения УИС от избыточных функций. Подобные подходы сложно воспринимать в качестве идеологиче-

ской основы законодательных решений. Это не более чем популистская новелла. Важно оперативно вернуться к настоящей идеологической основе решения данной проблемы. К сожалению, УПК РФ на сегодня претерпел уже не одну корректировку. Ошибка в данном случае должна быть исправлена, процессуальный статус УИС необходимо восстановить хотя бы в пределах УПК РСФСР.

Список литературы:

1. Антипов А. Н. и др. Влияние международных правовых актов на уголовно-исполнительное законодательство России: монография. Тверь, 2015.

References:

1. Antipov A. N. i dr. Vliyanie mezhdunarodnyh pravovyh aktov na ugovovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo Rossii: monografiya. Tver', 2015.

E-mail: syvorina959134@mail.ru

О. А. ЗАЙЦЕВ,
главный научный сотрудник отдела
проблем уголовного судопроизводства,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
(Российский государственный университет правосудия)

O. A. ZAYTSEV,
Doctor of Law, Professor,
Merited Researcher of the Russian Federation,
Chief Researcher of the Department of the Criminal Justice Problems
(Russian State University of Justice)

УДК 343.1

Государственно-правовая идеология развития уголовного судопроизводства в Российской Федерации

The State Legal Ideology of the Criminal Proceedings' Development in the Russian Federation

В статье подвергаются анализу юридические источники, посвященные уголовно-процессуальной политике, обобщаются сведения о развитии теоретической мысли по данному вопросу. Особое внимание уделено имеющимся теоретическим концепциям модернизации уголовно-процессуальной политики Российской Федерации, в которых определена ее ценность, роль, назначение для права и государства. Доказывается необходимость формирования государственно-правовой идеологии развития отечественного уголовного судопроизводства и реформирования законодательства.

Идеология, уголовное судопроизводство, уголовная политика, уголовно-процессуальная политика, уголовно-процессуальное законодательство.

The article analyzes the juridical sources devoted to the criminal procedural policy; information about development of a theoretical thought on this issue is summarized. Particular attention is paid for the available theoretical concepts of modernization of the criminal procedural policy of the Russian Federation, in which its value, role, purpose for law and the state is determined. The necessity of forming the state legal ideology of the domestic criminal proceedings' development and the legislation reforming is being proved.

Ideology, criminal proceedings, criminal policy, criminal procedural policy, criminal procedural legislation.

В последние годы в нашей стране проходят многочисленные научные форумы, на которых обсуждаются проблемы российского уголовного судопроизводства. Среди них различного уровня конференции, приуроченные к 150-летию принятия Устава уголовного судопроизводства Российской империи и 15-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [17, 19, 20]. На страницах различных юридических

изданий развернулись дискуссии по поводу современного состояния и перспектив развития отечественного уголовного судопроизводства и уголовно-процессуального законодательства [9, 13, 21].

Несмотря на повышенное внимание к уголовному процессу со стороны ученых и практиков, непосредственно разработке теоретических основ уголовно-процессуальной политики нашего государства не уделяется должного вни-

мания, притом что большинство ученых отмечают отсутствие четкой концепции проведения уголовно-правовой политики в целом, основными отличительными признаками которой являются избирательность, непоследовательность, ненаучность, ангажированность [4, 14]. К числу негативных факторов современной уголовной политики относят принятие теоретически непродуманных, лишенных доктринального содержания, не соответствующих современному уровню научного развития решений в сфере борьбы с преступностью [5, 16].

Уголовно-процессуальная политика занимает одно из ключевых мест в системе уголовно-правовой политики нашего государства. Ее основное предназначение – определение стратегии, принципов, целей, задач, основных направлений деятельности правоохранительных и правоприменительных органов по выработке и применению форм реализации норм уголовного права в сфере уголовного судопроизводства. Следует отметить, что различные аспекты уголовно-процессуальной политики нашей страны разрабатывались учеными-процессуалистами как в прошлом веке, так и в начале текущего столетия [3, 6, 22]. В результате проведенных исследований были разработаны различные теоретические концепции модернизации уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Разработчики данных концепций стремились определить значение уголовно-процессуальной политики, ее ценность, роль, назначение для права и государства [15]. Ведь именно государственная власть определяет систему принципов, на которых строится все уголовное судопроизводство, процессуальный порядок привлечения лица к уголовной ответственности, круг мер процессуального принуждения, порядок назначения виновному наказания, а невиновному – реабилитации [2]. В свою очередь, средствами реализации уголовно-процессуальной политики являются законотворчество государства, правоприменение, осуществляемое властными субъектами уголовного судопроизводства, и общественное правосознание [7].

Одним из наиболее значимых исследований в постсоветское время в данном направлении является работа профессора А. И. Александрова «Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности», в которой на основе анализа истории уголовного процесса в России и особенностей уголовно-процессуальной политики в зарубежных странах разработана концепция отечественной уголовно-процессуальной политики. Автором доказывается необходимость формирования государственно-правовой идеологии, предназначенной для строительства демократического правового государства, разработки его уголовной и уго-

ловно-процессуальной политики. Особое место в книге уделено исследованию понятия, сущности и значения такой идеологии [1].

О государственно-правовой идеологии развития уголовного судопроизводства говорится и в книге профессора Б. Я. Гаврилова «Современная уголовная политика России: цифры и факты» [8]. В данной монографии показано, каким образом влияет уголовно-процессуальное законодательство на всю уголовную политику нашей страны. Автором на основе сравнительного анализа УПК РСФСР и УПК РФ были раскрыты имеющиеся правовые коллизии действующего законодательства и ведомственная разобщенность, показана реальность и мифы ряда институтов уголовно-процессуального права. Особое внимание уделено идеологии реформирования досудебного производства по уголовному делу. В частности, были сформулированы основные направления совершенствования процессуального порядка возбуждения уголовных дел, процессуальной самостоятельности следователя, института судебного следования [8].

Совсем недавно вышла в свет книга профессора И. Н. Кондрата «Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений», в которой автор показал свое видение государственно-правовой идеологии развития уголовно-процессуального права Российской Федерации. В частности, опираясь на результаты проведенного исследования, И. Н. Кондрат выделил организационные основы уголовной политики государства и сформулировал общую характеристику предметно-системных связей уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм в механизме уголовной политики. В монографии обоснована необходимость разработки концепции российской уголовной политики и совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства для того, чтобы обеспечить их соответствие с международными стандартами прав человека и безопасности, оптимизации системы принципов и содержания механизма уголовно-процессуального регулирования. Отмечено, что уголовная политика государства формируется посредством идейно-властного выражения воли органов публичной власти и ее закрепления в принципах уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Автором определены основные цели и задачи современной уголовно-процессуальной политики, указан перечень мер, направленных на ее обеспечение. Особое место в работе уделено разработке мер, направленных на дальнейшее совершенствование института уголовно-процессуальных гарантий охраны прав и свобод человека в ходе нор-

мативного правового обеспечения уголовной политики. В заключение сделан вывод о том, что в современных условиях очевидна проблема совершенствования всех элементов уголовной политики, которая потребует полномасштабного и комплексного изучения данного института, исторических закономерностей его развития и выработки научно обоснованных рекомендаций по практическому использованию накопленных знаний [12].

Тем не менее следует констатировать, что в настоящее время отсутствует государственно-правовая идеология развития российского уголовного судопроизводства, имеют место своего рода идеологические «брожения» как в отечественной науке уголовно-процессуального права, так и в законодательстве.

В частности, российская наука, призванная формировать идеологию уголовного процесса, находится под влиянием советских стереотипов относительно производства по уголовному делу. Отстаиваются убеждения относительно самобытности отечественной процессуально-правовой модели, оправдываются старые порядки судопроизводства, доминируют каноны советского мировоззрения на ведущие институты уголовного процесса. Сложившаяся в современной России новая общественно-политическая, экономическая и правовая ситуация обуславливает необходимость не только корректировки действующих механизмов правового регулирования правосудия по уголовным делам, но и существенной их модернизации по ключевым направлениям уголовно-процессуальной политики.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство также нуждается в кардинальном преобразовании. Оно опирается на многолетнюю практику советского и постсоветского развития институтов уголовно-процессуального права нашей страны. В ходе устранения многочисленных недостатков УПК РФ отмечаются хаотичность, отсутствие идеологических ориентиров, ясного понимания дальнейших перспектив развития уголовно-процессуального законодательства. Неслучайно с момента вступления в силу действующего УПК РФ принято почти 200 федеральных законов о внесении в него изменений и дополнений.

Принятые в последний период времени новации носят порой фрагментарный, а порой и противоречивый характер, что свидетельствует о том, что уголовно-процессуальное законодательство развивается обособленно от государственно-правовой идеологии. Пролетивается чрезмерное внимание к процессуальной форме в ущерб содержанию, имеет место забюрократизированность, усложнение имеющихся процедур предварительного рас-

следования и судебного разбирательства уголовного дела [11].

Среди ученых-процессуалистов нет согласия в идеологических подходах к реформированию российского уголовно-процессуального законодательства. Одни исследователи выступают за разработку и принятие абсолютно нового УПК РФ, учитывающего современные реалии политической и экономической жизни нашего государства, а также необходимость коренного пересмотра институтов уголовного процесса, сложившихся еще в советский период времени. Другие в целом поддерживают действующий УПК РФ, но призывают издать его в новой, системно переработанной редакции. Имеются предложения о возможности внесения корректив в действующее законодательство не чаще одного раза в год, чтобы правоприменитель смог успеть осмыслить состоявшиеся изменения. Третьи призывают перестать бесконечно и бессистемно реформировать уголовно-процессуальное законодательство, перейти к его стабилизации и основной акцент сделать на правоприменении.

За последнее десятилетие уголовно-процессуальная политика России претерпела значительные изменения, которые серьезным образом повлияли на судебную систему и отечественное уголовно-процессуальное законодательство. В частности, произошла реорганизация дознания, коренным образом изменились полномочия прокурора. Также существенной реформе подверглись институты применения мер пресечения, возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, прекращения уголовного преследования в отношении преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности, контрольно-проверочных производств и др.

В настоящее время возникает настоятельная необходимость теоретической разработки новой уголовно-процессуальной политики нашего государства, которая должна опираться прежде всего на основополагающие идеи Концепции судебной реформы, а также на накопленный отечественный опыт развития уголовно-процессуального законодательства. При этом следует учитывать не только имеющиеся возможности уголовно-процессуального регулирования, но и те ресурсы, которыми располагает российское государство с учетом сложившихся исторических, культурных, социальных, политических реалий [10].

Уголовно-процессуальная политика должна осуществляться комплексно, системно, без хаотичной поспешности в изменении и дополнении действующего законодательства, инициированной заинтересованными ведомствами. Следует тщательно обдумывать и теоретически обосновывать последовательность принимаемых решений в данном направлении. Необхо-

димо определить разумный баланс сочетания интересов личности и государства [18]. Гуманизация уголовно-процессуального законодательства и практики его применения позволит создать качественно новую правовую систему, в основу которой будет поставлен человек с его интересами и потребностями [1].

Список литературы:

1. Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. СПб., 2003.
2. Александров А. И. Уголовно-процессуальная политика России на современном этапе // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сб. статей по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. Н. С. Алексеева. СПб., 2015.
3. Алексеев Н. С., Даев В. Г. Уголовно-процессуальная политика Советского государства на современном этапе // Правоведение. 1977. № 5.
4. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 4.
5. Бойко А. И. Геополитика, идеология, преступность, правоохранительная деятельность // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4.
6. Бочаров В. М. Современная уголовно-процессуальная политика: проблемы и перспективы развития // Современные проблемы уголовной политики: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (1 окт. 2010 г.): в 2-х т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2010. Т. 1.
7. Володина Л. М. Проблемы уголовно-процессуальной политики // Стратегии уголовного судопроизводства: матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летней годовщине со дня рожд. проф. И. Я. Фойницкого. СПб., 2017.
8. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008.
9. Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37).
10. Дорошков В. В. Стратегия развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4.
11. Зайцев О. А. Современная уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: состояние и перспективы // Библиотека криминалиста. 2016. № 5.

В заключение следует отметить, что дальнейшее развитие уголовно-процессуального права напрямую зависит от последовательной политической воли и искреннего желания государства осуществить надлежащие преобразования во всей их полноте должного организационного и финансового обеспечения.

References:

1. Aleksandrov A. I. Ugolovnaya politika i ugolovnyj process v rossijskoj gosudarstvennosti. SPb., 2003.
2. Aleksandrov A. I. Ugolovno-processual'naya politika Rossii na sovremennom ehtape // Obvinenie i zashchita po ugolovnym delam: istoricheskij opyt i sovremennost': sb. statej po mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhd. prof. N. S. Alekseeva. SPb., 2015.
3. Alekseev N. S., Daev V. G. Ugolovno-processual'naya politika So-vetskogo gosudarstva na sovremennom ehtape // Pravovedenie. 1977. № 5.
4. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Konceptsiya ugolovno-pravovoj politiki Rossijskoj Federacii // Ugolovnoe pravo. 2012. № 4.
5. Bojko A. I. Geopolitika, ideologiya, prestupnost', pravoohrani-tel'naya deyatel'nost' // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2012. № 4.
6. Bocharov V. M. Sovremennaya ugolovno-processual'naya politika: problemy i perspektivy razvitiya // Sovremennye problemy ugolovnoj politiki: mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. (1 okt. 2010 g.): v 2-h t. / pod red. A. N. Il'yashenko. Krasnodar, 2010. T. 1.
7. Volodina L. M. Problemy ugolovno-processual'noj politiki // Strategii ugolovnogogo sudoproizvodstva: mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 160-letnej godovshchine so dnya rozhd. prof. I. Ya. Fojnickogo. SPb., 2017.
8. Gavrilov B. Ya. Sovremennaya ugolovnaya politika Rossii: cifry i fakty. M., 2008.
9. Gavrilov B. Ya. Dosudebnoe proizvodstvo po UPK RF: koncepciya sovershenstvovaniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2016. № 1 (37).
10. Doroshkov V. V. Strategiya razvitiya sovremen-nogo ugolovnogogo sudoproizvodstva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 4.
11. Zajcev O. A. Sovremennaya ugolovno-proces-sual'naya politika Rossijskoj Federacii: sostoyanie i perspektivy // Biblioteka kriminalista. 2016. № 5.
12. Kondrat I. N. Ugolovnaya politika gosudarstva i normativnoe pravovoe regulirovanie ugolovno-processual'nyh otnoshenij. M., 2015.

12. Кондрат И. Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений. М., 2015.
13. Конеv А. Н. Идеология состязательности в стадии подготовки уголовного дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43).
14. Коробеев А. И. Современное состояние уголовно-правовой политики России и проблемы действия уголовного закона во времени // Уголовное право. 2012. № 5.
15. Мальшева О. А. Уголовная политика: содержание и эффективность. Рязань, 2005.
16. Побегайло Э. Ф. О серьезных перекосах осуществления российской уголовной политики // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: матер. VII росс. конгресса угол. права / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2012.
17. Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2014.
18. Стойко Н. Г. Уголовно-процессуальная политика России: научное наследие Н. С. Алексеева и задачи современной юридической науки // Библиотека криминалиста. 2015. № 3.
19. Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI в.: матер. V Междунар. науч.-практ. конф. М., 2017.
20. 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. М., 2014.
21. Урбан В. В. Направления совершенствования правоохранительной деятельности в сфере уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43).
22. Шадрин В. С. Современная уголовно-процессуальная политика как часть правовой политики государства // Юридическое образование и наука в России: проблемы модернизации. Саратов, 2006.
13. Konev A. N. Ideologiya sostyazatel'nosti v stadii podgotovki ugolovnogogo dela k sudebnomu razbiratel'stvu v sude pervoj instancii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 3 (43).
14. Korobeev A. I. Sovremennoe sostoyanie ugolovno-pravovoj politiki Rossii i problemy dejstviya ugolovnogogo zakona vo vremeni // Ugolovnoe pravo. 2012. № 5.
15. Malysheva O. A. Ugolovnaya politika: sodержanie i ehffektivnost'. Ryazan', 2005.
16. Pobegajlo Eh. F. O ser'eznyh perekosah osushchestvleniya rossijskoj ugolovnoj politiki // Sovremennaya ugolovnaya politika: poisk optimal'noj modeli: mater. VII ross. kongressa ugol. prava / отв. red. V. S. Komissarov. M., 2012.
17. Sovremennoe ugolovno-processual'noe pravo Rossii – uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya: sb. mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Orel, 2014.
18. Stojko N. G. Ugolovno-processual'naya politika Rossii: nauchnoe nasledie N. S. Alekseeva i zadachi sovremennoj yuridicheskoy nauki // Biblioteka kriminalista. 2015. № 3.
19. Strategii razvitiya ugolovno-processual'nogo prava v XXI v.: матер. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2017.
20. 150 let Ustavu ugolovnogogo sudoproizvodstva Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva: sb. mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2-h ch. M., 2014.
21. Urban V. V. Napravleniya sovershenstvovaniya pravoohranitel'noj deyatel'nosti v sfere ugolovnogogo sudoproizvodstva // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 3 (43).
22. Shadrin V. S. Sovremennaya ugolovno-processual'naya politika kak chast' pravovoj politiki gosudarstva // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka v Rossii: problemy modernizacii. Saratov, 2006.

E-mail: nauka@mail.ru

Л. Н. МАСЛЕННИКОВА,
 профессор кафедры уголовно-процессуального права,
 доктор юридических наук, профессор
 (Московский государственный юридический университет
 им. О. Е. Кутафина)

L. N. MASLENNIKOVA,
 Doctor of Law, Professor,
 Professor at the Department of the Criminal Procedural Law
 (Moscow State Juridical University named after O. Ye. Kutafin)

УДК 343.13

Мировоззренческая основа уголовно-процессуального права: соотношение публичного и диспозитивного начал

The Ideological Basis of the Criminal Procedural Law: Ratio of the Public and Dispositive Beginnings

В статье рассматривается соотношение публичного и диспозитивного начал применительно к новой мировоззренческой основе уголовно-процессуального права. Мы призываем к пониманию публичного начала как целого, а не узковедомственного государственного. При этом государственное начало (узковедомственные интересы) не должно вытеснять диспозитивное начало, обедняя публичное начало в целом. Публичное начало определяет социальное назначение уголовного судопроизводства в обществе (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), именно поэтому его составными частями являются публичное начало и диспозитивное начало, находящееся под эгидой публичного, а не в противоречии с ним. Мы предостерегаем от желания построить идеальное соотношение публичного и диспозитивного начал, так как эта задача заранее обречена на неудачу.

Уголовно-процессуальное право, мировоззренческая основа, публичное и диспозитивное начало, государственные интересы, ведомственные интересы.

The article considers ratio of the public and dispositive beginnings with regard to the new ideological basis of the criminal procedural law. The author calls for understanding of the public beginning as a whole, not a narrow departmental. In this beginning state (the narrow departmental interests) should not displace the dispositive start, impoverishing public beginning in general. The public beginning determines a social purpose of the criminal proceedings in society (article 6 in the Criminal Procedural Codex of the Russian Federation), that's why its constituent parts are the public beginning and the dispositive beginning being under the auspices of the public, and not in conflict with it. The author warns against the desire to build an ideal balance of public and dispositive beginnings, for this task is doomed to failure in advance.

Criminal procedural law, ideological basis, public and dispositive beginning, state interests, departmental interests.

Теория уголовного процесса раскрывает несколько понятий уголовного судопроизводства, т. е. природы образующих его институтов в их условиях, обстановке и преследуемых ими целях [1]. Это, на наш взгляд, бесспорное у-

тверждение. Однако следует признать, что в последнее десятилетие данное утверждение не в полной мере воплощалось в уголовно-процессуальной науке и, соответственно, в уголовно-процессуальном праве, развитие которого по-

рой происходило и происходит без критической оценки обстановки, в которой оно развивается.

В методологии познания принято выделять три уровня познания с присущими им методами и средствами познавательного процесса. Первый уровень методологии познания – мировоззрение. Второй уровень – общенаучная методология – общенаучные принципы, подходы исследования. Третий уровень – конкретно-научная методология, т. е. совокупность методов, принципов, приемов, применяемых в уголовно-процессуальной науке.

Темой настоящего исследования является мировоззренческая основа познания уголовно-процессуального права. Научное познание всегда направлено на практическое овладение миром и невозможно без выработки учеными мировоззрения. Здесь чрезвычайно важно, какая философская система используется в качестве методологической основы научной деятельности.

На протяжении двадцатого столетия шла острая борьба между коммунистическим и буржуазным мировоззрениями. Коммунистическое мировоззрение, основу которого составляет марксизм-ленинизм, было господствующим в социалистическом обществе.

Изменения в российском обществе неизбежно повлекли за собой изменения во взглядах на мир и место человека в нем, на отношении людей к окружающей их действительности и к самим себе. Господствующее ранее в России мировоззрение для многих, по сути, утратило свою силу. Новое мировоззрение не только эту силу не обрело, но и практически пока не определилось как таковое. Отсюда возникает острая необходимость в поиске путей обновленного мировоззрения как основы познания вообще уголовно-процессуального права, составляющими которого являются публичное и диспозитивное начала, в частности.

На современном этапе развития общества проблема заключается не в том, чтобы отказаться от материалистического, исторического, диалектического понимания теории и права. Материализм, диалектика, историзм возникли еще на ранних этапах становления научного знания, последовательно разрабатывались учеными многих поколений и, по сути дела, должны присутствовать и на современном этапе. Однако проблема заключается в том, что, декларируя материалистическую диалектику в качестве методологической основы познания научных исследований в очень абстрактной и общей форме, юристы-теоретики практически не раскрывают пути применения указанного метода в процессе познания уголовно-процессуального права.

Философской основой познания уголовно-процессуальной теории выступает диалектика,

т. е. учение о наиболее общих закономерных связях, о становлении и развитии бытия и сознания (краткое изложение сути применительно к уголовному судопроизводству).

В настоящее время становится все более очевидным, что в процессе познания уголовно-процессуальных явлений (включая публичное и диспозитивное начала) простого понимания основных положений диалектики недостаточно.

В процессе познания соотношения публичного и диспозитивного начал уголовного судопроизводства, определяющего уровень отношений человека и государства в этой сфере, огромная роль принадлежит философскому основанию. Важно не противопоставлять человека и государство в публично-правовой сфере, а исходить из законных интересов, представляющих в своей совокупности интерес всего российского общества.

Публичное и диспозитивное начала уголовного судопроизводства не должны находиться в противоречии друг другу. Публичное начало (интерес всего общества и правовые средства его защиты) как целое охватывает весь процесс. Диспозитивное начало (индивидуальные законные интересы обвиняемого и потерпевшего, других заинтересованных участников и правовые средства их защиты) не противоречит публичному началу, является его составляющей. Само существование диспозитивного начала возможно лишь под эгидой (обеспечением) публичного начала.

Публичное начало в уголовно-процессуальном праве (общее начало) – это то единое, из чего возникает все многое (диспозитивное начало) и становится (остается) единым (публичным). Например, частный интерес (нежелание давать показания против близкого родственника), вытекающий из общего интереса нравственности уголовного судопроизводства, взятый уголовно-процессуальным законом под охрану путем введения в закон, приобретает характер публичного интереса.

Суть нового мировоззренческого подхода (основы) должно, по нашему мнению, составлять понимание публичного начала как целого, а не узковедомственного государственного. Государственное начало (узковедомственные интересы) не должно вытеснять диспозитивное начало, объединяя публичное начало в целом. Публичное начало определяет социальное назначение уголовного судопроизводства в обществе¹ (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), именно

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

поэтому его составными частями являются публичное начало и диспозитивное начало, находящееся под эгидой публичного и не противоречащее ему.

Важно уберечь уголовно-процессуальное право от желания выстроить идеальное соотношение публичного и диспозитивного начал, так как эта задача заранее обречена на провал. Действующее и идеальное никак не тождественно. Если попытаться свести действующее уголовно-процессуальное право к идеальной модели, то неизбежно можно прийти к построению ложной модели.

Принципиально важно не строить идеальную модель соотношения публичного и диспозитивного начал в уголовном судопроизводстве, а выявлять факторы, влияющие на подобное соотношение в определенный период развития общества и государства. Развитие уголовно-процессуального права, разработка оптимального соотношения публичного и диспозитивного начал в уголовном судопроизводстве на конкретном историческом этапе российского общества, безусловно, зависят от уровня развития гражданского общества, нравственности людей и состояния государственности.

Список литературы:

1. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. СПб., 1996. Т. I.

References:

1. Fojnickij I. Ya. Kurs ugolovnoego sudoproizvodstva: v 2-h t. SPb., 1996. T. I.

E-mail: mln1954@yandex.ru

М. П. ПОЛЯКОВ,
профессор кафедры уголовного процесса,
доктор юридических наук, профессор
(Нижегородская академия МВД России)

M. P. POLYAKOV,
Doctor of Law, Professor,
Professor at the Department of Criminal Process
(Nizhniy Novgorod Academy of the Interior Ministry of Russia)

УДК 343.1

Идеологический подход и уголовно-процессуальная концептология как инструменты познания сущности отечественного уголовного судопроизводства

The Ideological Approach and Criminal Procedural Conceptology as the Tools for Understanding the Essence of the Native Criminal Proceedings

В статье приводятся доводы, подтверждающие необходимость широкого применения идеологического подхода для исследования основ уголовного судопроизводства. Анализируются и опровергаются научные позиции, ставящие под сомнение эффективность подобного подхода. Рассматриваются возможности подхода в плане конструирования будущего уголовного судопроизводства. Предлагается обоснование нового научного направления – уголовно-процессуальной концептологии – и перспективы его применения в научных исследованиях.

Идеологический подход, идеологические основы, истина, процессуальная идеология, типология, уголовно-процессуальная концептология.

The arguments which confirming the necessity for wide application of an ideological approach for research the fundamentals of criminal proceedings are adduced in the article. Scientific positions which call to doubts effectiveness of such approach are analyzed and confuted. The opportunities of an approach in a plan of construction future criminal proceedings are considered. The substantiation of a new scientific direction is suggested – the criminal procedural conceptology and prospects of its application in the scientific researchings.

Ideological approach, ideological basics, truth, procedural ideology, typology, criminal procedural conceptology.

Наше рассуждение об идеологическом подходе к сущности уголовного процесса хочется начать с небольшого литературного отступления. В романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» мальчик проваливается под лед. К полынье сбегается толпа. Люди смотрят в темные, холодные воды, поглотившие молодую жизнь. Смотрят, сочувственно вздыхают. И вдруг в толпе раздаётся скептический возглас: «А был ли мальчик?». С тех самых пор

фраза «А был ли мальчик?» стала афоризмом, который вспоминают всякий раз, когда пытаются высказать сомнения по поводу реальности какого-нибудь явления, внезапно оказавшегося в центре внимания.

Вот и мы вспомнили этого «несчастливого мальчика» для того, чтобы создать нужную атмосферу для ряда неудобных вопросов, которые сами зададим и на которые сами же попытаемся ответить. Вопросы эти предельно просты

по форме и в тоже время весьма глубоки по своей методологической сущности.

«Букет» вопросов формируется вследствие констатации скепсиса: а есть ли он этот самый идеологический подход? Точнее, возможен ли подобный подход в принципе, если рассматривать его не как средство пропаганды и агитации, а как адекватный познавательный инструмент науки? Не является ли этот подход, на который представители Нижегородской школы процессуалистов возлагают большие исследовательские надежды и который декларируют в качестве нового научного подхода, всего лишь проявлением банального наукообразия в рамках старых привычных исследовательских схем и процедур?

Казалось бы, эти вопросы странно слышать от нас, поскольку именно нас и наших учеников сегодня упоминают среди первопроходцев и первооткрывателей идеологического подхода. И нам вовсе не хочется отказываться от этого приятного, почетного и в какой-то степени действительно заслуженного звания. Кому, как ни нам, следует сообщать миру, что этот идеологический подход существует. Кому, как ни нам, пропагандировать его, а не смущать читателей провокационными вопросами, предваренными трагическими литературными образами.

Но именно это обстоятельство, это особое трепетное чувство к идеологическому подходу, порой переходящее в любовь, и побуждает нас подвергнуть сомнению его существование и, более того, усомниться в его праве на жизнь. Мы специально ставим вопросы в такой до предела заостренной форме, чтобы через эту остроту найти точки опоры для своих дальнейших рассуждений. Почему мы это делаем? Да потому что исповедуем один из важнейших исследовательских принципов *de omnibus dubitandum* — «все подвергай сомнению», один из главных принципов философии Декарта.

Мы долго и терпеливо надеялись, что эти сомнения озвучат другие исследователи. Первые публикации наших учеников, в которых излагались методологические перспективы идеологического подхода, вышли более пяти лет назад [5]. Но научная общественность пока не особенно откликнулась на выдвинутый нами в теории идеологический подход — ни критикой, ни комплиментами.

Исключение здесь составила публикация А. Н. Конева, в которой он оценил наши первые представления об идеологическом подходе как полезные, но незавершенные и требующие дальнейшей разработки [4]. По мнению автора, «смысл идеологического подхода как раз и заключается в установке, что нужно двигаться в суть предмета дальше и глубже принципов». В рамках кандидатской диссертации общее

видение рассматриваемой в публикации проблемы обозначил и А. Ю. Шуров. Идеологический подход представляет собой своеобразную пирамиду: чем ближе к вершине, тем меньше ключевых идей. Однако для того чтобы сделать идеологический подход нормальным исследовательским инструментом, ему нужно хорошее методологическое обоснование. И это уже не уровень кандидатской диссертации. Это уровень серьезной методологической работы.

В своих последующих работах А. Н. Конев еще не раз оказал фактическую поддержку идеологическому подходу и сам продолжил его разработку на более высоком методологическом уровне. И результаты этих разработок, судя по публикациям, весьма интересные.

Но это все поддержка в рамках одной научной школы. Если же судить о праве на жизнь идеологического подхода, интерпретируя его в общем научном контексте, то можно разглядеть ряд моментов, которые являются серьезными аргументами *contra*.

Речь идет о методологических нюансах, которые при желании можно истолковать таким образом, что неизбежен станет вывод о том, что идеологический подход не только не может быть рожден, он, образно говоря, не может быть зачат. Первый довод, как ни парадоксально, вытекает из самого ключевого слова «идеология», из многозначности понятия, скрывающегося под ним; из той особой ниши, которую это понятие занимает. Возникнув изначально как понятие, обозначающее науку об идеях, или, проще говоря, о том, как человек мыслит при помощи идей, это понятие пошло дальше и шире. И, по мнению ряда исследователей, пошло не совсем в ногу с наукой. Так, по мысли известного философа А. А. Зиновьева (признанного специалиста в области методологии познания), «научный подход есть особый способ мышления и познания реальности, качественно отличный от обывательского и идеологического» [3].

Если толковать эту цитату плоско и буквально, то получается, что есть особый идеологический способ мышления, отличающийся от мышления чисто научного. И это мышление, как можно предположить, и лежит в основе идеологического подхода к действительности, как, соответственно, научное мышление в основе подхода научного. И идеологический подход не имеет права претендовать на научность и, как следствие, на способность приводить к истинному знанию.

Сделав подобные выводы, нам было бы впопору расстроиться и забросить разработку идеологического подхода. Но нельзя забывать, что мы живем в мире, где количество слов ограничено, а количество феноменов бесконечно.

Поэтому никогда не нужно смущаться и останавливаться в ситуации, когда жизненные обстоятельства нам пытаются «сказать»: «Проходите, проходите, слово уже занято».

Действительно, слово «идеология» востребовано многими отраслями и сферами. И потребителей этого слова с каждым днем становится все больше. Но подобное расширение списка пользователей всего лишь означает, что никто не имеет абсолютного права на термин «идеология». Пришло «идеологическое время», и потому слово «идеология» и производный от него термин «идеологический подход» в контексте уголовно-процессуальной науки приобретают совершенно другие значения. В названии «идеологический подход» просматривается значение скорее близкое к тому, что вложил в слово «идеология» сам его изобретатель Антуан Луи Клод Дестют де Траси в своей знаменитой книге «Основы идеологии» [2].

Называя наш подход идеологическим, мы вовсе не собираемся погружаться ни в клубки политических представлений о лучшей жизни, ни в религиозные подсказки о секретах мироустройства. Идеологический подход в нашей интерпретации означает в первую очередь определенную исследовательскую установку, нацеленность научного познания на поиск важнейших идей, программирующих ведущие уголовно-процессуальные идеологии и дающих импульс историческим проектам и эпохам судопроизводства.

Наша формула идеологического подхода не подразумевает голословную агитацию за ту или иную идеологию (что, видимо, и составляет сущность идеологического осмысления действительности в понимании А.А. Зиновьева). Наш идеологический подход не внедряет лозунги. Он извлекает на свет ключевые, «материнские» идеи. По этой телеологической мотивации наш такой подход весьма далек от идеологического способа мышления, видящего мир через призму принятых без критики идеологием, без должной рациональной рефлексии.

Идеологический подход, который предлагаем мы, является сугубо научным подходом. И такой его определитель, как «идеологический», вовсе не означает исключение строгой научности. Это именно научный идеологический подход. И призвание его как раз и заключается в том, чтобы вытеснить из уголовно-процессуальной науки ненаучный идеологический способ мышления и продвижения процедурных новаций.

Акцентирую еще раз внимание на том, что идеологический подход не означает продвижение какой-то идеологии; он подразумевает определенную направленность на предмет исследования. Идеологический подход — это

не прославление и воспевание предмета, не продвижение идеологически ангажированного проекта. Это эвристический курс на очищение образа предмета до представлений, отражающих максимально общую исходную идею в ее изначальной сущности, позволяющей в свою очередь разглядеть все ее (идеи) методологические связи и исторические предпосылки.

Именно эта идея, очищенная от бесконечных наслоений совершенствования и оптимизации, может дать представление о сущности уголовного судопроизводства, о его «природной генетике». Идеологический подход пытается предложить юридической науке новую исследовательскую традицию. Это поиск имманентности. Поиск той вечной и неуничтожимой идеологической сути, которая присуща уголовному процессу, как в некотором роде «космическому» явлению. Думается, что эта традиция поможет представителям уголовно-процессуальной науки понять, что свет существует не только в конце тоннеля, но и то, что свет был и в его начале. Бесконечная реконструкция уголовного судопроизводства, его перманентное совершенствование — таково реальное бытие процесса. И это тоже идеологически издержки, следствия неизживаемой прогрессивной мировоззренческой установки. Уголовный процесс невольно пытается походить на модельную линейку айфонов и «радовать» своих пользователей новизной, уже давно не имеющей отношения к телефонии как таковой.

Мы вовсе не против прогресса в области уголовного судопроизводства. Мы против того, чтобы в деле совершенствования судопроизводства преобразователи посягали на «несущие конструкции» и подтачивали фундамент. А для этого юридическая наука должна получить четкое представление и о фундаменте, и о несущих конструкциях, что и является ключевыми идеями, на поиск которых ориентирует исследователей идеологический подход.

Подобная направленность на поиск исходных идей ни в коей мере не может считаться исключительно нашим открытием. Она заложена в исконном духе самой науки. Похожие исследовательские тенденции легко различимы и в старых, и в современных научных текстах. У нас есть все основания для констатации факта: идеологический подход в его стихийно-интуитивном формате давно и успешно применяется к исследованию различных вопросов уголовного судопроизводства. Отыскать соответствующие примеры нам не составило особого труда, поскольку «полусознанные» попытки идеологического подхода можно встретить в научных работах представителей Нижегородской школы процессуалистов, в частности в диссертациях, подготовленных под нашим руководством.

Но, как правильно заметил А.Н. Конев (цитата приводится выше), идеологический подход может быть эффективным только при его добротной методологической разработке. И с этим невозможно поспорить. В ходе подготовки этой статьи появились новые мысли о задачах идеологического подхода, навеянные тезисами выступления А.Н. Конева о «проектной» и «истинной» идеологии уголовного судопроизводства, о «прима-концептах» и «альтер-концептах», лежащих в его основе (они опубликованы в этом номере).

Мы вдруг задумались о том, не слишком ли мала та великая отдача, которую мы ждем от идеологического подхода. «Экстумация» ключевых идей, извлечение «концептуальных» кладов – дело крайне важное. Но не менее важен и вопрос: а дальше что? А дальше должна быть битва за истинную уголовно-процессуальную идеологию, битва против вражеских идеологических проектов. Но борьба эта должна опираться не на мнения и предпочтения, а на знания об истинных «материнских» идеях, делающих уголовный процесс именно уголовным процессом, и именно отечественным уголовным процессом!

Казалось бы, что на этой высокой исследовательской ноте можно было бы и остановиться. Но как часто мы гордимся своими якобы открытиями до тех пор, пока не столкнемся с чужой мыслью, пытающейся сделать из нашего «великого открытия» – «великое закрытие». Так, увы, бывает. И бывает, может быть, к счастью. В очень хороших и добротных книгах иногда наталкиваешься на фразы, которые заставляют задуматься, по-новому развернуть предмет своих когнитивных симпатий.

Одной из таких книг является монография Е.Г. Васильевой «Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование». В этой работе автор приводит свои рассуждения об общем понятии уголовного процесса, о том, что для постижения его сущности нужны разные подходы, прокладывает незримый мостик между историческим и идеологическим подходом.

Особенно привлекает следующая мысль Е.Г. Васильевой: «Парадокс заключается в том, что понятие процесса для того, чтобы быть единым для всех его пространственно-временных форм, должно быть свободно от последних, в то время как в самом существе своем процесс обычно представляется не иначе как свод определенных туземных правил. С этих позиций процесс скорее можно представить не как совокупность реальных процедур, а лишь как некую идею, обнимающую все его воплощения (наш курсив – М. П.). Но поскольку любые идеализации, как впрочем, и абстракции, истине в принципе не релевантны, постольку и это знание не будет достоверным» [1].

Как видим, в этой цитате, с одной стороны, есть намек на особый потенциал идеологического подхода. При желании мы можем здесь увидеть четкую мысль о том, что именно этот подход способен привести ученого к универсальному понятию уголовного процесса. Именно этот подход позволит ухватить самую суть процесса. С другой стороны, Е.Г. Васильева тут же отказывает идеологическому подходу в праве на жизнь, обозначив его как непригодную для установления истины «идеализацию». Хотя прямо она об идеологическом подходе и не говорит, но легко догадаться, что предчувствие этого подхода у нее явно имеется. Кроме того, отказавшись от «идеализации», Е.Г. Васильева не вычеркнула из глобальных исследовательских задач уголовного судопроизводства задачу сведения уголовного процесса к некой всеобъемлющей идее. Она даже не сказала, что это невозможно. Была лишь обозначена высокая степень сложности.

Но, как известно, первые впечатления порой оказываются весьма обманчивыми. Это наблюдение относится не только к очарованию, но и к разочарованию тоже. Чем чаще мы возвращались к вышеприведенной цитате, тем больше понимали, что термин «идеализация» в общем смысле этой цитаты не является ругательным. Е.Г. Васильева, скорее всего, не собиралась отрицать «идеализацию» как способ познания. Она всего лишь усомнилась в том, что этот путь является стопроцентным гарантом истины. И с этим отчасти стоит согласиться. Этот путь не гарант истины, но это путь к истине.

Идеологический подход, пробираясь от идеи к идее, прокладывает дорожку к истине. Он не позволяет преодолеть пропасть, которая отделяет нас от истины в один прыжок, но он предлагает короткие и эффективные пути обхода этой пропасти. Причем идеологический подход – это не простая идеализация. Это методологически усовершенствованная идеализация, настоящий исследовательский инструмент.

Идеологический подход к сущности уголовного судопроизводства дает начало новому научному направлению, которое можно обозначить как *уголовно-процессуальная концептология*. В рамках этого направления необходимо с новых позиций изучить важнейшие теоретические темы. В первую очередь это относится к типологии уголовного судопроизводства, которая испытывает дефицит концептуального осмысления. Пристального внимания достоин лишь состязательный тип процесса. Однако и это внимание весьма одностороннее и идеологически ангажированное: сущность состязательности выводится не из агонической природы процесса, а преимущественно базируется на критике разыскных (инквизиционных) начал, понимаемых в свою очередь

весьма своеобразно. О процессах обвинительном и розыском юридическая наука знает очень мало. А ведь это неисчерпаемые культурно-исторические пласты, в которых зарождались важнейшие концепты, влияние которых на отечественный уголовный процесс до сих пор актуально.

Идеологический подход и уголовно-процессуальная концептология должны быть нацелены на устранение вредного идеологического шлейфа, который тянется за многими уголовно-процессуальными феноменами. Необходимо объективно и хладнокровно докопаться до сути неправомерно обделенных научным вниманием феноменов розыского (инквизиционного) процесса и его методологического стержня – формальной теории доказательств. Без понимания концептов, из которых выра-

стают эти феномены, мы не можем до конца постичь и суть современного уголовного процесса. Не постигнув истины розыска, мы не можем узнать и правды о состязательности. Не поняв беспристрастно состязательности, мы не предвзято не проберемся к сути розыска. Эти явления можно познать, только расшифровав концепты, на которые они опираются. Познать диалектически, в развитии и взаимодействии.

В заключение мы хотим еще раз подчеркнуть, что все доводы, которые на первый взгляд выступают против идеологического подхода, при их внимательном анализе и системной интерпретации превращаются в абсолютные доводы «за». Идеологический подход имеет право на жизнь. Идеологический подход имеет право на будущее.

Список литературы:

1. Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование: монография. М., 2013.
2. *Destyut de Trasi Antuan Lui Klod*. Основы идеологии. М., 2013.
3. Зиновьев А. А. Фактор понимания. М., 2006.
4. Конеv А. Н. Идеологические основы уголовного судопроизводства России: контуры проблем и очертания концепций // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23.
5. Шуров А. Ю. Об «идеологическом» подходе к исследованию проблем уголовного процесса и целесообразности его применения к пониманию сущности розысных начал уголовного судопроизводства // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: сб. научн. трудов / под ред. М. П. Полякова, К. М. Маштакова. Н. Новгород, 2013.

References:

1. *Vasil'eva E. G. Ugolovnyj process: dogmatiko-aksiologicheskoe issledovanie: monografiya*. M., 2013.
2. *Destyut de Trasi Antuan Lui Klod*. Osnovy ideologii. M., 2013.
3. *Zinov'ev A. A. Faktor ponimaniya*. M., 2006.
4. *Konev A. N. Ideologicheskie osnovy ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii: kontury problem i ochertaniya koncepcij* // *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*. 2013. № 23.
5. *Shurov A. Yu. Ob «ideologicheskom» podhode k issledovaniyu problem ugolovnogo processa i celsobraznosti ego primeneniya k ponimaniyu sushchnosti razysknyh nachal ugolovnogo sudoproizvodstva* // *Problemy yuridicheskoy nauki v issledovaniyah doktorantov, ad'yunktov i soiskatelej: sb. nauchn. trudov / pod red. M. P. Polyakova, K. M. Mashtakova. N. Novgorod*, 2013.

E-mail: polmihpet@rambler.ru

В. В. ТЕРЕХИН,
начальник кафедры уголовного процесса,
доктор юридических наук, доцент
(Нижегородская академия МВД России)

V. V. TEREKHIN,
Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Process
(Nizhniy Novgorod Academy of the Interior Ministry of Russia)

УДК 343.14

Идеологические нюансы формирования и применения стандарта допустимости доказательств в уголовном процессе

Ideological Nuances of Formation and Standard's Application for Evidences' Admissibility in Criminal Process

Рассматривая идеологию как социально-философскую категорию, выражающую интегративный уровень общественного сознания, а идеологемы – как лексические, эмоционально окрашенные единицы идеологии, мы обосновываем тезис об универсальном характере влияния идеологем на социум в каждой из форм общественного сознания, в том числе при формировании и применении стандарта допустимости доказательств в уголовном процессе.

Стандарт допустимости, идеология, идеологема, уголовное судопроизводство.

Considering ideology as social philosophical category expressing an integrative level of public consciousness and ideologemes like lexical, emotionally painted ideology units, the author justifies thesis about universal character of influencing of the ideologemes on society in each of the forms of public consciousness, including during formation and standard's application for evidences' admissibility in criminal process.

Standard's admissibility, ideology, ideologeme, criminal proceedings.

Фактически общепризнанным является тезис о том, что идеология представляет собой систему политических, социальных, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических идей и взглядов, продуцируемых и транслируемых политическими партиями и течениями, общественными движениями, научными школами и др. [5]. В этих идеях и взглядах адепты идеологии выражают свое мировоззрение, идеалы, цели. В идеологических штампах и клише отражаются особенности взаимоотношений власти и общества в социуме, целевые установки и интересы властных страт и групп. Вместе с тем нам близка точка зрения тех специалистов, которые определяют идеологию как социально-философскую кате-

горию, выражающую интегративный уровень общественного сознания (отражения реального жизненного процесса людей, их общественного бытия), который проявляется в формах политической, правовой, нравственной, эстетической, религиозной, философской систем, разработанных социумом и укоренившихся в нем [1]. Взаимосвязь и перманентное взаимодействие между всеми формами общественного сознания – очевидны и реализуются, в первую очередь, посредством идеологем – лексических единиц – устойчивых словосочетаний, элементов идеологии, играющих роль ее (идеологии) эмоционально окрашенных маркеров.

Идеологемы обеспечивают явное и тайное воздействие на сознание личности, приобща-

ют (по сути – кодируют) ее к соответствующей (идеологической) системе ценностей, вербуют в свои сторонники неопитов учения или даже превращают их в полноценных адептов.

Системный характер сосуществования и взаимодействия различных форм общественного сознания внутри организованного на государственных началах социума, в современных условиях мирового процесса глобализации и обостряющейся конкуренции между странами, фактически вынуждает провластные социальные страты к развитию каждой формы общественного сознания до условного среднего уровня, который позволяет обеспечить консенсус между стратами и, соответственно, обеспечить относительную стабильность существования и развития общества и государства, что является необходимым условием сохранения и приумножения благосостояния национальных властных элит. Вместе с тем развитие форм общественного сознания имеет диалектическую природу и катализируется несовпадающими, разнонаправленными, нередко взаимоисключающими групповыми интересами как внутри страт, так и между ними. Диалектическое противодействие не исключает симбиоза между про- и противвластными стратами и группами, но в любой ситуации и при любой дискурсивной практике антагонисты склонны применять те же идеологемы, что и протагонисты. Именно эти эмоционально окрашенные маркеры позволяют структурировать дискурсивные практики и транслировать соответствующую идеологию в массы, встраивать ее в общественные отношения и контекстно согласовывать с иными формами общественного сознания, в том числе в правовой форме (правосознания). Таким образом, идеологемы – это ключевой фактор формирования общественного консонанса между различными формами общественного сознания, в том числе между общественно-политической, социально-экономической формами сознания, с одной стороны, и правосознанием, правовой идеологией – с другой.

Полагаем правильным взгляд на уголовное судопроизводство не только как на механизм регулирования правоотношений в обществе и государстве, но и как на важнейший стабилизатор иерархической системы социальных страт и правоотношений в социуме, который имплицитно выражает волю и обеспечивает (в первую очередь) интересы властных элит и тех страт, которые извлекают преимущества от близости к ним. Стандарт допустимости доказательств же – не только (и не просто) квинтэссенция процессуальной формы уголовного судопроизводства, но и важнейший механизм процессуальной декодировки идеологем и структурирования дискурсивных практик, посредством которых власть обеспечивает легитимность фор-

мы судопроизводства и правосудия, правоохранительной системы и своего положения в целом.

В данном контексте утверждение о детерминированности исторического типа общественной формации, доминирующей в нем идеологии с типом системы судопроизводства и соответствующим ему стандартом допустимости доказательств (экстрактом формы судопроизводства и правовой идеологии), по сути, приобретает аксиоматическое звучание.

Поясним, под стандартом допустимости уголовно-процессуальных доказательств мы понимаем набор требований к форме доказательства, подтверждающей фактичность его содержания. Принципиально важным является не только закрепление этих требований в нормах права, но и подтверждение их легитимности практикой судопроизводства.

Стандарт допустимости доказательств составляет единое целое с формой уголовного процесса и обуславливает определенную парадигму уголовно-процессуального познания, технологию доказывания (производства) истины. Основа стандарта – это позитивное законодательство, но его интеллектуальные и морально-этические корни находятся в правовой культуре, правовой психологии и идеологии. Стандарт допустимости – это, во-первых, когнитивная структура, которая по большей части воздействует неявно на сознание правоприменителя и имеет выраженную политико-идеологическую окраску, а во-вторых – идеологически обоснованная нормативно-процессуальная технология формирования доказательств, истинности и законности приговора. Правовая идеология выступает демпфером и интегратором рациональных и эмоциональных мотивов, устремлений субъектов доказывания к обеспечению достоверности результатов уголовно-процессуального познания (предполагает отсутствие ограничений в применяемых средствах и способах познания) и этическими пропозициями относительно применяемых средств и способов познания в уголовном процессе; между стремлением к стабильности промежуточных и итоговых судебных решений и их справедливости.

Критерии оценки допустимости доказательств, как уже было сказано, находятся в единстве с определенной моделью истины и техникой его производства, т. е. образуют парадигму познания и (или) доказывания. Стандарт допустимости доказательств – это нормативное описание социального договора между обществом и государством по поводу баланса публичных и частных интересов и гарантий неприкосновенности личности и практики применения легального насилия к преступникам по основаниям, которые общественным мнением принимаются за истину. Идеологически окрашенные

дискурсивные практики законодателей и субъектов уголовно-процессуального доказывания обосновывают, оправдывают соответствующую конструкцию формы уголовного процесса и практику применения стандарта допустимости доказательств. Наблюдения последних лет за деятельностью Конституционного суда РФ в сфере уголовного судопроизводства убеждают, что в «умелых руках» идеологически мотивированных правоприменителей стандарт допустимости позволяет обеспечить удовлетворение фактически любых преследуемых интересов и целей.

Досоветские идеологемы: «помазанник Божий», «православность», «сословность» и т. п. Советские идеологемы довоенного периода: «диктатура пролетариата», «революционное правосознание», «власть советов», «буржуазный элемент» и т. п. Идеологемы позднесоветского периода (догматично утверждали главенство марксистско-ленинской идеологии в ст. 6 Конституции СССР): «КПСС — руководящая и направляющая сила советского общества», «передовая советская наука», «социалистическая законность», «объективная истина» и т. п. Отметим, что личностный опыт убеждает в закономерности весьма длительного сохранения в индивидуальном и массовом сознании идеологем предшествующей идеологии, даже в условиях агрессивного внедрения новой идеологии.

В праве идеологемы имеют нормативно-позитивное выражение, в том числе и на уровне норм-принципов. Основное их «достоинство» и ключевая характеристика — эмоциональная окрашенность, благодаря которой они способны глубоко укорениться в сознании и пролонгировано воздействовать на поведение индивидов в практиках уголовного или любого другого судопроизводства. Так, в результате судебной реформы 1864 г. состоялся принципиальный отказ от идеи формальной оценки доказательств в пользу оценки доказательств на основе свободы внутреннего судейского убеждения. Однако в нормах Устава уголовного судопроизводства (УУС) сохранился целый ряд формальных ограничений, основывавшихся на предыдущем (формальном) стандарте допустимости доказательств и сопутствовавшей ей идеологии. Так, отдельные источники свидетельских показаний являлись недопустимыми по мотивам национальной, религиозной, сословной принадлежности. В Уставе уголовного судопроизводства (ст. 93–96) нормативные ограничения препятствовали свидетельствовать под присягой отлученным от Церкви, лицам духовным, малолетним (не достигшим 14 лет), раскольникам (по делам единоверцев, обратившихся в православие), иудеям, принявшим христианство (по делам бывших единоверцев), лишенным всех прав состояния и т. д. Также пореформен-

ный стандарт допустимости не позволял привлекать к участию в следственных и (или) судебных действиях членов царской фамилии, иначе как по их желанию [6].

Советский уголовный процесс ведет отсчет от 22 ноября 1917 г. — дня, когда был издан первый декрет Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР «О суде». Провозгласив намерение «Упразднить донные существующия общія судебныя установления..., заменяя все эти установления судами, образуемыми на основании демократических выборов», новая власть дала старт масштабной реформе всего уголовного судопроизводства, в которой важнейшую роль были призваны сыграть требования к допустимости доказательств, легальность и легитимность которых обеспечивалась новой идеологией и имманентными ей идеологемами. Уже во втором декрете «О суде» от 7 марта 1918 г. (ст. 14) утверждалось отсутствие каких-либо формальных препятствий для суда при решении вопроса о допуске тех или иных доказательств. Требования к суду руководствоваться соображениями справедливости и не ставить во главу угла формальные предписания законов при разрешении уголовных дел сохранились в ст. 36 второго декрета о суде. Одновременно декретные нормы позволяли осуществлять производство по уголовным делам по правилам Судебных уставов 1864 г. в той их части, которая не противоречила революционному правосознанию и интересам новой власти. При этом конкретные критерии формального характера к отдельным источникам доказательств в нормах Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) РСФСР 1922 г. фактически не было. Такой подход подтверждался и иными нормативно-правовыми актами, являвшимися источниками нового, советского уголовно-процессуального права, правосознания и правовой идеологии. Так, ст. 24 положения «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», утвержденного декретом ВЦИК от 21 октября 1920 г., содержала норму об отсутствии каких-либо критериев формального характера, которыми суду следует руководствоваться при решении вопроса о допуске того или иного доказательства.

Вместе с тем первый УПК РСФСР окончательно легализовал фактически сложившиеся к тому времени две формы судопроизводства:

- 1) обычную (применявшуюся народными судами);
- 2) трибунальную, реализовывавшуюся трибуналами и следователями, при них состоявшими¹.

¹ Постановление Революционного Военного Совета Республики. О революционных военных трибуналах [Электронный ресурс]. (Положение) // Исторические материалы. URL: <http://istmat.info/node/35836> (дата обращения: 10.10.2017).

Для каждой из вышеприведенных форм судопроизводства советский законодатель предусмотрел и идеологически обосновал свой стандарт допустимости. Трибунальный порядок судопроизводства регулировали нормы отдела 4 УПК РСФСР 1922 г. Несмотря на то, что в трибунал направлялись уголовные дела о наиболее опасных преступлениях, наличие обвинителя и защитника не было обязательным условием проведения процесса. Даже в тех случаях, когда обвинитель присутствовал в процессе, у трибунала сохранялось право, предусмотренное ст. 416, не допустить к участию в защите «любое из формально правомочных на то лиц, если трибунал признает данное лицо несоответствующим для выступления по данному делу в зависимости от существа особого характера дела». Производство предварительного следствия, по общему правилу, являлось обязательным по делам данной категории. Однако следователи, состоявшие при ревтрибуналах, были вправе (при ясности дела или в случае признания вины «преступником») направить имеющиеся материалы в трибунал без производства расследования либо ограничиться проведением отдельных следственных действий. В ходе подготовки к судебному заседанию ревтрибунал определял список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание. Свидетели, показания которых имелись в деле и не вызывали сомнений в своей правдивости и (или) достоверности, могли не вызываться в судебное заседание, а их показания суду достаточно было огласить для использования в обосновании итогового решения. В ходе судебного следствия трибунал был вправе прервать, прекратить допрос свидетеля в любой момент, как только сочтет установленными интересующие его обстоятельства. Так, Председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии Ф. Э. Держинский, являясь свидетелем обвинения по уголовному делу «левых эсеров», не вызывался в судебное заседание по ходатайству государственного обвинителя. Н. В. Крыленко заявил суду, что показания Ф. Э. Держинского имеются в деле и подвергать его допросу в судебном заседании нет надобности [2]. Также трибунал имел право приобщать и оглашать в судебном заседании любые документы, отсутствовавшие в деле. При постановлении приговора трибунал имел законное право обосновывать свои решения любыми предметами, документами, показаниями — как озвученными в судебном заседании, так и «не прозвучавшими», не исследованными в судебном заседании с участием сторон.

По нашему мнению, имплицитным действием идеологом объясняется феномен высокого процента оправдательных приговоров в 30–50 гг. XIX в. (10–13 %), в период наибольшего размаха

репрессий, которые не смогли вытравить из судеб (носителей революционного правосознания) ощущение инстинствования — совершенного причастия истине новой советской идеологии. В приведенных примерах проявляется нелинейность действия идеологом, позволяющих исключительно гибко обосновывать, объяснять, оправдывать в глазах социума фактически любые конструкции законодателя и то, каким образом их реализует правоприменитель.

Отметим, что некоторые из советских идеологов все еще живы в отечественной уголовно-процессуальной парадигме, несмотря на состоявшийся отказ от советской идеологии в нормах позитивного законодательства [3]. Концепция объективной истины предполагает следственную модель доказательства и его свойства допустимости. Институт допустимости доказательств в следственном по типу уголовном процессе — это следственный (он же — формалистский) способ ограничения односторонне-публичного доминирования (перманентно стремящегося к произволу) властных, публичных участников процесса; защита прав и интересов иных участников процесса посредством казуистичной процедуры доказывания. Следственный стандарт, подкрепляемый идеологией контроля над или за преступностью, не способен исключить произвол (пусть и в «мягких» формах) в принципе, но способен маскировать и сглаживать его. В следственном процессе фундаментальным свойством является неравенство между официальным субъектом доказывания (государством) и неофициальным (частным лицом), а стандарт допустимости идеологически обосновывает, посредством идеологом «законности» «приоритета контроля за преступностью и государственных интересов в сфере правопорядка над правами личности» и т. п., справедливость данного неравенства и априорную правильность результатов досудебного доказывания.

Современные идеологемы: «демократическое, правовое государство», «права человека», «рыночная экономика», «свобода личности», «состязательность и справедливость судопроизводства» и т. п., имеют нормативное выражение и в конституционных нормах, и в отраслевых. В состязательной процедуре судебного доказывания «допустимость» — идеологема, которая идеологически оправдывает соответствующий вариант разрешения уголовно-правового спора, т. е. легализует, легитимизирует судебную истину и состязательный путь к ней. Состязательный тип судопроизводства является наиболее справедливым. Данный тезис уже не вызывает сомнений у социума в своей правоте. Но он действительно настолько рационален, что приобрел аксиоматическое звучание, или же его убедительность есть результат воздействия на обще-

ственное сознание соответствующего дискурса (по сути – правовой идеологии), структурированного посредством идеологом?

Стандарт допустимости доказательств приобрел значение главной процессуальной гарантии в системе фундаментальных правовых институтов любого типа судопроизводства. Первоочередным из них (и в идеологическом плане) является институт судебной власти. Для состязательного судопроизводства критически важным является институт независимого суда: нет его – нет и той силы, которая по справедливости применяет стандарт допустимости при формировании фактов. Может ли суд быть независимым в отсутствие детерминирующих его независимость институтов гражданского общества? Являются ли независимыми сами институты гражданского (открытого) общества? Поставленные вопросы отнюдь не риторические. Недостаток отечественной научной, процессуальной парадигмы заключается в поверхностном знакомстве с методологическими и этическими основаниями состязательного типа судопроизводства, реализуемого в странах Запада (ведущих и ведомых, в том числе и бывших участниках концлагеря), и предпринимаемых попытках механистического заимствования отдельных норм или целых процессуальных институтов. Ликвидация обозначенного пробела вряд ли возможна без проникновения в глубинную суть идеологии Запада (многоликой и разновекторной), ознакомления и критического, рефлексивного осмысления литературных произведений авторов, ее популяризирующих, и проведения подробной научно-практической дискуссии по вышеприведенным вопросам.

До середины прошлого века национальные правовые системы, и прежде всего суды, были ареной применения внутренних правовых норм. Сегодня, в эпоху постиндустриального, информационного общества, суды, а также иные правоохранительные органы и их должностные лица вовлечены в многоуровневую и многослойную систему коллективной деятельности, где исполняют свою функцию в условиях многосоставного набора ценностей и норм, гораздо более сложного по своей структуре, чем тот, с которым сталкивались в прошлом [4]. Механизмы межнационального координирования преодолели национально-государственные модели и сняли ограничения с внутренних правовых систем, породив невиданные ранее по размаху процессы имплементации правовых норм и институтов, теснейшим образом взаимообусловленные с политико-экономическими процессами межгосударственного взаимодействия. Все активнее действуют надгосударственные органы правосудия, оказывающие серьезное корректирующее влияние на национальное законодательство и прак-

тику его применения. Логика развития межгосударственных отношений вынуждает вступать в договорные отношения и придерживаться тех правил, которые соответствуют идеологическим установкам государств, регулирующих основы межгосударственного взаимодействия посредством учреждения различных конвенций, пактов, договоров. Важнейшим из данных актов является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Вместе с тем нарастают и все больше обостряются межгосударственные противоречия в сфере экономики и политики. Ключевое значение в условиях продолжающейся судебной реформы имеет дилемма, возникшая в отношениях с Западом в сферах применения норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и исполнения решений Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). По мнению одних специалистов, конвенционные нормы обязательно должны стоять во главе источников отечественного уголовно-процессуального права, другие – соглашались с позицией Конституционного Суда РФ, сформулированной в постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П². Полагаем, что данная дискуссия носит выраженный идеологический характер и с точки зрения обережения национальных интересов имеет однозначный ответ. Как правильно установил Конституционный Суд РФ в постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П, общность идеологием, даже таких, как «справедливость», не означает тождества идеологий.

Вместе с тем принципиально важно обеспечить легитимность судебных решений не только для социума, но и для участников международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства с точки зрения соблюдения конвенциональных норм. Данная задача весьма непростая, учитывая возрастающую активность ЕСПЧ в вопросах оценки допустимости действий публичных органов и должностных лиц при осуществлении уголовного преследования. Принимая во внимание многочисленность, универсальность и разнонаправленность решений ЕСПЧ относительно допустимости действий, решений (и соответственно форми-

² По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П. Доступ из информационно-правового портала «Гарант».

руемых в уголовном процессе доказательств) по делам «Шенк против Швейцарии», «Ваньян против России», «Мирилашвили против России», «Матыцина против России», «Ходорковский и Лебедев против России», можно увидеть не только коллизии в некоторых решениях, в том числе с нормами национального уголовно-процессуального права, но и дополнительные возможности достижения целей уголовного процесса посредством корректировки действующего стандарта допустимости, ссылаясь на те же решения ЕСПЧ. Например, норма постановления Пленума ВС РФ от 31 октября 1995 г. № 8, декларирующая в качестве критериев допустимости законность источников и субъектов доказывания, способов формирования и формы закрепления доказательств и существенно осложняющая процесс формирования доказательств в досудебной части судопроизводства (фактически полностью подтвержденная в постановлении Пленума ВС РФ «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»³), не может иметь обязательный императивный характер для национальных судов в ряде ситуаций (например, когда допущенные нарушения не повлияли на реализацию заинтересованными участниками «права на защиту»), поскольку ЕСПЧ в своих решениях требует обращать внимание не на дискретное нарушение нормы, а на возможность реализации права на защиту в ходе справедливого судопроизводства, в том числе после допущенного нарушения («Шенк против Швейцарии»). Решения ЕСПЧ имеют значимый потенциал в случае правильного (с идеологической точки зрения) их примене-

ния в дискурсивных практиках отечественными правоприменителями. Именно это и продемонстрировал Конституционный Суд РФ в вышеупомянутом постановлении.

В доктринально-методологическом аспекте для идеологической оптимизации формирования и применения действующего стандарта допустимости в отечественном уголовном процессе мы полагаем возможным обратить внимание на оригинальную концепцию «власти-знания», разработанную Мишелем Фуко, которую он противопоставляет всем существующим концепциям – и марксистской, и либерально-буржуазным. По его мнению, власть (а стандарт допустимости – несомненно властный ресурс) перестает быть «собственностью» того или иного класса, которую можно «захватить» или «передать». Власть не локализуется в одной только надстройке, в государственном аппарате, но распространяется по всему «социальному полю», пронизывает все общество, охватывая как угнетаемых, так и угнетающих. Власть осуществляет репрессивную и идеологическую, познавательную функции. Никакое знание, отмечает М. Фуко, не формализуется без системы коммуникаций, которая сама по себе уже есть форма власти. Никакая власть не осуществляется без добывания, присвоения, распределения и сокрытия знания. По мнению М. Фуко, с которым мы согласны, отношения между знанием и властью выражает формула: «Власть устанавливает знание, которое, в свою очередь, выступает гарантом власти» [7].

В данном контексте, стандарт допустимости, аккумулирующий и распределяющий доказательственную информацию (знание) в уголовном процессе, будет выступать либо опорой власти – в случае формирования справедливого судопроизводства, либо «подтачивать» ее (власть) – обнажая несоответствие процессуальных (властных) решений ожиданиям и представлениям социума, относительно справедливого-правильного-знаниевого.

³ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список литературы:

1. Келле В.Ж. Формы общественного сознания. М., 1959.
2. Кутафин О.Е. Судебная власть в России: история, документы: в 6-ти т. М., 2003. Т. 5.
3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу [Электронный ресурс]: законопроект № 440058-6 // Официальный сайт Государственной думы РФ. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(SpravkaNew\)?OpenAgent&RN=440058-6&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(SpravkaNew)?OpenAgent&RN=440058-6&02). (дата обращения: 17.11.2017).

References:

1. Kelle V. Zh. Formy obshchestvennogo soznaniya. M., 1959.
2. Kutafin O. E. Sudebnaya vlast' v Rossii: istoriya, dokumenty: v 6-ti t. M., 2003. T. 5.
3. O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v svyazi s vvedeniem instituta ustanovleniya ob"ektivnoj istiny po ugolovnomu delu [Elektronnyj resurs]: zakonoproekt № 440058-6 // Oficial'nyj sayt Gosudarstvennoj dumy RF. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(SpravkaNew\)?OpenAgent&RN=440058-6&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(SpravkaNew)?OpenAgent&RN=440058-6&02). (data obrashcheniya: 17.11.2017).

4. *Пиана Д.* Снова к разнообразной Европе: изменение судебного управления путем внедрения стандартов // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В. В. Волкова. М., 2012.
5. *Райзберг Б. А.* Современный социоэкономический словарь. М., 2012.
6. *Терехин В. В.* Допустимость доказательств в уголовном процессе: методологический, правовой, этический аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016.
7. *Фуко М.* Археология знания [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/fuko_mishel/arheologiya_znaniya.html (дата обращения: 17.11.2017).
4. *Piana D.* Snova k raznoobraznoj Evrope: izmenenie sudebnogo upravleniya putem vnedreniya standartov // Kak sud'i prinyimayut resheniya: ehmpiricheskie issledovaniya prava / pod red. V. V. Volkova. M., 2012.
5. *Rajzberg B. A.* Sovremennyy socioehkonomicheskij slovar'. M., 2012.
6. *Terekhin V. V.* Dopustimost' dokazatel'stv v ugovnom processe: metodologicheskij, pravovoj, ehticheskij aspekty: dis. ... d-ra yurid. nauk. N. Novgorod, 2016.
7. *Fuko M.* Arheologiya znaniya [Ehlektronnyj resurs] // Ehlektronnaya biblioteka RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/fuko_mishel/arheologiya_znaniya.html (data obrashcheniya: 17.11.2017).

E-mail: v.w.terekhin@ya.ru

О. В. ХИМИЧЕВА,
начальник кафедры уголовного процесса,
доктор юридических наук, профессор
(Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)

O. V. KHIMICHEVA,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Criminal Procedure Department
(Moscow University of the Interior Ministry of Russia named
after V. Ya. Kikotya)

УДК 343.13

Основные направления развития современной уголовно-процессуальной науки

The Main Directions of the Modern Criminal Procedural Science' Development

Российскому государству необходим адекватный современному состоянию развития общества и внутренне непротиворечивый уголовно-процессуальный закон, концепция которого должна создаваться с привлечением представителей различных научных школ, с учетом достижений уголовно-процессуальной науки и потребностей практики.

Пробелы уголовно-процессуального закона, дознание в сокращенной форме, производство о применении меры уголовно-правового характера, судебный штраф.

The Russian state needs an adequate to the modern condition of society development and an internally consistent criminal procedural law, a concept of which must be created with involvement of the different scientific schools' representatives, in consideration with the achievements of the criminal procedural science and the needs of practice.

Gaps in the criminal procedural law, shortened inquiry, proceedings for application of a criminal law measure, judicial fine.

В сфере юридической науки важна роль теории уголовного процесса. И это неслучайно. Повышенный интерес законодателя и общества к проблемам уголовного судопроизводства вообще, и особенно к его досудебной части, обуславливается спецификой этого вида правоохранительной деятельности, порождает интерес научного сообщества к разработке вопросов, связанных с уголовно-процессуальной защитой от преступлений личности, общества и государства. Неслучайно в номенклатуре специальностей научных работников по юриспруденции специальность 12.00.09 – «Уголовный процесс» является практически единственной специальностью, которая существует самостоятельно.

Большинство научных трудов, выполненных в последние годы в сфере уголовного процесса, в той или иной мере исследуют проблемы уголовно-процессуальной деятельности на досудебном этапе, что наглядно демонстрирует круг проблем, находящихся на острие осуществляемых в уголовном судопроизводстве реформ. Это своеобразная реакция научного сообщества на изменение криминогенной обстановки в стране, появление новых видов преступлений, формирование организованной, транснациональной преступности, борьбу с которой требуется вести при помощи новых процессуальных средств и методов.

Актуальность теоретических разработок вопросов досудебного производства по уголовно-

му делу обусловлена также изменениями в экономической и социально-политической жизни государства, трансформацией общепринятых в обществе взглядов на организацию и функционирование всей системы уголовной юстиции. Последнее объясняет тот факт, что реформа органов дознания и предварительного следствия осуществляется по нескольким направлениям одновременно, в том числе и с организационных позиций. Вместе с тем процессуальный аспект проводимых реформ представляется наиболее важным, поскольку выступает в качестве определяющего элемента в данной системе.

Необходимость коренной перестройки уголовно-процессуальной деятельности на досудебном этапе вызывает необычайный интерес к этим проблемам в теории и на практике, но, с другой стороны, порождает широкую полемику между представителями различных процессуальных школ при подготовке законопроектов, проектов ведомственных нормативных актов, руководящих решений высших судебных органов и т. д.

Нельзя, конечно, отрицать тот факт, что в споре рождается истина. Но очевидно, что многие из вносимых в уголовно-процессуальный закон корректив носят непродуманный, часто конъюнктурный характер. Прежде всего они вносят дисбаланс в уголовно-процессуальное регулирование, в результате которого обречены на неудачу при практическом применении.

В связи с этим задачей первоочередной важности является разработка согласованной концепции совершенствования уголовно-процессуальной деятельности на досудебном производстве с учетом наработок ученых и потребностей практики. При этом безусловным приоритетом будет являться обеспечение прав и законных интересов личности, оказавшейся в сфере уголовно-процессуальных отношений.

В связи с этим в изменениях уголовно-процессуального закона все отчетливее проявляется стремление к упрощению процессуальных форм.

Длительность и громоздкость уголовно-процессуальных процедур препятствуют реализации прав и законных интересов потерпевших от преступления, приводят к существенным затратам разного рода государственных ресурсов, а главное, не обеспечивают в должной мере защиту лиц от незаконного и необоснованного уголовного преследования.

Вот почему в современном уголовном процессе необходима простая форма досудебного производства, которая позволяла бы максимально сократить временной интервал между преступлением и наказанием за его совершение.

В первоначальной редакции Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в качестве упрощенной и ускоренной формы предварительного рас-

следования по сравнению с предварительным следствием предполагалось дознание. Однако с самого начала применения данного института обозначились серьезные пробелы правового регулирования, приводящие к ущемлению прав участников процесса и еще более увеличивающие нагрузку на следователей, вынужденных осуществлять предварительное следствие по уголовным делам, отнесенным к подследственности дознавателей. В результате ряд изменений, внесенных законодателем в процедуру осуществления дознания, его отличия от предварительного следствия были практически упразднены.

Вновь назрела необходимость введения процедуры сокращенного досудебного производства, которая и получила в 2013 г. реализацию дознания в сокращенной форме.

Дознание в сокращенной форме задумывалось не просто как обычное дознание, проводимое в более сжатые сроки: ведь закончить расследование ранее 30-суточного срока закон и ранее не препятствовал. Дознание в сокращенной форме – это принципиально иной порядок досудебного производства, прежде всего в силу особенностей доказывания, состоящих в усечении его предмета и пределов.

Однако несостыковки ряда процессуальных норм не позволили достичь поставленной перед сокращенным дознанием цели.

К примеру, провозглашенное в законе сокращение предмета доказывания при производстве дознания этого вида (ч. 1 ст. 226⁵ УПК РФ)¹, исходя из предписаний других правовых норм, таковым фактически не является. Так, ч. 1 ст. 226⁷ УПК РФ устанавливает одинаковые требования к содержанию как обвинительного постановления, так и обвинительного акта, соответственно, в ходе сокращенного дознания должны быть доказаны не только событие преступления, характер и размер причиненного им вреда, виновность лица в совершении преступления, но и иные, указанные в п. 1–8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ, обстоятельства. Кроме того, ч. 1 ст. 226² УПК РФ к условиям производства дознания в сокращенной форме относит отсутствие обстоятельств, включающих данное производство (совершенное подозреваемого, отсутствие оснований для производства о применении принудительной меры медицинского характера, владение подозреваемого языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, и др.). Это означает, что дознавателю необходимо доказать отсутствие данных обстоятельств, в результате чего предмет доказывания при производстве до-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

знания в сокращенной форме оказывается фактически шире, чем при обычном порядке [1, 2].

Дознание в сокращенной форме является примером того, как изначально правильная идея из-за недостаточно продуманной нормативной реализации перерастает в свою противоположность. К сожалению, корректив требуют и другие новеллы уголовно-процессуального закона.

Так, правовое регулирование совсем недавно введенного в уголовный процесс (с июля 2016 г.) производства о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности (гл. 51¹ УПК РФ) нуждается в дальнейшем совершенствовании. Согласно ч. 2 ст. 446² УПК РФ при наличии оснований для прекращения уголовного дела или уголовного преследования следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление о возбуждении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, которое вместе с материалами уголовного дела направляется в суд. Таким образом, закон не только не предусматривает представления уголовного дела для проверки прокурору, но и не содержит норм о направлении прокурору копии такого ходатайства.

Вместе с тем ч. 4 ст. 446 УПК РФ предусматривает обязательное участие прокурора в рассмотрении судьей ходатайства следователя, на что указывает п. 25.4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»².

Возникает ситуация, при которой прокурор должен принимать участие в судебном разбирательстве уголовного дела, с материалами которого он не знаком, и по заявленному следователем ходатайству может занимать иную процессуальную позицию. В результате в ходе судебного рассмотрения прокурор не поддерживает ходатайство следователя и судья отказывает в его удовлетворении с возвращением руководителю следственного органа ходатайства и материалов уголовного дела.

При наличии же у прокурора процессуальных полномочий по рассмотрению ходатайства следователя перед судом о прекращении уголовного дела, а также материалов уголовного дела, равно как при выявлении нарушений закона, им могут быть своевременно приняты меры прокурорского реагирования, пресекающего направление незаконных и необоснованных ходатайств в суд.

Конечно, можно принимать решения об упразднении вышерассмотренных институтов (например, заменив дознание в сокращенной форме аналогом существовавшей в советский период протокольной формы досудебной подготовки материалов), пытаться их реформировать. Такая необходимость обусловлена не только ущербностью многих процессуальных норм, но и объективными обстоятельствами, не связанными исключительно с правовым регулированием и практикой применения уголовно-процессуального закона. Но так или иначе в обществе ощущается насущная потребность создания тщательно продуманной, всесторонне обсужденной юридической общественностью теоретической модели уголовного судопроизводства, адекватной современному этапу развития Российского государства.

² О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда

Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19. Доступ из информационно-правового портала «Гарант».

Список литературы:

1. Химичева О. В., Химичева Г. П. Некоторые замечания о направлениях совершенствования уголовного судопроизводства как важнейшего вида правоохранительной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4.
2. Химичева О. В., Карпенко Е. Е. О значении для судебного разбирательства особенностей доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Мировой судья. 2015. № 12.

References:

1. Himicheva O. V., Himicheva G. P. Nekotorye zamechaniya o napravleniyah sovershenstvovaniya ugovnogo sudoproizvodstva kak vazhnjshego vida pravooxranitel'noj deyatel'nosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 4.
2. Himicheva O. V., Karpenko E. E. O znachenii dlya sudebnogo razbiratel'stva osobennostej dokazyvaniya pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoj forme // Mirovoj sud'ya. 2015. № 12.

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ проблемы

В. Ф. ГАПОНЕНКО,
профессор кафедры организации финансово-экономического,
материально-технического и медицинского обеспечения,
доктор экономических наук, профессор
(Академия управления МВД России)

V. F. GAPONENKO,
Doctor of Economics, Professor,
Professor at the Department
of Financial Economic Organization, Materiel and Medical Support
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 001.891

Вопросы планирования затрат на выполнение научно-исследовательских работ в системе МВД России

The Questions of Costs' Planning on Implementation of the Scientific Research Works in the System of the Interior Ministry of Russia

В статье рассматриваются особенности планирования затрат на выполнение научно-исследовательских работ в системе МВД России. Обосновывается положение о том, что при планировании затрат на выполнение научно-исследовательских работ, а также при проверке обоснованности этих затрат необходимо учитывать ряд факторов, влияющих на их объем.

Финансирование научных исследований и экспериментальных разработок, научно-исследовательская работа, затраты на выполнение научно-исследовательской работы, материальные затраты, трудозатраты, нормы научно-исследовательского труда.

The article considers the features of planning the costs on implementation of the scientific research works in the system of the Interior Ministry of Russia. Provision is justified about that during planning the costs on implementation of the scientific research works in the system of the Interior Ministry of Russia and also during verifying validity of these costs it is necessary to consider a number of factors influencing on amount of the costs given in the article.

Financing of scientific research and experimental developments; scientific research work; costs on implementation of scientific research work; material costs; labor costs; scientific research work norms.

При планировании затрат на выполнение научно-исследовательских работ (далее – НИР) в системе МВД России, а также при про-

верке обоснованности этих затрат необходимо учитывать ряд факторов, влияющих на их объем [2]. Рассмотрим некоторые из этих факторов.

Материальные затраты на проведение научных исследований.

Современные исследования – это довольно дорогостоящие мероприятия, предусматривающие создание материальной базы в некоторых видах исследований (например, при конструировании, проектировании и изготовлении спецтехники для органов внутренних дел, криминалистической техники, а также монтаже соответствующего оборудования). Для снижения затрат на выполнение НИР учреждения, организации, предприятия объединяются вместе. Оптимизация таких материальных затрат может существенно сэкономить средства, что позволит провести дополнительные исследования, а также получить новые научные результаты.

К материальным затратам можно отнести затраты на создание, содержание и эксплуатацию оборудования длительного срока пользования, а также финансовые затраты на различные расходные материалы. Необходимые установки и научное оборудование могут находиться в распоряжении исполнителя, быть доступными в центре коллективного пользования, взяты в аренду у других организаций, приобретены у поставщиков либо созданы впервые.

Одним из путей снижения материальных затрат на выполнение НИР является создание Центров коллективного пользования (далее – ЦКП)¹, проводимое в рамках федеральных целевых научно-технических программ [1]. Для постоянно и многократного использования различными группами исследователей, организациями науки в ЦКП приобретает дорогостоящее научное оборудование. При определении материальных затрат на выполнение НИР следует обязательно анализировать возможности оптимизации материальных затрат [4].

Объем трудовых затрат на проведение исследования.

Определение объема труда, необходимого для выполнения НИР, является сложной задачей в силу ряда причин. Следует отметить, что труд ученого значительно отличается от труда работников многих других специальностей. Такой труд является творческим. Ученый может размышлять над решением поставленных задач не только в течение рабочего дня, но и в свое свободное время. Для решения одной и той же

задачи одному ученому может потребоваться две недели, а другому ученому – два месяца. Внешне схожие задачи при их детальном анализе могут иметь различную сложность, а соответственно, объем трудовых затрат будет разным. В ряде случаев результат исследования непредсказуем. Для оценки качества проведенного исследования и подтверждения либо опровержения его результатов необходимо проведение аналогичного или более глубокого, объемного исследования.

Сложной задачей является и нормирование труда ученых. Как отмечено О.А. Феоктистовой, «при единстве мнений по вопросу уникальности и специфичности научно-исследовательского труда в вопросах методов и способов установления норм труда в научном сообществе существуют различные точки зрения и подходы, особенно в части установления норм научно-исследовательского труда» [7]. Что касается установления норм научно-исследовательского труда, можно выделить аналитические, статистические и экспертные методы, каждый из которых имеет свои недостатки и достоинства.

Глава Федерального агентства научных организаций (далее – ФАНО) России М.М. Котюков на пресс-конференции, которая проходила 23 декабря 2015 г., заявил о том, что ФАНО с 2017 г. вводит новую систему оплаты труда ученых на основе разработки тематических нормативов: «Задача стоит к 2017 году, но мы предварительно начали готовиться уже в этом году. Понятно, что стоимость работ в гуманитарных областях должна отличаться от работ в ядерной физике, у математиков будет отличаться от археологов. Для того, чтобы подготовиться к предстоящему нормированию, мы проанализировали фактические затраты всех наших организаций за два года... все научные тематики сгруппированы примерно в 30 групп, достаточно близких с точки зрения логики, и... проведены расчеты по фактическим затратам» [6].

Так, квалификационный состав исследователей является своего рода фактором, который влияет на величину затрат на выполнение НИР. Принято считать, что чем больше высококвалифицированных исследователей занято в работе, тем выше качество выполнения НИР, соответственно, выше затраты. Однако такой подход не всегда обоснован. Дело в том, что ученые достаточно часто специализируются в какой-либо одной, достаточно узкой, области знаний. Поэтому при оценке квалификационного состава исследователей необходимо учитывать не только формальные признаки квалификации, но и соотносить область специализации исследователей с темой НИР.

¹ Об утверждении Порядка создания федеральных центров коллективного пользования научным оборудованием: приказ Минобрнауки России № 1351 от 11 марта 2011 г.;

О требованиях к центрам коллективного пользования научным оборудованием и уникальным научным установкам, которые созданы и (или) функционирование которых обеспечивается с привлечением бюджетных средств, и правила их функционирования [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 17 мая 2016 года № 429. Доступ из информационно-правового портала «Гарант».

Объем отчета о НИР может приблизительно отражать объем трудозатрат на НИР, однако такое соответствие весьма неоднозначно. Для учета этого фактора можно ввести, например, коэффициент объема отчета.

Глубина проводимого исследования является фактором, заметно влияющим на объем работ, а соответственно, и на объем затрат на выполнение НИР. Исследование может быть разведывательным, описательным, аналитическим и др.

Можно выделить три уровня глубины научной проработки: проведены простые исследования и расчеты, без проверки на практике и апробации; проведены исследования и расчеты средней степени сложности, проверка на небольшом объеме данных, апробация работы; проведены сложные теоретические исследования и расчеты, проверка на большом (полном) объеме данных.

Желательно, чтобы глубина научной проработки определялась заранее на основании темы НИР и (или) технического задания (далее – ТЗ) к НИР.

Научная новизна результатов проводимого исследования может быть следующей:

- низкой (описание отдельных факторов; обзоры; обобщения; применение ранее полученных знаний, результатов исследований к новым объектам; простые решения);
- средней (открытие отдельных закономерностей; разработка новых методов, способов; обоснование новых подходов);
- высокой (получены принципиально новые результаты, закономерности, теории, эффекты, открытия).

Высокая научная новизна результатов является фактором, усложняющим исследование. В то же время низкая научная новизна не должна рассматриваться как недостаток работы. Она может быть изначально заложена в теме и ТЗ к НИР.

Междисциплинарный характер проводимого исследования увеличивает и сложность, и объем работ. При проведении междисциплинарных исследований происходят процессы индивидуального обучения исследователей, обмена знаниями, взаимного обучения исследователей. Эти процессы являются необходимыми, требуют времени и, следовательно, увеличивают затраты на проведение НИР. В последнее время в системе МВД России количество исследований, носящих междисциплинарный характер, увеличивается [3].

Предоставление исходных данных заказчиком НИР.

Довольно часто вопрос о предоставлении заказчиком НИР исходных данных (материалов) и пр. исполнителю оговаривается

в ТЗ к НИР [5]. В случае если вопрос об исходных данных заказчиком НИР не определен в ТЗ, то может возникнуть потенциально конфликтная ситуация. Например, заказчик может считать, что исполнителем использованы не те данные или данные в недостаточном объеме. Это может повлечь за собой (иногда вполне справедливые) сомнения в практической применимости результатов НИР, проблемы взаимодействия исполнителя и заказчика, проблемы сдачи НИР заказчику. Поэтому желательно, чтобы вопрос о предоставлении исходных данных решался еще при согласовании и утверждении ТЗ к НИР.

Источники для выполнения НИР.

При выполнении НИР могут использоваться данные из российских источников; из российских и зарубежных источников на русском языке и на иностранных языках соответственно.

Данные из российских источников наиболее доступны и просты для анализа. Данные из зарубежных источников в ряде отраслей науки требуют дополнительного внимания в силу потенциальной необходимости адаптации к российским условиям, учета местной специфики, правовой системы, особенностей экономики, применяемых методов расчетов, стандартов учета и пр. Данные из зарубежных источников на иностранном языке требуют квалифицированного перевода на русский язык, что вызывает дополнительные затраты времени.

Охват исходных данных.

При проведении исследований в зависимости от необходимости и поставленных задач охват исходных данных может иметь следующий характер:

- выборочный (использован один или несколько источников данных);
- средний (использовано разумно достаточное количество источников);
- полный (собраны и проанализированы все необходимые данные из всех доступных источников).

При выборочном охвате источники данных используются в качестве примеров. При среднем охвате используется количество источников, достаточное для формулирования определенных тезисов, выводов, гипотез. При полном охвате анализируются все необходимые источники и обосновывается полнота и достаточность используемых данных для подтверждения определенных тезисов, выводов, гипотез.

Количество и объем использованных источников данных.

В зависимости от ряда факторов оптимальное количество используемых в НИР источни-

ков данных, а также их объем и состав могут различаться. Понятно, что чем больше количество и объем использованных источников исходных данных при выполнении НИР, тем больше объем работы и больше затраты на ее выполнение. Количество и объем источников данных, если это возможно в отношении выбранной НИР, желательно устанавливать в ТЗ к НИР.

Обязательный состав исполнителей.

В зависимости от темы исследования и квалификационного состава исследователей организации-исполнителя в состав коллектива, выполняющего НИР, могут входить исследователи – сотрудники одной организации-исполнителя; исследователи – сотрудники одной организации, но при этом требуется взаимодействие с другими организациями либо требуется участие сторонних соисполнителей – исследователей.

При этом следует иметь в виду, что здесь речь идет именно о необходимости участия исключительно тех сторонних организаций, без привлечения которых выполнение НИР невозможно, в противном случае результаты НИР будут заведомо неудовлетворительны. Расширение обязательного состава исполнителей влечет за собой увеличение объема затрат.

Требования к режиму секретности.

Организация науки либо заказчик исследования определяет в установленном порядке требования по соблюдению режима секретности, который накладывает определенные ограничения на место выполнения работ и состав исполнителей, а также предусматривает выполнение определенных процедур. Это потенциально ограничивает свободу действий исполнителей, что влечет за собой увеличение затрат на выполнение НИР по сравнению с выполнением работы, не предусматривающей соблюдение режима секретности. Кроме того, сотрудники, имеющие соответствующий допуск, обычно получают надбавку к окладу, что также влечет повышение затрат на оплату труда.

Требования к публикациям и участию в научно-практических мероприятиях.

В ТЗ или в договор (задание) на проведение НИР могут быть включены требования заказчика к исполнителю о необходимости опубликования результатов исследования в том или ином научном издании, а также о принятии участия в семинаре, круглом столе, форуме, симпозиуме и т. д.

Таким образом, требования к публикациям и участию в научно-практических мероприятиях могут быть не установлены, установлены в общем виде, установлены и конкретизированы.

Наличие установленных требований к публикациям и участию в научно-практических

мероприятиях ведет к увеличению затрат на выполнение НИР.

Рассмотрим ситуации, в которых потенциально возможно снизить фактические затраты на выполнение НИР.

1. Выполнение НИР, аналогичной работам, выполненным ранее тем же исполнителем – организацией науки или исследователем.

При выполнении новых НИР, новизна которых по отношению к ранее выполненным невелика и заключается либо в новом объекте исследования, либо в новых обстоятельствах (например, времени) исследования, трудоемкость выполнения как собственно исследования, так и написания отчета о НИР может быть существенно ниже. Это объясняется тем, что уже разработана и апробирована методика исследования, возможно, собрано специализированное оборудование, установка, написан шаблон отчета о НИР.

2. Выполнение НИР, близких к выполненным ранее другими исполнителями – организациями науки.

При выполнении таких НИР трудоемкость исследования может быть ниже за счет использования уже готовых результатов (речь идет не о плагиате, а о вполне добросовестном использовании научных результатов).

3. Выполнение (возможно одновременное) схожих НИР для различных заказчиков. При выполнении схожих НИР одни и те же либо близкие результаты могут войти в несколько отчетов о НИР. При этом надо иметь в виду, что внешняя схожесть тем НИР обязательно ведет к схожести выполняемых исследований, так как в разных НИР со схожими темами могут быть использованы различные подходы, методы, инструментарий.

4. Использование ранее полученных результатов исследований, ранее собранных установок в новом исследовании при отсутствии аналогии между темами старых и новых исследований.

5. Включение в ТЗ задач, не соответствующих цели НИР, результаты которых могут быть использованы, например, в другой НИР или публикации, патенте. Это может приводить, с одной стороны, к выполнению излишнего объема работ в одной НИР, а с другой – к возможному использованию результатов исследований в других работах.

Таким образом, влияние всех вышеперечисленных факторов при планировании затрат на выполнение НИР в системе МВД России может быть учтено различными способами. В статье приведен достаточно широкий, но не исчерпывающий перечень факторов, которые следует учитывать при планировании определения затрат на выполнение НИР в системе МВД России.

Список литературы:

1. Власов Б. Е. Программно-целевое управление в деятельности органов внутренних дел: теория и реальность // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 2 (18).
2. Гапоненко В. Ф., Казаков В. В., Мартынов Е. А. Правовые основы управления финансовой деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации: монография. М., 2016.
3. Елагин А. Г. Административно-правовое регулирование деятельности по обеспечению комплексной безопасности объектов образовательных организаций системы МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 3 (31).
4. Литвиненко А. Н., Самойлова Л. К. Регулирование финансово-контрольных мероприятий как объект экономико-правового анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (72).
5. Рекомендации по составлению технических заданий по направлениям НИР, выполняемых в рамках Договоров с контрагентами [Электронный ресурс] // Сайт Высшей школы экономики. URL: <https://www.hse.ru/org/hse/aup/procurement/nir>. (дата обращения: 07.10.2017).
6. ФАНО начнет финансирование научных организаций в 2016 году с первых рабочих дней [Электронный ресурс] // Сайт ИТАР ТАСС. URL: <http://tass.ru/nauka/2551788> (дата обращения: 07.08.2017).
7. Феоктистова О. А. Нормирование научно-исследовательского труда: методологические подходы // Наукovedenie. 2014. Вып. 5 (24).

References:

1. Vlasov B. E. Programmno-celevoe upravlenie v deyatel'nosti organov vnutrennih del: teoriya i real'nost' // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2011. № 2 (18).
2. Gaponenko V. F., Kazakov V. V., Martynov E. A. Pravovye osnovy upravleniya finansovoy deyatel'nost'yu organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii: monografiya. M., 2016.
3. Elagin A. G. Administrativno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti po obespecheniyu kompleksnoj bezopasnosti ob"ektov obrazovatel'nyh organizacij sistemy MVD Rossii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2014. № 3 (31).
4. Litvinenko A. N., Samojlova L. K. Regulirovanie finansovo-kontrol'nyh meropriyatij kak ob"ekt ehkonomiko-pravovogo analiza // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 4 (72).
5. Rekomendacii po sostavleniyu tekhnicheskikh zadaniy po napravleniyam NIR, vypolnyaemyh v ramkah Dogovorov s kontragentami [Elektronnyj resurs] // Sajt Vysshej shkoly ehkonomiki. URL: <https://www.hse.ru/org/hse/aup/procurement/nir>. (data obrashcheniya: 07.10.2017).
6. FANO nachnet finansirovanie nauchnyh organizacij v 2016 godu s pervyh rabochih dnei [Elektronnyj resurs] // Sajt ITAR TASS. URL: <http://tass.ru/nauka/2551788> (data obrashcheniya: 07.08.2017).
7. Feoktistova O. A. Normirovanie nauchno-issledovatel'skogo truda: metodologicheskie podhody // Naukovedenie. 2014. Vyp. 5 (24).

E-mail: profgaponenko@gmail.com

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: *состояние и пути совершенствования*

А. В. ОБРАЗЦОВ,
доцент кафедры управления органами расследования преступлений,
кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)

A. V. OBRAZTSOV,
Candidate of Law,
Assistant Professor of the Department of Management of Bodies and Units Crimes' Investigation
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343.985

О системе процессуального руководства расследованием преступлений

About a Procedural Management System of Crimes' Investigation

В статье рассматриваются элементы системы процессуального руководства предварительным расследованием преступлений, дается краткая характеристика каждого элемента, показывается значение исследования системы процессуального руководства для науки уголовного процесса.

Система процессуального руководства предварительным расследованием преступлений, элементы системы процессуального руководства предварительным расследованием преступлений, руководитель следственного органа, руководитель вышестоящего следственного органа, следователь, процессуальное руководство.

The article considers the elements of a procedural management system of a preliminary crimes' investigation, provides a brief description about each element, shows a value of the system procedural management researching for a criminal process.

Procedural management system of a preliminary crimes' investigation, elements of a procedural management system of a preliminary crimes' investigation, head of an investigative body, head of a higher investigative body, investigator, procedural management.

Расследование преступления представляет собой сложную деятельность, в которую вовлечены самые разные субъекты: судьи, прокуроры, адвокаты, специалисты, переводчики и т. д. На стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования особая роль принадлежит следователям и руководителям следственного органа, которые выполняют

практически весь объем процессуальной работы, необходимый для полного расследования уголовного дела и принятия по нему законного и обоснованного процессуального решения. Отличительной особенностью процессуальной деятельности следователя и руководителя следственного органа является то, что пока уголовное дело находится в производстве, их

процессуальная деятельность осуществляется в непрерывном режиме и они несут ответственность за результаты расследования.

Расследование уголовного дела представляет собой многоаспектную деятельность. Содержание предварительного расследования включает в себя комплекс действий, в который помимо процессуальных, как справедливо отмечает С. В. Валов применительно к функции предварительного следствия [2], входят и организационно-распорядительные, организационно-технические и иные действия, операции и мероприятия. В практической же деятельности все эти виды деятельности (теоретически дифференцируемые) сливаются в одно целое через интеграционные усилия следователя и руководителя следственного органа, создавая эффект, суммирующий усилия этих лиц как результат их взаимодействия, который только и сможет привести к установлению истины по делу и, в конечном итоге, защитить права лиц, которым был причинен ущерб от преступления.

При этом не следует разделять (а уж тем более противопоставлять) деятельность следователя и руководителя следственного органа, их отношения следует рассматривать как систему. В соответствии с законодательством следователь и руководитель следственного органа относятся к стороне обвинения. У руководителя следственного органа и следователя процессуальные интересы практически (но не полностью) идентичны, в отличие от других участников со стороны обвинения. Их общий процессуальный интерес заключается в том, чтобы, исходя из назначения уголовного судопроизводства, расследовать уголовное дело в полном объеме и принять законное и обоснованное итоговое процессуальное решение.

В системе отношений «руководитель следственного органа — следователь» главенствующую роль занимает руководитель, а следовательно, наделяется соответствующими процессуальными полномочиями. Такое соотношение процессуальных полномочий следователя и руководителя следственного органа мы предлагаем назвать «процессуальным доминированием». Причем здесь доминирование имеет позитивный смысл, поскольку руководитель, используя свои главенствующие полномочия, должен направить деятельность следователя и при необходимости исправить недочеты в расследовании, пресечь нарушения закона.

Использование руководителем следственного органа своих полномочий (не всегда, но в большинстве случаев) — это ответная реакция на текущее состояние расследования по уголовному делу, бездействие следователя по уголовному делу, неправильную оценку до-

казательств следователем, а иногда и конфликт интересов, возникающих в ходе расследования.

В определенном смысле руководитель следственного органа обеспечивает готовность следователя к надлежащему расследованию уголовного дела. Это вовсе не означает, что следователь не самостоятелен, что он не может без помощи руководителя расследовать уголовное дело. Это означает, что руководитель своей деятельностью создает надлежащие условия для расследования, в необходимых случаях помогает следователю, обеспечивая дополнительные гарантии законности процессуальной деятельности следователя, предупреждая и пресекая такой ход расследования уголовного дела, который бы не отвечал задачам предварительного расследования.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ)¹ выделяет вышестоящего руководителя следственного органа и руководителя вышестоящего следственного органа, что следует рассматривать как построение определенной системы, в которой руководители следственного органа разного уровня могут оказывать процессуальное воздействие на ход расследования.

Такую систему предлагается называть системой процессуального руководства предварительным расследованием. Выделение такой системы решает ряд теоретических и практических задач, поскольку позволяет определить возможности этой системы и выстроить ее на научно обоснованном фундаменте, а также выяснить, какой она оказывает системный эффект на ход расследования по конкретному уголовному делу.

Под системой в науке чаще всего понимается совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство [3].

В. Г. Афанасьев предложил рассматривать систему в нескольких аспектах:

- системно-элементном, отвечающим на вопрос: из чего (из каких компонентов) образована система;
- системно-структурном, раскрывающим внутреннюю организацию системы, способ взаимодействия образующих ее компонентов;
- системно-функциональном, показывающим, какие функции выполняют система и образующие ее компоненты;
- системно-интегративном, раскрывающим источники, факторы сохранения, совершенствования и развития системы;
- системно-коммуникационном, при котором речь идет о взаимосвязях данной системы

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

с другими – как по горизонтали, так и по вертикали;

– системно-историческом, отвечающим на вопросы: каким образом возникла система, какие этапы в своем развитии она прошла, каковы ее исторические перспективы [1].

На основе элементарного подхода рассмотрим систему процессуального руководства предварительным расследованием.

Выделим следующие элементы этой системы:

- 1) руководитель следственного органа;
- 2) вышестоящий руководитель следственного органа;
- 3) руководитель вышестоящего следственного органа;
- 4) следователь;
- 5) сотрудники правоохранительных органов, привлекаемые для расследования уголовных дел;
- 6) уголовные дела (расследованные или находящиеся в производстве);
- 7) правовые нормы, регулирующие уголовно-процессуальные отношения, возникающие в процессе расследования, а также иные правоотношения, тесно связанные с уголовно-процессуальными;
- 8) факторы, определяющие специфику процессуального руководства предварительным расследованием.

Дадим краткую характеристику каждому из элементов. Руководитель следственного органа непосредственно сам уголовные дела, как правило, не расследует, хотя в соответствии с ч. 2 ст. 39 УПК РФ это ему позволено. Основная задача руководителя следственного органа состоит в осуществлении процессуального руководства предварительным расследованием. Для этого руководитель наделен двумя видами полномочий: уголовно-процессуальными и организационно-служебными. Как справедливо отмечает А. А. Нечаев, на руководителя возложено как принятие процессуальных решений, так и выполнение административных функций в отношении подчиненного личного состава [5]. С точки зрения процессуального руководства для руководителя следственного органа приоритет имеет его уголовно-процессуальный статус. Однако организационно-правовой статус руководителя позволяет ему организационно выстроить работу как одного следователя, так и всех других подчиненных следователей в совокупности. Расследование уголовных дел – это процесс, который следует рассматривать в динамике, в движении (рассмотрение сообщения о преступлении, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование уголовного дела, принятие процессуального решения по уголовному делу). Это движение уголовного дела руководитель следственного органа должен обеспечить, используя

свои специфические полномочия, иногда путем дачи указаний по делу, иногда путем продления срока расследования и т. д. Дело может быть передано от одного следователя другому или в другой орган предварительного расследования, для чего руководителю следственного органа нужны не только уголовно-процессуальные полномочия, но и организационно-правовые, которые являются средством обеспечения реализации уголовно-процессуальных полномочий.

Указания руководителя следственного органа для следователя (еще одного элемента системы процессуального руководства предварительным расследованием), обладающего процессуальной самостоятельностью, являются обязательными, хотя и могут быть обжалованы им руководителю вышестоящего следственного органа (ч. 3 ст. 39 УПК РФ). Такое двойственное положение следователя (самостоятелен, но в процессуальном смысле подчинен руководителю следственного органа) вовсе не умаляет его значение. Цель процессуального руководства, процессуального воздействия на следователя связана только с повышением эффективности расследования, обеспечения его законности. В этом смысле руководитель следственного органа зависит от надлежащей работы следователя и в конечном итоге также несет ответственность за результаты расследования. Например, в соответствии с ч. 6 ст. 220 УПК РФ после подписания следователем обвинительного заключения уголовное дело с согласия руководителя следственного органа немедленно направляется прокурору. Давая свое согласие, руководитель следственного органа одновременно принимает на себя и ответственность за направленное прокурору уголовное дело. В противном случае руководитель следственного органа согласно ч. 1 п. 11 ст. 39 УПК РФ может возвратить уголовное дело следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования.

Власть руководителя над следователем носит экспертный характер, поскольку руководитель следственного органа, как правило, более опытный и знающий, обладающий необходимыми для расследования уголовного дела умениями.

Самостоятельность следователя следует рассматривать с точки зрения процессуальной и познавательной деятельности. С точки зрения познавательной деятельности руководитель следственного органа не ущемляет самостоятельность следователя, а наоборот – усиливает ее своей помощью в виде указаний, которые позволяют устранить пробелы расследования.

Руководитель следственного органа своими властными полномочиями влияет в большей степени именно на процессуальную сторону деятельности, познавательная же деятельность следователя в меньшей степени подвержена

властному влиянию (недаром закон употребляет такой термин, как «указания о направлении расследования», поскольку деятельность следователя носит эвристический характер и ему не всегда можно дать предельно конкретное указание).

Следующим элементом системы процессуального руководства являются сотрудники правоохранительных органов, привлекаемые для расследования уголовных дел. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ они могут выполнять поручения следователя.

Другим элементом системы процессуального руководства являются уголовные дела (расследованные или находящиеся в производстве). Весь массив уголовных дел следует разбить на три категории: находящиеся в производстве; уголовные дела, приостановленные производством; прекращенные уголовные дела. Такая категоризация уголовных дел влияет на формирование процессуального воздействия руководителя следственного органа на ход расследования, а также позволяет более эффективно осуществлять процессуальное руководство. Кроме того, отдельные процессуальные полномочия руководителя следственного органа выстроены таким образом, что их реализация осуществляется в отношении приостановленных уголовных дел, находящихся в производстве; дел, в отношении которых принимается итоговое процессуальное решение на стадии предварительного расследования.

Правовые нормы, регулирующие уголовно-процессуальные отношения, возникающие в процессе расследования, а также иные правоотношения, тесно связанные с уголовно-процессуальными, — седьмой элемент системы процессуального руководства. Кроме уголовно-процессуальных норм, на основе которых и осуществляется процессуальное руководство, следует назвать и другие нормы, содержащиеся, например, в ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»². Согласно этому

² О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

закону решение об осуществлении государственной защиты принимают суд (судья), начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь с согласия руководителя следственного органа, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело. В ходе предварительного расследования следователь и дознаватель также обязаны при работе с различными категориями участников уголовного судопроизводства разъяснять им право на применение мер обеспечения их безопасности [6]. В этом случае мы имеем дело не только с уголовно-процессуальными, но и с комплексными правоотношениями, которые регулируются не одной, а несколькими отраслями права. Согласимся с утверждением А. А. Нечаева, что решение задач защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, в значительной степени обеспечивается эффективным предварительным расследованием [4].

И наконец, еще одним элементом системы процессуального руководства являются факторы, определяющие специфику процессуального руководства предварительным расследованием. Такими факторами следует назвать те обстоятельства, которые существенно влияют на деятельность руководителя следственного органа и обязывают его осуществлять свои полномочия по процессуальному руководству. Данными факторами могут быть самые разные обстоятельства, например заканчивающийся срок расследования, жалоба потерпевшего, представление прокурора и т. д.

Краткая характеристика системы процессуального руководства предварительным расследованием позволяет выявить закономерности процессуального руководства и эффективно выстроить деятельность руководителя следственного органа.

Цель описания системы процессуального руководства предварительным расследованием заключается в том, чтобы сформировать инструмент понимания, исследования и оптимизации деятельности руководителя следственного органа.

Список литературы:

1. Афанасьев В. Г. О системном подходе в социальном понимании // Вопросы философии. 1973. № 6.
2. Валов С. В. Управление органами предварительного следствия в России: теоретические и организационные основы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
3. Модогоев А. А. Системный подход к изучению государственной функции рас-

References:

1. Afanas'ev V. G. O sistemnom podhode v social'nom ponimanii // Voprosy filosofii. 1973. № 6.
2. Valov S. V. Upravlenie organami predvaritel'nogo sledstviya v Rossii: teoreticheskie i organizacionnye osnovy: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2007.
3. Modogoev A. A. Sistemnyj podhod k izucheniyu gosudarstvennoj funkcii rassledovaniya prestuplenij v Rossijskoj Federacii // Sovre-

- следования преступлений в Российской Федерации // Современные тенденции управления расследованием преступлений: сб. науч. трудов: в 3-х ч. М., 2007. Ч. 3.
4. *Нечаев А.А.* О разумности процессуальных сроков приостановления предварительного расследования в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4 (40).
  5. *Нечаев А.А.* Организация аналитической работы начальником органа предварительного следствия территориального органа МВД России на районном уровне // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2 (38).
  6. *Степанова В.Г.* Организационно-правовые начала применения мер безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Восточно-сибирского института МВД России. 2017. № 3 (82).
- mennye tendencii upravleniya rassledovaniem prestuplenij: sb. nauch. trudov: v 3-h ch. M., 2007. Ch. 3.
4. *Nechaev A.A.* O razumnosti processual'nyh srokov priostanovleniya predvaritel'nogo rassledovaniya v svyazi s neustanovleniem lica, podlezhashchego privlecheniyu v kachestve obvinyaemogo // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2016. № 4 (40).
  5. *Nechaev A.A.* Organizaciya analiticheskoy raboty nachal'nikom organa predvaritel'nogo sledstviya territorial'nogo organa MVD Rossii na rajonnom urovne // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2016. № 2 (38).
  6. *Stepanova V.G.* Organizacionno-pravovye nachala primeneniya mer bezopasnosti uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Vostochno-sibirskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 3 (82).
- E-mail: obraztsov-AB@yandex.ru

А. В. КРАСИЛЬНИКОВ,
заместитель начальника кафедры
управления органами расследования преступлений,
кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)

A. V. KRASILNIKOV,
Candidate of Law,
Deputy Head of the Department of Management
of Bodies and Units Crimes' Investigation
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343

Безопасность участников уголовного судопроизводства: правовое регулирование и субъекты обеспечения

The Criminal Proceedings Participants' Safety: Law Regulation and the Subjects of Support

В статье рассматриваются некоторые вопросы правового регулирования обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, анализируется правовой статус субъектов принятия решения о применении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства.

The article considers some issues of law regulation for the participants safety support in the criminal proceedings, analyzes the legal status of the subjects for making decision about the measures security's application with regard to the participants in the criminal proceedings.

Уголовное судопроизводство, права и свободы личности, безопасность участников уголовного судопроизводства, меры безопасности.

Criminal proceedings, person's rights and freedoms, participants' safety in the criminal proceedings, security measures.

Приоритетными задачами уголовного судопроизводства, исходя из положений ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹, являются защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Однако совершенно очевидным представляется, что, исходя из конституционного принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, закрепленного в ст. 11 УПК РФ, должностные лица органов государственной власти обязаны

обеспечивать всем участникам уголовного процесса возможность реализации прав, свобод и законных интересов, независимо от их процессуального положения.

Безусловно, личная безопасность каждого субъекта уголовно-процессуальных отношений, его родственников и близких лиц, защищенность имущества от противоправных посягательств являются важными условиями эффективного решения общих задач уголовного процесса.

Важность гарантий безопасности участников уголовного судопроизводства подчеркивается и в международных правовых актах. Правовые нормы, регулирующие такого рода правоотношения, содержатся, например, в ст. 13 Конвенции против пыток и других же-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

стоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания² и ст. 54, 57, 64, 68, 93 Римского статута международного уголовного суда³.

Вопросы безопасности личности в уголовном судопроизводстве неоднократно становились предметом научных исследований [2, 3, 5].

Значимость указанных задач обусловила принятие специального нормативного правового акта, регулирующего правоотношения, возникающие в связи с обеспечением государственной защиты участников уголовного судопроизводства. В соответствии со ст. 2 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»⁴ государственной защите подлежат потерпевший, свидетель, частный обвинитель, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники и законные представители, осужденный, оправданный, лицо, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено, эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также участвующие в уголовном судопроизводстве педагог и психолог, гражданский истец, гражданский ответчик, законные представители, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя, заявители, очевидцы или жертвы преступления либо иные лица, способствующие предупреждению или раскрытию преступления, близкие родственники, родственники и близкие вышеуказанных лиц.

При наличии достаточных данных о том, что указанным лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные соответствующими нормами УПК РФ, и иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

² Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 г. // Международная защита прав и свобод человека: сб. док. М., 1990.

³ Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс]: принят Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда в Риме от 17 июля 1998 г. // Официальный сайт Организации объединенных наций. URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\)](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r)) (дата обращения: 17.10.2017).

⁴ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]: федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следует заметить, что следственные органы системы МВД России накопили достаточный положительный опыт принятия решений о применении мер безопасности в отношении участников судопроизводства. Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России (форма «Госзащита-ФЛ»), в 2016 г. наибольшее количество постановлений (определений) о применении государственной защиты в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства было вынесено следователями следственных подразделений территориальных органов МВД России по Удмуртской Республике (28), Челябинской (20), Ростовской (19), Кемеровской (19) и Костромской (14) областям.

В общем виде меры безопасности, применяемые в отношении участников уголовного судопроизводства, можно дифференцировать на процессуальные (уголовно-процессуальные) и непроцессуальные.

К уголовно-процессуальным мерам безопасности относятся специальные правила производства следственных и судебных действий, а также фиксация их хода и результатов: не приведение данных о личности участника следственного действия в протоколе следственного действия; осуществление контроля и записи телефонных и иных переговоров соответствующих участников уголовного судопроизводства или их близких родственников, родственников, близких лиц по письменному заявлению указанных лиц; производство предъявления лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым; рассмотрение уголовного дела в закрытом судебном заседании; допрос свидетеля без оглашения подлинных данных о его личности и в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства.

В свою очередь, к непроцессуальным мерам можно отнести личную охрану, охрану жилища и имущества; выдачу специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; переселение на другое место жительства; замену документов; изменение внешности; изменение места работы (службы) или учебы; временное помещение в безопасное место; применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

Являясь процессуально независимыми субъектами, должностные лица, указанные в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, вправе самостоятельно прини-

мать решения о применении предусмотренных УПК РФ уголовно-процессуальных мер безопасности, вынося соответствующие постановления. В предусмотренных УПК РФ случаях данные решения следователь согласует с руководителем следственного органа, а дознаватель — с начальником органа дознания. По общему правилу, решение о применении процессуальных мер безопасности может приниматься только по находящемуся в производстве соответствующего должностного лица уголовному делу. Однако в соответствии с ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ при необходимости обеспечить безопасность лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, в том числе при приеме сообщения о преступлении, данные об их личности также могут не приводиться в процессуальных документах. Таким образом, указанные положения расширяют содержание процессуальных средств, реализуемых на стадии возбуждения уголовного дела. По нашему мнению, такого рода решения определяют общую тенденцию, ведущую к фактическому стиранию границ между стадией возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, что, в свою очередь, дает основание ставить вопрос о целесообразности существования стадии возбуждения уголовного дела в принципе [1].

Следует отметить, что правовое регулирование применения мер безопасности и проблемы их реализации в практической деятельности органов предварительного расследования и оперативно-разыскных подразделений до настоящего времени являются предметом научных дискуссий. В этой связи можно обратить внимание, что, например, использование показаний «анонимного» свидетеля, по мнению некоторых исследователей, является существенным отступлением от принципа непосредственности исследования доказательств, нарушающим право обвиняемого на защиту [4].

В решении Конституционного Суда РФ отмечается, что международные акты в области прав человека и борьбы с преступностью, предусматривая возможность закрепления в законодательстве допроса под псевдонимом, устанавливают следующее: при допросе с псевдонимом должны быть приняты меры, обеспечивающие пропорциональность связанных с использованием таких средств ограничений права на защиту и преследуемой цели, а также меры, позволяющие защитить интересы обвиняемого с тем, чтобы был сохранен справедливый характер судебного разбирательства и права защиты не были бы полностью лишены своего содержания⁵.

Небезынтересной в данном аспекте видится позиция Европейского Суда по правам человека (постановление ЕСПЧ «Ван Мехелен (Van Mechelen) и другие против Нидерландов»), согласно которой решение о допросе свидетеля под псевдонимом должно быть дополнительно обосновано и соответствующим образом обеспечено механизмом проверки достоверности полученных показаний⁶.

Если вопросы о субъекте, основаниях, процессуальном порядке принятия решения о применении, реализации и отмене уголовно-процессуальных мер безопасности в практической деятельности органов предварительного расследования, как правило, серьезных проблем не вызывают, то аналогичные вопросы при применении мер непроцессуального характера стоят достаточно остро. Связано это, прежде всего, с тем, что при обеспечении государственной защиты посредством применения непроцессуальных мер безопасности органы, принимающие решение об осуществлении государственной защиты, сами меры безопасности не осуществляют. Более того, установить наличие основания для принятия решения о применении мер безопасности суд (судья), начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь могут только используя возможности органов, непосредственно осуществляющих указанные меры, т. е. органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и каждый из них «обязан совместно с органом (наш курсив — А. К.), осуществляющим меры безопасности, проверить заявление (сообщение) и в течение трех суток (а в случаях, не терпящих отлагательства, немедленно) принять решение о применении мер безопасности в отношении указанного лица либо об отказе в их применении» (ч. 2 ст. 18 ФЗ «О государственной защите участников уголовного судопроизводства»). Именно органы, осуществляющие меры безопасности, обязаны в установленный срок представить результаты проверки заявлений (сообщение) с указанием фактов, свидетельствующих о наличии либо отсутствии реальной угрозы безопасности защищаемого лица, уничтожения или повреждения его имущества. Другими словами, именно данные органы проверяют заявления (сообщения) участников уголовного судопроизводства и устанавливают фактические данные, совокупность которых является основанием для применения меры (мер) безопасности. Сле-

Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2005 г. № 240-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Ван Мехелен (Van Mechelen) и другие против Нидерландов: постановление ЕСПЧ от 23 апреля 1997 г. // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 2.

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, частью пятой статьи 193 и частью пятой статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 21 апреля 2005 г. № 240-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дователь либо иное уполномоченное должностное лицо оценивает представленные данные и принимает формальное решение. Таким образом, ключевая роль в системе гарантий государственной защиты участников уголовного судопроизводства в данном аспекте отводится взаимодействию соответствующих субъектов. По нашему мнению, установленный порядок, по сути, предполагает вынесение коллегиального согласованного решения должностных лиц, принимающих формально юридическое решение, с одной стороны, и должностных лиц, непосредственно осуществляющих данные меры, – с другой. На наш взгляд, фактическое правоотношение должно быть соответствующим образом нормативно урегулировано, а решение (постановление) о применении мер безопасности – согласовано с органом, осуществляющим меры безопасности.

Еще большую остроту данные вопросы приобретают при отмене мер безопасности.

В соответствии со ст. 20 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» меры безопасности отменяются в случаях, если устранены основания их применения, защищаемое лицо отказывается от заключения соответствующего договора либо дальнейшее применение мер безопасности невозможно вследствие нарушения защищаемым лицом условий данного договора. При этом, если по письменному заявлению защищаемого лица указанное решение носит альтернативный характер, то при рассмотрении ходатайства органа, осуществляющего меры безопасности, решение об отмене избранной меры (нескольких мер) принимается по усмотрению следователя. Такого рода усмотрение весьма негативно оценивается должностными лицами органов, осуществляющих меры безопасности.

Список литературы:

1. Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37).
2. Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2004.
3. Казаренко В. С. Проблемы правового регулирования государственной защиты сотрудников органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 2 (37).
4. Калиновский К. Б. Меры по защите участников уголовного процесса как общее условие предварительного расследования в россий-

безусловно, рассматриваемые проблемы носят комплексный характер и затрагивают интересы различных субъектов правоотношений, возникающих в связи с применением мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства. Очевидно, ключевое значение в решении данных вопросов должны иметь права и законные интересы защищаемого лица. Вместе с тем в настоящее время достаточно актуальной представляется проблема повышения эффективности правоохранительной деятельности в целом и уголовного судопроизводства в частности. Необоснованное применение мер безопасности влечет дополнительные ресурсные затраты. При этом вопрос обоснованности их применения также выносится на усмотрение следователя. Парадоксальность ситуации видится в том, что фактическим основанием для принятия решения о применении мер безопасности являются данные, полученные и проверенные органом, осуществляющим указанные меры, а основанием для отмены этих мер – усмотрение следователя.

Таким образом, вопросы о субъектах принятия соответствующих решений в рамках уголовного судопроизводства, их компетенции и полномочиях достаточно сложные. Учитывая, что решение о применении и отмене мер безопасности затрагивает права, свободы и законные интересы граждан – участников уголовного судопроизводства, а также интересы различных государственных органов, нами предлагается передать его принятие в компетенцию органов прокуратуры Российской Федерации. Это позволит, с одной стороны, обеспечить и защитить права и свободы человека и гражданина, а с другой – гарантировать высокий уровень координации правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

References:

1. Gavrilov B. Ya. Dosudebnoe proizvodstvo po UPK RF: koncepciya sovershenstvovaniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2016. № 1 (37).
2. Epihin A. Yu. Obespechenie bezopasnosti lichnosti v ugovolnom sudoproizvodstve. SPb., 2004.
3. Kazarenko V. S. Problemy pravovogo regulirovaniya gosudarstvennoj zashchity sotrudnikov organov vnutrennih del // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2016. № 2 (37).
4. Kalinovskij K. B. Mery po zashchite uchastnikov ugovolnogo processa kak obshchee uslovie predvaritel'nogo rassledovaniya v rossijskom ugovolnom processe // Problemy gosudarstven-

ском уголовном процессе // Проблемы государственной защиты участников уголовного судопроизводства: матер. межвуз. конф. СПб., 2007.

5. *Степанова В. Г.* Организационно-правовые начала применения мер безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3 (82).

noj zashchity uchastnikov ugolovnogogo sudoproizvodstva: mater. mezhvuz. konf. SPb., 2007.

5. *Stepanova V. G.* Organizacionno-pravovye nachala primeneniya mer bezopasnosti uchastnikov ugolovnogogo sudoproizvodstva // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 3 (82).

E-mail: 89629310910@yandex.ru

А. М. КУСТОВ,
 профессор кафедры управления органами расследования преступлений,
 доктор юридических наук,
 заслуженный юрист Российской Федерации
 (Академия управления МВД России)

Р. А. КОКОРЕВ,
 старший инспектор отделения планирования
 и контроля качества учебного процесса и практики учебного отдела
 (Московский областной филиал Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя)

A. M. KUSTOV,
 Doctor of Law, Professor,
 Merited Law Expert of the Russian Federation,
 Professor at the Department of Management
 of Bodies and Units Crimes' Investigation
 (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

R. A. KOKOREV,
 Chief Inspector of the Department of Planning
 and Quality Control of the Educational Process and Practice of the Educational Division
 (Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Interior Ministry of Russia
 Named after V. Ya. Kikotya)

УДК 343.985.1

Проблемы применения видеозаписи при расследовании преступлений против личности

The Problems of Video Recording Using During the Crimes' Investigation Against a Person

В статье рассматриваются отдельные проблемы применения видеозаписи при расследовании преступлений против личности. Проанализирована следственная и экспертная практика по данному вопросу. Отмечено, что при расследовании преступлений против личности применение видеозаписи в качестве способа фиксации хода и результатов следственного действия наиболее эффективно при производстве осмотра места происшествия, допроса, очной ставки, следственного эксперимента, проверки показаний на месте, при вскрытии трупа.

Расследование, преступления против личности, технические средства, видеозапись.

Some problems of video recording using during the crimes' investigation against a person are considered in the article. An investigative and an expert practice on this issue is analyzed here. The authors noted that during the crimes' investigation against a person using video recording as a method of a process and the results' fixation of the investigative action is the most effectively during inspection a scene, interrogation, confrontations, investigative experiment, indications' verification on-site, during an autopsy.

Investigation, crimes against a person, technical equipment, video recording.

В 2016 г., согласно официальным данным, зарегистрировано 2 160,1 тыс. преступлений, из них против личности – около 350 тыс., раскрыто 1 189,8 тыс. Однако значительное количество преступлений продолжает оставаться нераскрытыми (на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 21,8 %) [9]. Из приведенных статистических данных следует, что вопросы раскрытия и расследования преступлений против личности продолжают оставаться актуальными.

Несмотря на то, что фотографирование и видеозапись являются альтернативными формами фиксации хода и результатов следственного действия (ч. 6 ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), п. 42 приказа Минздравсоцразвития РФ «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации»)¹, их значение очень велико для расследования преступлений, в том числе против личности.

Приемам, методам и средствам фотографирования, видеозаписи в работе правоохранительных органов отводится значительная роль. Более того, их применяют как средство доказательственной, ориентирующей и дополнительной информации при производстве следственных действий и судебно-экспертных. Фотографические снимки и видеозапись позволяют воспринимать запечатленные объекты в предметно-пространственной форме и в большем объеме, чем это позволяет словесное их описание в протоколах следственных и судебных действий. Изучение судебной фотографии и видеозаписи предполагает познание не только специальных видов и способов, но главное – общей криминалистической фотографии, так как без знания ее основ трудно освоить приемы, способы и методы их использования [4].

Отметим, что в законе имеются оговорки, касающиеся обязательного порядка применения технических средств. Так, в ч. 2 ст. 178 УПК РФ закреплено, что неопознанные трупы подлежат обязательному фотографированию. Применение технических средств фото- и видеофиксации хода и результатов следственного действия является обязательным для следователя (дознателя) при отсутствии понятых, когда такое участие является для них обязательным. Так, при производстве обыска, выемки электронных носителей информации, личного обыска, опоз-

нания без участия понятых следователь (дознатель) обязан применять технические средства фиксации их хода и результатов. Однако закон не конкретизирует, какие именно это технические средства. Традиционно применяются фотосъемка и видеозапись. Исходя из требований закона, участников процессуальных действий заблаговременно предупреждают не только о факте применения технических средств, типе и виде этих средств, носителе информации, используемом в этих средствах, но также о способе сохранности первичной информации, которая получена в ходе применения технических средств. Следует согласиться с учеными в том, что механизм действия технических устройств, средств фиксации записи, их структурные особенности, форма представления в них фиксируемой информации находятся за пределами правового регулирования [5].

В настоящее время в следственной практике используются различные виды цифровой фото-, видео- и аудиоаппаратуры и компьютерной техники, как правило, импортного производства, обеспечивающие высокое качество фиксации и достоверность полученных с их помощью результатов [8]. Изображения запечатлеваемых объектов фиксируются в файле соответствующего формата, который хранится на встроенном (внутреннем) либо съемном носителе, в виде карты памяти (флеш-карты) или оптического диска, предназначенных для разового или многократного использования.

Применение современной цифровой техники в криминалистике значительно развивает возможности исследовательской и запечатлевающей фотографии. Кроме того, уже не требуется химическая обработка негативов, фотобумаги для получения фотоизображения в лабораторных условиях, количество расходных материалов сокращается, как и время получения изображений, что является немаловажным. Однако использование цифровой фото- и видеотехники вызывает сложности при оценке достоверности фактических данных, отраженных в конечных результатах их применения, из-за возможности внесения изменений в электронные документы, в форме которых на цифровых носителях фиксируется и хранится информация.

В ходе проведенного анализа следственной практики расследования преступлений против личности установлено, что следователи и дознаватели нередко допускают ошибки при оформлении результатов применения фото- и видеотехники, при упаковке носителей информации, не принимают меры по обеспечению защиты электронных носителей информации от несанкционированного доступа или не отражают сведения о принятых мерах в протоколах соответствующих следственных действий [3].

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921; Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации: приказ Минздравсоцразвития России от 12 мая 2010 г. № 346н.

В связи с этим доказательства, полученные с подобными нарушениями, достаточно часто признаются недопустимыми в силу положений ст. 75 УПК РФ и исключаются из процесса доказывания [11]. Указанные обстоятельства, как правило, являются результатом несоблюдения при производстве отдельных следственных действий установленного законом порядка и условий применения технических средств, упаковки электронных носителей информации.

В век высоких технологических достижений нет необходимости говорить о значимости видеозаписи, которая представляет собой процесс синхронной фиксации в динамике с помощью видеокамеры на магнитной ленте или цифровом носителе информации изображения и звука с возможностью их последующего воспроизведения. Качество видеозаписи напрямую зависит от условий освещения, которые могут быть естественными или специально созданными (с применением осветительных приборов). В настоящее время видеозапись является ценным доказательством в суде по уголовным делам. Однако следователи (дознаватели) и специалисты (эксперты), опасаясь, что недостаточно правильно проведут те или иные действия, отказываются от данного способа фиксации.

Уголовно-процессуальный закон не содержит прямых требований к техническим средствам фиксации следов преступления и вещественных доказательств при производстве следственных действий. Однако следует учитывать, что их применение должно соответствовать процессуальным требованиям, предъявляемым к доказательствам, — относимости, допустимости и достоверности. В связи с этим при производстве следственного действия допустимо применение только тех видов технических средств, которые прошли соответствующие испытания и имеют знак и сертификат соответствия. Причем знак соответствия — обозначение, информирующее приобретателей, в том числе потребителей, о соответствии объекта сертификации требованиям системы добровольной сертификации; сертификат соответствия — документ, удостоверяющий соответствие объекта требованиям технических регламентов документам по стандартизации или условиям договоров².

Как было отмечено, следователь (дознаватель) свободен в принятии решения о применении технических средств фиксации хода и результатов производства следственного действия, кроме обязательных случаев их применения. Вместе с тем применение технических средств фото- и видеофиксации является с тактической

точки зрения оптимальным при производстве большинства следственных действий при расследовании преступлений против личности, независимо от того, проводятся ли они с участием понятых или нет, поскольку позволяет эффективнее осуществлять удостоверение факта, хода и результатов процессуального действия [2].

Применение средств и методов криминалистической видеозаписи при расследовании преступлений против личности является оптимальным во всех случаях, когда важно запечатлеть в динамике определенное действие, событие или явление вместе с сопровождающими их звуками. Приемы и методы видеозаписи при производстве следственных действий в целом идентичны, за исключением тех, которые направлены на обеспечение высокого качества не только изображения, но и записи звука. Видеозапись полностью отражает произведенное следственное действие и осуществляется на основе правильного применения таких операторских приемов, как панорамирование, наезд, отъезд и т. д. Применение видеозаписи в качестве способа фиксации хода и результатов следственного действия, как показывает анализ следственной практики, наиболее эффективно при производстве следующих действий [6]:

— осмотра места происшествия, когда необходимо запечатлеть динамику событий, явлений и обстановки, которые сложно отразить в протоколе. Осмотр места происшествия требуется производить с применением средств видеозаписи во всех случаях расследования преступлений против личности, когда его обстановка сложна, а меры, принимаемые для ликвидации последствий происшедшего, приводят к быстрому изменению первоначальной обстановки (при осмотрах, связанных с крушениями, авариями, катастрофами, пожарами и др.);

— допросов и очных ставок лиц, имеющих отклонения в развитии органов слуха и речи. Видеозапись обеспечивает не только наглядность производства допроса и очной ставки, но также, как и аудиозапись, обеспечивает передачу особенностей речи допрашиваемых со всеми ее индивидуальными особенностями. Допрос и очную ставку рекомендуется производить с применением видеозаписи особенно в случаях, когда допрашиваемые лица страдают физическими или психическими недостатками (слепые, глухонемые, лица с парализованными органами речи, а также лица, симулирующие душевные заболевания). Оптимальным признается на практике применение видеосъемки также при допросе малолетних свидетелей и потерпевших. Видеозапись при проведении наиболее сложных допросов и очных ставок применяется с целью их последующего анализа для выработ-

² О техническом регулировании: федер. закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ (ред. от 05.06.2016) // Рос. газ. 2002. № 245.

ки более эффективной тактики производства дальнейших следственных действий;

– следственного эксперимента для запечатления опытных действий, производимых с целью установления возможности совершения каких-либо действий, наступления какого-либо явления, образования следов. При производстве следственного эксперимента применение видеозаписи позволяет зафиксировать исчерпывающую информацию не только о процессе его проведения и результатах, но и об организации эксперимента и тактических и процессуальных условиях его осуществления, тем самым облегчая оценку полученных доказательств;

– проверки показаний на месте для сопоставления их результатов с показаниями иных лиц и другими материалами уголовного дела. В протоколе данного следственного действия зачастую бывает весьма сложно словесно описать динамическую и звуковую картину его хода и результатов, особенно в случаях, когда лицо, чьи показания проверяются, указывает сложные, малоизвестные маршруты, демонстрирует замысловатые действия, сопровождающиеся характерными звуками, дает пояснения, пользуясь специальной медицинской терминологией;

– при вскрытии трупа, когда необходимо запечатлеть динамику и процесс действий эксперта. Видеозапись позволяет максимально точно и более объективно отразить ход и результаты вскрытия трупа. При использовании видеозаписи действия эксперта могут иметь значение для последующей оценки предоставленного им заключения и его достоверности [1].

Результаты проведенного анализа следственной и экспертной практики позволяют утверждать, что в своей практической деятельности следователи (дознаватели), специалисты (эксперты) применяют самый распространенный и не вызывающий сложности способ фиксации, в основном фотографирование, схемы, а видеосъемку применяют крайне редко [6, 7].

В связи с изложенным полагаем необходимым закрепить в ст. 204 УПК РФ «Заключение эксперта» положения об обязательности применения технических средств. Предлагаем дополнить часть 1 указанной статьи пунктом 11: «Применяемые технические средства (фотоаппаратура, видеокамера, носитель)». Кроме того, считаем целесообразным закрепить в ведомственных приказах, регулирующих деятельность судебно-медицинских экспертов, к примеру в приказе Минздравсоцразвития России «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации», обязательное применение фотосъемки и видеозаписи при вскрытии трупов. Видеозапись как приложение должна приобщаться к заключению эксперта в упакованном и опечатанном виде.

Отметим, что высказанное предложение, к сожалению, не находит пока в экспертной практике положительного отклика, поскольку судебные медики опасаются совершить ошибки, которые в случае проверки видеозаписи вскрытия трупа станут известны независимому эксперту, приглашенному в суд [10].

Список литературы:

1. Грибунов О. П. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: отдельные аспекты современного состояния // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1 (23).
2. Грошиков В. А. Использование видеонаблюдения в раскрытии тяжких преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1.
3. Допустимость использования средств и методов цифровой фотографии в следственной и судебной практике [Электронный ресурс]. URL: http://studbooks.net/1037008/pravo/dopustimost_ispolzovaniya_sredstv_metodov_tsifrovoy_fotografii_sledstvennoy_sudebnoy_praktike (дата обращения: 08.09.2017).
4. Ильин Н. Н. К вопросу о создании видеоучетов аналитических элементов внешнего облика человека в органах внутренних дел //

References:

1. Gribunov O. P. Tekhniko-kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij: otdel'nye aspekty sovremennogo sostoyaniya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 1 (23).
2. Groshikov V. A. Ispol'zovanie videonablyudeniya v raskrytii tyazhkih prestuplenij // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2017. № 1.
3. Dopustimost' ispol'zovaniya sredstv i metodov cifrovoj fotografii v sledstvennoj i sudebnoj praktike [Elektronnyj resurs]. URL: http://studbooks.net/1037008/pravo/dopustimost_ispolzovaniya_sredstv_metodov_tsifrovoy_fotografii_sledstvennoy_sudebnoj_praktike (data obrashcheniya: 08.09.2017).
4. Il'in N. N. K voprosu o sozdanii videouchetov analiticheskikh ehlementov vneshnego oblika cheloveka v organah vnutrennih del // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2 (28).

- Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28).
5. *Кокорева Л. В.* О перспективах развития уголовно-процессуального законодательства // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. М., 2014. Ч. 1.
  6. *Кокорева Л. В., Кокорев Р. А.* Этапы взаимодействия следователя и специалиста при проведении следственных действий // Экономические, правовые и прикладные аспекты преодоления кризиса в европейских странах и России: матер. Междунар. науч.-практ. конф. М., 2012.
  7. *Кокорева Л. В., Кустов А. М.* Участие специалиста при наложении ареста на имущество // Проблемы и перспективы современных гуманитарных, экономических и правовых исследований: матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. М., 2014.
  8. *Семенов Е. А.* Специалист в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2010.
  9. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2016 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf (дата обращения: 08.09.2017).
  10. *Смахтин Е. В., Щербич С. В.* Применение системы видеофиксации в раскрытии и расследовании преступлений // Алтайский юридический вестник. 2017. № 17.
  11. *Титовец И. В.* Механизм исключения недопустимых доказательств следователем, дознавателем // Актуальные проблемы применения уголовно-процессуального законодательства в деятельности органов предварительного расследования: сб. статей по матер. межвузовской науч.-практ. конф. М., 2016.
  5. *Kokoreva L. V.* O perspektivah razvitiya ugovno-processual'nogo zakonodatel'stva // 150 let Ustavu ugovnogo sudoproizvodstva Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya ugovno-processual'nogo zakonodatel'stva: sb. mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2-h ch. M., 2014. Ch. 1.
  6. *Kokoreva L. V., Kokorev R. A.* Ehtapy vzaimod-ejstviya sledovatelya i specialista pri provedenii sledstvennyh dejstvij // Ehkonomicheskie, pravoye i prikladnye aspekty preodoleniya krizisa v evropejskih stranah i Rossii: mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2012.
  7. *Kokoreva L. V., Kustov A. M.* Uchastie specialista pri nalozhenii aresta na imushchestvo // Problemy i perspektivy sovremennyh gumanitarnyh, ehkonomicheskikh i pravovyh issledovaniy: mater. VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2014.
  8. *Semenov E. A.* Specialist v ugovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk. Orel, 2010.
  9. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – dekabr' 2016 goda [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://mvd.rf/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf (data obrashcheniya: 08.09.2017).
  10. *Smahtin E. V., Shcherbich S. V.* Primenenie sistemy videofiksacii v raskrytii i rassledovanii prestuplenij // Altajskij juridicheskij vestnik. 2017. № 17.
  11. *Titovec I. V.* Mekhanizm isklyucheniya nedopustimyh dokazatel'stv sledovatelem, doznavatelem // Aktual'nye problemy primeneniya ugovno-processual'nogo zakonodatel'stva v deyatel'nosti organov predvaritel'nogo rassledovaniya: sb. statej po mater. mezhvuzovskoj nauch.-prakt. konf. M., 2016.
- E-mail: amkustov@bk.ru;
kokorev_roman@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ правоохранительной деятельностью

М. П. КОРНЕЕВА,
доцент кафедры организации огневой и физической подготовки,
кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)

M. P. KORNIEYEVA,
Candidate of Law,
Associate Professor at the Department of Fire and
Physical Training Organization
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 351.74:06:070

Особенности организации начальником территориального органа МВД России на районном уровне внешнего взаимодействия органов предварительного следствия с общественными организациями и средствами массовой информации

The Specifics' Organization by a Head of a Territorial Body of the Interior Ministry of Russia on a Regional Level of the External Interaction of the Preliminary Investigation Bodies with Public Organizations and Mass Media

В статье рассматриваются особенности организации начальником территориального органа МВД России на районном уровне внешнего взаимодействия органов предварительного следствия с общественными объединениями и средствами массовой информации.

Организация, начальник территориального органа МВД России на районном уровне, органы предварительного следствия, общественные организации, средства массовой информации.

The article considers the specifics' organization by a head of a territorial body of the Interior Ministry of Russia on a regional level of the external interaction of the preliminary investigation bodies with public organizations and mass media.

Organization, head of a territorial body of the Interior Ministry of Russia on a regional level, preliminary investigation bodies, public organizations, mass media.

Необходимость рассмотрения вопросов, связанных с организацией начальником территориального органа МВД России

взаимодействия органов предварительного следствия с общественными организациями и средствами массовой информации (далее —

СМИ), предопределена несколькими составляющими:

– во-первых, пристальным вниманием руководства государства к выстраиванию органами исполнительной власти более тесного, конструктивного сотрудничества с общественными организациями и СМИ с целью обеспечения к этим органам доверия граждан;

– во-вторых, требованиями комплекса законодательных и иных нормативных правовых актов¹, обязывающих органы государственной власти, в том числе органы внутренних дел и органы предварительного следствия, осуществлять взаимодействие с общественными организациями и СМИ;

– в-третьих, потребностью практики, анализ которой показывает, что использование возможностей общественных организаций и СМИ способствует раскрытию преступлений; выявлению и установлению новых фактов (эпизодов) преступной деятельности; установлению свидетелей и очевидцев совершенного преступления; розыску лиц, совершивших преступления; общей профилактике преступлений; формированию общественного мнения [8].

Обозначенное свидетельствует об актуальности и практической значимости вопросов, связанных с организацией взаимодействия органов предварительного следствия с общественными организациями и СМИ.

Анализ отдельных исследований, юридической литературы, посвященных вопросам организации совместной деятельности правоохранительных органов со СМИ [1–5, 9–11], позволил в общем виде представить понятие организации взаимодействия органов предварительного следствия в системе МВД России с общественными организациями и СМИ, как деятельность полномочных и (или) уполномоченных должностных лиц структурных подразделений государственных органов в сфере внутренних дел по упорядочению и обеспечению совместной и (или) согласованной деятельности подчиненных подразделений и (или) их должностных лиц с представителями обще-

ственных организаций, учреждений, предприятий либо гражданами, осуществляющими производство и выпуск соответствующих форм периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием), в целях информационного сопровождения решения задач уголовного судопроизводства и связанной с ними иной служебной деятельности.

Исходя из смысла обозначенного определения, согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства и иным нормативным правовым актам, организация взаимодействия органов предварительного следствия в системе МВД России (далее – ОПС) с общественными организациями и СМИ осуществляется по трем направлениям:

– в стадиях досудебного производства. В первую очередь это соотносится с функцией расследования, когда предание гласности материалов уголовного дела направлено на отыскание доказательств преступной деятельности либо установление дополнительных эпизодов и др.;

– при общей профилактике преступлений. Данное направление призвано повышать правовую культуру граждан, воспитывать активную гражданскую позицию;

– при формировании общественного мнения. Взаимодействие общественных организаций и СМИ по этому направлению создает у граждан ощущение уверенности в неотвратимости наказания виновных и действенности законодательства, а следователь воспринимается как защитник закона.

Перечисленные направления организации взаимодействия ОПС с общественными организациями и СМИ взаимосвязаны со специфической решаемых ОПС задач в сфере уголовного судопроизводства и связанной с ними иной служебной деятельностью.

Особенность реализации руководителями территориальных органов МВД России на районном уровне, а также их заместителями – начальниками следственных управлений, следственных отделов, следственных отделений – определенных функций управления по организации совместной деятельности с общественными организациями и СМИ раскрывается через характеристику следующих компонентов: целей и задач, форм, средств и методов, достигнутых результатов.

Цели – это наиболее значимые для человека предметы, явления, задачи, объекты, достижение и обладание которыми составляют существо его деятельности. Цель деятельности – это идеальное представление его будущего результата. Задача – это осознанная субъектом деятельности трудность, препятствие на пути

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448; Об утверждении перечня информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: указ Президента РФ от 11 августа 2011 г. № 1060 (в ред. 01.07.2014) // СЗ РФ. 2011. № 33. Ст. 4903; Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти: распоряжение Правительства РФ от 30 января 2014 г. № 93-р // СЗ РФ. 2014. № 5. Ст. 54; Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: федер. закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776; О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900; О размещении информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в государственной информационной системе «Правоохранительный портал Российской Федерации»: приказ МВД России от 15 августа 2012 г. № 791.

достижения цели. Ее решение в той или иной степени приближает субъекта управления к результату. Следовательно, одна цель корреспондирует комплекс определенных задач.

Применительно к организации взаимодействия ОПС с общественными организациями и СМИ следует разграничивать цели организации совместной деятельности с обозначенными органами от целей взаимодействия ОПС.

Анализ законодательных и иных нормативных правовых актов позволил установить общую цель совместной и (или) согласованной деятельности ОПС со СМИ как информационное сопровождение их деятельности. С одной стороны, об этом свидетельствует законодательство, регулирующее деятельность общественных организаций и СМИ. Так, ст. 38 Закона РФ «О средствах массовой информации»² регламентирует предоставление государственными органами, органами местного самоуправления, организациями, общественными объединениями, их должностными лицами сведений о своей деятельности средствам СМИ по запросам редакций путем проведения пресс-конференций, рассылки справочных и статистических материалов, а также в иных формах.

С другой стороны, законодательство и иные нормативные правовые акты в сфере организации совместной деятельности ОПС обязывают государственные органы и органы местного самоуправления обеспечить доступ к информации о своей деятельности, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (ч. 5 ст. 8 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»); п. 3 ст. 8 ФЗ «О полиции» обязывает полицию регулярно информировать государственные и муниципальные органы, граждан о своей деятельности через СМИ, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет.

Собственной целью организации совместной деятельности ОПС со СМИ в стадиях уголовного судопроизводства (стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования) является обеспечение прав граждан на правосудие, которая достигается посредством решения задач, специфичных обозначенным стадиям:

- своевременное рассмотрение и принятие законного решения по сообщению о преступлении, распространенному в СМИ;
- выявление новых эпизодов преступной деятельности;
- реализация права на реабилитацию;

– установление свидетелей и очевидцев совершенного преступления;

- розыск лица, совершившего преступление;
- отыскание похищенного имущества, орудий совершения преступления и др.

Цель организации взаимодействия ОПС с общественными организациями и СМИ при общей профилактике преступлений предопределена оперативной обстановкой, складывающейся на территории, обслуживаемой территориальным органом МВД России, в состав которого входит ОПС. Соответственно, целью организации данного направления является защита личности, общества, государства от преступных посягательств, противодействие криминальным процессам в обществе, а также обеспечение сдерживания и сокращения преступности.

Анализ юридической литературы, отдельных исследований [6–8, 12–13], посвященных взаимодействию государственных органов исполнительной власти со СМИ, позволил сформировать перечень профилактических задач, которые могут быть разрешены ОПС с использованием возможностей общественных организаций и СМИ:

- правовая пропаганда (разъяснение законодательных и иных нормативных правовых актов);
- формирование правосознания граждан;
- выявление и разъяснение сущности причин, порождающих преступления, и условий, способствующих их совершению;
- активизация участия граждан в устранении этих причин и условий; воспитание активности граждан в борьбе с преступностью;
- воспитательно-профилактическое воздействие на лиц, склонных к совершению преступлений;
- пропаганда неотвратимости наказания за совершение преступлений;
- информирование граждан на основе конкретной ситуации о способах преступлений и лицах, их совершивших.

Продолжая рассмотрение собственных целей организации начальником территориального органа МВД России взаимодействия ОПС с общественными организациями и СМИ, следует отметить, что целью такого направления совместной деятельности, как формирование общественного мнения, является обеспечение общественного доверия и поддержки граждан к органам внутренних дел.

Благодаря информационному сопровождению деятельности ОПС с применением возможностей СМИ и общественных организаций может быть разрешен следующий комплекс задач:

- информирование государственных и муниципальных органов, граждан и институтов гражданского общества об уголовно-процессу-

² О средствах массовой информации: закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 // Рос. газ. 1992. № 32.

альной деятельности органов предварительного следствия и (или) их должностных лиц;

– освещение в СМИ результатов оказания помощи государственными и муниципальными органами, гражданами и институтами гражданского общества в решении органами предварительного следствия задач уголовного судопроизводства;

– информирование граждан и институтов гражданского общества о мерах, принятых по материалам, размещенным в СМИ и информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащим информацию критического и проблемного характера, а также недостоверные сведения о деятельности органов предварительного следствия и (или) их должностных лиц и т. п.;

– проведение совместно с общественными организациями и СМИ социально значимых мероприятий органов предварительного следствия с целью демонстрации населению своей деятельности для формирования позитивного и объективного общественного мнения и т. д.

Следует оговориться, что представленный перечень задач, который может быть разрешен ОПС в ходе взаимодействия с общественными организациями и СМИ по обозначенным направлениям деятельности, весьма условный и может изменяться в зависимости от условий, в которых функционирует соответствующий территориальный орган МВД России, и факторов, оказывающих влияние на организацию совместной деятельности со СМИ.

Анализ нормативных правовых актов МВД России и складывающейся правоприменительной практики организации взаимодействия ОПС с общественными организациями и СМИ позволил выявить две модели: опосредованную и непосредственную в зависимости от наличия или отсутствия посредников между взаимодействующими сторонами.

Согласно опосредованной модели руководители ОПС размещают информацию по своему направлению деятельности на официальном интернет-сайте территориального органа МВД России (например, о результатах деятельности подразделения). С размещенной на сайте информацией без посредников могут знакомиться как пользователи сети Интернет, так и СМИ, используя ее уже в своих публикациях. Нередко, как показывает практика, СМИ для получения дополнительных сведений (например, о результатах расследования уголовных дел) обращаются с запросами о предоставлении интересующей их информации в подразделения информации и общественных связей территориальных органов МВД России.

Модель непосредственного взаимодействия предусматривает собой личный контакт полно-

мочных и (или) уполномоченных должностных лиц ОПС с представителями общественных организаций и СМИ. Практикой выработаны следующие формы взаимодействия:

– запросы от представителей СМИ в адрес руководства ОПС, в производстве которых находится интересующее уголовное дело (основная задача лиц, предоставляющих информацию, прокомментировать ситуацию в том объеме, который не нарушил бы тайну следствия);

– пресс-релизы, которые ОПС готовят и рассылают всем ведущим электронным и печатным СМИ по окончании уголовных дел (журналисты обращаются к следователям за комментариями по предоставленной информации, на основании чего готовятся более подробные сюжеты и статьи);

– официальный комментарий создавшейся какой-либо конфликтной ситуации (как правило, размещается на сайте соответствующего территориального органа МВД России);

– опровержения (разъясняют действительную ситуацию, сложившуюся в связи с расследованием уголовного дела, что помогает избежать скандала, довести до общественности реальную картину происходящего и способствует объективному расследованию уголовного дела);

– круглые столы или брифинги (обсуждаются возникшие сложности, намечаются пути их преодоления);

– пресс-конференции – мероприятия, приуроченные, как правило, к профессиональному празднику, подведению итогов деятельности подразделения (существует практика проведения конференций по информационным поводам: изменения в законодательстве, амнистия, расследование наиболее резонансных дел и т. п.);

– создание и представление аналитических материалов (например, телевизионной программы на тему мошенничества в сфере долевого строительства, финансовых пирамид; при подготовке подобных программ требуется существенная помощь лица, производящего расследование, в виде дачи комментариев, предоставления справки по уголовному делу);

– подготовка информационных сборников и распространение их среди граждан (в таких материалах даются практические рекомендации, как не стать жертвой преступления, либо излагаются правила поведения, если преступное посягательство уже совершено).

Следует отметить, что это далеко не исчерпывающий перечень существующих форм взаимодействия ОПС со СМИ. В каждом конкретном случае с учетом специфики органа предварительного следствия, видов и распространенности СМИ на конкретной территории избираются наиболее предпочтительные. Так, в сельских районах в силу того, что СМИ пред-

ставлены несколько ограничено, значение профилактической работы в СМИ, активно ведущейся сотрудниками органов предварительного следствия на районном уровне, резко возрастает. Основная форма взаимодействия – публикации статей по вопросам уголовной ответственности за деяния, распространенные на данной территории. По уголовным делам, вызывающим повышенный общественный резонанс, где имеется много потерпевших, причинен значительный материальный ущерб, органы предварительного следствия контактируют через подразделения по связям с общественностью на региональном уровне.

Обеспечение совместной деятельности ОПС с общественными организациями и СМИ осуществляется, как правило, исключительно руководителем соответствующего территориального органа МВД России и начальниками ОПС.

Так, согласно Типовому положению о территориальном органе МВД России на районном уровне³ начальник соответствующего подразделения реализует на территории обслуживания следующие задачи и полномочия в сфере организации взаимодействия со СМИ:

- организует деятельность территориального органа, планирование и координацию деятельности его структурных подразделений на территории обслуживания, в том числе по организации взаимодействия со СМИ (подп. 1 п. 16);

- вырабатывает и реализует на основе анализа оперативной обстановки меры по повышению эффективности применения органами предварительного следствия возможностей общественной организации и СМИ (подп. 2 п. 16);

- распределяет обязанности между своими заместителями в сфере организации взаимодействия с общественными организациями и СМИ; делегирует в установленном порядке часть предоставленных ему организационно-распорядительных полномочий своим заместителям, в том числе начальнику органа предварительного следствия по вопросам организации совместной деятельности с общественными организациями и СМИ (подп. 3 п. 16);

- взаимодействует по вопросам обеспечения правопорядка на обслуживаемой территории с общественными организациями и СМИ (подп. 4 п. 16);

- утверждает положения о структурных подразделениях территориального органа МВД России, в том числе об отделе (отделении, группе, направлении по связям со СМИ) (подп. 6 п. 16);

- создает при необходимости в пределах утвержденных нормативов штатной численности

- и категорий должностей временные формирования – внештатные пресс-группы, необходимые для реализации возложенных на территориальный орган задач и осуществления ими своих полномочий по организации взаимодействия со СМИ (подп. 9 п. 16);

- обеспечивает соблюдение законности при осуществлении подчиненными сотрудниками взаимодействия с общественными организациями и СМИ (подп. 10 п. 16);

- организует и осуществляет контроль за законностью решений и действий должностных лиц территориального органа по организации взаимодействия с общественными организациями и СМИ (подп. 10 п. 16);

- информирует в соответствии с законодательством Российской Федерации в установленном порядке население, органы местного самоуправления, общественные объединения и организации о деятельности органов предварительного следствия (подп. 11 п. 16);

- предоставляет в установленном порядке сведения о деятельности органов предварительного следствия общественным организациям и СМИ (подп. 12 п. 16);

- обеспечивает в части, касающейся органов внутренних дел, реализацию мероприятий, предусмотренных государственными программами Российской Федерации, государственными программами соответствующего субъекта Российской Федерации и муниципальными программами в части организации взаимодействия с общественными организациями и СМИ (подп. 13 п. 16);

- издает в пределах своей компетенции правовые акты по вопросам организации взаимодействия органов предварительного следствия с общественными организациями и СМИ, обеспечивает контроль за их исполнением (подп. 16 п. 16) и др.

Схемы распределения обязанностей между субъектами управления зависят от структур территориальных органов МВД России на районном уровне и объемов полномочий указанных должностных лиц. В ОПС территориальных органов МВД России на районном уровне, как правило, обязанности по организации взаимодействия со СМИ возложены на руководителей соответствующих следственных органов. В территориальных органах МВД России по нескольким муниципальным образованиям полномочия по организации взаимодействия ОПС со СМИ могут быть возложены и на одного из сотрудников аппарата управления данных органов⁴.

³ Об утверждении Положения о территориальном органе МВД России на районном уровне: приказ МВД России от 5 июня 2017 г. № 355.

⁴ Об утверждении Типового положения и Типовой структуры следственного управления при УВД по городу (городскому округу), по нескольким муниципальным образованиям: приказ МВД России от 26 января 2009 г. № 52.

Таким образом, знание начальником территориального органа МВД России своих полномочий в сфере организации совместной деятельности ОПС с общественными организациями и СМИ будет способствовать повыше-

нию результативности расследования преступлений, изменению в положительную сторону общественного мнения как о деятельности органов внутренних дел в целом, так и органов предварительного следствия в частности.

Список литературы:

1. *Аллиулов Р.Р.* Формы и методы взаимодействия подразделений полиции в сфере реализации оперативно-служебных задач // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 3 (21).
2. *Баконин А.Д.* Процессуальное взаимодействие правоохранительных органов, суда со средствами массовой информации при расследовании и рассмотрении дел о правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.
3. *Бучакова М.А., Дизер О.А., Александров А.Н.* Теория и практика судебной защиты чести и достоинства, деловой репутации сотрудников органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 2 (31).
4. *Дмитриева Е.А.* Взаимодействие органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественными организациями. М., 2013.
5. *Ишин А.М.* Использование средств массовой информации при установлении и розыске лиц, совершивших преступления, в ходе предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.
6. *Корнеева М.П.* К вопросу правового регулирования организации взаимодействия органов предварительного расследования системы МВД России со средствами массовой информации // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 3 (31).
7. *Корнеева М.П.* Проблемы организации в органах предварительного следствия и дознания системы МВД России взаимодействия со средствами информации и пути их решения // Закон и право. 2016. № 1.
8. *Корнеева М.П.* Организация в органах предварительного следствия и дознания системы МВД России взаимодействия со средствами массовой информации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. Т. 2.
9. *Крылов А.В.* Взаимодействие органов прокуратуры со средствами массовой информации в досудебном производстве. М., 2006.
10. *Наумкин Ю.В.* Взаимодействие правоохранительных органов с учреждениями массовой информации в обеспечении социалистического правопорядка: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 1988.

References:

1. *Alliulov R. R.* Formy i metody vzaimodejstviya podrazdelenij policii v sfere realizacii operativno-sluzhebnyh zadach // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 3 (21).
2. *Bakonin A. D.* Processual'noe vzaimodejstvie pravoohranitel'nyh organov, suda so sredstvami massovoj informacii pri rassledovanii i rassmotrenii del o pravonarusheniyah: dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2004.
3. *Buchakova M. A., Dizier O. A., Aleksandrov A. N.* Teoriya i praktika sudebnoj zashchity chesti i dostoinstva, delovoj reputacii sotrudnikov organov vnutrennih del // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2016. № 2 (31).
4. *Dmitrieva E. A.* Vzaimodejstvie organov prokuratury so sredstvami massovoj informacii i obshchestvennymi organizacijami. M., 2013.
5. *Ishin A. M.* Ispol'zovanie sredstv massovoj informacii pri ustanovlenii i rozyske lic, sovershivshih prestupleniya, v hode predvaritel'nogo sledstviya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1996.
6. *Korneeva M. P.* K voprosu pravovogo regulirovaniya organizacii vzaimodejstviya organov predvaritel'nogo rassledovaniya sistemy MVD Rossii so sredstvami massovoj informacii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2014. № 3 (31).
7. *Korneeva M. P.* Problemy organizacii v organah predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya sistemy MVD Rossii vzaimodejstviya so sredstvami informacii i puti ih resheniya // Zakon i pravo. 2016. № 1.
8. *Korneeva M. P.* Organizaciya v organah predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya sistemy MVD Rossii vzaimodejstviya so sredstvami massovoj informacii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2016. T. 2.
9. *Krylov A. V.* Vzaimodejstvie organov prokuratury so sredstvami massovoj informacii v dosudebnom proizvodstve. M., 2006.
10. *Naumkin Yu. V.* Vzaimodejstvie pravoohranitel'nyh organov s uchrezhdeniyami massovoj informacii v obespechenii socialisticheskogo pravoporyadka: avtoref. dis. ... d-ra. yurid. nauk. M., 1988.
11. *Polovinkin V. A.* Rol' obshchestvennyh organizacij i naseleniya v processe protivodejstviya prestupnosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 2 (70).

11. *Половинкин В.А.* Роль общественных организаций и населения в процессе противодействия преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70).
12. *Рогова А.А.* Использование материалов СМИ в доказывании по уголовным делам на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.
13. *Тюменцев А.Н.* Организационно-правовые и тактические вопросы использования средств массовой информации при расследовании и профилактике преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.
12. *Rogova A.A.* Ispol'zovanie materialov SMI v dokazyvanii po ugovolnym delam na dosudebnyh stadiyah ugovolnogo sudoproizvodstva: dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2016.
13. *Tyumencev A.N.* Organizacionno-pravovye i takticheskie voprosy ispol'zovaniya sredstv massovoj informacii pri rassledovanii i profilaktike prestuplenij: dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2000.

E-mail: Kmp1314@mail.ru

Д. В. ПОТАПОВ,
преподаватель кафедры уголовного права
(Феодосийская финансово-экономическая академия)

D. V. POTAROV,
Lecturer at the Department of the Criminal Law
(Feodosiya Financial Economical Academy)

УДК 004.738:343

О создании цифровой платформы взаимодействия в ходе досудебного производства надзирающего прокурора и органа предварительного расследования

About Creation of a Digital Platform for Interaction During the Pre-Trial Proceedings of a Supervising Prosecutor and a Preliminary Investigation Body

Развитие цифровых технологий может существенно изменить систему взаимодействия прокуратуры и органов предварительного расследования. Введение «Государственной автоматизированной системы правовой статистики» является первым шагом к созданию информационной платформы для управления прокуратурой всеми субъектами предварительного расследования. Однако прежде чем оцифровывать модель досудебного производства, ее следовало бы вначале реформировать: отказаться от следственной формы. Прокуратуру следует сделать центром системы управления досудебным производством состязательного типа. Прокуратура должна быть не только оператором информационной системы уголовной статистики, но и процессуальным руководителем деятельности по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений и предъявлению обвинения.

Уголовный процесс, цифровые технологии, взаимодействие, прокурор, органы предварительного расследования.

Digital technologies' development can significantly change a system of interaction between a prosecutor's office and the bodies of a preliminary investigation. The introduction of the "State Automated System of Legal Statistics" is the first step towards creation of an information platform for the administration of a prosecutor's office by all the subjects of a preliminary investigation. However before digitizing a model of the pre-trial proceedings, it should be first reformed, namely: to abandon the investigative form. It is necessary to make a prosecutor's office the center of the management system of the pre-trial proceedings of an adversarial type. A prosecutor's office should be not only an operator of an information system of the criminal statistics, but also a procedural leader in the detection, investigation and disclosure of crimes and bringing charges.

Criminal process, digital technologies, interaction, prosecutor, preliminary investigation bodies.

Современное досудебное производство представляет собой *российскую модификацию* широко распространенной на европейском континенте организации *следственной* уголовно-процессуальной деятельности. Суть правовой модели досудебного производства заключается в том, что досудебное производство составляет

структурную часть «уголовного судопроизводства» и главным правоприменителем в ней сегодня является орган предварительного расследования, а непосредственное правоприменение на стадиях досудебного производства построено на балансе полномочий следственной, прокурорской и судебной властей. Последние две осу-

шествляют контрольно-надзорные функции за правоприменением. Это совершенно уникальная система сдержек и противовесов властей, призванная гарантировать законность, а также права и свободы лиц, ставших участниками этой части процесса. Каждая из этих властей позиционирует себя как самостоятельная и независимая, и между ними существует непростой правовой механизм взаимодействия, складывавшийся годами в ходе многочисленных изменений порядка досудебного производства.

Сейчас можно говорить о некоем равновесии (скорее всего временном) между полномочиями прокуратуры и органа предварительного следствия в системе обвинения, хотя каждый из партнеров имеет планы на получение превосходства, позволяющего ему быть хозяином досудебного правоприменительного процесса. Так, некоторые идеологи следственной власти предлагают полностью вывести прокурора из предварительного расследования и даже уполномочить представителей следственного органа поддерживать государственное обвинение в суде (представители Московской академии Следственного комитета РФ). Сторонники прокурорской модели досудебного производства, напротив, выступают за возврат прокурору ранее имевшихся у него полномочий на возбуждение уголовного дела, дачу указаний следователю, обязательных для исполнения, и пр. Более того, процессуальное подчинение следователя прокурору некоторым исследователям видится недостаточным, поэтому периодически возникает тема о введении административной ответственности следователя за невыполнение указаний надзирающего прокурора¹. Многие из того, что сегодня предлагается представителями прокуратуры и сторонниками «следственной власти», а затем дебатировать на научных площадках, является последствием издержек той системы, которая представляет собой современное досудебное производство.

Новый повод к очередному пересмотру управления этой системой дает начавшаяся в нашей стране кампания по *оцифровыванию государственного управления*. В планах стоит создание *государства как информационной платформы*, на которой все виды государственных услуг, предоставляемых населению и бизнесу, будут максимально автоматизированы (оцифрованы)². Целями внедрения цифровых технологий в отправление государством различ-

ных функций, в том числе функции уголовной юстиции (как части концепции «электронного правосудия»), являются повышение эффективности деятельности правоохранителей, ликвидация избыточных, бюрократических схем и коррупции.

Прокуратура в силу того, что на нее была возложена обязанность по ведению уголовной статистики (ст. 51 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»³), объективно стала одним из «драйверов» этого направления в развитии российской государственности. Имеется в виду созданный Генеральной прокуратурой РФ пилотный проект «Государственная автоматизированная система правовой статистики» (далее – ГАС ПС) [5].

По замыслу создателей ГАС ПС, изложенной в проекте Указа Президента РФ «О государственной автоматизированной системе правовой статистики» (далее – «Проект Указа Президента России о ГАС ПС»), она будет представлять собой единую централизованную систему сбора, обработки и хранения статистических данных о зарегистрированных сообщениях о преступлениях, состоянии преступности, состоянии и результатах следственной работы и прокурорского надзора [4]. ГАС ПС предназначена для обеспечения автоматизированной поддержки функций Генеральной прокуратуры РФ по осуществлению государственного единого статистического учета заявлений и сообщений о преступлениях, состоянии преступности, раскрываемости преступлений, состояния и результатов следственной работы и прокурорского надзора, а также по формированию и представлению отчетности органов прокуратуры Российской Федерации [4].

Во-первых, данная система имеет цели, далеко выходящие за рамки простого информационного обеспечения взаимодействия между прокуратурой, как оператором системы, и другими *пользователями*⁴, под которыми понимаются и следователи. Фактически в ней заложена новая расстановка сил на информационно-правовом поле – *в пользу прокуратуры*.

В соответствии с содержанием «Проекта Указа Президента России о ГАС ПС» назначение системы выходит за рамки простого ведения прокуратурой уголовно-правовой статистики:

³ О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Анализируемым проектом предполагается наличие нескольких видов пользователей, которые имеют разную степень доступа к информации, размещенной на ГАС ПС. Пользователем открытых статистических данных может быть любое лицо. Информацией, передаваемой по внутреннему контуру (внутренний портал ГАС ПС), являются данные о профессиональных участниках уголовного процесса – должностных лицах правоохранительных органов.

¹ Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]: утв. Президентом РФ 5 декабря 2016 г. № Пр-2346. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Цифровая экономика Российской Федерации: программа: утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <https://government.ru/docs/all/112831/> (дата обращения: 09.01.2018).

ГАС ПС позволит *управлять информационным взаимодействием* всех органов, противодействующих преступности, и организовать единое информационное пространство в области борьбы с преступностью.

Во-вторых, в информационной системе (закрытом портале ГАС ПС) *оператор системы* в лице прокуратуры будет управлять ее элементами – «автоматизированными рабочими местами» следователей. Как базовый структурный элемент системы автоматизированное рабочее место должно быть у каждого следователя и дознавателя, руководителя следственного органа, органа дознания, начальников подразделения дознания и дежурной части правоохранительного органа. Каждый из этих субъектов в систему ГАС ПС войдет в виде автоматизированного рабочего места (рабочего кабинета), а именно того, кто будет уполномочен принимать решения о регистрации преступления, возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, а также принимать иные процессуальные решения, промежуточные и итоговые, которые являются предметом официальной статистики. Тем самым прокурор будет иметь техническую возможность проследить всю цепочку событий в уголовно-правовой сфере, начиная от получения сообщения о совершенном или готовящемся преступлении до вступления в законную силу судебного решения и его исполнения.

Таким образом, создатели ГАС ПС намереваются повысить *эффективность принятия управленческих решений в сфере борьбы с преступностью; обеспечить прозрачность процедур принятия решений в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации; достоверность и полноту учетных сведений о преступлениях на всех этапах уголовного судопроизводства*. Кроме того, система позволит создать «новые учеты» событий и фактов, связанных с нарушениями российского законодательства. В дальнейшем предполагается интеграция на платформе ГАС ПС всех остальных информационных ресурсов, систем учета, которые ведут другие правоохранительные органы – МВД, ФСБ, ФСИН России, Следственный комитет РФ, а также Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Более того, судя по «Проекту Указа Президента России о ГАС ПС», усматривается общий контур системы информационной безопасности, также ориентированный на ведущую роль прокуратуры.

Следовательно, прослеживается тренд в сторону глобального мониторинга прокуратурой информационного пространства в сфере статистических данных о состоянии преступности и результатах расследования преступлений во-

круг прокурорской власти. Выстраивается такая конфигурация отношений между пользователями информационными ресурсами системы ГАС ПС в лице органов предварительного расследования и органов дознания и оператором системы в лице органов прокуратуры, в которой прокуроры будут контролировать ситуацию и реагировать на нее предоставленными им уголовно-процессуальными средствами, а также давать оценку эффективности их деятельности.

Однако уже очевидно, что этим планам в полной мере не удастся реализоваться, поскольку этому будут «сопротивляться» коллеги из Следственного комитета РФ, а главное – ФСБ России. Указ Президента РФ «О совершенствовании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации»⁵ дает недвусмысленный ответ о расстановке сил в системе обеспечения кибербезопасности и месте ФСБ и прокуратуры в агрегируемой модели «информационного государства».

Как нам представляется, концептуальным пороком анализируемого проекта информационной системы обеспечения прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного расследования является то, что данная система ориентирована на существующую модель прокурорского надзора в уголовном процессе и порядок ведения статистического учета. Иными словами, это попытка перевести в цифровую плоскость действующую модель досудебного производства и потому данная попытка, по нашему мнению, обречена на неудачу.

Хотя разработчики системы не скрывают тот факт, что воспользовались казахским опытом оцифровки деятельности правоохранительных органов по регистрации сообщений о преступлениях, однако они не учли или сознательно игнорируют тот факт, что это сопровождалось принятием нового УПК Республики Казахстан и коренной реформой досудебного производства, в частности – ликвидацией стадии возбуждения уголовного дела.

Такой подход представляется правильным, поскольку прежде чем оцифровывать систему, ее необходимо реформировать. В существующем же виде система ГАС ПС создаст только дополнительную нагрузку на пользователей «автоматизированными рабочими местами», т. е. следователей, дознавателей, которые вынуждены будут «вбивать» в информационную систему сканы составляемых в письменном

⁵ О совершенствовании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации: указ Президента РФ от 22 декабря 2017 г. № 620 // СЗ РФ. 2017. № 52 (ч. 1). Ст. 8112.

виде процессуальных документов и вести два дела: одно в письменном виде, а его копию — в электронном. Это наихудший вариант развития механизма правоприменения как для самих правоприменителей, так и для общества.

Система ГАС ПС (2015–2016 гг.) оказалась проектом, опередившим свое время. Это видно даже по используемой в нем терминологии, а главное, по самой идее разработчиков. Между тем ситуация за последний год радикально изменилась. В планах руководства страны стоит реализация цифровой концепции «государство — как платформа». Приказ Генпрокуратуры России «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года (вместе с "Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года")»⁶ является ответом на эту новую политику — и потому, на наш взгляд, проект системы ГАС ПС должен быть скорректирован с учетом изменившейся политико-правовой обстановки.

Также рассмотрим и модель взаимодействия прокуратуры и органов уголовного преследования, которую, на наш взгляд, следует оцифровывать как экосистему на платформе цифрового государства. Мы разделяем позицию нижегородских процессуалистов [1, 3], согласно которой необходимо радикально реформировать правовую организацию досудебного производства. В первую очередь избавиться от излишних, бюрократических процедур и институтов, к которым мы относим процедуры возбуждения уголовного дела, ведения предварительного следствия, систему следственных действий и решений, а также сам институт следственной власти.

Целесообразными представляются предложения таких ученых, как А. С. Александров, Б. Я. Гаврилов [1, 2, 3], о ликвидации институ-

⁶ Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года»): приказ Генпрокуратуры России от 14 сентября 2017 г. № 627.

та предъявления обвинения в досудебном производстве и переходе со следственного на судебный порядок предъявления (выдвижения) прокурором обвинения (уголовного иска). Все ныне существующие процессуальные решения органа предварительного расследования о движении уголовного дела (возбуждение уголовного дела, предъявление обвинения, обвинительное заключение и пр.) выпадают из системы. Соответственно, вместо компетентного государственного органа, принимающего вышеуказанные решения, должен стать полицейский агент обвинительной власти, осуществляющий уголовный розыск. Сама же модель досудебного производства как система реестров данных, агрегированных в виде цифровой платформы, должна включать два элемента: регистрацию сообщения о преступлении и принятие соответствующего процессуального решения.

Тем самым информационная система досудебного производства должна быть замкнута на прокуратуре, а судопроизводства — на Судебном департаменте при Верховном суде РФ. В системе управления досудебным производством прокуратурой с помощью цифровых технологий должны контролироваться регистрация сообщений о преступлениях (ведение соответствующего Реестра) — *исходы* досудебного производства (прокурорские и судебные) как *промежуточные решения*, когда решение о передаче уголовного дела в суд откладывается по объективным причинам, так и *итоговые решения обвинительной власти*. При этом должна быть сквозная сверка на общей цифровой платформе данных: сколько «дел» на выходе из прокурорской системы, столько же должно быть и на входе в судебную систему. Судебный департамент при Верховном Суде РФ должен вести регистрацию предъявленных уголовных обвинений и решений, принятых по ним судебным органом, дел (обвинения и защиты), поступивших на рассмотрение судов для принятия решения по существу, решений судов о назначении судебного заседания для принятия окончательного решения по делу (материалу).

Список литературы:

1. Александров А. С., Кухта А. А. Власть следственная и власть обвинительная: квадратура круга // Правоведение. 2009. № 4.
2. Гаврилов Б. Я. Предъявление обвинения в досудебном производстве: есть ли основания к его реорганизации // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44).
3. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской

References:

1. Aleksandrov A. S., Kuhta A. A. Vlast' sledstvennaya i vlast' obvinitel'naya: kvadratura kruga // Pravovedenie. 2009. № 4.
2. Gavrilov B. Ya. Pred'yavlenie obvineniya v dosudebnom proizvodstve: est' li osnovaniya k ego reorganizacii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 4 (44).
3. Doktrinal'naya model' ugovovno-processual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossijskoj Federacii i

- ской Федерации и комментарии к ней / под ред. А. С. Александрова. М., 2015.
4. О государственной автоматизированной системе правовой статистики [Электронный ресурс]: проект Указа Президента РФ (подготовлен Минюстом России). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
  5. Портал технической поддержки и дистанционного обучения «Государственная автоматизированная система правовой статистики». URL: <http://www.gasps-support.genproc.gov.ru> (дата обращения: 09.01.2018).
- kommentarii k nej / pod red. A. S. Aleksandrova. M., 2015.
4. O gosudarstvennoj avtomatizirovannoj sisteme pravovoj statistiki [Ehlektronnyj resurs]: proekt Ukaza Prezidenta RF (podgotovlen Minyus-tom Rossii). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
  5. Portal tekhnicheskoy podderzhki i distancion-nogo obucheniya «Gosudarstvennaya avtoma-tizirovannaya sistema pravovoj statistiki». URL: <http://www.gasps-support.genproc.gov.ru> (data obrashcheniya: 09.01.2018).
- E-mail: susar.fedorov@yandex.ru

А. Г. РЕПЬЕВ,
старший преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности органов внутренних дел,
кандидат юридических наук
(Барнаульский юридический институт МВД России)

A. G. REPYEV,
Candidate of Law,
Senior Lecturer at the Department of Administrative Law
and Administrative Functioning of Law Enforcement Bodies and Units
(Barnaul Law Institute of the Interior Ministry of Russia)

УДК 311.312:351.74

Оценка эффективности деятельности участковых уполномоченных полиции на основе статистических данных: анализ, планирование, прогнозирование

Use of Statistics to Evaluate Professional Performance by Neighborhood Police Commissioners: Analysis, Planning, Forecasting

В статье представлены организационно-правовые и управленческие аспекты использования руководителем подразделения участковых уполномоченных полиции статистических данных в процессе повседневной организации их деятельности, позволяющие в совокупности повысить ее эффективность. Освещены проблемы формирования и анализа статистической отчетности о результатах деятельности участковых уполномоченных полиции, предложены пути их решения в целях успешного планирования и прогнозирования результатов оперативно-служебной деятельности.

Участковый уполномоченный полиции, статистика, организация деятельности, правовые преимущества.

The article offers a review of organizational, legal and managerial aspects of how heads of neighborhood police services can use statistics to optimize the everyday functioning of neighborhood police commissioners under their command. The author also proposes ways to solve problems encountered in putting together and analyzing statistical reports about neighborhood policing. The hope is better reporting will make for better planning and forecasting in this field of police work.

Neighborhood police commissioner, statistics, organization activity, legal preferences.

Современный руководитель, стремящийся быть компетентным в области правоведения, управленческих и социальных процессов, должен уметь работать со статистической информацией. Статистика как источник информационного ресурса направлена на изучение всех сфер жизни, исследование различных общественных явлений. Преступления и иные правонарушения, а также меры, принимаемые для их предупреждения, здесь не исключение.

В условиях реформирования и оптимизации органов внутренних дел, и в первую очередь служб аппарата управления, функции по организационно-аналитической работе в каждом конкретном подразделении возлагаются на соответствующих руководителей. Эта деятельность включает в себя как учет, изучение и анализ основных результатов оперативно-служебной деятельности подчиненных сотрудников, так и выработку мер по повышению

ее эффективности. Без изучения основных организационно-научных и правовых компонентов формирования статистической отчетности подразделений участковых уполномоченных полиции (далее – УУП) достичь высоких показателей оперативно-служебной деятельности достаточно трудно.

Деятельность УУП – это сложная система организационно-распорядительных, правоприменительных и правореализационных действий, связанных непосредственно с социальной средой. Она имеет свои специфические количественные и качественные характеристики, отличные от деятельности иных подразделений органов внутренних дел (следствия, дознания, уголовного розыска и др.).

Показателями оценки деятельности подразделений УУП являются:

- регистрация и учет преступлений и административных правонарушений, выявленных подчиненным личным составом; лиц, их совершивших; уголовных дел, возбужденных и оконченных производством, материалов; протоколов;
- проведение сверок учетных данных со статистическими данными информационных центров соответствующих территориальных органов МВД России на региональном уровне;
- осуществление контроля за полнотой и своевременностью регистрации сообщений, иной информации о преступлениях и правонарушениях;
- реализация контроля за своевременностью представления и качеством оформления подчиненными сотрудниками документов первичного учета, в том числе формирующих оперативно-справочные, розыскные и криминалистические учеты регионального и федерального уровней;
- обеспечение контроля за полнотой и объективностью сведений, отражаемых в документах первичного учета (об участии сил и средств в выявлении, раскрытии преступления, в установлении лиц, совершивших преступления, и др.);
- подготовка и доклад руководству территориального органа МВД России на районном уровне справочной и иной аналитической информации о результатах деятельности УУП.

Исследование эффективности деятельности УУП применительно к необходимости ее оценки и прогнозирования должно опираться на источник получения первичных данных, среди которых можно выделить нижеприведенные.

1. Официальные документально-справочные материалы (книга учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях; журнал учета приема граждан, их обращений и заявлений) [4]; протоколы, рапорты, докладные записки, статистические отчеты сотрудников УУП, а также иные документированные источники.

2. Материалы о выполнении плановых мероприятий (целевые региональные и районные комплексные программы профилактики, план основных организационных мероприятий, план профилактики правонарушений и преступлений территориальных органов МВД России на региональном уровне и др.).

3. Информация, поступающая из органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. Ряд направлений их деятельности тесно связан со службой УУП, в связи с чем руководителю подразделения УУП необходимо располагать сведениями о показателях работы общественных объединений правоохранительной направленности (народные дружины, казачество, оперативные молодежные отряды дружинников и т. д.), советов общественности и иных коллективных форм участия граждан в охране общественного порядка (общественные комиссии, советы отцов, бабушек и др.) [1, 2].

4. Материалы центральных и местных средств массовой информации. На каждом уровне организации управленческой деятельности (отделения) УУП и ПДН территориального органа МВД России на районном уровне до руководителя подразделения по организации деятельности УУП на региональном уровне – должна быть выработана практика повседневного мониторинга средств массовой информации и оперативного реагирования на их сообщения, а также учета общественного мнения. Одним из критериев соотношения конкретных статистических показателей деятельности УУП и оценки населением его работы выступает проведение ежегодного конкурса «Народный участковый»¹.

5. Материалы различных социологических исследований, оценок, прогнозов, проводимых в регионе научными учреждениями, общественными институтами и фондами, в том числе с участием органов внутренних дел; научная и специальная литература.

Сбор и проверка первичного материала являются первым этапом статистического исследования. Следующим этапом исследования является сводка. Так, обобщив итоги работы подчиненного личного состава², начальник подразделения на основе рапортов всех участковых уполномоченных полиции формирует итоговую таблицу статистических показателей работы. Разработка показателей и критериев

¹ О ежегодном Всероссийском конкурсе МВД России «Народный участковый»: приказ МВД России от 27 июля 2012 г. № 727 (в ред. от 30.12.2015).

² Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 (в ред. от 08.09.2016).

оценки деятельности УУП имеет определенные объективные сложности, которые вызваны прежде всего многофункциональностью данной службы, большим объемом выполняемых задач, количественной неопределенностью ряда параметров ее функционирования как системы, наличием латентных факторов, влияющих на конечные результаты деятельности, недостаточным качеством исходной статистической базы и иными обстоятельствами.

При определении критериев оценки деятельности УУП следует учитывать их роль в повышении эффективности профилактической работы, методов воздействия на складывающуюся обстановку.

Одной из наиболее перспективных является методика оценки деятельности УУП, основанная на использовании балльных индексов. Ее суть состоит в том, что каждому направлению работы с учетом важности и весомости присваивают определенный индекс (количественный показатель) на условную единицу затрачиваемого труда (уголовное дело, мероприятие и т. п.). Затем путем умножения единиц работы на соответствующий индекс получают сумму баллов, на основе которых делаются выводы о напряженности выполненной работы. Так, административные правонарушения, как и преступления, характеризуются показателями абсолютного количества, уровня, структуры, динамики, территориальной и ведомственной распространенности. Применительно к службе УУП изучаются наиболее распространенные нарушения — мелкое хулиганство (ст. 20.1), несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре (ст. 19.24), употребление наркотических средств, психотропных веществ (ст. 6.8–6.10, ч. 2 ст. 20.20)³ и др.

Руководителям служб УУП на местах необходимо помнить, что аналитическое исследование обстановки, складывающейся в сфере профилактической работы на административном участке, индивидуально-профилактической работы с лицами, состоящими на учете в органах внутренних дел, пресечения нарушений административного законодательства, не менее значимо, чем изучение преступности. Отсюда вытекает задача обеспечения необходимого уровня аналитической работы для оценки этого важного элемента оперативной обстановки.

Для реализации вышеизложенных положений, совершенствования информационного обеспечения органов внутренних дел, а также повышения эффективности деятельности террито-

риальных органов МВД России на региональном и районном уровнях ГУОООП МВД России активно внедряется в практическую деятельность Сервис обеспечения охраны общественного порядка (далее — СООП). На перспективность такого направления, как использование в служебной деятельности современных информационных технологий, не раз обращалось внимание ученого сообщества [5].

СООП позволяет формировать статистические показатели о результатах оперативно-служебной деятельности подразделений системы МВД России не только в автоматизированном виде через интегрированные банки данных федерального (ИБД-Ф) и регионального (ИБД-Р) уровней. Предусмотрена также возможность поиска данных по запросам с различными критериями. Вместе с тем, исходя из опыта практической апробации указанного сервиса, эта деятельность будет осложнена рядом факторов.

В первую очередь возникает вопрос об оснащении УУП персональными компьютерами и оргтехникой. Безусловно, за последние годы данный компонент оперативно-служебной деятельности серьезным образом укрепился. Проведенное нами исследование показало, что в целом обеспеченность по стране достаточно высока (в среднем она составляет 73,2%), а в отдельных регионах (ГУ МВД России по Ставропольскому краю) достигает 90%⁴. Вместе с тем при организации информационно-аналитической и статистической работы ключевое значение приобретает наличие компьютеров, подключенных к ресурсам интегрированной мультисервисной телекоммуникационной системы (далее — ИМТС).

Другой проблемой является внесение информации в компоненты СООП и ее корректировка. Очевидно, что данный процесс достаточно трудоемок и продолжителен по времени. Проведенное нами исследование показывает, что в среднем время, затрачиваемое УУП в городах страны на выполнение всех служебных обязанностей, составляет от 21 часа 42 минут до 24 часов 48 минут, в сельской местности — от 18 часов 30 минут до 21 часа 00 минут. Принимая во внимание сложившуюся в отдельных субъектах острую нехватку кандидатов на должности УУП (средний некомплект по стране превышает 5%), необходимо отметить, что это приводит к увеличению

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 07.02.2017) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2017. № 1 (ч. 1). Ст. 47.

⁴ Автором настоящей работы изучены результаты оперативно-служебной, профилактической, уголовной и административной деятельности, а также показатели укомплектованности штатной численности, обеспеченности компьютерами и оргтехникой подразделений УУП 19 субъектов Российской Федерации: республик Дагестан и Татарстан; Алтайский, Краснодарский, Приморский, Ставропольский и Хабаровский края; Астраханская, Белгородская, Вологодская, Калининградская, Кемеровская, Курганская, Мурманская, Новосибирская, Пензенская, Рязанская, Свердловская и Тамбовская области.

нагрузочных показателей на действующих сотрудников. Так, в УМВД России по Приморскому краю некомплект в подразделениях УУП составляет 9,5 % от штатной численности личного состава, в ГУ МВД России по Новосибирской области и УМВД России по Рязанской области – 12,9 % и 14,0 %, соответственно. В этой связи необходимо предусмотреть дополнительные меры по укомплектованию штатной численности подразделений УУП за счет социальных и правовых преимуществ, например, льготное исчисление выслуги лет при назначении пенсий сотрудникам полиции, увольняемым с должностей УУП. В современных экономических условиях, с учетом специфики работы со статистическими сведениями, решение проблемы внесения ин-

формации в компоненты СООП и ее корректировки допустимо путем введения в штат службы дополнительных единиц из числа работников. Безусловно, при организации данной работы особую важность приобретают обеспечение информационной безопасности при эксплуатации различных ведомственных статистических и справочных ресурсов и систем, а также защита персональных данных [3].

Отмеченные аспекты при их правильной реализации непременно должны сказаться на повышении эффективности повседневной деятельности УУП, оптимизации рационального использования личного состава по отдельным направлениям оперативно-служебной деятельности.

Список литературы:

1. Гугунский А. Н., Ильин П. О. К вопросу о правовых основах участия граждан в охране общественного порядка // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2 (38).
2. Зайцев И. А., Репьев А. Г. О некоторых проблемах совершенствования законодательства в сфере участия граждан в охране общественного порядка // Административное право и процесс. 2015. № 3.
3. Лебедев В. Н. Система технической защиты персональных данных в органах внутренних дел Российской Федерации: основные положения и элементы // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 1 (29).
4. Репьев А. Г. Обеспечение прав и законных интересов личности при рассмотрении участковым уполномоченным полиции заявлений и сообщений граждан: региональный аспект // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20).
5. Степанов О. А. О перспективах использования информационных технологий в рамках государственного строительства в российском обществе // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 2 (34).

References:

1. Gugunskij A. N., Il'in P. O. K voprosu o pravovyh osnovah uchastiya grazhdan v ohrane obshchestvennogo poryadka // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2016. № 2 (38).
2. Zajcev I. A., Rep'ev A. G. O nekotoryh problemah sovershenstvovaniya zakonodatel'stva v sfere uchastiya grazhdan v ohrane obshchestvennogo poryadka // Administrativnoe pravo i process. 2015. № 3.
3. Lebedev V. N. Sistema tekhnicheskoy zashchity personal'nyh dannyh v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii: osnovnye polozheniya i ehlementy // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2014. № 1 (29).
4. Rep'ev A. G. Obespechenie prav i zakonnyh interesov lichnosti pri rassmotrenii uchastkovym upolnomochennym policii zayavlenij i soobshchenij grazhdan: regional'nyj aspekt // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2016. № 2 (20).
5. Stepanov O. A. O perspektivah ispol'zovaniya informacionnyh tekhnologij v ramkah gosudarstvennogo stroitel'stva v rossijskom obshchestve // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2015. № 2 (34).

E-mail: rejev-artem@yandex.ru

А. Д. УЛЬЯНОВ,
доцент кафедры организации деятельности
органов внутренних дел
центра командно-штабных учений,
кандидат юридических наук, доцент
(Академия управления МВД России)

A. D. ULYANOV,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Work Organization
of Bodies and Units of the Interior Ministry
in the Center for Command Staff Trainings
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 35.083.5

Контроль служебной деятельности как способ обеспечения исполнительской дисциплины в территориальных органах МВД России

Control for Service Activity as a Method of Executive Discipline in the Territorial Bodies of the Interior Ministry of the Russian Federation

В статье анализируются состояние исполнительской дисциплины и контроля в территориальных органах МВД России, факторы, препятствующие их упорядоченности, а также предлагается методика контроля за исполнительской дисциплиной.

The article analyzes a status of executive discipline and control in the territorial bodies of the Interior Ministry of the Russian Federation, and also the factors that impede their ordering. A method over executive discipline is proposed.

Исполнительская дисциплина, контроль, оценка, умение контролировать, руководитель, методика контроля.

Executive discipline, control, assessment, ability to control, head, control method.

От совершенствования управленческой деятельности в органах внутренних дел зависит успешная реализация поставленных перед системой задач. В комплексе управленческих работ контроль как важнейшая функция управления применяется наряду с другими направлениями, интегрированными единством содержания и целевой направленностью: информационно-аналитической работой, планированием, координацией, регулированием. Исходя из международных требований, в органах полиции должны иметь место системы контроля для оценки выполнения работы их сотрудниками. Демократические основы полицейской деятельности требуют постоянного контроля качества услуг, предоставляемых общественности [6].

В одной из своих статей глава государства В.В. Путин отмечал, что «государство — это не просто земля, на которой мы живем и работаем, не просто очерченная границами географическая территория, это прежде всего закон, это конституционный порядок и дисциплина. Если эти инструменты слабы, то слабо и государство или его попросту нет» [5]. Дисциплина отражает различные стороны общественных связей в процессе совместной работы коллектива, подчиненной интересам общества и государства, и в результате этого проявляет свою сущность, которая выражается в упорядоченности, согласованности, строгой регламентации служащих и их трудового поведения.

Значение контроля подчеркивается рядом нормативных правовых актов, в которых отме-

чается, что для достижения социально приемлемого уровня деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) важно укрепление исполнительской дисциплины, повышение эффективности работы с личным составом и уровня профессионализма сотрудников ОВД¹.

На рабочем совещании при Министре внутренних дел Российской Федерации «О мерах по совершенствованию системы контроля за деятельностью органов внутренних дел» было констатировано, что «имеющиеся недостатки системы ведомственного контроля напрямую связаны с неоправданным документооборотом, дублированием функций смежных департаментов, низким уровнем исполнительской дисциплины, многочисленными нарушениями требований нормативных документов МВД России, упорядочивающих различные виды контрольной деятельности...»². Актуальность сказанного не утратила силу. В протоколе данного совещания подчеркнута важность реализации первоочередных мер, направленных на совершенствование ведомственной системы контроля, усиление влияния на уровень исполнительской дисциплины и конечные результаты оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.

Исполнительская дисциплина характеризуется своевременностью и качественным выполнением сотрудниками управленческих решений: приказов, распоряжений, указаний, принятых вышестоящими органами, а также должностными лицами руководящего состава территориальных органов МВД России. Так, в соответствии с Методикой изучения и оценки правовой работы в территориальных органах МВД России и деятельности их правовых подразделений в ходе инспектирования и целевых проверок³ по направлению «Управленческая деятельность руководителя (начальника) правового подразделения» показатель: «Организация в правовом подразделении приказов, решений коллегии, указаний МВД России, иных управленческих решений по вопросам правовой работы» оценивается положительно, если руководитель «определяет исполнителей и конкретные

меры по реализации поручений, обеспечивает и лично осуществляет контроль за их исполнением; своевременно докладывает руководителю (начальнику) проверяемого органа об исполнении приказов, решений коллегии, указаний МВД России по вопросам правовой работы». В случае, если указания (резолуции) руководителя исполнителям неконкретны и (или) их исполнение не контролируется, либо доклады начальнику проверяемого органа об исполнении правовых документов, указаний своевременно не осуществляются, работа оценивается «неудовлетворительно».

Понятие «исполнительская дисциплина» нужно отличать от содержания термина «служебная дисциплина». В соответствии со ст. 47 ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» служебная дисциплина – это неуклонное «соблюдение сотрудником органов внутренних дел установленных законодательством Российской Федерации, Присягой сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, дисциплинарным уставом органов внутренних дел Российской Федерации, контрактом, приказами и распоряжениями руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, приказами и распоряжениями прямых и непосредственных руководителей (начальников) порядка и правил выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав»⁴. Таким образом, понятие служебной дисциплины шире, чем сущностные признаки термина «исполнительская дисциплина», и состоит, прежде всего, в точном, ответственном и качественном выполнении каждым сотрудником возложенных на него служебных обязанностей.

В некоторых публикациях укрепление исполнительской дисциплины в органах государственного управления рассматривается расширенно, что является одновременным достижением в организации и деятельности государственных служащих ряда показателей: качества оказанных населению государственных услуг; оперативности в принятии решений органами исполнительной власти любого уровня, а также их должностными лицами; своевременности выполнения нижестоящими структурами и их должностными лицами руководящих решений вышестоящих органов и должностных лиц; результативности в деятельности, оцениваемой в качественных и количественных показателях [1].

¹ Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 5 декабря 2014 г. № 3км/2 «О состоянии ведомственного финансового контроля за целевым и эффективным использованием материальных, финансовых и трудовых ресурсов, обеспечением сохранности денежных средств и материальных ценностей органов внутренних дел, внутренних войск, организаций и подразделений, созданных для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России»: приказ МВД России от 15 января 2015 г. № 23.

² О мерах по совершенствованию системы контроля за деятельностью органов внутренних дел: протокол совещания при Министре внутренних дел Российской Федерации от 25 ноября 2008 г. № 21 см.

³ О системе изучения и оценки правовой работы в территориальных органах МВД России и деятельности их правовых подразделений в ходе инспектирования и целевых проверок: приложение к распоряжению МВД России от 29 февраля 2016 г. № 1/1663.

⁴ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 03.04.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации дается такое определение: «Исполнительская дисциплина включает контроль за исполнением поручений командиров (начальников) и исполнением служебных документов». В свою очередь, «контроль исполнительской дисциплины – процедура контроля соответствующими должностными лицами исполнения распоряжения или поручения с созданием записи и указанием срока исполнения поручения исполнителем»⁵.

Состояние исполнительской дисциплины напрямую зависит от профессионализма и компетенции личного состава, их социально-нравственных позиций [8]. Некоторые руководители считают, что главное – любыми средствами заставить подчиненных беспрекословно выполнять свои указания [3]. В противном случае, в частности, издаются приказы о наказании, которые основываются на негативной динамике показателей, без выявления причинно-следственных связей их ухудшения с организацией работы наказанных сотрудников, других должностных лиц, что может привести к перспективе обжалования принятых актов в судебном порядке. У высококомпетентных сотрудников, как правило, хорошо развита самодисциплина и позитивная ответственность, порой выходящая за рамки юридически установленной служебной ответственности [7]. Поэтому для побуждения их к активным действиям нет необходимости в повседневном контроле.

Приведем несколько обоснований необходимости контроля за исполнительской дисциплиной. Одно из них состоит в характерном для оперативной обстановки отсутствии стабильности и определенности, когда затруднена возможность оценки вероятности достижения позитивных результатов оперативно-служебной деятельности. Управленческие решения, проведение организационных мероприятий – это лишь модель того, каким бы представлялся руководству хорошо отлаженный механизм оперативно-служебной деятельности. Однако множество разнообразных факторов и детерминант, сложность и неоднозначность средовых характеристик могут активно препятствовать налаженной работе. Чтобы подготовиться и принять превентивные меры на действие ситуативных факторов в любой социальной организации, в том числе ОВД, и обстоятельств, требуется действенный расчет степени воздействия на них постоянно возникающих средовых изменений на условия их функционирования. С другой стороны, даже хорошо

разработанные планы и принятые решения могут порождать вопросы, которые заранее не могли быть «просчитаны» самыми добросовестными аналитиками. Например, в ходе раскрытия преступления могут возникнуть проблемы с интеграцией усилий оперативных подразделений и следствия, трения между сотрудниками, непонимание сути предпринимаемых действий. Иными словами, все, что привлекательно выглядит в документах, в реальной ситуации обрастает массой проблем, своевременное выявление которых дает возможность предотвращения их перерастания в сложности для всего подразделения. Другой фактор неопределенности – это подчиненные сотрудники, конкретные исполнители. Они не механизмы и их невозможно запрограммировать на выполнение любой задачи с абсолютной точностью.

Опережающий контроль становится тем средством, реализация которого должна помочь выявить, зафиксировать ошибки в механизме функционирования и избежать их повторения. Данный контроль базируется на предвидении, что предполагает мониторинг возможных изменений криминальной ситуации, внутриорганизационной деятельности и прогноз вероятного развития ситуации. Его сложность состоит в том, чтобы правильно определить эти переменные, построить модель сценариев, отразить в этой модели динамику событий, осуществить их оценку в контексте значимости предстоящей проверки, наметить и осуществить корректирующие мероприятия.

Следует обратить внимание на формулировку основных положений, изложенных в ст. 1 Лимской декларации руководящих принципов контроля, которая была принята IX Конгрессом Международной организации высших контрольных органов 1 января 1977 г., где указывается следующее: «Контроль – не самоцель, а неотъемлемая часть системы регулирования, целью которой является вскрытие отклонений от принятых стандартов и нарушений принципов, законности... на возможно более ранней стадии с тем, чтобы иметь возможность принять корректирующие меры, в отдельных случаях привлечь виновных к ответственности, получить компенсацию за причиненный ущерб или осуществить мероприятия по предотвращению или сокращению таких нарушений в будущем»⁶.

Умение контролировать и оценивать результативность труда своих подчиненных, соответствующим образом реагировать на ее высокий или низкий уровень – неперемнное качество любого руководителя. Оценка личностных качеств и результатов деятельности сотрудника выступает

⁵ Инструкция по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций): утв. постановлением Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 100 (в ред. постановления Пленума ВАС РФ от 11 июля 2014 г. № 49).

⁶ Лимская декларация руководящих принципов контроля [Электронный ресурс]: принята в г. Лиме 17–26 октября 1977 г. IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

важной задачей управления, поскольку позволяет обеспечивать подчиненных обратной информацией. Если такая оценка адекватна, она способна стимулировать и мотивировать сотрудника на достижение новых высоких результатов деятельности. В противном случае при ошибочной негативной оценке возможна рассогласованность и осложнение служебных отношений подчиненного с начальником. В соответствии с этим каждый исполнитель ожидает от начальника справедливой реализации организаторских умений, компетентности, разумного подхода, связанного с разработкой управленческого решения и контролем за исполнительской дисциплиной [9].

Осуществляя проверку, руководитель оценивается и в рамках неформальной организации работы в соответствии с ее установленными нормами. Подчиненными он может восприниматься как должностное лицо справедливое, авторитетное либо наоборот — человеком, оценки которого часто зависят от корыстной направленности его властных полномочий, личных пристрастий, симпатий и антипатий. Кроме того, адекватному восприятию усилий подчиненных мешают недооценка роли непосредственных контактов с ними (самоустранение от процесса управления), формальный характер этих контактов, получение информации о деятельности сотрудников от третьих лиц. Соблюдение субординационного баланса резко повышает профессионально ответственное отношение к работе самого исполнителя посредством создания таких условий стимулирования его интеллектуального, социального, личностного потенциала, которые способствуют успешному исполнению указаний вышестоящего должностного лица [4].

Оптимальное осуществление контроля за исполнительской дисциплиной обеспечивается рациональной методикой его проведения, которая включает в себя установленный алгоритм контрольной деятельности, а также совокупность приемов и способов, реализуемых при этом [8]. Вне зависимости от видов, форм контроля и качества его осуществления проверочная работа представляет собой простую последовательность этапов:

Первый — подготовительный;

Второй — процесс контроля;

Третий — подведение итогов.

Подготовка к проведению контроля состоит из следующего:

— планирования контрольной деятельности. В частности, в Инструкции УМВД России по Липецкой области по организации контроля за исполнением плановых мероприятий прямо прописано, что «запрещается брать на контроль документы и отдельные мероприятия, не носящие конкретного характера и не имеющие четко установленного срока исполнения»;

— определения круга лиц, в обязанность которых (возможно и делегирование полномочий) входит осуществление контроля (субъектов контроля): формирование инспекторских и иных комиссий, комплексных и целевых групп, передача части полномочий по осуществлению контроля. В упомянутой Инструкции указано, что начальник УМВД через штабное подразделение, отдел делопроизводства и режима (далее — ОДР), а при необходимости и лично осуществляет контроль за исполнением наиболее важных решений главы администрации области, приказов, планов работы и других нормативных документов МВД России, в которых прямо предусматривается установление его личного контроля, а также тех, которые берутся им на контроль по собственной инициативе;

— выбора методов и форм контроля, распределения между субъектами контрольных функций и контрольных заданий;

— предварительного изучения сведений об объекте контроля. В Инструкции УМВД России по Липецкой области подразделение Штаба и ОДР УМВД в соответствии с функциями по контролю имеют право запрашивать из подразделений аппарата регионального управления, территориальных органов МВД России районного уровня информацию о ходе исполнения взятых на контроль документов, поручений, возвращать исполнителям для доработки материалы по ним, проверять в подразделениях УМВД организацию контроля за исполнением, давать рекомендации по устранению выявленных недостатков, вносить предложения руководству УМВД о заслушивании руководителей служб, управлений, отделов о состоянии исполнительской дисциплины;

— инструктирования субъектов контроля.

Непосредственное осуществление контроля (процесс) включает в себя следующее:

— поиск, отбор, систематизацию, анализ собранных данных по проверяемым вопросам;

— обобщение полученных материалов;

— сравнение фактических результатов с установленными требованиями.

На этой стадии устанавливается «масштаб отклонений» — степень возможной допустимости отклонений от нормальной работы, в пределах которой определяются необходимые действия корректирующего характера [2]. Если выбран чрезмерно большой масштаб допустимых отклонений (аналог — попустительство), то это может привести к лавинообразному накоплению нерешенных проблем. Если масштаб выбран слишком маленький, должностные лица начальствующего состава будут реагировать на незначительные отклонения, что требует больших затрат времени, ресурсов, возникновения психологического дискомфорта. Зачастую это позволяет создавать видимость управления путем издания большого числа право-

вых актов индивидуального и общего характера, проведения множества организационных мероприятий;

– оказание всесторонней помощи контролируемым объектам (органам и подразделениям в разработке сбалансированных и реально осуществимых мер, направленных на улучшение их деятельности);

– регулирование системы или корректировка управленческих решений (подготовка предложений в соответствующие итоговые документы об устранении выявленных в ходе контрольной деятельности недостатков).

В Инструкции об организации контроля за выполнением планов, документов и поручений в УМВД России по Хабаровскому краю установлено, что субъекты контроля, а также сотрудники, которым поручено осуществление контрольных функций, ежемесячно проводят анализ состояния выполнения контрольных поручений и результаты докладывают соответствующему руководителю. Должностное лицо, которому поручено осуществлять контроль и проверку исполнения поручений, обязано установить в соответствующем подразделении УМВД по Хабаровскому краю (с возможным соисполнителем) контакт с начальником подразделения делопроизводства и режима и конкретным исполнителем; располагать оператив-

ными данными о ходе выполнения поручения, принимать соответствующие меры к обеспечению своевременного представления ответственным подразделением УМВД по краю (соисполнителем) материалов на доклад; в случаях нереальности выполнения указания к установленной дате затребовать предоставления от подразделения УМВД по краю – исполнителя – мотивированного рапорта о причинах невыполнения мероприятия и продлении сроков его выполнения.

Для различных форм и видов проверки исполнительской дисциплины объем работы на каждом этапе будет различным. Однако при любой форме контроля для обеспечения его созидательного влияния на процесс управления, конечные результаты деятельности подчиненных всегда необходимо осуществлять тщательную подготовку к нему. Логичным завершением в любом случае должны быть обоснованное подведение итогов, объективная оценка деятельности проверяемых. При этом нормы, ценности, которые руководитель ОВД культивирует, должны быть приемлемыми и значимыми для подчиненных, по возможности отражать их потребности и желания. Данные нормы должны целенаправленно доводиться до сотрудников, быть привлекательными. Усвоение норм подчиненными будет происходить успешнее в обстановке доверия.

Список литературы:

1. Гончаров В. В. Укрепление исполнительской дисциплины в системе исполнительной власти в Российской Федерации как основное средство борьбы с коррупцией // Следователь. 2012. № 9 (173).
2. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. 3-е изд. М., 2009.
3. Мотин В. В. Проблемы формирования профессионализма сотрудников органов внутренних дел // Труды ВИПК МВД России: Актуальные проблемы кадрового обеспечения органов внутренних дел: матер. межвузов. науч.-практ. конф. Домодедово, 2009. Вып. 24.
4. Муконина М. В. Организационно-экономические регуляторы профессионально ответственного отношения: методология и результаты исследования // Сибирский психологический журнал. 2014. № 53.
5. Путин В. В. Власть должна быть работающей // Рос. газ. 2000. 19 мая.
6. Руководство по демократическим основам полицейской деятельности [Электронный ресурс] // Официальный сайт организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. URL: <http://www.osce.org/policing> (дата обращения: 26.10.2017).

References:

1. Goncharov V. V. Ukreplenie ispolnitel'skoj discipliny v sisteme ispolnitel'noj vlasti v Rossijskoj Federacii kak osnovnoe sredstvo bor'by s korrupciej // Sledovatel'. 2012. № 9 (173).
2. Meskon M. H., Al'bert M., Hedouri F. Osnovy menedzhmenta. 3-e izd. M., 2009.
3. Motin V. V. Problemy formirovaniya professionalizma sotrudnikov organov vnutrennih del // Trudy VIPK MVD Rossii: Aktual'nye problemy kadrovogo obespecheniya organov vnutrennih del: materialy mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Domodedovo, 2009. Vyp. 24.
4. Mukonina M. V. Organizacionno-ehkonomicheskie regulatory profes-sional'no otvetstvennogo otnosheniya: metodologiya i rezul'taty issledovaniya // Sibirskij psihologicheskij zhurnal. 2014. № 53.
5. Putin V. V. Vlast' dolzhna byt' rabotayushchej // Ros. gaz. 2000. 19 maya.
6. Rukovodstvo po demokraticeskim osnovam policejskoj deyatel'nosti [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt organizacii po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope. URL: <http://www.osce.org/policing> (data obrashcheniya: 26.10.2017).

7. Сафронов А. Д. Деонтологическая ответственность сотрудников органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2 (42).
8. Шмелькова С. В. О необходимости исследования вопроса о формировании руководящих кадров территориальных органов в системе МВД России // Алтайский юридический вестник: научный журнал Барнаульского юридического института МВД России. 2017. № 2 (18).
9. Шурухнова Д. Н. Учет мнения сотрудников ОВД в рамках комплексной оценки деятельности сотрудников кадровых подразделений // Современные концепции административного права и процесса: теория и практика. Челябинск, 2017.
7. Safronov A. D. Deontologicheskaya otvetstvenost' sotrudnikov organov vnutrennih del // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 2 (42).
8. Shmel'kova S. V. O neobhodimosti issledovaniya voprosa o formirovanii rukovodyashchih kadrov territorial'nyh organov v sisteme MVD Rossii // Altajskij yuridicheskij vestnik: nauchnyj zhurnal Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2 (18).
9. Shuruhnova D. N. Uchet mneniya sotrudnikov OVD v ramkah kompleksnoj ocenki deyatel'nosti sotrudnikov kadrovyyh podrazdelenij // Sovremennye koncepcii administrativnogo prava i processa: teoriya i praktika. Chelyabinsk, 2017.

E-mail: alex_ulyanov@inbox.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

правоохранительной деятельности

М. А. ВАСИЛЬЕВА,
старший научный сотрудник научно-исследовательского центра,
кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)

M. A. VASILYEVA,
Candidate of Law,
Senior Researcher at the Research Center
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343.773

Криминалистические проблемы расследования приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины

Criminalistic Problems of Acquisition Investigation, Storage, Transportation, Processing for Sale or its Knowingly Sale Illegally Prepared Wood

В статье рассмотрены проблемные вопросы расследования преступлений, предусмотренных ст. 191.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины». Внесены предложения по использованию отдельных положений методики расследования незаконных рубок лесных насаждений для оптимизации раскрытия и расследования незаконного сбыта древесины.

Заведомо незаконная заготовка древесины, сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины, незаконная рубка лесных насаждений, криминалистическая методика.

The article considers the problematic issues of crimes investigation provided by the article 191.1 of the Criminal codex of the Russian Federation “Acquisition, Storage, Transportation, Processing for Sale or its Knowingly Sale Illegally Prepared Wood”. Proposals have been submitted for using of separate provisions of an investigation technique of the illegal cutting of the forest plantations for optimization of disclosure and investigation of the illegal sale of wood.

Knowingly illegal preparation of wood, sale of knowingly illegally prepared wood, illegal cutting of the forest plantations, criminalistic technique.

На территории нашей страны сосредоточены внушительные запасы лесных ресурсов. Так, площадь земель лесного фонда и земель иных категорий, на которых располо-

жены леса, по данным Рослесхоза, составляет 1 184,1 млн га, при этом 598,8 млн га лесов подлежат освоению и выступают в качестве эксплуатационных [5].

В связи с приведенными высокими показателями вызывает недоумение факт того, что лесное хозяйство России, не в пример зарубежным странам, убыточно. По информации председателя научного совета по лесу РАН А. С. Исаева, лесной доход федерального бюджета в 2015 г. составил 17 млрд руб., что обеспечило покрытие менее 60 % затрат федерального бюджета, направляемых на лесное хозяйство [4].

Помимо нерациональной организации охраны и защиты лесов в России и в целом недостаточно эффективной политики в области лесных отношений после принятия Лесного кодекса Российской Федерации¹ одной из основных проблем, мешающих развитию лесопромышленного комплекса и способствующих уничтожению богатейших природных ресурсов страны, на протяжении многих лет является незаконная рубка лесных насаждений и иные преступления, посягающие на сохранность лесов.

Общее количество зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений, квалифицируемых по ст. 260 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ), в 2016 г. составило 14 233 [3]. Официальные статистические данные могут дать лишь общее представление о количестве преступлений в этой сфере, значительно заниженное, поскольку они являются весьма латентными.

Вместе с тем, как отмечают некоторые авторы, в обстановке экологического кризиса, происходящего в планетарных масштабах, экологическая сфера признается стратегической, выступающей одним из показателей условий развития и роста политических и экосоциальных структур общества [6]. В складывающейся ситуации в нашей стране формируются дополнительные способы защиты окружающей среды. Так, с 2014 г. в УК РФ введена статья 191.1 УК РФ «Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины», направленная на усиление ответственности за преступления в сфере лесопользования.

По итогам 2015 г. на территории нашей страны зарегистрировано 134 преступления по ст. 191.1 УК РФ, при этом осуждены лишь 7 человек [7]. Для сравнения: в том же 2015 г. зарегистрировано 14 092 преступления по ст. 260 УК РФ, а осуждены 4 690 человек. Вместе с тем большинство преступников (67,5 % – согласно проведенному нами исследованию), совершивших незаконную рубку леса, имели умысел на продажу похищенного, в том числе различным коммерческим фирмам, при этом торгов-

ля сырьем становилась для них источником заработка, носила систематический характер [2]. Отметим, что при наличии умысла на сбыт древесины после совершения незаконной рубки, даже если его по не зависящим от них причинам не произошло, имеется необходимость квалификации преступления по ст. 191.1 УК РФ (или ч. 3 ст. 30, ст. 191.1 УК РФ – при покушении) и ст. 260 УК РФ одновременно. В таком случае 67,5 % незаконных рубок должно дополняться квалификацией по ст. 191.1 УК РФ, значит, в 2015 г. мы должны были бы зарегистрировать вместо 134 преступлений по ст. 191.1 УК РФ – 9 512 преступлений.

Приведенные данные указывают на высокую степень латентности преступлений, предусмотренных ст. 191.1 УК РФ, превышающую латентность преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ, а также свидетельствуют о крайне низкой эффективности деятельности правоохранительных органов в области выявления, раскрытия и расследования сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины, об отсутствии сложившейся практики работы по данному составу преступления, о недостаточном использовании рекомендаций криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений.

По нашему мнению, должны иметь место некоторые общие положения в криминалистической методике расследования незаконных рубок лесных насаждений и методике расследования приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыте заведомо незаконно заготовленной древесины, особенно в части установления личности преступника. Данный вывод основывается на следующем:

1) действия, направленные на сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины, могут быть рассмотрены не только как способ получения преступного дохода, но и как элемент способа сокрытия незаконной рубки лесных насаждений, а также являются логическим продолжением реализации механизма совершения незаконной рубки из корыстных побуждений;

2) распространена практика привлечения к уголовной ответственности за совершение незаконной рубки с последующим сбытом древесины одного и того же лица одновременно по двум составам преступления, предусмотренным ст. 191.1 и 260 УК РФ;

3) в некоторых случаях налицо общее место совершения преступления, одни и те же орудия и средства, а также цели совершения преступления.

По нашему мнению, данная общность может быть закономерна для целого ряда экологических преступлений, а следовательно, дает основания для создания базовой методики расследования преступлений данной категории.

¹ Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Исходя из анализа практики раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 191.1 УК РФ, целесообразно выделение двух групп преступников:

– лиц, организующих и совершающих незаконную заготовку древесины, особенно в составе организованных преступных групп и сообществ, с целью дальнейшей реализации незаконно заготовленной древесины;

– лиц, оказывающих содействие при осуществлении деятельности по незаконной заготовке древесины с целью ее дальнейшей реализации, например водителей, перевозящих незаконно заготовленную древесину, собственников пунктов приема и переработки древесины, осуществляющих ее скупку.

В криминалистическом отношении работа следователя с двумя указанными категориями граждан, полагаем, имеет свои особенности.

На основе криминалистических знаний и методических рекомендаций тактики и методики расследования необходимо строить версии, позволяющие определить с необходимой полнотой круг лиц, причастных к расследуемому сбыту заведомо незаконно заготовленной древесины, их принадлежность к одной из вышеуказанных групп, а также глубоко изучать личности подозреваемых и обвиняемых с учетом специфики характеристики личности каждого из них, ее свойств, причины и условия, способствующие совершению данного преступления. Все вышеперечисленное имеет значение для определения тактики отдельных следственных действий с участием указанных лиц и выявления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу.

Вместе с тем следователь действует в условиях недостаточной практики правоохранных органов в раскрытии и расследовании сбыта незаконно заготовленной древесины и отсутствии достаточно разработанной криминалистической методики расследования преступлений данного вида. По нашему мнению, существенную помощь следователю (дознавателю) может оказать осознание логической зависимости сбыта незаконно заготовленной древесины как наиболее вероятного последствия совершения незаконной рубки.

Используя имеющиеся криминалистические разработки в области методики раскрытия и расследования незаконных рубок лесных насаждений, необходимо выявлять и отражать в протоколах следственных действий криминалистически значимую информацию, свидетельствующую о вероятном последующем сбыте древесины.

Уже после осмотра места происшествия, на основе знаний криминалистической характеристики незаконных рубок лесных насаждений, в некоторых случаях целесообразно выдвинуть версию о возможном последующем сбыте древесины, добытой в ходе незаконной рубки, особенно в слу-

чае рубки наиболее ценных пород деревьев в непосредственной близости от автотрасс или иных проезжих дорог. Непосредственная близость незаконной рубки к предприятию, занимающемуся законной добычей древесины, определяет необходимость отработки работников предприятия на причастность к совершенному преступлению с использованием служебной техники, а также проверки сбыта древесины данной организации.

При проведении последующих следственных действий также важно устанавливать и проверять информацию о месте возможного сбыта древесины. Так, в протоколе допроса сотрудника лесхоза в обязательном порядке должно быть отражено следующее: кто именно и когда выявил незаконную рубку лесных насаждений, при каких обстоятельствах, в какой период была совершена рубка, общий объем незаконно вырубленной древесины, виды незаконно вырубленных пород, количество и диаметр пней, а также куда преступники могли сбыть древесину; имеются ли неподалеку от места незаконной рубки деревообрабатывающие предприятия, погрузочно-разгрузочные площадки и прочее.

Анализ практики расследования незаконных рубок лесных насаждений показывает, что отражение на месте происшествия непосредственного совершения преступления имеет не много отличий в зависимости от целей рубки, но при производстве незаконной рубки древесины для продажи характеризуется большими масштабами рубки, количеством привлеченных для преступления лиц, задействованием более мощной специальной техники, использованием фиктивных документов, якобы дающих право производить рубку древесины на законных основаниях. Так, согласно приговору Нижнеилимского районного суда от 30 июня 2017 г. гр. А., гр. Г., гр. К. совершили незаконную рубку лесных насаждений в особо крупном размере, организованной группой, а также покушались на перевозку в целях сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины, совершенную в особо крупном размере, организованной группой, не доведенную до конца по не зависящим от этих лиц обстоятельствам. При этом указанные граждане использовали помощь не осведомленных о незаконности деятельности рабочих П., Е., О., Ё., Ж., С., З., Н., обеспечили применение в преступных целях трактора колесного, снегохода, трех лесовозов с гидроманипуляторами, жилого вагончика на колесном ходу³.

³ Приговор Нижнеилимского районного суда Иркутской области от 30 июня 2017 г. № 1-75/2017 по делу № 1-252/2016. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Нижнеилимского районного суда Иркутской области. URL: https://nizhneilimsky-irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sr_num=1&name_op=doc&number=53758683&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 07.11.2017).

При сокрытии древесины, добытой незаконным способом в целях реализации, ее чаще всего помещают в складские помещения, преимущественно большой площади, имеющие сторожевую охрану.

По нашему мнению, для осуществления профилактических мероприятий, установления обстоятельств совершения преступлений, предусмотренных ст. 191.1 УК РФ, целесообразно проводить эффективно используемый для тех же целей по преступлениям, квалифицируемым по ст. 260 УК РФ, метод дистанционного мониторинга, который «положительно сказывается на снижении целого ряда нарушений, а также выявлении незаконных рубок леса» [1].

Исходя из вышесказанного, незаконная деятельность в лесной отрасли, выраженная в орга-

низованных формах и направленная на получение нелегальной прибыли за счет лесных ресурсов страны, имеет повышенную общественную опасность. Восстановление и поддержание экологического благополучия в условиях создания Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года являются одними из приоритетных стратегических направлений государственной деятельности, что актуализирует необходимость активизации органами внутренних дел фундаментальных и прикладных научных исследований в области охраны окружающей среды и природопользования, в том числе в области лесопользования. Дальнейшее совершенствование методики расследования посягательств на лесные насаждения страны поможет в решении указанной важной стратегической задачи.

Список литературы:

1. Васильева М.А. Дистанционный мониторинг в расследовании незаконных рубок лесных насаждений // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2014. № 3 (26).
2. Васильева М.А., Степаныгин К.В. Первоначальный этап расследования незаконных рубок лесных насаждений (по материалам Дальневосточного региона России): монография. Хабаровск, 2015.
3. «Единый отчет о преступности» за январь – декабрь 2016 г. (статистические данные по ст. 260 УК РФ): сводный отчет по России.
4. На заседании Совета Федерации в рамках «Времени эксперта» выступил Председатель научного совета по лесу РАН А. Исаев [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. URL: <http://www.council.gov.ru/events/news/71895/> (дата обращения: 07.11.2017).
5. Охрана окружающей среды в России. 2016: стат. сб./Росстат. М., 2016.
6. Пчельников М.В. Особенности нормативно-правового регулирования института общественных инспекторов по охране окружающей среды // Юрист-Правовед. 2017. № 4 (83).
7. Статистика. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК [Электронный ресурс] // Агентство правовой информации. URL: <http://stat.api-press.pf/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 07.11.2017).

References:

1. Vasil'eva M.A. Distancionnyj monitoring v rassledovanii nezakonyh rubok lesnyh nasazhdenij // Territoriya novykh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i servisa. 2014. № 3 (26).
2. Vasil'eva M.A., Stepanyugin K.V. Pervonachal'nyj ehtap rassledovaniya nezakonyh rubok lesnyh nasazhdenij (po materialam Dal'nevostochnogo regiona Rossii): monografiya. Habarovsk, 2015.
3. «Edinyj otchet o prestupnosti» za yanvar – dekabr' 2016 g. (statisticheskie dannye po st. 260 UK RF): svodnyj otchet po Rossii.
4. Na zasedanii Soveta Federacii v ramkah «Vremeni ehksperta» vystupil Predsedatel' nauchnogo soveta po lesu RAN A. Isaev [Ehlektronnyj resurs] // Oficial'nyj sayt Soveta Federacii Federal'nogo sobraniya Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.council.gov.ru/events/news/71895/> (data obrashcheniya: 07.11.2017).
5. Ohrana okruzhayushchej sredy v Rossii. 2016: stat. sb./Rosstat. M., 2016.
6. Pchel'nikov M.V. Osobennosti normativnogo pravovogo regulirovaniya instituta obshchestvennyh inspektorov po ohrane okruzhayushchej sredy // Yurist-Pravoved. 2017. № 4 (83).
7. Statistika. Ugolovnoe sudoproizvodstvo. Dannye o naznachennom nakazanii po stat'yam UK [Ehlektronnyj resurs] // Agentstvo pravovoj informacii. URL: <http://stat.api-press.rf/stats/ug/t/14/s/17> (data obrashcheniya: 07.11.2017).

E-mail: mvd-ecology@mail.ru

А. В. ВОРОНЦОВ,
доцент кафедры
организации оперативно-разыскной деятельности,
кандидат юридических наук

А. В. ПАРФЕНОВ,
доцент кафедры
организации оперативно-разыскной деятельности,
кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)

A. V. VORONTSOV,
Candidate of Law,
Associate Professor at the Department
of the Operative Investigative Activity Organization

A. V. PARFENOV,
Candidate of Law,
Associate Professor at the Department
of the Operative Investigative Activity Organization
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343.711.64

Направления совершенствования деятельности органов внутренних дел по борьбе с криминальным автобизнесом

Perfection's Directions of the Internal Affairs Bodies' Activity for a Struggle with the Criminal Auto Business

В статье рассматриваются существующие проблемы в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью в сфере криминального автобизнеса, а также предлагаются пути их решения.

Криминальный автобизнес, оперативно-разыскная деятельность, организованная преступность, органы внутренних дел.

The article considers the existing problems of the internal affairs bodies' operative investigative activity on a struggle with the organized crime in a sphere of criminal auto business and also the ways to solve them.

Criminal auto business, operative investigative activity, organized crime, internal affairs bodies.

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) гарантирует охрану права частной собственности. Стратегия национальной безопасности РФ называет одним из главных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности¹.

Функции защиты прав собственности и поиска похищенного имущества возлагаются как на правоохранительные органы России в целом, так и на полицию в частности². Одним из направлений оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел по реализации на практике этой функции является борьба с хищениями автотранспортных средств.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 13.07.2016) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

Совершенствованию деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия преступным посягательствам на транспортные средства была посвящена коллегия МВД России от 5 июня 2012 г. Благодаря принятым руководством МВД России организационным, оперативно-разыскным и профилактическим мерам были достигнуты некоторые результаты в борьбе с хищениями автотранспортных средств. Произошло снижение как краж автотранспортных средств в целом, так и автомобилей в частности. Так, в 2014 г. в России было зарегистрировано 50 175 краж автотранспортных средств (в 2015 г. – 44 566, в 2016 г. – 34 848, в 2017 г. – 29 331), в том числе – 34 587 краж автомобилей (в 2015 г. – 32 117, в 2016 г. – 25 890, в 2017 г. – 21 848). Также сократилось совокупное количество зарегистрированных грабежей и разбойных нападений в отношении водителей автотранспортных средств, которое в 2014 г. по России составило 515 преступлений (в 2015 г. – 483, в 2016 г. – 361, в 2017 г. – 308). Уменьшилось число неправомерных заведений транспортными средствами без цели хищения. В 2014 г. было зарегистрировано 34 174 угона (в 2015 г. – 29 699, в 2016 г. – 24 169, в 2017 г. – 22 442), в том числе совершенных с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, или угрозой его применения – 288 угонов (в 2015 г. – 259, в 2016 г. – 198, в 2017 г. – 153) [4].

В то же время говорить о кардинальном решении проблемы предупреждения и раскрытия хищений автотранспортных средств в нашей стране пока еще рано. Во-первых, по-прежнему остается значительным число похищаемых автотранспортных средств (почти 30 тыс.), в том числе автомобилей (свыше 20 тыс.). Из-за несовершенства действующего законодательства и системы учета преступлений [1] часть хищений автотранспортных средств регистрируется в качестве угонов. Во-вторых, раскрываемость краж автотранспортных средств не превышает 25 % (2017 г. – 23,7 %, 2016 г. – 24,3 %, 2015 г. – 21,9 %), а раскрываемость краж автомобилей составляет 20 % (2017 г. – 20,0 %, 2016 г. – 19,9 %, 2015 г. – 17,3 %) [4]. В-третьих, по данным МВД России, в настоящее время разыскивается свыше 2,3 млн единиц автотранспортных средств [4].

По нашему мнению, оперативная обстановка, сложившаяся в сфере борьбы с хищениями автотранспортных средств, обусловлена тем, что органам внутренних дел противостоят не просто группы преступников, а организованные группы и преступные сообщества (далее – ОГ и ПС), зачастую носящие межрегиональный и межгосударственный характер [5]. Высокие преступные доходы при незначительном риске и минимальных затратах (для непо-

средственного совершения хищений, как правило, привлекаются третьи лица, не являющиеся участниками этих преступных групп) поставили организуемый ОГ и ПС криминальный автобизнес на один уровень с наркобизнесом и незаконной торговлей оружием и боеприпасами [2].

Активно развивающийся рынок автотранспортных средств России позволяет ОГ и ПС скрывать легализацию похищенных автомобилей среди значительного числа регистрируемого автотранспорта. В настоящее время на регистрационном учете МВД России находится свыше 57 млн единиц автотранспортных средств, в том числе более 44 млн единиц легковых автомобилей и свыше 6 млн единиц – грузовых. Следует учитывать и то обстоятельство, что в целом по стране ежегодный прирост парка автотранспортных средств, большей частью легковых автомобилей, составляет примерно 1 млн единиц, из которых более трети – иностранных моделей. При этом отсутствие в странах – участниках Союза Независимых Государств (далее – СНГ) единой базы данных зарегистрированных автотранспортных средств позволяет участникам ОГ и ПС, носящих межгосударственный характер, проводить легализацию похищенных в России автомобилей путем постановки в другой стране – участнице СНГ на регистрационный учет транспортного средства – «дублера», имеющего одинаковые модель, цвет и идентификационные номера с автомобилем, уже стоящим на регистрационном учете в МВД России.

В сложившейся оперативной обстановке становится актуальным вопрос о необходимости совершенствования организации как оперативно-служебной деятельности в целом, так и оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) в частности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью в сфере криминального автобизнеса.

Основным ведомственным нормативным актом, регламентирующим оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел по линии борьбы с хищениями автотранспортных средств, является приказ МВД России «О мерах по усилению борьбы с преступными посягательствами на автототранспортные средства»³. Этим приказом были утверждены инструкция по розыску автотранспортных средств (далее – Инструкция), перечень базовых подразделений и органов внутренних дел, входящих в межрегиональную оперативно-поисковую заградительную систему по розыску автототранспортных средств, и дислокация

³ О мерах по усилению борьбы с преступными посягательствами на автототранспортные средства: приказ МВД России от 17 февраля 1994 г. № 58 (ред. от 12.09.2000).

контрольных постов органов внутренних дел первой очереди заградительной системы.

Инструкция определяет организацию и проведение следующего:

– неотложных оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) по задержанию автотранспортного средства при получении сообщения о незаконном завладении им или дорожно-транспортном происшествии, с места которого автотранспортное средство скрылось (план «Перехват», разрабатываемый каждым территориальным органом МВД России и хранящийся в его дежурной части);

– работы по розыску автотранспортных средств в процессе повседневной служебной деятельности органов внутренних дел;

– работы органов внутренних дел по розыску автотранспортных средств при проведении расследования по уголовному делу⁴.

Комплексное использование сил и средств органов внутренних дел предусмотрено в основном при введении плана «Перехват» и проведении оперативно-профилактических операций. В ходе повседневной служебной деятельности территориальных органов МВД России основная нагрузка по раскрытию хищений автотранспортных средств и розыску автомобилей ложится на подразделения уголовного розыска и государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – ГИБДД). В этом плане в ряде регионов России (Красноярский и Пермский края, Новосибирская и Тюменская области) накоплен положительный опыт работы внештатных постоянно действующих групп территориальных органов МВД России на региональном уровне по линии борьбы с хищениями автотранспортных средств, включающих сотрудников подразделений уголовного розыска, розыскных подразделений ГИБДД, участковых уполномоченных полиции, дорожно-патрульной и патрульно-постовой служб, внештатных сотрудников полиции.

На наш взгляд, к проведению комплексных оперативно-разыскных и профилактических мероприятий, оперативно-профилактических операций по борьбе с хищениями автотранспорта также необходимо регулярно привлекать сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции (плановые проверки документации авторынков, автомагазинов и автосервисов), собственной безопасности (выявление коррупционных связей участников ОГ и ПС в органах внутренних дел) и миграционной службы (по линии борьбы с криминаль-

ными миграциями иностранных участников ОГ и ПС).

В территориальных органах МВД России на районном уровне целесообразно поручать нарядам дорожно-патрульной и патрульно-постовой служб полиции ежедневно отражать в своих рапортах информацию о лицах и частных автотранспортных средствах, которые перемещались по обслуживаемой территории в ночное время. Проверка таких лиц и владельцев автомобилей позволит сотрудникам уголовного розыска определить круг лиц, связанных с хищениями автотранспорта в ночное время. В этих же целях должен также проводиться анализ передвижения представляющих оперативный интерес частных автомобилей, зафиксированных аппаратно-программными комплексами подразделений ГИБДД [3].

Если в прежние времена при совершении хищений автомобилей преступники применяли отмычки для взлома запоров, специально изготовленные или подобранные ключи, то сегодня вместо отмычек чаще используется жидкий азот, сканеры частот, технические устройства и т. д. Сканер частот перехватывает используемый владельцем автомобиля при нажатии брелка код сигнализации и записывает его в свою память. Если автомобиль защищает спутниковая система, используемый преступниками подавитель GSM и GPS сигналов создает эфирные помехи и не пропускает радиосигналы автомобиля о тревоге или изменении его местоположения. Автослесарное устройство, предназначенное для записи чипов при создании дополнительных ключей вместо утраченных владельцем, используется с целью отключения противоугонных функций иммобилайзера похищаемого автомобиля. Другое легальное автослесарное приспособление – бампинг, который помогает преступникам вскрывать сложные пиновые замки.

Поэтому в территориальных органах МВД России для участковых уполномоченных полиции, сотрудников дорожно-патрульной и патрульно-постовой служб полиции сотрудниками подразделений уголовного розыска должны проводиться наглядные демонстрации устройств, используемых преступниками при совершении хищений автотранспорта.

Одной из функций, определяемой Инструкцией для руководителей территориальных органов МВД России на региональном уровне, является организация и контроль за обучением личного состава методам выявления и задержания транспортных средств, находящихся в розыске⁵. В этих целях с личным составом территориальных органов МВД России на районном и региональном уровнях должны проводиться

⁴ О мерах по усилению борьбы с преступными посягательствами на автотранспортные средства: приказ МВД России от 17 февраля 1994 г. № 58 (ред. от 12.09.2000). Прил. 1.

⁵ Там же.

посвященные этой тематике ежемесячные занятия в рамках служебной подготовки, в процессе которых должны рассматриваться особенности преступной деятельности ОГ и ПС в сфере криминального автобизнеса. На наш взгляд, к таким особенностям необходимо отнести нижеследующее.

1. Узкую специализацию отдельных ОГ и ПС на хищении легковых или грузовых автомобилей определенных моделей. Так, преступная группа, сформировавшаяся по этническому признаку из граждан Узбекистана, совершала в Московской области только кражи автомобилей «Шевроле Круз»⁶, а преступная группа, сформировавшаяся по этническому признаку из граждан Армении, совершала в Подмоскovie только кражи грузовых автомобилей «КАМАЗ» с манипуляторами⁷.

2. Межрегиональный характер преступной деятельности ОГ и ПС, участвующих в криминальном автобизнесе. Так, преступная группа, сформировавшаяся по этническому признаку из граждан ингушской национальности, совершала в Подмоскovie кражи грузовых автомобилей «КАМАЗ», в том числе для последующей реализации похищенного в других регионах РФ⁸. Анализ уголовных дел показывает, что в Московском регионе также действуют ОГ и ПС, сформировавшиеся из жителей Владимирской, Ленинградской, Свердловской, Тверской, Ульяновской и Ярославской областей.

3. Участие в криминальном автобизнесе значительного числа ОГ и ПС, сформировавшихся по этническому признаку⁹.

4. Небольшое число участников ОГ и ПС, совершающих хищения автотранспорта (в среднем 3–5 человек)¹⁰.

На основании личного опыта работы авторов в подразделениях уголовного розыска можно сказать, что похищенный автомобиль может сразу транспортироваться в другой субъект РФ. Для перевозки похищенных автомобилей на большие расстояния преступниками обычно используются арендуемые товарные вагоны (в РФ в частной собственности находится около 550 тыс. товарных вагонов) или грузовые

автомобили и автопоезда, в прицепах которых похищенные автомобили маскируются за устанавливаемой в дальней от дверей части прицепа ложной задней стенкой. Также на практике имеют место случаи использования для транспортировки похищенного автомобиля грузовых самолетов, судов речного и морского транспорта. Поэтому, по нашему мнению, для руководителей территориальных органов МВД России на региональном уровне важно наладить рабочее взаимодействие с подразделениями органов внутренних дел на транспорте в сфере борьбы с хищениями автотранспорта.

Если автомобиль не покидает муниципального образования, где он был похищен, то участники ОГ и ПС на несколько дней перегоняют его на заранее определенное место отстоя. В качестве типичных мест нахождения похищенных автомобилей, как правило, используются автосервисы; гаражно-строительные кооперативы; платные автостоянки; проезжая часть улиц жилого сектора, проходящая возле домов, где проживают родственники или знакомые участников преступной группы; промышленные зоны, привокзальные территории; дачный сектор или лесной массив. Иногда преступниками используются нетипичные места нахождения похищенных автомобилей, как например, парковки возле зданий судов или прокуратуры.

В территориальных органах МВД России на районном уровне при обнаружении угнанных автомобилей в большинстве случаев они сразу передаются владельцу или перегоняются на специальную стоянку. По нашему мнению, на уровне территориальных органов МВД России на региональном уровне должны быть подготовлены инструкции или методические рекомендации по вопросам проведения ОРМ: «наблюдение» за обнаруженным в месте нахождения похищенным автомобилем и «контролируемая поставка» – при его последующем перегоне преступниками в другое место¹¹. В организации и проведении «контролируемой поставки» похищенных автотранспортных средств между субъектами, не имеющими общих границ, и за рубежом должны участвовать сотрудники ГУУР МВД России. «Контролируемая поставка» позволит установить не только всех участников ОГ и ПС, связанных с хищением автотранспорта, но также лиц, занимающихся его легализацией.

Таким образом, можно отметить, что оперативная обстановка по линии борьбы с хищениями автотранспортных средств в нашей стране остается сложной. При организации ОРД органов внутренних дел по данному направлению оперативной и служебной деятельности обязательно должны

⁶ Уголовное дело № 137148, возбужденное 21 апреля 2015 г. СУ МУ МВД России по ГО Подольск по ч. 4 ст. 158 УК РФ; справочные материалы УУР ГУ МВД России по Московской области.

⁷ Уголовное дело № 11701460001000890, возбужденное 6 апреля 2017 г. СУ МУ МВД России Балашихинское по ч. 4 ст. 158 УК РФ; справочные материалы УУР ГУ МВД России по Московской области.

⁸ Уголовное дело № 101431, возбужденное 29 июня 2015 г. СУ МУ МВД России Люберецкое по ч. 4 ст. 158 УК РФ; справочные материалы УУР ГУ МВД России по Московской области.

⁹ Уголовное дело № 137148, возбужденное 21 апреля 2015 г. СУ МУ МВД России по ГО Подольск по ч. 4 ст. 158 УК РФ; уголовное дело № 11701460001000890, возбужденное 6 апреля 2017 г. СУ МУ МВД России Балашихинское по ч. 4 ст. 158 УК РФ; Уголовное дело № 101431, возбужденное 29 июня 2015 г. СУ МУ МВД России Люберецкое по ч. 4 ст. 158 УК РФ.

¹⁰ Там же.

¹¹ Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

учитываться все особенности организованной преступности в сфере криминального автобизнеса.

Без своевременного решения вопросов обучения сотрудников территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях, создания внештатных постоянно действующих групп территориальных органов МВД России на региональном уровне, установления взаимодействия террито-

риальных органов МВД России по субъектам РФ и подразделений органов внутренних дел на транспорте, проведения контролируемых поставок как на региональном, так и на межрегиональном и межгосударственном уровнях, по нашему мнению, невозможно добиться положительных результатов в борьбе с ОГ и ПС в сфере незаконного оборота автотранспортных средств.

Список литературы:

1. Гаврилов Б. Я. Уголовно-процессуальная политика: курс лекций. М., 2010.
2. Зайцева Е. В., Аубакирова А. А. О некоторых аспектах расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 3 (42).
3. Матросова Л. Д., Кузнецов А. С., Линьков В. В., Семенов Е. Ю. Использование специальных учетов и автоматизированных информационных систем в деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения: учеб. пособ. Орел, 2016.
4. Официальный сайт ГИАЦ МВД России (Формы 1А, ГИБДД-П): URL: <http://10.5.0.15/cms/> (дата обращения: 12.01.2018).
5. Поздняков А. Н. Организация раскрытия и расследования преступлений, совершенных членами организованных групп и преступных сообществ, сформировавшихся на этнической основе: монография. М., 2013.

References:

1. Gavrilov B. Ya. Uголовно-processual'naya politika: kurs lekcij. M., 2010.
2. Zajceva E. V., Aubakirova A. A. O nekotoryh aspektah rassledovaniya prestuplenij, sovershaemyh organizovannymi prestupnymi gruppami // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2017. № 3 (42).
3. Matrosova L. D., Kuznecov A. S., Lin'kov V. V., Semenov E. Yu. Ispol'zovanie special'nyh uchetov i avtomatizirovannyh informacionnyh sistem v deyatel'nosti po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: ucheb. posob. Orel, 2016.
4. Oficial'nyj sajt GIAC MVD Rossii (Formy 1A, GIBDD-P): URL: <http://10.5.0.15/cms/> (data obrashcheniya: 12.01.2018).
5. Pozdnyakov A. N. Organizaciya raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij, sovershennyh chlenami organizovannyh grupp i prestupnyh soobshchestv, sformirovavshihya na etnicheskoj osnove: monografiya. M., 2013.

E-mail: tischagin@yandex.ru

А. А. НЕЧАЕВ,
доцент кафедры управления органами
расследования преступлений,
кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)

A. A. NECHAYEV,
Candidate of Law,
Associate Professor at the Department of
Management of Bodies and Units Crimes' Investigation
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 004:343.985

Информационно-аналитическое обеспечение деятельности начальника территориального органа МВД России на районном уровне при организации работы следователей по уголовным делам о преступлениях прошлых лет

Informational Analytical Support for Activity of a Head of a Territorial Body of the Interior Ministry of Russia on a Regional Level During Working Organization of the Investigators in the Criminal Cases on the Past Years Crimes

В статье рассматривается информационно-аналитическое обеспечение деятельности начальника территориального органа МВД России на районном уровне при организации работы следователей по уголовным делам о преступлениях прошлых лет, а также раскрываются способы и формы организационного обеспечения данного вида деятельности.

The article considers the informational analytical support for activities of a head of a territorial body of the Interior Ministry of Russia on a regional level during working organization of the investigators in the criminal cases on the past years crimes, the methods and forms of organizational support for this type of activity are disclosed.

Нераскрытое преступление, преступление прошлых лет, информационная и аналитическая функция управления, управленческая деятельность, приостановление предварительного расследования.

Undisclosed crime, crimes of the past years, informational and analytical function of management, management activity, suspension of a preliminary investigation.

Руководство государства постоянно обращает внимание сотрудников МВД России на обеспечение реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности виновных лиц, а также восстановление нарушенных прав лиц, пострадавших от преступления, и обеспе-

чение соответствующего уровня защиты населения [3]. Поэтому, как справедливо отметил А. В. Образцов, правосудие является гарантией реализации прав человека. В процессе правосудия не только реализуется право на справедливое судебное разбирательство и доступ к

правосудию, но и обеспечивается в целом вся система прав и свобод человека, нормативное функционирование гражданского общества и государства [1].

Следовательно, решение этой задачи в значительной степени обеспечивается эффективным предварительным расследованием. Проведенный А. Л. Репецкой анализ основных тенденций современной преступности и опыта борьбы с ней показывает, что преступность продолжает активно развиваться, несмотря на снижение большинства регистрационных показателей, причем делает это в сложных для осуществления социального контроля сферах. Меняется структура населения и его характеристики, а правоохранительная система продолжает оставаться на прежнем уровне развития [4]. Это подтверждается следственной практикой, согласно которой по значительному количеству уголовных дел ежегодно (68–71,3 %) в силу различных причин производство расследования приостанавливается.

Поэтому при организации деятельности по уголовным делам о преступлениях прошлых лет в соответствии с п. 9.2 решения коллегии МВД России от 30 мая 2006 г. № 3км/1 начальник территориального органа МВД России на районном уровне должен организовать деятельность следственных подразделений по раскрытию преступлений прошлых лет.

В соответствии с действующими нормативными правовыми актами нераскрытым считается преступление, производство по уголовному делу о котором впервые приостановлено в текущем отчетном периоде по п. 1–3 ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), независимо от даты возбуждения уголовного дела и даты учета преступления¹.

Преступления, предварительное следствие по уголовным делам о которых было впервые в текущем году приостановлено на основании п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, в поступающих календарных периодах образуют массив преступлений «прошлых лет».

Значительную часть (97 % и более) притока составляют уголовные дела, приостановленные по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ². По данным статистики, по 85–87 % всех приостановленных уголовных дел в период с 2006 по 2016 г. производство в дальнейшем не возобновлялось.

Исследование структуры преступлений, по которым приостановлены уголовные дела,

показывает, что 47 % из них – тяжкие и особо тяжкие, при этом из всех преступлений около 70 % – кражи.

Современный массив уголовных дел о нераскрытых преступлениях характеризуется количественным и качественным показателями, определяющими специфику деятельности следователей, а также характер и направленность управляющего воздействия начальника территориального органа МВД России на районном уровне и его заместителя – начальника органа предварительного следствия.

Особенность деятельности следователей на данном направлении состоит в том, что их процессуальные возможности в решении задачи ограничены ч. 3 ст. 209 УПК РФ, а большинство поисковых действий регламентированы ведомственными приказами.

В то же время, обращаясь к содержанию управленческой деятельности начальника территориального органа МВД России на районном уровне по организации работы следственного подразделения по уголовным делам о преступлениях прошлых лет, следует обратить внимание, что, исходя из общих положений теории социального управления, под его управленческой деятельностью следует понимать совокупность мыслительных операций и физических действий по выработке, оформлению и реализации только непроцессуальных управляющих воздействий в отношении специализированных объектов, осуществляющих деятельность по уголовным делам о преступлениях прошлых лет.

Самостоятельные части управленческой деятельности, или ее направления (виды, элементы), в теории управления получили наименование функции управления, каждая из которых характеризуется специфическим содержанием и объемом действий, особой формой осуществления и относительно самостоятельными пространственно-временными границами [2].

Вместе с тем, несмотря на существующую в теории управления определенность и последовательность схем реализации функций управления, следует заметить, что в условиях многозадачности повседневной деятельности начальника территориального органа МВД России на районном уровне и одновременном многообразии принимаемых им управленческих решений иногда сложно определить, когда он выполняет ту или иную функцию, а осуществляемые им отдельные операции могут совпадать и пересекаться во времени.

В связи с этим необходимо подробно рассмотреть отдельные функции управления, реализуемые начальником территориального органа МВД России на рассматриваемом направлении, которые позволяют выработать управленческие решения и организовать их исполнение.

¹ О едином учете преступлений: приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399. П. 2.11.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

В частности, познавательная деятельность начальника территориального органа МВД России на районном уровне по осуществлению каких-либо операций с информацией и ее носителями относится к информационной функции управления. Целью информационной функции управления является предоставление начальнику территориального органа МВД России на районном уровне информации, необходимой и достаточной для формирования и реализации управляющего воздействия в отношении должностных лиц, осуществляющих деятельность по уголовным делам о преступлениях прошлых лет.

Таким образом, информационная работа заключается в сборе и преобразовании информации о состоянии деятельности по приостановленным уголовным делам.

Информация о состоянии деятельности органов расследования преступлений по приостановленным делам, позволяющая получить объективную и достоверную информацию о состоянии деятельности в подчиненном органе, содержится в отчетах по формам 1-ЕМ и 1-Е.

В отчете формы 1-ЕМ содержатся данные о количестве приостановленных уголовных дел в отчетном месяце с нарастающим итогом, а в отчете формы 1-Е – сведения о количестве приостановленных уголовных дел в отчетном периоде за полугодие и год; об остатке приостановленных в текущем году уголовных дел на конец отчетного периода; об остатке приостановленных уголовных дел за все годы на конец отчетного периода.

Некоторая информация о состоянии деятельности органов расследования преступлений по приостановленным уголовным делам находится в отчетах по формам 1-А, 1, 1-Г. Так, в отчете по форме 1-А ежемесячно отражаются сведения о состоянии преступности и результатах расследования по видам преступлений; имеются сведения об остатке нераскрытых преступлений прошлых лет, следствие о которых на начало отчетного года приостановлено по п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, а также об удельном весе преступлений прошлых лет, уголовные дела о которых окончены расследованием и направлены в суд либо прекращены по нереабилитирующим основаниям (раскрытых преступлениях прошлых лет).

В отчете по форме 1 за полугодие даются сведения о зарегистрированных, раскрытых и нераскрытых преступлениях; проценте раскрываемости.

В отчете по форме 1-Г за год содержатся сведения о количестве преступлений, уголовные дела о которых находились в производстве на начало отчетного периода или зарегистрированы в отчетном периоде (количество преступлений текущего года), а также об остатке

преступлений, следствие по которым в отчетном году впервые приостановлено по п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Кроме того, начальник территориального органа МВД России на районном уровне при организации деятельности по уголовным делам о преступлениях прошлых лет может использовать информацию, которую в отчетный период подготавливает начальник следственного подразделения территориального органа МВД России на районном уровне для вышестоящего следственного органа. Например, в соответствии с установленным перечнем материалов в ГСУ ГУ МВД России по г. Москве из следственных управлений по административным округам г. Москвы ежемесячно представляется следующая информация по приостановленным делам:

- списки уголовных дел, приостановленных по п. 2–3 ст. 208 УПК РФ;
- уголовные дела, приостановленные по указанным основаниям, и заключения об обоснованности приостановления; уголовные дела, приостановленные по п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, и заключения об обоснованности приостановления.

Ежеквартально представляется анализ по уголовным делам, приостановленным по п. 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ; список общего остатка уголовных дел, приостановленных по п. 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Таким образом, поступающая начальнику территориального органа МВД России на районном уровне информация должна быть сориентирована на поиск проблемных вопросов, связанных со следующим:

- 1) эффективностью организации деятельности по раскрытию и расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет;
- 2) максимальным использованием в установлении виновных лиц изъятых следов и вещественных доказательств, информации о приметах похищенного имущества и подозреваемых, своевременным и объективным пополнением криминалистических, оперативно-справочных и иных учетов, а также использованием их массивов при расследовании;
- 3) выполнением требований приказа Генерального прокурора РФ от 20 декабря 2007 г. № 206 и указания Следственного комитета при МВД России от 1 июня 2004 г. № 17/2-6150 о прекращении уголовных дел за истечением сроков давности.

Управленческая деятельность начальника территориального органа МВД России на районном уровне по исследованию специально отображенной информации при помощи соответствующих приемов, методов и средств относится к аналитической функции управления.

Организация аналитической работы в соответствии с научно обоснованными требованиями позволяет начальнику территориального органа МВД России на районном уровне определять причины и условия возникновения проблемных ситуаций по организации деятельности следственного подразделения по уголовным делам о преступлениях прошлых лет, прогнозировать направления их развития, разрабатывать обоснованные и необходимые меры реагирования для минимизации или устранения негативных последствий, сохранения и упрочнения положительных тенденций по данному направлению.

Задачи, разрешаемые в ходе аналитической работы в территориальном органе МВД России на районном уровне, многообразны. Вместе с тем следует различать собственные задачи анализа, которые решаются непосредственно в ходе аналитической деятельности, и задачи, решаемые на основе анализа.

Задачи, решаемые непосредственно в ходе аналитической деятельности:

1) определение фактического состояния организации работы следственного подразделения по уголовным делам о преступлениях прошлых лет;

2) выявление негативных отклонений (увеличение количества уголовных дел о преступлениях прошлых лет, отсутствие раскрытий преступлений прошлых лет и т. д.) в оперативной обстановке, причин и условий таких изменений, определение возможных мер по их устранению.

К основным задачам, решаемым на основе анализа, следует отнести возможность предвидеть развитие событий, принятие своевременных обоснованных управленческих решений, а также рациональное использование имеющихся средств при их реализации.

Рассматривая аналитическую работу в территориальном органе МВД России на районном уровне, следует обратить внимание, что она осуществляется по двум основным направлениям.

1. Аналитическая работа предназначена только для принятия решений, входящих в компетенцию непосредственно начальника территориального органа МВД России на районном уровне. К данной работе следует отнести и аналитическую информацию:

– о состоянии и результатах деятельности органов предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях прошлых лет;

– нагрузке на следователя, который осуществляет деятельность по приостановленному уголовному делу в соответствии с требованиями ст. 209–211 УПК РФ, и т. д.

2. Аналитическая работа, предназначенная для вышестоящего руководителя – начальника территориального органа МВД России на регио-

нальном уровне, которому свойственны свои объекты и предметы исследования, и следовательно, его интересуют причины складывающейся ситуации в подчиненных территориальных органах МВД России на районном уровне по данному направлению работы.

В данном случае аналитическая работа будет определена управленческими решениями вышестоящего начальника территориального органа МВД России на региональном уровне, позволяющими установить фактическое состояние работы по организации деятельности по преступлениям прошлых лет в регионе; выявить негативные отклонения (тенденции, явления, процессы) этой деятельности, причины и условия таких изменений, определить возможные меры по их устранению; определить территориальные органы МВД России на районном уровне, требующие первоочередного внимания, контроля, оказания методической и практической помощи и т. д.

Рассматривая аналитическую деятельность начальника территориального органа МВД России на районном уровне, можно выделить следующие основные виды анализа:

– прогностический анализ (например, прогнозируется количество уголовных дел, подлежащих прекращению за истечением сроков давности в течение года);

– комплексный анализ (проводится за полугодие и год, в ходе которого наряду с иным анализируются показатели раскрытия преступлений органами внутренних дел, в частности количество раскрытых преступлений прошлых лет);

– текущий анализ – это анализ суточный, еженедельный и месячной информации;

– целевой анализ – это анализ отдельных проблем (например, анализируются причины отсутствия результатов по раскрытию преступлений прошлых лет. При этом анализ может осуществляться как в целом, так и по отдельным категориям уголовных дел);

– анализ оперативной обстановки (например, состояние работы по приостановленным уголовным делам о преступлениях прошлых лет, по которым необходимо выполнить требования ст. 209–211 УПК РФ, результаты деятельности специализированной следственно-оперативной группы по раскрытию и расследованию уголовных дел о преступлении прошлых лет и т. д.).

В ходе аналитической деятельности начальнику территориального органа МВД России на районном уровне необходимо обращать внимание на информацию, подготавливаемую Главным следственным управлением (следственными управлениями, следственными отделами) территориального органа МВД России на региональном уровне. Например, таблицей ранжирования основных показателей работы

органов предварительного следствия в системе МВД России предусмотрены показатели количества выявленных и раскрытых в ходе расследования не состоявших на учете других преступлений на 1000 оконченных дел и количества раскрытых в ходе расследования преступлений по ранее приостановленным делам на 1000 оконченных дел. Если показатели системы оценки деятельности органов внутренних дел сравниваются с показателями аналогичного периода прошлого года того же органа внутренних дел, органа предварительного следствия, то показатели таблицы Главного следственного управления (следственных управлений, следственных отделов) территориального органа МВД России на региональном уровне сравниваются с показателями других органов предварительного следствия того же региона, по которым определяется место органа предварительного следствия.

При необходимости начальник территориального органа МВД России на районном уровне имеет возможность запросить более расширенную аналитическую информацию из следственного подразделения, например анализ по уголовным делам, приостановленным производством. Например, в СУ УМВД России по административным округам г. Москвы ежеквартально проводится анализ по уголовным делам, приостановленным по п. 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Кроме того, на практике разрабатываются анкеты по изучению уголовных дел о нераскрытых преступлениях, которые содержат вопросы о времени производства осмотра места происшествия; кем проводился осмотр; об участниках осмотра; о применении технико-криминалистических средств; о результатах

осмотра места происшествия; о времени возбуждения уголовных дел; кем возбуждено уголовное дело; имеются ли согласованные планы следственных действий и оперативно-разыскных мер; имеются ли поручения органу дознания; об исполнении поручений следователя; о проведении экспертиз; о сроках назначения экспертиз и т. д.

В ГСУ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области готовятся полугодовые обзоры или аналитические материалы о состоянии розыскной работы и годовые обзоры или аналитические материалы о состоянии взаимодействия следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел.

Изложенное позволяет констатировать, что задача начальника территориального органа МВД России на районном уровне состоит в постоянном совершенствовании своих знаний, умений и навыков управленческой деятельности, поиске новых форм, методов и средств информационной и аналитической функции управления в соответствии с динамично изменяющейся оперативной обстановкой. Аналитическая работа позволяет начальнику территориального органа МВД России на районном уровне знать причины и условия проблемных ситуаций в деятельности органов предварительного следствия по уголовным делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет, прогнозировать направления их развития, разрабатывать обоснованные и необходимые меры реагирования для минимизации или устранения негативных последствий, сохранения и упрочнения положительных тенденций по данному направлению оперативно-служебной деятельности.

Список литературы:

1. *Образцов А. В.* Назначение уголовного судопроизводства и процессуальное руководство расследованием преступлений // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 3 (39).
2. Основы управления в органах внутренних дел: учебник / под ред. В. П. Сальникова. М., 2002.
3. Расширенное заседание коллегии МВД России по итогам работы за 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Кремля. URL: <http://kremlin.ru/d/51515> (дата обращения: 08.09.2017).
4. *Репецкая А. Л.* Современное состояние преступности и правоохранительная деятельность: перспективы развития // Вестник Восточно-сибирского института МВД России. 2017. № 3 (82).

References:

1. *Obrazcov A. V.* Naznachenie ugovornogo sudoproizvodstva i processual'noe rukovodstvo rassledovaniem prestuplenij // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2016. № 3 (39).
2. *Osnovy upravleniya v organah vnutrennih del: uchebnik / pod red. V. P. Sal'nikova.* M., 2002.
3. *Rasshirennoe zasedanie kollegii MVD Rossii po itogam raboty za 2016 g.* [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Kremlya. URL: <http://kremlin.ru/d/51515> (data obrashcheniya: 08.09.2017).
4. *Repeckaya A. L.* Sovremennoe sostoyanie prestupnosti i pravoohranitel'naya deyatel'nost': perspektivy razvitiya // Vestnik Vostochno-sibirskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 3 (82).

E-mail: ncc0808@rambler.ru

М. Ю. СЕМЕНЕЦ,
старший референт отдела информации и связей с общественностью
(УМВД России по Рязанской области)

M. Yu. SEMENETS,
Senior Referent of the Information and Public Relations Department
(Management of the Ministry for Internal Affairs of Russia in Ryazan Region)

УДК 343.85

Особенности административно-правового регулирования помещения несовершеннолетних граждан иностранных государств в центры временного содержания и передачи их законным представителям

The features of the Administrative Legal Regulation for Placing Minors Citizens of Foreign Countries to the Centers of the Temporary Detention and Transfer Them Ones to Their Legal Representatives

В статье рассматриваются особенности административно-правового регулирования помещения несовершеннолетних граждан иностранных государств в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, а также проблемные вопросы передачи их законным представителям. На основе анализа действующего законодательства, исследовательской и судебной практики предлагаются меры по совершенствованию законодательства, определяющие передачу несовершеннолетних иностранных граждан в государства их постоянного проживания.

Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, граждане иностранных государств, административное наказание, передача законным представителям.

The author considers the features of the administrative legal regulation for placing minors citizens of foreign countries to the centers of the temporary detention for minors delinquents, and also the problem questions of transfer them ones to their legal representatives. On the basis of the existing legislation analysis by research and judicial practice the author has suggested the measures for perfection the legislation which determining transfer of the minors foreign citizens to the states of their permanent living.

Centers of temporary detention for minors delinquents, citizens of foreign states, administrative punishment, transfer to legal representatives.

Деятельность сотрудников органов внутренних дел, направленная на выявление несовершеннолетних правонарушителей, являющихся гражданами иностранных государств, имеет свои особенности. Так, в 2016 г. в органы внутренних дел Российской Федерации было доставлено 314 576 несовершеннолетних,

5 240 из которых – жители иностранных государств [2].

Основное количество выявленных несовершеннолетних граждан иностранных государств, нарушивших Российское законодательство, приходится на проведение спецопераций «Не-легал», «Мигрант», рейды сотрудников управ-

ления по вопросам миграции (далее – УВМ), подразделений по делам несовершеннолетних и транспортной полиции. Кроме того, достаточно большое количество несовершеннолетних правонарушителей выявляется участковыми уполномоченными полиции при профилактических обходах жилых помещений.

При этом немалая часть несовершеннолетних правонарушителей указанной категории не попадает в поле зрения сотрудников органов внутренних дел. Одни находятся на территории Российской Федерации без законных представителей, у других – отсутствуют документы. Многие не знают, как связаться с родителями, вернуться в государство постоянного проживания и пр. Стоит учитывать, что в такой ситуации дети могут совершить и другие правонарушения. Чаще – в поисках средств к существованию – мелкие хищения, кражи, грабежи¹. При этом потенциально жизни и здоровью несовершеннолетних может угрожать опасность.

При выявлении несовершеннолетних правонарушителей, являющихся гражданами иностранных государств, сотрудники органов внутренних дел собирают материал о направлении их в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (далее – ЦВСНП, Центр) или в центры временного содержания иностранных граждан (далее – ЦВСИГ). В основном в ЦВСИГ направляют совершеннолетних иностранных граждан, реже – родителей с несовершеннолетними детьми с целью решения вопроса о применении к ним административного наказания в виде выдворения. Как показывает анализ практики, на сегодняшний день не во всех субъектах в ЦВСИГ созданы соответствующие условия для пребывания несовершеннолетних.

Ежегодно в ЦВСНП доставляется около двух тысяч несовершеннолетних жителей государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) [2]. Вместе с тем сотрудники органов внутренних дел нередко выявляют на территории Российской Федерации несовершеннолетних граждан других иностранных государств, в том числе оставивших государство постоянного проживания без разрешения родителей. Несовершеннолетних также доставляют в ЦВСНП. Так, в ЦВСНП ГУ МВД России по г. Москве содержались несовершеннолетние из Кот-д’Ивуара, в ЦВСНП на Дальнем Востоке – дети из Вьетнама, Китая и других стран.

Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонаруше-

ний несовершеннолетних» (далее – ФЗ № 120, Закон) установлены нормы, регулирующие отношения, возникшие в связи с деятельностью по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

При задержании, а также при помещении в ЦВСНП несовершеннолетних, являющихся иностранными гражданами, в том числе гражданами государств – участников СНГ, сотрудникам органов внутренних дел необходимо учитывать положения Венской конвенции от 24 апреля 1963 г. «О консульских сношениях»², а также требования приказа МВД России «Об утверждении наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан»³.

Согласно указанным нормативным правовым актам должностные лица органов внутренних дел в срок не позднее 12 часов с момента задержания иностранного гражданина должны уведомить посольство или консульство его государства о том, что иностранный гражданин задержан, взят под стражу или находится в ожидании судебного разбирательства.

При доставлении в дежурную часть территориального органа МВД России граждан Российской Федерации, иностранных граждан или лиц без гражданства сотрудником полиции, выявившим правонарушение, составляется рапорт на имя начальника территориального органа МВД России, в котором указываются время, место и обстоятельство совершения противоправного деяния, содержащего признаки состава административного правонарушения. Указанный рапорт должен быть описан начальником территориального органа в материал или на исполнение.

Должностные лица органов внутренних дел, уполномоченные в соответствии с приказом МВД России «Об утверждении перечня должностей сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных выносить постановление о помещении несовершеннолетних на срок до 48 часов в центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей»⁴ выносить постановление о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП, должны руководствоваться индивидуальным

² Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24 апреля 1963 г.): сборник международных договоров СССР. М., 1991. Вып. XLV.

³ Об утверждении наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан: приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389.

⁴ Об утверждении перечня должностей сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных выносить постановление о помещении несовершеннолетних на срок до 48 часов в центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей: приказ МВД России от 9 апреля 2013 г. № 198.

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 07.06.2017) // Рос. газ. 1999. № 121.

подходом к несовершеннолетнему и обращать внимание на законность его помещения в Центр. При этом стоит учитывать, что факт совершения правонарушения или общественно опасного деяния не может служить основанием для помещения несовершеннолетних, указанных в подп. 4–6 ФЗ № 120, в ЦВСНП: несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность; совершивших правонарушения, влекущие административную ответственность, до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность; совершивших правонарушения, влекущие административную ответственность. При этом помещение перечисленных категорий несовершеннолетних в Центр будет считаться правомерным лишь при наличии обстоятельств, указанных в ст. 22 Закона.

Отчасти проблемы помещения несовершеннолетних иностранных граждан в ЦВСНП и иностранных граждан родителей с детьми в ЦВСИГ связаны с отсутствием единой практики применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних, субъективной позицией отдельных судей о помещении в специальные учреждения органов внутренних дел несовершеннолетних указанной категории.

Рассмотрим наиболее характерные ошибки, которые допускаются сотрудниками органов внутренних дел при направлении материалов в суд.

Как правило, материалы, направляемые в суд, не содержат достаточного документального подтверждения мотивов помещения в ЦВСИГ или ЦВСНП, на основании чего можно сделать вывод о законности задержания несовершеннолетнего и правомерности постановления вопроса о помещении его в указанные учреждения.

Сотрудники полиции не всегда учитывают, что в силу ч. 1 ст. 26.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) постановление о назначении административного наказания не может быть вынесено в отношении лица, личность которого не установлена.

Конкретный перечень документов, удостоверяющих личность иностранных граждан и лиц без гражданства, закреплен в ст. 10 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»⁵. При этом личность иностранного гражданина или лица без граж-

данства, находящегося на территории Российской Федерации и не имеющего действительных документов, удостоверяющих личность, может быть установлена на основании любых других документов, содержащих его персональные данные, в том числе свидетельства о рождении; документа, свидетельствующего о перемене фамилии, имени или отчества либо иных персональных данных; документа об образовании и пр.

При отсутствии вышеперечисленных документов личность иностранного гражданина или лица без гражданства подлежит установлению на основании данных, полученных по результатам проверок по учетам УВМ о наличии и сроках постановки его на миграционный учет по месту пребывания (проживания) и по учетам информационных центров органов внутренних дел и УВМ по соответствующему субъекту Российской Федерации, а также на основании сведений из Центрального банка данных по учету иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – ЦБДУИГ), временно пребывающих и временно или постоянно проживающих в Российской Федерации, копии обращения в дипломатическое представительство или консульское учреждение страны проживания иностранного гражданина об оказании содействия в установлении его личности, документировании и дактилоскопической карты.

Следовательно, сведения о лицах, привлекаемых к административной ответственности, во всех случаях могут быть документально подтверждены.

Вместе с тем на практике достаточно распространены случаи, когда личность иностранного гражданина или лица без гражданства не подтверждается объективными данными и устанавливается с его слов, а в материалы дела представляется лишь анкета опроса указанного лица. Данная ситуация объясняется тем, что согласно ст. 27.5 КоАП РФ срок административного задержания лица не может превышать 48 часов, в течение которых не всегда представляется возможным установить личность иностранного гражданина или лица без гражданства, не имеющего при себе соответствующих документов.

В ст. 10.1 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» закреплено право должностных лиц территориальных органов внутренних дел по вопросам миграции требовать от иностранного гражданина предоставления в письменной форме информации, необходимой для установления его личности, опрашивать лиц, указанных иностранным гражданином в качестве свидетелей, а также проводить опознание иностранного гражданина по свидетельским показаниям, а результаты опроса и опознания оформлять

⁵ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25 июня 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

протоколом опроса свидетелей и протоколом опознания.

Данная процедура установления личности может быть востребована и в рамках производства по делу об административном правонарушении, совершенном несовершеннолетним иностранным гражданином, если по результатам проверок, проведенных до передачи дела в суд, подтвердить достоверность его персональных данных не представляется возможным.

Анализ практики показывает, что при отсутствии информации о личности несовершеннолетнего и его законных представителей в целях идентификации личности по письменному заявлению и в присутствии представителя органа опеки и попечительства сотрудники некоторых ЦВСНП проводили дактилоскопическую регистрацию несовершеннолетних иностранных граждан или лиц без гражданства, помещенных в Центры с целью установления личности.

Имелись случаи, когда для определения возраста несовершеннолетнего использовалась рентгенография кисти руки (если проведение дактилоскопической экспертизы не дало результатов). С целью определения костного возраста выполняется прямая рентгенограмма кисти, как правило, левой, с захватом лучезапястного сустава. Такой способ дает возможность проанализировать наличие точек (ядер) окостенения и определить примерный возраст ребенка. Установлено, что дистальный эпифиз локтевой кости проявляется в 7–8 лет, шиловидный отросток – 9–10 лет, гороховидная кость – 10–12 лет, сесамовидные кости у I пястнофалангового сочленения появляются к 12–14 годам (у девочек – к 12, у мальчиков – позже). Варианты заключений рентгенографии кисти руки могут быть следующие: 1) костный возраст соответствует 8–9 годам и т. п.; 2) костный возраст соответствует периоду полового созревания (12–14 лет); 3) костный возраст соответствует 22–23 годам.

При использовании дактилоскопической экспертизы или рентгенографии кисти руки результаты экспертиз вместе с результатами проверок по всем базам данных, запросом в соответствующее посольство или консульство иностранного государства о проверке персональных данных и ответом на запрос приобщаются к материалам, направляемым в суд.

В соответствии со ст. 22 ФЗ № 120 ЦВСНП несовершеннолетних доставляют в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, а также осуществляют в пределах своей компетенции другие меры по устройству несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП.

Административно-правовые основы устройства несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП, вытекают из указанного положе-

ния ФЗ № 120 и более конкретно закреплены в приказе МВД России «О совершенствовании деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей»⁶, в соответствии с которым деятельность по устройству несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП, определена в качестве одной из основных задач.

В настоящее время в Российской Федерации действуют девять транзитных ЦВСНП, которые в пределах закрепленных за ними регионов непосредственно доставляют несовершеннолетних к месту их устройства. Перечень транзитных ЦВСНП, которые осуществляют межгосударственную перевозку несовершеннолетних, установлен ФЗ «О ратификации соглашения о сотрудничестве государств – участников СНГ в вопросах возвращения несовершеннолетних в государства их постоянного проживания»⁷. При этом законодательно урегулирован лишь вопрос передачи транзитными ЦВСНП несовершеннолетних жителей государств – участников СНГ в соответствующие транзитные учреждения этих государств.

Согласно приказу № 839 несовершеннолетние, имеющие родителей или иных законных представителей, возвращаются в семью в сопровождении должностных лиц ЦВСНП либо передаются прибывшим за ними родителям или иным законным представителям. Стоит отметить, что нередко родители или законные представители по каким-либо причинам не могут забрать несовершеннолетнего из ЦВСНП, а иногда и вовсе отказываются за ним приезжать. При этом сотрудники Центров обязаны передать подростка родителям или законным представителям до истечения срока его пребывания в ЦВСНП. Необходимо учитывать, что иногда передача несовершеннолетнего законным представителям может быть невозможна (к примеру, они могут отсутствовать по месту жительства, находится в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и пр.). Только в указанных случаях должностные лица ЦВСНП осуществляют передачу несовершеннолетних сотрудникам территориальных органов МВД России по месту жительства с целью дальнейшей передачи родителям или иным законным представителям либо иного бытового устройства. Акт о передаче несовершеннолетнего, соответственно, должен

⁶ О совершенствовании деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (вместе с «Инструкцией по организации деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей»): приказ МВД России от 1 сентября 2012 г. № 839.

⁷ О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в вопросах возвращения несовершеннолетних в государства их постоянного проживания: федер. закон от 9 июня 2006 г. № 81-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 24. Ст. 2556.

быть заверен печатью подразделения и подписью сотрудника, который принял подростка.

Передача несовершеннолетних иностранных граждан или лиц без гражданства, содержащихся в ЦВСНП, также имеет свою специфику. По нашему мнению, несовершеннолетние данной категории могут быть переданы следующим лицам.

1. Родителям или иным законным представителям.

Сотрудникам ЦВСНП необходимо в акте приема-передачи несовершеннолетнего максимально полно прописать данные о родителе или законном представителе (Ф. И. О., место регистрации и проживания, серия и номер документа, удостоверяющего личность; при передаче несовершеннолетнего законному представителю – данные документа, подтверждающего факт того, что иностранный гражданин или лицо без гражданства является законным представителем этого несовершеннолетнего).

2. В рамках исполнительного производства сотрудникам ФССП.

Если суд постановил «признать несовершеннолетнего гражданина N виновным в совершении административного правонарушения по ст... КоАП РФ и подвергнуть административному наказанию в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации с помещением несовершеннолетнего в ЦВСНП». Подобные ситуации объясняются рядом факторов: несовершеннолетний был доставлен в ЦВСНП для установления личности, в период его содержания в Центре выяснились обстоятельства совершения правонарушения, срок содержания в ЦВСНП по решению суда был продлен до 30 суток, в ЦВСИГ отсутствуют необходимые условия для содержания несовершеннолетних и пр.

При этом сотрудникам ЦВСНП обязательно следует согласовывать передачу с прокуратурой, а также запросить у ФССП, в посольстве или консульстве иностранного государства документ, подтверждающий передачу несовершеннолетнего законным представителям.

В акте приема-передачи несовершеннолетнего сотрудникам ЦВСНП следует максимально полно прописать данные о должностном лице, принявшем несовершеннолетнего (Ф. И. О., место регистрации и проживания, серия и номер документа, удостоверяющего личность), а также прописать цель – исполнение постановления суда, сопровождение к аэропорту и дальнейшее устройство по месту постоянного проживания.

3. Представителю по доверенности (согласию) от родителя или законного представителя.

Указанная практика передачи несовершеннолетних распространена во многих регионах Рос-

сийской Федерации. Доверенность (согласие) должны содержать положения о том, что гражданин несет ответственность за данного несовершеннолетнего, сопровождает его в государство постоянного проживания (с целью передачи законным представителям или с целью дальнейшего устройства) и представляет интересы несовершеннолетнего во всех государственных органах на территории Российской Федерации.

В некоторых регионах имеется практика передачи несовершеннолетних представителю органов опеки или иным органам государства постоянного проживания несовершеннолетнего, которые представляют интересы ребенка в случае, если по объективным причинам иностранные граждане или лица без гражданства, а именно родители или законные представители несовершеннолетнего, проживающие на территории иностранного государства, не смогли оформить доверенность, не нашли возможность или отказались забрать несовершеннолетнего самостоятельно.

Как положительный опыт можно рассматривать практику передачи несовершеннолетних представителю национальной диаспоры или должностному лицу посольства или консульства иностранного государства, которому по доверенности органы опеки или иные органы государства постоянного проживания несовершеннолетнего передали право представлять интересы ребенка и сопровождать его к месту постоянного проживания.

Доверенность или распоряжение должны содержать положения о том, что гражданин назначен уполномоченным органом иностранного государства защищать интересы несовершеннолетнего, несет ответственность за несовершеннолетнего, сопровождает в государство постоянного проживания (с целью передачи законным представителям или с целью дальнейшего устройства) и представляет интересы несовершеннолетнего во всех государственных органах на территории Российской Федерации.

Сложившаяся ситуация позволяет констатировать, что уже давно назрела необходимость расширить перечень категорий несовершеннолетних, помещаемых в ЦВСНП, ввести категорию «оставивших государство постоянно проживать без разрешения родителей или иных законных представителей и подлежащих возвращению в государство своего постоянного проживания». Введение указанной категории позволит не только урегулировать вопросы передачи несовершеннолетних родителям или иным законным представителям, но и законодательно закрепить возможность содержания несовершеннолетних иностранных граждан в Центрах до решения в суде вопроса о примене-

нии к ним административного наказания в виде административного выдворения.

Соглашаясь с мнением А.В. Семенистого и В.О. Тулева, отметим, что регламентация полномочий сотрудников полиции, осуществляющих деятельность в местах принудительного содержания, требует существенных изменений [3]. Так, принятие проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части расширения перечня категорий несовершеннолетних, помещаемых в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей»⁸ позволит законодательно закрепить основания и порядок помещения в ЦВСНП несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления небольшой и средней тяжести, а также несовершеннолетних, оставивших госу-

дарство постоянного проживания без разрешения родителей или иных законных представителей и подлежащих возвращению в государство своего постоянного проживания. Принятие законопроекта также позволит утвердить Правила внутреннего распорядка ЦВСНП. По нашему мнению, сотрудники ЦВСНП должны знать точный порядок действий: от приема документов при доставлении несовершеннолетнего в Центр до решения вопроса о его устройстве.

Особое внимание следует уделить обучению сотрудников органов внутренних дел, работающих с данной категорией несовершеннолетних [1]. Потребуется создание курсов повышения квалификации по данному направлению подготовки, проведение различного рода инструктажей, семинаров, совещаний, учений по взаимодействию; анализ и распространение положительного отечественного и зарубежного опыта; разработка научно обоснованных рекомендаций и внедрение их в практическую деятельность органов внутренних дел; проведение предварительных, промежуточных и итоговых результатов работы и пр.

⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части расширения перечня категорий несовершеннолетних, помещаемых в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел [Электронный ресурс]: проект федер. закона № 679268-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список литературы:

1. Некрасов Д.Е. и др. Преступность несовершеннолетних в Рязанской области: состояние и проблемы противодействия. Рязань, 2012.
2. Сборник по России о результатах работы органов внутренних дел по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних за январь — декабрь 2016 года: сборник ГИАЦ МВД России. М., 2017.
3. Семенистый А.В., Тулев В.О. О некоторых аспектах совершенствования деятельности изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. М., 2010. № 4 (16).

References:

1. Nekrasov D. E. i dr. Prestupnost' nesovershennoletnih v Ryazanskoj oblasti: sostoyanie i problemy protivodejstviya. Ryazan', 2012.
2. Sbornik po Rossii o rezul'tatah raboty organov vnutrennih del po profilaktike beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih za yanvar' — dekabr' 2016 goda: sbornik GIAC MVD Rossii. M., 2017.
3. Semenistyj A. V., Tulev V. O. O nekotoryh aspektah sovershenstvovaniya deyatel'nosti izolyatorov vremennogo soderzhaniya podozrevaemyh i obvinyaemyh organov vnutrennih del // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. M., 2010, № 4 (16).

E-mail: semenecm@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ *правоохранительной деятельности*

А. В. АНОСОВ,
доцент кафедры уголовной политики,
кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)

Я. Г. ИЩУК,
старший преподаватель кафедры уголовной политики,
кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)

A. V. ANOSOV,
Candidate of Law,
Associate Professor at the Department of Criminal Policy
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Ya. G. ISHCHUK,
Candidate of Law
Senior Lecturer at the Department of Criminal Policy
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343.85

Оперативно-разыскная профилактика преступлений несовершеннолетних: направления, содержание, меры

Operative Investigative Prevention of Minors' Crimes: Directions, Content, Measures

В исследовании отражены возможности и раскрыты основные направления профилактики преступности несовершеннолетних, осуществляемой оперативными подразделениями органов внутренних дел.

Оперативно-разыскная профилактика, прогноз, наблюдение, сбор и изучение информации.

Research reflects the possibilities and reveals main directions of minors' delinquency prevention, making by the operational divisions of the internal affairs bodies.

Operative investigative prevention, prognosis, observation, collection and study of information.

Профилактика правонарушений несовершеннолетних остается одной из наиболее эффективных мер противодействия процессу воспроизводства преступности, в частности и криминализации общества в целом, при этом «объек-

тивно именно органы внутренних дел в настоящее время играют ведущую роль в государственной системе профилактики правонарушений, на что указывает широкий спектр возложенных на них функций и полномочий в данной сфере» [12, 13].

На наш взгляд, одним из недооцененных в настоящее время элементов деятельности территориальных органов МВД России по профилактике преступлений несовершеннолетних являются силы и средства, которыми располагают оперативные подразделения, а также возможность получения информации гласными и негласными средствами. В этом случае субъект правоприменения может воздействовать на факторы, детерминирующие общественно опасные деяния: устранять их либо предотвращать их развитие и последующее воздействие на общественные отношения [4], иначе говоря, оперативные подразделения могут эффективно реализовывать возможности оперативно-разыскной профилактики преступлений.

Проблематика оперативно-разыскной профилактики давно обсуждается в научных кругах, однако до настоящего времени вопрос о развитии данного направления деятельности правоохранительных органов и закреплении его основных положений в нормативных правовых актах остается актуальным.

До сих пор вопрос о понятии «оперативно-разыскная профилактика преступлений» остается открытым. Не вдаваясь в полемику, остановимся на ранее предложенном — это основанная на законах и урегулированная ведомственными нормативными актами научно обоснованная деятельность, проводимая оперативными подразделениями, заключающаяся в комплексном применении гласных и негласных оперативно-разыскных мероприятий [1] с целью выявления и устранения причин преступлений и условий, им способствующих, установления лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений, и оказания на них предупредительно-профилактического воздействия для недопущения с их стороны совершения преступлений, а также обеспечения безопасности граждан, которые подлежат защите от преступных посягательств [2].

Отметим, что использование форм и методов оперативно-разыскной деятельности в профилактической работе с несовершеннолетними имеет свою специфику. В частности, в среде несовершеннолетних с помощью оперативно-разыскных мер можно выявить следующее:

- скрытые процессы, содействующие развитию противоправного поведения;
- криминологически значимую информацию о криминогенной среде;
- конкретные причины и условия совершения преступлений.

ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹ определяет основные направ-

ления деятельности по профилактике преступлений несовершеннолетних, которые должны учитываться оперативными подразделениями:

- выявление, предупреждение и раскрытие преступлений несовершеннолетних;
- выявление несовершеннолетних правонарушителей, в том числе совершающих преступления в соучастии, принятие в отношении них предупредительных мер;
- противодействие участию несовершеннолетних в «наркообороте»;
- выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в противоправные действия, преступную группу, и применение к ним мер воздействия [14];
- розыск без вести пропавших несовершеннолетних, скрывшихся от органов дознания, следствия или суда; уклоняющихся от отбывания наказания или принудительных мер воспитательного воздействия; совершивших побег из центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей или учреждений УИС, самовольно ушедших из семей, специальных учебно-воспитательных учреждений [7].

Кроме того, ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» наделяет должностных лиц подразделений органов внутренних дел, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, возможностью реализовывать следующие права:

- посещать несовершеннолетних, проводить с ними беседы;
- запрашивать информацию о несовершеннолетних;
- приглашать для выяснения вопросов несовершеннолетних и их родителей;
- доставлять в органы внутренних дел беспризорных несовершеннолетних, несовершеннолетних, совершивших правонарушение;
- вносить предложения о применении мер воздействия в отношении несовершеннолетних, совершивших правонарушение, их родителей или иных законных представителей либо должностных лиц;
- вносить предложения об устранении причин и условий, способствующих правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних;
- участвовать в рассмотрении материалов о правонарушениях несовершеннолетних или их родителей;
- вести учет правонарушений несовершеннолетних, собирать и обобщать информацию, необходимую для составления статистической отчетности.

Во многих случаях оперативно-разыскная деятельность является единственной возможностью результативного воздействия на криминогенные процессы, явления и конкретные доприступные противоправные действия, нейтрализация и пре-

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: федер. закон от 24 июня 1999 г. 120-ФЗ. Доступ из информационно-правового портала «Гарант».

дотворщение которых с помощью открытых мер административного, уголовного, процессуального либо воспитательно-профилактического характера невозможны.

Использование возможностей оперативно-разыскной профилактики в системе предупреждения преступности несовершеннолетних позволяет достигать цели профилактики на разных этапах правонарушающего поведения, однако чем раньше будет выявлен объект, требующий профилактического воздействия, тем эффективнее будут достигнуты цели профилактики. Так, на стадии выявления преступных намерений несовершеннолетних проводится поиск, регистрируется и изучается объект, требующий применения предупредительных мер, оценивается степень его криминальной пораженности, осуществляется прогноз развития и отбор наиболее эффективных форм и методов предупредительного воздействия на него.

Выявление криминогенных объектов является ключевым моментом профилактической деятельности и создает информационные предпосылки для ее эффективного осуществления.

Для выявления несовершеннолетних, от которых возможно ожидать совершения противозаконных действий, целесообразно применение таких специальных методов сбора информации, как изучение документов, наблюдение, опрос, беседа, а также проведение целевых рейдов и профилактических операций. Указанные методы на данном этапе имеют поисковый характер и помогают выявить значимые криминологические характеристики несовершеннолетних правонарушителей.

Функция оперативно-разыскной профилактики эффективно реализуется в рамках ведения дел оперативного учета, тогда же осуществляется процесс сбора дополнительных сведений о лицах и фактах, представляющих интерес, выявляются признаки формирующейся преступной деятельности несовершеннолетних, реализуется полученная информация в процессе предупреждения и раскрытия преступлений.

Оперативно-профилактическая деятельность должна реализовываться по следующим направлениям:

- получение кримиолого-виктимологической информации об источниках криминальной опасности на определенных территориях;
- обеспечение оперативного сопровождения определенной территории и мест концентрации несовершеннолетних;
- выявление четких криминогенных признаков преступной деятельности;
- прогнозирование криминальной обстановки на определенной территории;
- фиксация мест и объектов, на которых систематически пребывают несовершеннолетние и лица, представляющие оперативный интерес;

– выявление неформальных лидеров в среде несовершеннолетних;

– пресечение и предотвращение фактов противоправного поведения и нейтрализация причин и условий, способствующих преступности несовершеннолетних;

– выявление граждан, действия которых направлены на вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или антиобщественных деяний;

– учитывая особенности современных криминальных реалий, согласимся со специалистами, подчеркивающими необходимость выделения такого направления, как профилактика экстремистских настроений, в том числе профилактика формирования и распространения экстремистских убеждений и идеологии в среде несовершеннолетних [9, 10].

В содержании оперативно-разыскной профилактики необходимо выделить особую составляющую: оперативное наблюдение и контроль за поведением профилактируемых лиц, а также меры воздействия с использованием всего комплекса оперативно-разыскных мероприятий. Такое сочетание наблюдения, контроля и воздействия является необходимым условием корректировки поведения профилактируемого или криминогенной обстановки.

Отметим, что проведение эффективной профилактической работы органов внутренних дел с несовершеннолетними осложняется тем, что почти в 70 % случаев подростки после отбытия наказания возвращаются в прежнюю рецидивоопасную среду. На основании проведенных криминологических исследований установлено, что одним из криминогенных факторов повторной преступности несовершеннолетних является семейное неблагополучие [11]. Анализ данных о социально-демографических и иных личностных характеристиках несовершеннолетних, совершивших преступления, свидетельствует о том, что большинство из них – выходцы из «неблагополучных семей», отстающие в учебе, не сумевшие трудоустроиться или продолжить обучение [6]. Таким образом, в целях успешной деятельности по предупреждению преступлений несовершеннолетних необходимо владеть криминологической информацией о наиболее распространенных видах преступлений, совершаемых несовершеннолетними; о личностных особенностях несовершеннолетних преступников, об особенностях совершения таких преступлений (преступная группа, алкогольное или наркотическое состояние и т. п.), о социальном и бытовом окружении, а также о причинах и условиях совершения преступлений.

В условиях работы с подростковой средой именно оперативные подразделения обладают возможностью «добывания» криминологически значимой информации. Определенные сведения

при этом могут быть получены через анализ открытой информации, выложенной в социальные сети [8]. Такая информация, которую невозможно получить без подключения оперативных подразделений, может быть положена в основу принятия решения о проведении профилактических мероприятий в отношении несовершеннолетнего.

Обладая информацией о криминологических свойствах несовершеннолетнего правонарушителя [5], можно подготовить комплекс индивидуально-профилактических мер, направленных на склонение несовершеннолетнего к отказу от правонарушений, злоупотребления алкоголем или наркотическими веществами; общения с антисоциальным элементом.

Основной целью индивидуально-профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями является формирование правопослушной направленности личности, которая служит основой для осознанной мотивации поведения, в том числе при выборе между правомерным поведением и правонарушением.

В основе мер индивидуально-профилактического воздействия лежит прогноз поведения несовершеннолетнего, который в полной мере не может быть дан без информации, полученной в ходе реализации оперативно-разыскной деятельности. Кроме того, сбор и анализ необходимых сведений помогают оперативным аппаратам, во-первых, постоянно контролировать несовершеннолетних правонарушителей и быстро устранять причины, способствующие совершению преступлений, во-вторых, определять различные особенности несовершеннолетнего, которые позволяют в каждом конкретном случае корректировать его поведение, в-третьих, планировать мероприятия по пресечению и предотвращению преступлений.

В целях разработки конкретной методики индивидуально-профилактической работы важно получить своевременную оперативную информацию об особенностях мотивационной сферы несовершеннолетнего. Данная информация ложится в основу составления психологического портрета, который является основой для выбора конкретной методики индивидуально-профилактического воздействия на несовершеннолетнего.

Оперативным аппаратам ставятся и другие значимые задачи:

- установление лиц, оказывающих отрицательное воздействие на несовершеннолетнего, из числа его близкого окружения;

- выявление лиц, способных оказать на несовершеннолетнего положительное воздействие;

- установление намерений несовершеннолетнего в плане его дальнейшего поведения;

- определение эффективности воздействия на несовершеннолетнего индивидуальной воспитательной беседы, проведенной в связи со взятием на профилактический учет;

- выявление устойчивости антиобщественного поведения несовершеннолетнего;

- выявление факторов, способствующих отказу несовершеннолетнего от антиобщественных мотивов, в том числе в сфере его убеждений, интересов, потребностей;

- побуждение несовершеннолетнего к сознательному отказу от правонарушений;

- убеждение несовершеннолетнего в необходимости участия в общественно полезной деятельности;

- склонение несовершеннолетнего к отказу от злоупотребления алкогольными напитками или наркотическими веществами;

- установление барьеров в общении с лицами, отрицательно влияющими на несовершеннолетнего.

Список задач не может быть исчерпывающим, так как от их решения будет зависеть успех исправления несовершеннолетнего. Знание социально-демографической и нравственно-психологической характеристики, а также наличия ложных представлений, взглядов и убеждений в политическом, правовом, нравственном сознании лица позволяет спрогнозировать, каким путем лицо намерено осуществлять удовлетворение своих потребностей [3]. Поэтому сотрудник оперативного подразделения должен добиваться того, чтобы лицо, состоящее на профилактическом учете, осознало ложность своих искаженных убеждений, взглядов и представлений и в дальнейшем изменило их на социально одобряемые.

Таким образом, главным условием достижения целей профилактической работы с несовершеннолетними является формирование у них положительной направленности, однако данная работа невозможна без изучения личности несовершеннолетнего, его круга общения и среды, в которой он находится. Только с учетом данной информации можно составить эффективную воспитательную программу, а оперативные подразделения обладают специальными познаниями и возможностями получения такой информации.

Список литературы:

1. Бобров В. Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий. М., 2002.

References:

1. Bobrov V. G. Ponyatie operativno-rozysknogo meropriyatiya. Osnovaniya i usloviya provedeniya operativno-rozysknyh meropriyatij. M., 2002.

2. *Борин Б. В., Ищук Я. Г.* Понятие оперативно-розыскной профилактики преступлений // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 3.
3. *Виноградов А. В.* Цели уголовной политики в отношении несовершеннолетних: соотношение доктрины и правотворчества // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37).
4. *Воронин М. Ю.* Правовые основы формирования системы профилактики административных правонарушений // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4 (40).
5. *Демидова-Петрова Е. В.* Методика создания портрета личности несовершеннолетнего в контексте типологических рисков криминогенной подверженности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017 № 3 (29).
6. *Кислый О. А.* К вопросу об аналитическом обеспечении оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел // Закон и право 2017. № 1.
7. *Лепёхин Д. И.* К вопросу об информационно-аналитическом обеспечении розыска несовершеннолетних, пропавших без вести // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37).
8. *Лопатин Е. А.* Общение в социальных сетях как форма аддикции: учеб. пособ. Рязань, 2013.
9. *Некрасов Д. Е.* Межведомственные аспекты подготовки сотрудников органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы по антиэкстремистской тематике уголовно-правовых дисциплин // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1 (92).
10. *Некрасов Д. Е.* Предупреждение экстремизма силами полиции: методологические основы и вопросы нормативного обеспечения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 3.
11. *Побегайло А. Э.* Семейное неблагополучие и несовершеннолетний преступник: монография. Ставрополь, 2006.
12. *Титушкина Е. Ю.* К вопросу о криминологических терминах // Российский следователь. 2014. № 21.
13. *Титушкина Е. Ю., Подколзина А. Ю.* Государственная система профилактики правонарушений несовершеннолетних в свете положений Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 3.
14. *Харламова А. А.* К вопросу о способе вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70).
2. *Borin B. V., Ishchuk Ya. G.* Ponyatie operativno-rozysknoj profilaktiki prestuplenij // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2017. № 3.
3. *Vinogradov A. V.* Celi ugovolnoj politiki v ot-noshenii nesovershennoletnih: sootnoshenie doktriny i pravotvorchestva // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2016. № 1 (37).
4. *Voronin M. Yu.* Pravovye osnovy formirovaniya sistemy profilaktiki administrativnyh pravonarushenij // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2016. № 4 (40).
5. *Demidova-Petrova E. V.* Metodika sozdaniya portreta lichnosti nesovershennoletnego v kontekste tipologicheskikh riskov kriminogennoj podverzhennosti // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017 № 3 (29).
6. *Kislyj O. A.* K voprosu ob analiticheskom obespechenii operativno-rozysknoj deyatel'nosti operativnyh podrazdelenij organov vnutrennih del // Zakon i pravo 2017. № 1.
7. *Lep'yohin D. I.* K voprosu ob informacionno-analiticheskom obespechenii rozyska nesovershennoletnih, propavshih bez vesti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2016. № 1 (37).
8. *Lopatin E. A.* Obshchenie v social'nyh setyah kak forma addikcii: ucheb. posob. Ryazan', 2013.
9. *Nekrasov D. E.* Mezhvedomstvennye aspekty podgotovki sotrudnikov organov vnutrennih del i ugovolno-ispolnitel'noj sistemy po antiehkstremistskoj tematike ugovolno-pravovyh disciplin // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. 2016. № 1 (92).
10. *Nekrasov D. E.* Preduprezhdenie ehkstremitizma silami policii: metodologicheskie osnovy i voprosy normativnogo obespecheniya // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2013. № 3.
11. *Pobegajlo A. Eh.* Semejnoe neblagopoluchie i nesovershennoletnij prestupnik: monografiya. Stavropol', 2006.
12. *Titushkina E. Yu.* K voprosu o kriminologicheskikh terminah // Rossijskij sledovatel'. 2014. № 21.
13. *Titushkina E. Yu., Podkolzina A. Yu.* Gosudarstvennaya sistema profilaktiki pravonarushenij nesovershennoletnih v svete polozhenij Federal'nogo zakona ot 23 iyunya 2016 g. № 182-FZ «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» // Vestnik Severo-Kavkazskogo gumanitarnogo instituta. 2017. № 3.
14. *Harlamova A. A.* K voprosu o sposobe вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 2 (70).

E-mail: pdrme@yandex.ru;
yar-vyatka@yandex.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

И. А. АНДРЕЕВА,
профессор кафедры теории и методологии
государственного управления,
доктор юридических наук, доцент
(Академия управления МВД России)

I. A. ANDREYEVA,
Doctor. of Law, Associate Professor,
Professor at the Department of Theory and Methodology of Government
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 351.74:94(410)

Полицейская реформа в Англии в конце XX – начале XXI в.

The Police Reform in England (Late 20th – Early 21st c.)

В статье рассматриваются преобразования английской полиции в конце XX – начале XXI в. как важнейшее условие адаптации полицейской системы к социальным изменениям. Анализируются главные направления реформы: внедрение концепции «нового публичного менеджмента» в управлении полицией; постепенная централизация управления, растущее влияние МВД Великобритании; управление эффективностью полицейской деятельности; изменение видения полицейской работы, которая рассматривается как совместное «производство» безопасности различными агентствами в партнерском сотрудничестве на локальном уровне.

Полиция, Англия, полицейская деятельность, реформа, управление полицией, показатели эффективности, управление эффективностью, централизация, планирование.

The English police transformations in the late 20th – early 21st c. are considered in the article as the most important condition of the police system adaptation to the social changes. The author analyzes the main reform's directions: a concept introduction of "a new public management" in police management; the gradual centralization of management; the growing influence of the Interior Ministry of the Great Britain; management for effectiveness of the police activity; changing the vision of the police work, which is regarded as a joint "production" of the safety by different agencies in a partnerships at the local level.

Police, England, police activity, reform, police management, effectiveness indicators, effectiveness management, centralization, planning.

Необходимость выявления возможностей адаптации ключевого института современного государства – полиции, с момента создания находящегося в центре противоречия между стремлением к прогрессивному развитию и обеспечением необходимой стабильности общества, в центре выработки оптимальных ме-

ханизмов взаимодействия государства и общества, института, от которого напрямую зависит эффективность осуществления правоохранительной функции государства, следует отнести к актуальным научно-практическим проблемам современной государственной и правовой жизни. В юридической науке значительное

количество трудов посвящено полицейской тематике. Удивительно, что при том внимании и интересе к английской модели полиции, традиционно отличающих российскую науку, специальные исследования процессов масштабного и интенсивного реформирования английской полиции на рубеже XX–XXI вв. отсутствуют.

Первые попытки учреждения специальной силы охраны общественного порядка в Англии предпринимались в течение XVIII в. Но лишь в 1829 г. был принят Закон о создании в Лондоне столичной полиции. С самого начала «commissioner», ее глава, был подчинен министру внутренних дел. В течение пятидесяти лет полицейские формирования в ведении органов местного самоуправления были созданы во всей стране. Закон о муниципальных корпорациях 1835 г. и Закон о сельской полиции 1839 г. предусматривали преобразование существовавших в муниципалитетах и некоторых графствах форм охраны общественного порядка в полицейские силы в униформе. Закон о полиции графств и городов 1856 г. ввел должность инспектора МВД Великобритании для осуществления контроля за деятельностью полиции, а в случае ее эффективности предусмотрел возможность оплаты правительством до четверти местных полицейских расходов [15]. В течение следующего периода времени, при сохранении роли органов местного самоуправления в руководстве полицией (контроль со стороны местных властей обеспечивался посредством создания на выборной основе наблюдательных комитетов в городах и объединенных постоянных комитетов в графствах), роль министра внутренних дел возросла [3]. В 1919 г. был принят Закон о полиции, предоставивший ему право принимать решения по широкому кругу вопросов. Укрупнение местных полицейских отрядов путем создания полицейских округов, включавших в себя несколько административно-территориальных единиц, также ослабило влияние местных властей. В 1918 г. в Великобритании насчитывалось 188 территориальных полицейских сил, в 1946 г. – 125, на сегодняшний день – 52, 43 из которых действуют в Англии [20]. На основе рекомендаций королевской комиссии в 1964 г. был принят Закон «О полиции», который обязал министра внутренних дел проявлять большую инициативу в улучшении полицейской службы и ввел вместо наблюдательных и объединенных постоянных комитетов управления полиции (Police Authority). Данные управления были наделены полномочиями назначать на должность начальника полиции, его помощников с одобрения министра внутренних дел; определять штатную организацию; осуществлять материально-техническое обеспечение; формировать полицейский бюджет при условии, что будут выделены средства на реализацию указаний ми-

нистерства внутренних дел; требовать письменные отчеты от начальника полиции по вопросам, связанным с обеспечением общественного порядка в рамках территориальной юрисдикции управления. Они не вмешивались в оперативную деятельность полиции. Начальник полиции имел возможность отказаться даже от той единственной обязанности перед управлением, которую предусмотрел закон, – представлять ежегодный отчет, если он содержал информацию, которая в интересах общества не должна была быть раскрыта [21].

Историю современной полицейской реформы в Англии следует вести с того времени, когда она впервые была внесена в число приоритетных вопросов политической повестки дня в 80-е гг. XX в., а публичные дискуссии о безопасности и поддержании порядка были политизированы и приобрели драматический накал. Никогда раньше на принятие политических решений в этой сфере не оказывали такое большое влияние «внешние силы» – средства массовой информации, особенно телевидение. Поводом к первым преобразованиям послужили полицейские скандалы, вызванные жесткими столкновениями полиции с некоторыми группами населения в ходе массовых акций протеста в условиях экономического кризиса.

В течение всего времени вопросы совершенствования управления полицией рассматривались и разрешались в трех аспектах (современные исследования, посвященные реформе полиции в России, демонстрируют, что в центре усилий реформаторов находится решение схожих проблем [2, 4, 5, 6]).

Во-первых, констатируя, что, несмотря на рост расходов на полицию и увеличение ее численности, продолжается рост преступности, правительство консерваторов приступило в 1982 г. к введению «финансового управления» в полиции. Под влиянием опыта частного сектора была разработана концепция «нового публичного управления», главная идея которой состоит в том, что предоставляемые властью публичные услуги, в том числе и по обеспечению общественного порядка и безопасности, должны соответствовать потребностям общества и осуществляться при более низких затратах. Чтобы повысить эффективность использования бюджетных средств, необходимо было расширить свободу соответствующих учреждений (агентств) в их расходовании с одновременным усилением ориентации их деятельности на достижение установленных конечных результатов. Так, в управлении осуществлялся переход от прямых предписаний со стороны вышестоящих органов нижестоящим к косвенному регулированию их деятельности. Старт реформам государственного сектора был положен документом «Financial

Management Initiative» (1982 г.). Практика формулирования результативных (измеримых) целей и индикаторов (контрактными или законодательными предписаниями) с последующим их мониторингом, измерением (посредством «внутренней» оценки) была внедрена в деятельность как государственных ведомств, так и органов местного самоуправления.

Во-вторых, «хорошее управление» полиции было связано с введением ее деятельности в более строгие рамки закона. Дело в том, что английская полиция, исторически сложившаяся и развивавшаяся в условиях широкой поддержки общества, обладала и обладает самостоятельностью в осуществлении расследования преступлений и весьма широкими дискреционными полномочиями [25]. Законом о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 г. [7] были определены условия и сроки полицейского задержания, обязанности полицейского по информированию задержанных об их правах и соблюдению в течение периода содержания под стражей, ведению записи допросов при соблюдении правил, установленных кодексом профессиональной этики, а также порядок рассмотрения жалоб на полицейских [17]. Закон об общественном порядке 1986 г. [8] регламентировал действия полиции в случае беспорядков в общественных местах.

В-третьих, важным средством совершенствования управления полицией был признан учет мнения населения. Несмотря на дебаты между двумя главными политическими партиями — консерваторов и лейбористов — по вопросу полицейской деятельности, их позиции во многом были схожи: наряду с увеличением финансирования полиции, связанным с ростом эффективности ее деятельности, обе признавали необходимость развития базового принципа «policing by consent» — поддержание общественного порядка путем установления согласия в обществе и значимость более активного вовлечения населения в процесс поддержания порядка посредством введения методов «community policing», полиции, ориентированной в своей деятельности на территориальное сообщество, общину. Реализация «community policing» в Англии была разнообразной. В 1983 г. в МВД Великобритании был создан Отдел профилактики преступности, разработавший ряд проектов. Среди них — программы «соседского наблюдения» (с 1982 г.), работа предусмотренных законом 1984 г. консультативных комитетов (в их составе — члены управлений полиции, представители Церкви, этнических меньшинств и общественных ассоциаций), программа 1986 г. «Безопасные города», работа добровольных полицейских (их численность в разное время насчитывала от 15 до 20 тыс. человек) [1, 14].

Ход полицейской реформы в Англии невозможно представить без борьбы двух политических партий. Партия власти, вступив на путь реформ, оказывала решительную поддержку полиции, подвергавшуюся резкой критике, особенно в период известных забастовок шахтеров. Консерваторы считали, что доверие населения покоится на способности полиции противостоять преступности, и делали акцент на обеспечении полиции юридическими и материальными средствами, в которых она нуждалась. Согласно консерваторам полиция должна завоевать доверие и поддержку населения своей эффективной работой, а согласно лейбористам полиция могла быть эффективной только благодаря поддержке и доверию населения. Лейбористы предлагали сделать ставку на упрочение взаимодействия между местными властями и руководством местных полицейских сил, не отрицая необходимости увеличения расходов на полицию. Они подчеркивали, что прежде всего полиция должна служить обществу, и любые изменения в ней должны проверяться этим принципом. В 1981 г. лейбористы победили на выборах в орган муниципального управления Большого Лондона. Они, не ограничиваясь призывами к более строгому контролю деятельности полиции, создали исследовательский центр по изучению лондонской полиции.

В результате во второй половине 90-х гг. XX в. правительством лейбористов были осуществлены новые принципиальные шаги в развитии стратегического взаимодействия «общество — полиция». Так, Закон о преступлении и беспорядке 1998 г. [10] ввел нормативный элемент деятельности по сотрудничеству между местными властями и силами полиции, обязанными формировать общую стратегию деятельности на основе изучения ситуации и осуществления консультаций, а также координировать превентивную активность в целях обеспечения безопасности жилых кварталов. Закон дал министру внутренних дел право учреждать орган, предназначенный для сотрудничества, а также указывать властям, какие службы должны принять участие в его деятельности. Было предусмотрено, что муниципалитет и полиция ежегодно должны обсуждать с другими партнерами достигнутые результаты и по мере необходимости вопросы пересмотра методов и приоритетных направлений деятельности. Расширенные полномочия, предоставленные законом, позволили органам местной власти обращаться не только к государственной полиции, но и другим организациям, если последние могут предложить более выгодные правоохранительные услуги с точки зрения соотношения «цена — качество».

Особенность подхода правительства лейбористов в сравнении с консерваторами заключалась и в том, что жители административно-территори-

альных образований определялись ими не только как потребители услуг безопасности, оказываемых государственными службами (клиенты), но и как граждане, активные члены ассоциаций гражданского общества, имеющие все больше возможностей оказывать влияние на управление качеством жизни на территориях своего проживания, а значит, как субъекты соответствующих обязательств и ответственности.

Стремление придать деятельности полиции превентивно-сервисный характер и делегирование отдельных задач по противодействию преступности обществу не означало отказа в управлении полицией от механизмов и методов планирования и бюджетирования, ориентированных на результат. В 1998 г. правительство лейбористов выпустило документ «Белые страницы: современная административная система в контакте с населением», в котором отмечалось, что цель планируемых преобразований — «приведение всех услуг, оказываемых местными органами, к четким стандартам, охватывающим качество и стоимость услуг..., достижение высокой эффективности деятельности местных администраций наиболее экономичными средствами». Нормативно-правовое оформление программы модернизации получила в статусе 1999 г. «Закон о местных администрациях» (Local Government Act 1999). Статут обязал органы местного управления, а также руководство полиции «обеспечить непрерывное совершенствование деятельности... в отношении эффективности, рациональности и экономии», предпринимать ревизию (самоанализ) всех функций организации и ежегодно формировать планы совершенствования деятельности (Best Values Plan дословно переводится как «планы по достижению лучших показателей») [1].

Закон о реформе полиции 2002 г. [11] стал итогом политики обеспечения финансовой рентабельности полицейских органов и одновременно способствовал усилению контроля со стороны центрального правительства за их деятельностью. Введение национальных планов, определяющих приоритеты полицейской деятельности, началось еще в 90-е гг. XX в. Законодатель в 1994 г. поручил управлениям полиции обеспечить ежегодное составление локального полицейского плана, согласовывающего национальные и местные цели [9]. Связывание эффективности деятельности местных полиций с выполнением ими общенациональных целей, обязанность использовать систему показателей эффективности, разрабатываемую в МВД Великобритании, ставили управления полиции во все большую зависимость от последнего. С 2002 г. планы стали обязательными. Министр внутренних дел имеет право и обязан требовать от местных полицейских властей раз-

работки стратегического (на три года) и ежегодного планов. Первый из ежегодных планов поддержания порядка обязывал местную полицию вводить индикаторы, касающиеся эффективности противодействия насильственным преступлениям, преступлениям несовершеннолетних, антиобщественному поведению, торговле и распространению наркотиков, а также учитывающие мнение населения о работе полиции.

Сведение сложной полицейской деятельности в системе управления эффективностью в полиции (police performance management) до нескольких упрощенных показателей было подвергнуто серьезной критике учеными. Негативную оценку получила и затрата значительных (до 10 %) материальных, кадровых, информационных ресурсов полицейской системы, направленных на организацию управления эффективностью, а не на улучшение предоставляемых населению услуг. Непрерывная работа над системой индикаторов результативности полиции привела к их значительному усовершенствованию. Сегодня действует перечень показателей, введенный приказом МВД Великобритании 2008 г., заменивший перечни 2005 и 2006 г. и включающий 34 показателя, распределенных на 13 категорий. Среди «качественных» показателей эффективности, касающихся учета мнения населения, можно выделить следующие: процент клиентов, которые удовлетворены услугами, оказываемыми полицией; сравнение степени удовлетворенности между клиентами, представляющими белое население и этнические меньшинства, услугами, оказываемыми полицией; удовлетворенность услугами, оказываемыми полицией, со стороны пострадавших в случаях столкновений на расистской почве; удовлетворенность контактом с системой уголовного правосудия со стороны пострадавших и свидетелей преступления; процент жителей, выражающих согласие в том, что полиция и местные советы учитывают их мнение об антиобщественном поведении и преступности в их районе; процент жителей, выражающих согласие в том, что полиция и местные советы обращают внимание на антиобщественное поведение и преступления «местного» значения; процент жителей, выражающих согласие в том, что полиция в их районе работает хорошо; процент жителей, выражающих уверенность в том, что система уголовного правосудия в целом эффективна; процент жителей, выражающих уверенность в том, что система уголовного правосудия в целом справедлива.

Тенденция централизации полицейской деятельности в Англии проявилась в создании или усилении национальных агентств, среди которых важнейшим является Инспекторат полицейских сил Ее Величества в Соединенном Королевстве (Her Majesty's Inspectorate

of Constabulary – НМІС). Инспекционный процесс был стандартизирован, с 1988 г. стали публиковаться отчеты о проверках. НМІС все больше обращал внимание на то, в какой степени местные силы выполняют руководящие принципы национальной политики, с какой эффективностью начальники местных подразделений работают с управлениями полиции и общинами, идентифицируют проблемы, определяют цели, выбирают и применяют средства и оценивают итоги. Так, в начале 90-х гг. XX в. НМІС отказался признать эффективной деятельность полиции Дербишира за неспособность правильно определить цели [13].

В 2002 г. было создано подразделение полицейских стандартов (Police Standard Unit – PSU), работающее над продвижением единых подходов и лучших практик в полицейской работе. В 2007 г. оно было передано в Управление ресурсов и полицейской реформы (Police Reform and Resources Directorate), которое распределяет ресурсы между местными полициями в соответствии с достигнутыми ими показателями эффективности. В 2004 г. для осуществления содействия внедрению национальных стандартов поддержания порядка и особенно развитию полицейских инфраструктур было создано Национальное агентство улучшения правопорядка (National Policing Improvement Agency – NPIA). Вопросами развития партнерства в сфере обеспечения правопорядка занимается подразделение полицейской реформы (Police Reform Unit). Необходимость противодействия международной и организованной преступности, сотрудничества с международными полицейскими организациями стала главным стимулом развития новых общенациональных служб полиции, например, Службы по борьбе с наиболее опасной организованной преступностью (2006 г.).

Полицейская деятельность в Англии является результатом руководящего воздействия трех сил – Министерства внутренних дел, Управления полиции и начальников полиции. Этот своеобразный механизм сдержек и противовесов в управлении полицией долгое время позволял Англии обеспечивать баланс местных, национальных и профессиональных интересов, соответствующий потребностям конкретно-исторической ситуации, позволяющий предотвращать прямое политическое вмешательство в полицейскую деятельность. Полицейская реформа во многом состояла в перераспределении властных полномочий от одной группы субъектов управления к другой в целях большей эффективности управления. Ассоциация управлений полиции (АРА) была включена в процесс консультирования МВД Великобритании по вопросам полицейской реформы и стала форумом для обсуждения ее актуальных направлений и проблем [18].

Коренное противоречие преобразований, находивших свое оправдание в необходимости лучшего обеспечения безопасности на местном, «близком» к населению, уровне, состояло в том, что местная специфика все более уходила на второй план. Полицейские силы выполняли установленные на национальном уровне задачи, но уровень удовлетворенности населения их работой оставался низким. Выбор между дальнейшей централизацией управления полицейскими силами или возобновлением подхода, учитывающего потребности территориальных общин, был неизбежен [24]. В 2008 г. комитет Палаты общин по внутренним делам закончил исследование состояния полицейской службы в Великобритании и пришел к выводу, что в результате введения системы определения целей деятельности «сверху» качество предоставления полицией услуг населению ухудшилось. Он изложил ряд предложений, ставших основой для новой реформы полиции [19].

В министерской программе «Полиция в XXI в.: восстановление связи между полицией и населением» [22] констатировалось, что «увеличение правительственного вмешательства в последние годы изменило фокус полицейской деятельности... Она стала более ответственна по отношению к правительственным целям и бюрократии, а не к обществу. Это способствовало разъединению полиции и общественности, которой она служит».

Были обозначены несколько направлений новой реформы полиции. Во-первых, предложено, чтобы управления полиции были заменены выборными уполномоченными по делам полиции. Именно эта мера позволила обозначить реформу как самую радикальную за последние 50 лет. Во-вторых, предусмотрено перераспределение полномочий в определении целей и задач полицейской деятельности между МВД Великобритании и местными руководителями полиции – их передача от правительства к профессионалам. В-третьих, сообщалось об изменении акцентов в деятельности центральных структур. Если в прежние годы они стремились управлять полицейской деятельностью на местном уровне, то теперь главным объектом приложения их управленческих усилий должна стать деятельность общенациональных полицейских агентств. В-четвертых, предполагалось дальнейшее развитие экономической рентабельности как региональных, так и национальных полицейских сил. И, наконец, в-пятых, было предусмотрено дальнейшее развитие участия населения в охране общественного порядка.

Проект закона о реформе полиции и социальной ответственности был внесен на обсуждение в Палату общин в 2010 г., закон вступил

в силу в 2011 г. [12]. Управления полиции были заменены избираемыми населением на четырехлетний срок уполномоченными по делам полиции. Они были избраны впервые в 2012 г., а второй раз — 5 мая 2016 г. в 40 полицейских округах Англии и Уэльса (кроме Манчестера и Лондона, в которых соответствующими полномочиями наделен мэр). В соответствии с законом уполномоченные по делам полиции должны обеспечивать эффективную работу полиции в своем районе; назначать Главного констебля, ответственного за управление полицией, и при необходимости увольнять его; устанавливать цели и формировать план работы полиции; определять бюджет полиции и инструкции; выполнять задачи в области полицейской деятельности на национальном и международном уровнях, установленные министром внутренних дел; обеспечивать реализацию партнерского подхода в сфере обеспечения безопасности на местном уровне. Таким образом, главная их задача состоит в максимально эффективном удовлетворении потребностей населения и улучшении отношений полиции и общества путем восстановления и укрепления доверия. Кроме того, в каждом округе учреждены комиссии по делам полиции для контроля и оценки деятельности уполномоченных по делам полиции.

В докладе Национального ревизионного управления, опубликованном в 2014 г., констатировалось, что недочеты в работе уполномоченных и комиссий по делам полиции, их недостаточная активность в совокупности с иными пробелами в новой системе управления полицейской деятельности могут негативно повлиять на успех реформы [23]. Смысл введения выборных уполномоченных по делам полиции состоял в возвращении к первоначальным идеям реформаторов 80–90-х гг. XX в., оттесненным на второй план ввиду внедрения методов «нового публичного управления», а именно — сделать полицейское обслуживание более ответственным перед территориальным сообществом. Предварительные итоги реформы оказались далеки от ожидаемых: по сведениям, представленным в газете «The Guardian», в 2012 г. в выборах уполномоченных участвовало 15 % населения, три года спустя после выборов — всего лишь 8 % населения знает имя уполномоченного по делам

полиции в своем округе, только 39 % знает о существовании такой должности [16].

Таким образом, в развитии полицейской системы Англии в последние десятилетия можно выделить следующие изменения: внедрение концепции «нового публичного менеджмента», которое привело к увеличению персонала, специализирующегося на управлении полицией; постепенная централизация управления, растущее влияние МВД Великобритании и сопровождающее этот процесс изменение в балансе сил в трехчастной структуре управления английской полицией; все большее сосредоточение на эффективности полицейской деятельности и управлении ею; изменение видения полицейской работы, которая рассматривается как совместное «производство» безопасности различными агентствами в партнерском сотрудничестве на локальном уровне. В осуществлении преобразований в сфере полицейской деятельности в Англии наблюдается значительная преемственность, вместе с тем можно выделить три стадии («волны») полицейской реформы:

1) 1980-е — сер. 1990-х гг. — «период менеджериального обновления» полиции, осуществленного правительством консерваторов;

2) 1997 г. — сер. 2000-х гг. — правительство «новых лейбористов» продолжило и развило начинания консерваторов, усилив движение в сторону создания полиции, ответственной перед местным сообществом (общиной);

3) конец 2000-х гг. — усиление комплексного подхода к обеспечению безопасности на локальном уровне.

В итоге, стремясь найти баланс между общими и местными интересами, Англия в 2000-е гг. смогла далеко продвинуться в направлении более эффективного управления полицейскими силами. Английский опыт реформирования органов полиции стал источником вдохновения в поиске путей обновления полицейской деятельности для многих стран европейского континента, особенно в том, что касается принятия в расчет восприятия населением полицейской работы. Эти преобразования обращают внимание на сущность полицейской деятельности в демократическом обществе, правовом государстве: она должна и может эффективно осуществляться только при условии поддержки населением.

Список литературы:

1. Васильев Д. В. Концепции организации деятельности полиции и возможности их использования в отечественной практике (по материалам США и некоторых стран Западной Европы): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

References:

1. Vasil'ev D. V. Konceptcii organizacii deyatel'nosti policii i vozmozhnosti ih ispol'zovaniya v otechestvennoj praktike (po materialam SSHA i nekotoryh stran Zapadnoj Evropy): dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2005.

2. *Власов Б. Е., Пожидаяев С. Г.* Опыт программно-целевого управления обеспечением правопорядка и безопасности при проведении крупномасштабных мероприятий // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 3 (39).
3. *Ежевский Д. О.* Британская муниципальная полиция в системе органов государства и местного самоуправления // Право и политика. 2005. № 6.
4. *Киричек Е. В.* Реформа полиции в России: проблемы и перспективы // Власть. 2014. № 7.
5. *Столяренко А. М., Сердюк Н. В., Филимонов О. В.* Социально-психологические факторы педагогики партнерства общества и полиции // Психологическая наука и образование. 2017. № 4. Т. 22.
6. *Филимонов О. В.* Партнерство общества и полиции как фактор обеспечения социальной безопасности в России // Стратегии социального развития современного общества: российскийские и мировые тренды: сб. матер. XIV Междунар. социального конгр. М., 2015.
7. Police and Criminal Evidence Act 1984 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/section/24A> (дата обращения: 23.11.2017).
8. Public Order Act 1986 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/64> (дата обращения: 23.11.2017).
9. Police and Magistrates' Courts Act 1994 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1994/29/contents> (дата обращения: 23.11.2017).
10. Crime and Disorder Act 1998 [Электронный ресурс]. URL: http://www.opsi.gov.uk/acts/acts1998/ukpga_19980037_en_1 (дата обращения: 23.11.2017).
11. Police Reform Act 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/30/contents> (дата обращения: 23.11.2017).
12. Police Reform and Social Responsibility Act 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/13/contents/enacted> (дата обращения: 23.11.2017).
13. *Binet-Grosclaude A.* La politique penale du New Labour: poursuite de l'approche gestionnaire conservatrice? // Observatoire de la societe britannique. 2010. № 8.
14. *Briatte F., Delpech A.* l'institution policiere en Angleterre. Entre mythe et realit [Электронный ресурс]. URL: <http://phnk.com/files/cm2-isp-police.pdf> (дата обращения: 23.11.2017).
15. *Emsley C.* La legitimit de la police anglaise: une perspective historique comparee // Deviance et societe. 1989. № 1.
2. *Vlasov B. E., Pozhidaev S. G.* Opyt programmno-celevogo upravleniya obespecheniem pravoporyadka i bezopasnosti pri provedenii krupnomasshtabnyh meropriyatij // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2016. № 3 (39).
3. *Ezhevskij D. O.* Britanskaya municipal'naya policiya v sisteme organov gosudarstva i mestnogo samoupravleniya // Pravo i politika. 2005. № 6.
4. *Kirichek E. V.* Reforma policii v Rossii: problemy i perspektivy // Vlast'. 2014. № 7.
5. *Stolyarenko A. M., Serdyuk N. V., Filimonov O. V.* Social'no-psihologicheskie faktory pedagogiki partnerstva obshchestva i policii // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2017. № 4. Т. 22.
6. *Filimonov O. V.* Partnerstvo obshchestva i policii kak faktor obespecheniya social'noj bezopasnosti v Rossii // Strategii social'nogo razvitiya sovremennogo obshchestva: rossijskie i mirovye trendy: sb. mater. XIV mezhdunar. social'nogo kongr. M., 2015.
7. Police and Criminal Evidence Act 1984 [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/section/24A> (data obrashcheniya: 23.11.2017).
8. Public Order Act 1986 [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/64> (data obrashcheniya: 23.11.2017).
9. Police and Magistrates' Courts Act 1994 [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1994/29/contents> (data obrashcheniya: 23.11.2017).
10. Crime and Disorder Act 1998 [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.opsi.gov.uk/acts/acts1998/ukpga_19980037_en_1 (data obrashcheniya: 23.11.2017).
11. Police Reform Act 2002 [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/30/contents> (data obrashcheniya: 23.11.2017).
12. Police Reform and Social Responsibility Act 2011 [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/13/contents/enacted> (data obrashcheniya: 23.11.2017).
13. *Binet-Grosclaude A.* La politique penale du New Labour: poursuite de l'approche gestionnaire conservatrice? // Observatoire de la societe britannique. 2010. № 8.
14. *Briatte F., Delpech A.* l'institution policiere en Angleterre. Entre mythe et realit [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://phnk.com/files/cm2-isp-police.pdf> (data obrashcheniya: 23.11.2017).
15. *Emsley C.* La legitimit de la police anglaise: une perspective historique comparee // Deviance et societe. 1989. № 1.
16. How to tell if the police and crime commissioner experiment has failed [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.theguardian.com/public-leaders-network/2016/apr/08/police->

16. How to tell if the police and crime commissioner experiment has failed [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/public-leaders-network/2016/apr/08/police-crime-commissioner-pcc-election-may> (дата обращения: 23.11.2017).
17. *Guyomarch A.* La reforme de la police en Angleterre: un enjeu politique [Электронный ресурс] // *Revue française de science politique.* 1992. № 3. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/rfsp_0035-2950_1992_num_42_3_404311 (дата обращения: 23.11.2017).
18. *Jones T., van Sluis A.* National standards, local delivery: police reform in England and Wales // *German Policy Studies.* 2009. Vol. 5. No. 2.
19. Liberty's response to the Home Office consultation Policing in the 21st Century: Reconnecting police and the people. September 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liberty-human-rights.org.uk/pdfs/policy10/policing-in-the-21stc-reconnecting-the-people-sept-2010.pdf> (дата обращения: 23.11.2017).
20. *Mezonnier P.* Les forces de police dans l'Union Européenne. Paris, 1994.
21. *Newburn T.* Crime and criminal justice policy. London, 2003.
22. Police accountability: Landscape review: National Audit Office [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2015/01/Police-accountability-Landscape-review-summary.pdf> (дата обращения: 23.11.2017).
23. Policing in the 21st century: reconnecting police and the people [Электронный ресурс]. URL: <http://www.homeoffice.gov.uk/publications/consultations/policing-21st-century/policing-21st-full-pdf?view=Binary> (дата обращения: 23.11.2017).
24. *Stephen P.S.* Give and take: the bifurcation of police reform in Britain // *Australian and New Zealand Journal of Criminology.* 2007. Vol. 40.
25. *Verhage A., Ponsaers P.* Du hopper au Criminal Justice Unit: les rapports police-parquet aux Pays-Bas et en Angleterre // *Droit et Société.* 2004. № 58.
- crime-commissioner-pcc-election-may (data obrashcheniya: 23.11.2017).
17. *Guyomarch A.* La reforme de la police en Angleterre: un enjeu politique [Ehlektronnyj resurs] // *Revue française de science politique.* 1992. № 3. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/rfsp_0035-2950_1992_num_42_3_404311 (data obrashcheniya: 23.11.2017).
18. *Jones T., van Sluis A.* National standards, local delivery: police reform in England and Wales // *German Policy Studies.* 2009. Vol. 5. No. 2.
19. Liberty's response to the Home Office consultation Policing in the 21st Century: Reconnecting police and the people. September 2010 [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.liberty-human-rights.org.uk/pdfs/policy10/policing-in-the-21stc-reconnecting-the-people-sept-2010.pdf> (data obrashcheniya: 23.11.2017).
20. *Mezonnier P.* Les forces de police dans l'Union Européenne. Paris, 1994.
21. *Newburn T.* Crime and criminal justice policy. Pearson Education, 2003.
22. Police accountability: Landscape review: National Audit Office [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2015/01/Police-accountability-Landscape-review-summary.pdf> (data obrashcheniya: 23.11.2017).
23. Policing in the 21st century: reconnecting police and the people [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.homeoffice.gov.uk/publications/consultations/policing-21st-century/policing-21st-full-pdf?view=Binary> (data obrashcheniya: 23.11.2017).
24. *Stephen P.S.* Give and take: the bifurcation of police reform in Britain // *Australian and New Zealand Journal of Criminology.* 2007. Vol. 40.
25. *Verhage A., Ponsaers P.* Du hopper au Criminal Justice Unit: les rapports police-parquet aux Pays-Bas et en Angleterre // *Droit et Société.* 2004. № 58.

E-mail: irinandreeva3812@rambler.ru

О. ЗИГМУНТ,
доцент факультета образовательных и общественных наук,
доктор философии
(Университет г. Фехта, Германия)

O. ZIGMUNT,
Doctor of Philosophy,
Associate Professor at the Educational and Public Sciences' Faculty
(G. Fyeh University, Germany)

УДК 343.91

Миграция, интеграция и преступность: мировой исследовательский опыт

Migration, Integration and Crime: Global Research Experience

В статье тезисно рассматриваются актуальные вопросы зависимости криминальной активности лиц от факта наличия их миграционного опыта и успешной интеграции в общество. Основное внимание уделено анализу статистических и эмпирических данных, полученных в России, странах Западной Европы и США. В описании преступного поведения акцент ставится на несовершеннолетних как наиболее криминально активную группу населения.

Миграция, преступность, интеграция, несовершеннолетние, второе поколение, Россия, Европа, США.

The article considers by theses the actual questions about dependence on the criminal activity of the persons from the fact existence of their immigration background and successful integration to society. The main attention is paid for analysis of the statistical and empirical data received in Russia, Western Europe states and the USA. In the criminal behavior describing the accent is focused on the minors as the most criminal active population group.

Migration, crime, integration, minors, second generation, Russia, Europe, USA.

Влияние миграции на преступность, как и проблема преступности мигрантов в целом, давно исследуется наукой. Особенно активно она стала обсуждаться в свете последней волны иммиграции в Европу, при этом взаимосвязь обоих явлений очень многогранна. Иммигранты являются особой группой населения. Эмпирические исследования показывают, например, что иммигранты чаще, чем местные жители, становятся жертвами преступлений. По некоторым видам преступлений, наоборот, иммигранты более криминально активны. Как правило, не сам факт иммиграции, а связанные с этим культурные, этнические, социально-экономические и иные особенности влияют на их преступное поведение и виктимный опыт.

Такому положению способствуют и объективные социально-экономические предпосылки. Мигранты, переезжая в другую страну и стремясь улучшить свое социально-экономическое

положение, вынуждены выполнять работу, за которую не хотят браться местные жители. При этом сами переселенцы – мигранты первого поколения, как правило, сохраняют национальную самоидентификацию. Их дети, будучи мигрантами второго поколения, вместо того чтобы интегрироваться в новом обществе и выигрывать от возможности приобщиться как к культуре своей семьи, так и культуре страны проживания, остаются в проигрыше. Вместо накопления положительного опыта происходит накопление проблем их интеграции. Это обусловлено в том числе непринятием социальных норм поведения, непониманием своей роли и невидением жизненных перспектив.

Очевидно, что иммигранты – это особая группа лиц. Разделение их на группы мигрантов первого и второго поколений обусловлено результатами многочисленных наблюдений и исследований. Наиболее систематические иссле-

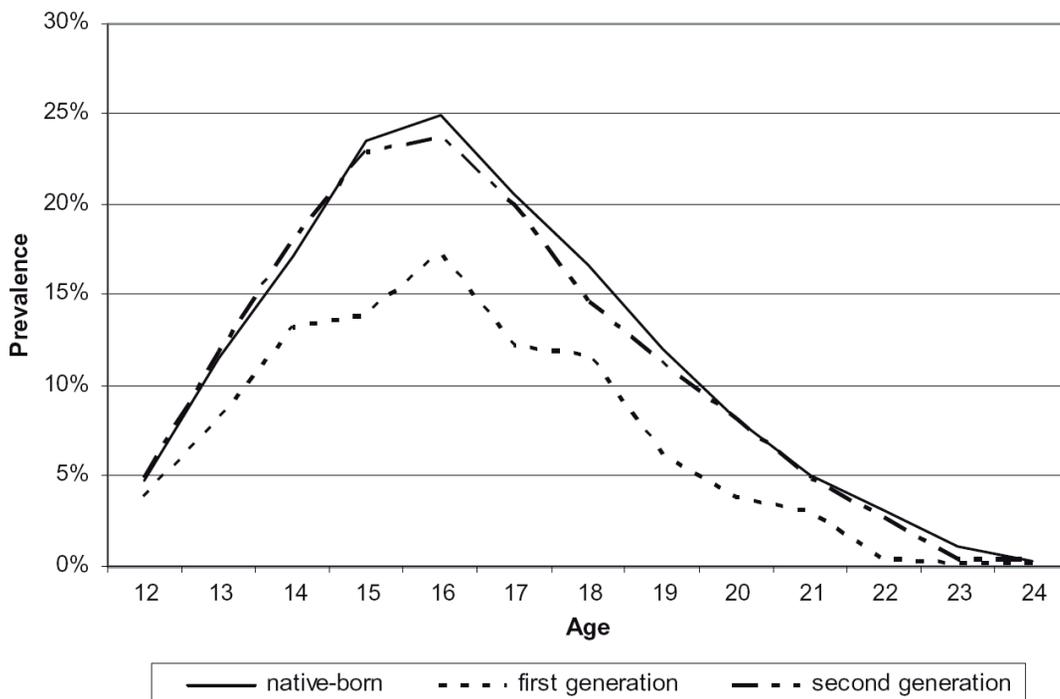

Рис. 1. Лица, совершившие преступления (в %) по возрастным категориям

Примечания: местные жители (native-born), мигранты первого поколения (first generation), мигранты второго поколения (second generation) [1].

дования поведения и жизни иммигрантов были проведены учеными в США. Здесь, например, изучались взаимосвязь этнической принадлежности и экономических условий общества, уровень образования, процессы ассимиляции и сценарии развития ситуации [6, 9].

Исследования в области миграции, интеграции и преступности, проведенные в Европе, носят скорее точечный характер, не охватывая проблемы целиком. Хотя поведение вышеназванных трех категорий граждан — мигрантов первого и второго поколений и местных жителей — исследуется европейскими криминологами уже на протяжении многих лет. Приведем основные криминологические тенденции, выявленные по результатам таких исследований.

1. *Преступность беженцев обусловлена экономической нуждой и плотностью проживания.*

К мигрантам первого поколения относятся и беженцы в Европу 2015–2016 г. Мотив миграции основной части выходцев из Сирии, Афганистана и Ирака — это прежде всего поиск безопасной для жизни и здоровья среды пребывания. Попадая в пункты первичного проживания, они пребывают в казарменных условиях, зачастую вынуждены отказываться от сферы личной жизни и ограничиваться в быту лишь самым необходимым.

Большая часть преступлений, которые они совершают, обусловлена абсолютной нуждой. Так, Федеральное ведомство уголовной полиции Германии в отчете о преступности иммигрантов [3] сообщило, что в первой половине 2016 г.

из общего количества совершенных иммигрантами преступлений 30 % пришлось на имущественные преступления и преступления подлога и 27 % — на кражи. При этом 63 % имущественных преступлений и преступлений подлога составил безбилетный проезд в общественном транспорте, а 65 % всех краж — кражи из магазина.

Помимо экономических причин совершения преступлений на поведение беженцев, очевидно, влияют плотность проживания и ежедневный стресс. Так, третьей группой преступлений иммигрантов явились так называемые преступления грубости и преступления против свободы личности (23 %). Из них 80 % преступлений связаны с умышленным причинением вреда здоровью различной степени тяжести. Приведем данные, указывающие на то, что среда проживания влияет на поведение беженцев: больше половины (54 %) преступлений, зарегистрированных в пунктах первичного проживания, приходится на долю преступлений грубости и преступлений против свободы личности. Из них 86 % составляет умышленное причинение вреда здоровью.

В общей же сложности среди подозреваемых в совершении преступлений меньше всего были представлены выходцы из Сирии, Афганистана и Ирака. Большую часть подозреваемых составили выходцы из Алжира, Марокко и Туниса.

2. *Мигранты второго поколения более криминализованы, чем мигранты первого поколения.*

Американские социологи проверили тезис о взаимосвязи факта иммиграции и преступности [1]. В этом исследовании на протяжении

девяти лет (с 1997 по 2005 г.) опрашивались молодые люди, которым на момент первого опроса было 12–16 лет. Было выявлено, что в целом иммигранты совершают не больше преступлений, чем местные жители. Однако существует разница между мигрантами первого и второго поколений (рис. 1). Среди мигрантов первого поколения намного меньше преступников, чем среди остальных двух групп (мигранты второго поколения и местные жители), не отличающихся друг от друга по криминальной активности. Этот факт, бесспорно, заслуживает внимания и требует дальнейшего исследования. Например, не ясно, что служит причиной такой сравнительно быстрой криминальной интеграции мигрантов второго поколения. Кто же эти почти 25 % шестнадцатилетних подростков, детей иммигрантов, совершивших как минимум одно преступление за последние 12 месяцев (рис. 1)? Возможно, это те подростки, которые не сумели социально интегрироваться в новом обществе и до сих пор проживают в неблагополучной среде.

Одним из объяснений негативной интеграции является отсутствие у иммигрантов положительных социальных контактов: «У иммигрантов и их детей, обладающих низким уровнем человеческого и социального капитала, возрастает вероятность понижения социального статуса и, как следствие, возрастает вероятность совершения преступлений» [2].

К похожим результатам о преступном поведении пришли и немецкие криминологи, опросившие в 1998 и 2000 гг. несовершеннолетних 14–16 лет, проживающих в больших немецких городах (Гамбург, Ганновер, Лейпциг, Мюнхен) и регионе Фризия [12]. Преступность подростков-мигрантов, рожденных в Германии, намного выше, чем подростков, впервые приехавших в страну на постоянное место жительства. При этом существует зависимость: чем дольше мигранты первого поколения проживают в стране, тем большая часть из них совершает преступления. Например, среди несовершеннолетних, проживших в Германии менее двух лет, всего лишь 4,4 % лиц совершили хотя бы одно преступление за последние 12 месяцев; среди проживших там три-четыре года – 13 %, а среди тех, кто прожил в стране 11 лет и больше, – 22,6 % [12]. Среди мигрантов второго поколения 21,7 % совершили преступления за этот же период.

3. Мигранты чаще становятся жертвами преступлений, чем местные жители.

Предположение о том, что мигранты чаще, чем местные жители, становятся жертвами преступлений, подтверждается исследованиями лишь частично. В нашем исследовании, проведенном в 2006 г. в рамках международного проекта International Self-Reported Delinquency

Study 2 (ISRД 2) в Германии¹, опрашивались школьники 7–9-х классов. Среди 3 478 школьников 8,9 % были мигрантами первого поколения, 20,7 % – мигрантами второго поколения и 70,3 % – местными жителями [5]. Значительные различия были получены лишь по кражам: за последние 12 месяцев жертвами краж стали 36,7 % мигрантов первого поколения, 31,3 % мигрантов второго поколения и 24,5 % – местных жителей. Различий в виктимности потерпевших от разбоя, вымогательства, нанесения телесных повреждений и буллинга (травли) не было.

Тезис об опасном положении иммигрантов подтверждается опросом населения, проведенным в 2013 г. Управлением уголовной полиции земли Нижняя Саксония. В этом регионе было опрошено 18 940 лиц в возрасте от 16 лет и старше². Из них 11,4 % были мигрантами первого или второго поколений. По результатам опроса в 2012 г. 28,8 % местных жителей и 37,3 % мигрантов первого или второго поколения стали жертвами хотя бы одного преступления. Эта тенденция сохраняется и по отдельным видам преступлений: кража – 10,5 и 14,7 % соответственно, компьютерные преступления – 12,2 и 15,5 %, нанесение телесных повреждений – 2,2 и 3,6 %, разбой – 0,4 и 1,1 % и т. д. [8].

4. Факторы успешной интеграции иммигрантов.

По результатам одного из наших последних проектов, реализованных в 2007–2011 гг. в России, Восточной и Западной Германии, вопрос о факте иммиграции несовершеннолетних является важным для изучения определенных форм преступности, хотя эта взаимосвязь обусловлена не столько самим статусом мигранта, сколько тем, что молодые иммигранты в большей степени, чем местные жители, обременены факторами, способствующими совершению преступлений (например, семейные или социальные проблемы) [4].

Количество иммигрантов в разных странах и даже в разных регионах одной страны различно. Как показывают результаты исследования преступности детей и несовершеннолетних 11–18-летнего возраста³, уровень иммиграции среди этой группы населения различался в зависимости от страны: от 2–3 % в Польше и до 58 % во Франции (рис. 2).

Исследование преступности несовершеннолетних, проведенное нами в 2007–2011 гг. в России и Германии, показывает, что в России

¹ International Self-Reported Delinquency Study 2 (ISRД2) in Germany [Электронный ресурс]. URL: <http://www.northeastern.edu/isrd/germany/>.

² Befragung zu Sicherheit und Kriminalität in Niedersachsen [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lka.niedersachsen.de/forschung/dunkelfeldstudie/dunkelfeldstudie-befragung-zu-sicherheit-und-kriminalitaet-in-niedersachsen-109236.html>.

³ International Self-Reported Delinquency Study 2 (ISRД2) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.northeastern.edu/isrd/isrd2/>.

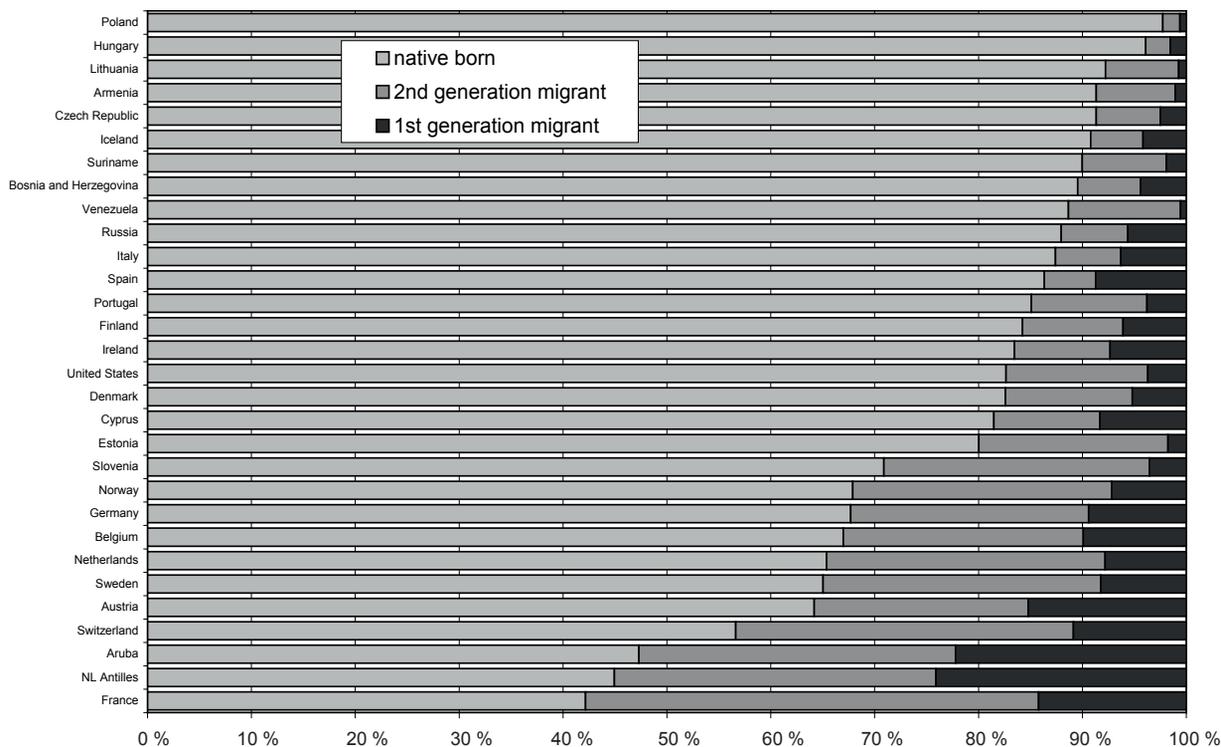

Рис. 2. Исследовательский проект ISRD2, доли мигрантов первого поколения (first generation), второго поколения (second generation) и местных жителей (native-born) в 30 странах (в %)

и Восточной Германии и уровень иммигрантов не превышал, соответственно, 20,1 и 23,2 %. В Западной Германии 41,4 % опрошенных были мигрантами первого или второго поколения [4].

Вопрос зависимости успеха интеграции мигрантов от их количества (доли от местного населения) требует отдельного исследования. Очевидно, что кроме названного фактора на успешность социальной интеграции мигрантов влияют и другие факторы, в том числе законодательная база, определяющая механизмы финансовой, социальной, образовательной и иной поддержки, развитость системы соответствующих органов и организаций, реализующих меры поддержки, и т. д. Важна также готовность населения принять новых членов общества, на которую влияют культурные различия иммигрантов и местных жителей, массовость иммиграционных процессов и иные обстоятельства.

5. *Зависимость преступности мигрантов в школах от разнородности состава учебных классов.*

В 2013 г. в рамках международного проекта International Self-Reported Delinquency Study 3 (ISRD 3)⁴ университетом г. Санкт-Галлен (Швейцария) был проведен репрезентативный опрос 4 153 школьников 7–9-х классов. Из них больше половины выборки (51,4 %) составили местные жители, 35,7 % были мигрантами второго поколения и 12,8 % – мигрантами первого

поколения [11]. Исходным пунктом исследования стала идея о том, что для успешной интеграции мигрантов недостаточно их нахождения на одной территории с местными жителями, необходимо ежедневное общение, основанное на сходстве по этническим, религиозным или социально-экономическим признакам [7, 10].

Основной гипотезой стало предположение о том, что чем выше разнородность школьных классов по признаку миграционного статуса школьников, тем меньше школьники интегрированы в жизнь школы. Социальная интеграция в контексте школы определялась включенностью учеников в школьные будни и уровнем совершаемых преступлений и иных правонарушений. Разнородность школьных классов высчитывалась для каждого из 243 классов по индексу Херфиндаля (Herfindahl Index). Для этого учитывались доли мигрантов первого и второго поколений и местных жителей в каждом классе.

Результаты показывают следующее: чем разнороднее класс, тем больше прогулов занятий; выше уровень совершаемых преступлений (граффити, кражи велосипеда, мотоцикла или автомобиля; вымогательство; групповая драка); выше уровень виктимности (преступления, совершенные на почве ненависти, кражи, психологический террор в Интернете и разбой) [11].

6. *Современные террористы – это радикализованные мигранты второго поколения.*

На примере террористических актов, совершенных 13 ноября 2015 г. в Париже, видно,

⁴ International Self-Reported Delinquency Study 3 (ISRD3). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.northeastern.edu/isrd/isrd3/>.

что их исполнителями были молодые люди – подданные Франции или Бельгии, т. е. мигранты второго поколения – дети выходцев из арабских государств. Как сообщил немецкий журнал *Der Spiegel* («Шпигель») спустя два дня после катастрофы, преступниками были молодые французы в возрасте от 20 до 31 года с арабскими иммиграционными корнями, которые выросли и проживали на окраинах Парижа и Брюсселя. Они перебивались случайными заработками или были безработными. По меньшей мере один из них был замечен в совершении мелких преступлений. Многие из них прервали контакт с семьей. Так, один из них – Абаоуд до совершения теракта проживал в Брюсселе, в районе Molenbeek – очаге бельгийской исламистской группировки. Его отец был выходцем из Марокко [13]. Что касается женщины, труп которой был найден в квартире, речь предположительно идет о его 26-летней двоюродной сестре по имени Hasna Ait Boulahcen. Ее родители иммигрировали в 70-х гг. XX в. из Марокко, у нее было двойное гражданство: французское и марокканское [14].

В январе 2016 г. *Neue Züricher Zeitung* («Новая цюрихская газета») опубликовала персональные данные всех террористов, взорвавших себя в ноябре 2015 г. в Париже. Террористы, происхождение которых было установлено, являлись мигрантами второго поколения. Это были граждане Бельгии или Франции, дети из семей мигрантов – выходцев из Марокко или Алжира [15].

Мигранты второго поколения представляют собой особую группу лиц, часто незащищенных от социальных проблем. Пример событий, произошедших 13 ноября 2015 г. в Париже, показывает, к чему может привести неудачная интеграция. Полностью остановить миграционные процессы невозможно, но для того, чтобы они не превратились в «бомбу замедленного действия», необходимо их контролировать и обеспечить по возможности условия для успешной интеграции мигрантов и членов их семей. Для этого в свою очередь необходима долгосрочная программа действий.

Список литературы:

1. *Bersani B. E.* An Examination of First and Second Generation Immigrant Offending Trajectories. *Justice Quarterly*. 2014. 31 (2).
2. *Bersani B. E.* A Game of Catch-Up? The Offending Experience of Second-Generation Crime & Delinquency. 2014. 60 (1).
3. Bundeskriminalamt (Hrsg.). *Kriminalität im Kontext von Zuwanderung. Kernaussagen*. Wiesbaden, 2016.
4. *Enzmann D., Kammigan I., Siegmunt O. & Wetzel P.* Was scheren mich die anderen? Markt-moral als kriminogener Faktor: Eine Studie zu Jugendkriminalität in Russland und Deutschland. Berlin, 2016.
5. *Enzmann D., Siegmunt O., Seyboth-Teßmer F. & Wetzel P.* Ergebnisse der zweiten International Self-Reported Delinquency (ISR2) Studie in Deutschland. Abschlussbericht an das Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend (BMFSFJ). Hamburg, 2008.
6. *Gans H. J.* (1992). Second-generation decline: scenarios for the economic and ethnic futures of the post-1965 American immigrants. *Ethnic and Racial Studies*. 1992. 15 (2).
7. *Huermann H. & Siebel W.* Stadtsoziologie: Eine Einführung. Frankfurt, 2004.
8. Landeskriminalamt Niedersachsen (Hrsg.) *Befragung zu Sicherheit und Kriminalität in Niedersachsen. Abschlussbericht zur ersten Befragung im Frühjahr 2013*. Hannover, 2015.
9. Pew Research Center (Ed.) *Second-Generation Americans: A Portrait of the Adult Children of Immigrants*. Washington, 2013.
10. *Siegmunt O.* Selbstkontrolle: Einflüsse von Familie, Schule und Nachbarschaften. Eine kontrolltheoretische Studie in drei russischen Großstädten. Berlin, 2012.
11. *Siegmunt O., Monnet-Lukash A., & Killias M.* School class homogeneity, bonding to school, and juvenile delinquency/victimization: the results of the ISR2-3 in Switzerland. 72nd Annual Meeting of the American Society of Criminology (New Orleans, LA, November 16th – 19th, 2016).
12. *Wilmers N., Enzmann D., Schaefer D., Hebers K., Greve W. & Wetzel P.* Jugendliche in Deutschland zur Jahreswende: gefährlich oder gefährdet? Ergebnisse wiederholter, repräsentativer Dunkel-felduntersuchungen zu Gewalt und Kriminalität im Leben junger Menschen (1998–2000). Baden-Baden, 2002.
13. *Hengst B. und Salloum R.* Die Attentat von Paris Terroristen der Generation Syrien // Spiegel. 16.11.2015.
14. *Hengst B., Salloum R., Lutteroth J., van Hove A. und Diehl J.* Was wir über die Attentat wissen // Spiegel. 18.03.2016.
15. Die Attentat von Paris // *Neue Züricher Zeitung*. 25.01.2016.

E-mail: olga.siegmunt@uni-hamburg.de

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В. Б. КНЯЖЕВ,
начальник центра командно-штабных учений,
доктор юридических наук, кандидат военных наук, доцент

Л. Л. ГРИЦЕНКО,
профессор кафедры управления органами внутренних дел
в особых условиях центра командно-штабных учений,
доктор юридических наук, профессор
(Академия управления МВД России)

V. B. KNYAZHEV,
Doctor of Law, Candidate of Military Sciences, Associate Professor,
Head of the Center for Command Staff Trainings

L. L. GRICHENKO,
Doctor of Law, Professor,
Professor at the Department of Management of Bodies and Units of the Internal Affairs
in Special Conditions of the Center for Command Staff Trainings,
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 061.3

Обзор международной научно-практической конференции «Россия – США. Перспективы взаимоотношений: противники, партнеры, союзники?»»

The Review of the International Scientific Practical Conference “Russia – the USA. Relationships’ Prospects: Enemies, Partners, Allies?”

В статье представлены материалы Международной научно-практической конференции, проходившей 24 октября 2017 г. в Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации с участием представителей Академии управления МВД России, на тему: «Россия – США. Перспективы взаимоотношений: противники, партнеры, союзники?». Основное внимание уделяется проблемным вопросам обеспечения безопасности Российской Федерации в новых реалиях отношений между Россией и США.

Конференция, Россия, США, военная безопасность, перспектива, взаимоотношения, партнерство, оружие, вызовы, угрозы.

The article gives the materials of the international scientific practical conference “Russia – the USA. Relationships’ Prospects: Enemies, Partners, Allies?” which was hold on the 24th of October, 2017 in the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation with the representatives’ participation of the Management Academy of the Interior Ministry of Russia. The main attention is paying for the problematic issues of safety support of the Russian Federation in the new realities in relationships between Russia and the USA.

Conference, Russia, USA, military safety, prospect, relationships, partnership, weapon, calls, threats.

Современная международная обстановка не позволяет вести речь о снижении напряженности в политических, экономических, информационных, военных и других сферах, которые являются базисными для всестороннего и гармоничного развития стран и народов. Наиболее явно противоречия проявляются между США и Россией.

Необходимо признать, что в последние годы эти противоречия все больше приобретают крен силового (военного) давления.

Если в начале XXI в. активные военные действия в мире несли локальный характер, были сравнительно удалены от российской территории и велись с применением легкого вооружения, то в последние годы они все больше приобретают черты крупномасштабной войны, а средства их ведения становятся более современными, вплоть до применения ядерного и химического оружия. Становится понятной озабоченность Президента РФ В. В. Путина, высказанная им на Валдайском форуме в октябре 2017 г.: «Противоречия, связанные с перераспределением экономической мощи и политического влияния, только нарастают. Груз взаимного недоверия сужает наши возможности для того, чтобы эффективно отвечать на стоящие перед мировым сообществом реальные вызовы и реальные угрозы. Посчитав себя победителями в "холодной войне", некоторые страны предпочли просто начать "перелицовывать" мировой политический и экономический порядок под себя, под свои интересы. В созданных еще во время "холодной войны" и явно переживших свой век структурах, таких, например, как НАТО, несмотря на все разговоры о необходимости адаптации к новым условиям, никакой реальной адаптации не происходит. При этом постоянно штампуются угрозы — вымышленные, мифические, вроде пресловутой "российской военной угрозы". Действительно, это прибыльное занятие: можно новые военные бюджеты выбивать в своих собственных странах, "нагибать" союзников под интересы одной сверхдержавы, расширить НАТО, приблизить инфраструктуру альянса, боевые подразделения, новую технику к нашим границам».

Поиску путей снижения напряженности в мире, в частности между США и Россией, посвящено немало политических, дипломатических и других мер. Однако, как следует из логики развития ситуации, в конечном итоге именно военные будут нести всю полноту ответственности, если противоречия приведут к войне. Чтобы ситуация не дошла до критической и не выплеснулась в вооруженный конфликт, необходимо именно военный блок привлечь к миссии предотвращения войны. Этому вопросу 24 октября 2017 г. была посвя-

щена международная научно-практическая конференция «Россия — США. Перспективы взаимоотношений: противники, партнеры, союзники?», проходившая в Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

С вступительным словом на конференции выступил Президент Клуба военачальников Российской Федерации генерал армии Анатолий Сергеевич Куликов. В своем докладе «История взаимоотношений России — США: зарождение, становление, развитие» он подчеркнул важность и историческую ценность добрососедских отношений между нашими странами, которые во все времена являлись гарантом стабильности и стимулом развития мирового сообщества. Заданный А. С. Куликовым вектор обсуждения предопределил дальнейший ход конференции, которая проходила в конструктивном и деловом русле.

Экс-министр иностранных дел, Президент Российского совета по международным делам доктор исторических наук, профессор МГИМО, член-корреспондент РАН Игорь Сергеевич Иванов в своем выступлении «Дипломатические и внешнеполитические аспекты взаимоотношений России и США» основное внимание обратил на вопросы угроз и вызовов в современном мире, касающиеся взаимоотношений России и США. Он высказал мнение о том, что система глобального управления в современном мире разрушена, роль международных институтов размыта. Нет единого понимания в оценке складывающейся обстановки во многих горячих точках, ныне существующих на планете. Широкое развитие получили информационные войны. Сегодня тактика преобладает над стратегией практически во всех сферах, в том числе и в дипломатии. По мнению выступающего, торговля на мировом рынке вышла на уровень международного протекционизма.

И. С. Иванов сделал экскурс в историю дипломатических отношений между СССР и США. Докладчик отметил, что в то время ни один дипломатический документ, определяющий взаимоотношения между СССР и США, не подписывался без ведомственного согласования, а его исполнение строго соблюдалось и контролировалось. Сегодня США не только не согласуют свои отдельные дипломатические шаги, но и в одностороннем порядке выходят из таких фундаментальных международных соглашений, как Парижское соглашение по климату, Транстихоокеанское стратегическое экономическое сотрудничество, Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, Договор об ограничении систем. Современная «дипломатическая трибуна» все больше используется руководителями ряда государств не для решения мировых противоречий и проб-

лем, а для лоббирования интересов отдельных государств и бизнеса. При этом США стремятся любыми средствами сохранить лидерство в мировом правопорядке и удержать глобальный статус первенства.

Большой проблемой для мира сегодня остаются вопросы о нераспространении ядерного оружия и международном терроризме. При этом разновекторные интересы во взаимоотношениях России и США подталкивают большинство стран мирового сообщества к занятию выжидательной позиции и проведению политики непричастности.

И. С. Иванов в своем докладе обозначил способы, с помощью которых можно выйти из сложившейся ситуации:

- восстановление каналов взаимоотношений в дипломатической, экономической, информационной, военной сферах, а также по разрешению проблем глобального масштаба;

- перевод диалога между Россией и США в конструктивное русло и исключение из него предвзятого отношения не только на межгосударственном уровне, но и на уровне парламентов и ведущих партий;

- укрепление сотрудничества в фундаментальных и прикладных научных сферах.

В заключение И. С. Иванов отметил, что всегда необходимо помнить об ответственности перед будущими поколениями, а процесс изменения динамики взаимоотношений России и США не будет легким.

В докладе «Россия и США: партнерство во имя будущего» директора Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН) доктора философских наук, профессора, академика РАН Геннадия Васильевича Осипова была высказана тревога в связи с распространением оружия массового уничтожения. События, разворачивающиеся на Корейском полуострове, применение террористами химического оружия в Сирии, возросший интерес со стороны ряда террористических организаций к ядерным технологиям и материалам требуют объединить усилия ведущих ядерных держав мира по контролю за нераспространением оружия массового уничтожения. В этом процессе ведущая роль остается за Россией и США. Однако в последние годы наблюдается несовпадение взглядов этих государств на процессы, происходящие в мире и связанные с распространением оружия массового уничтожения, которые требуют незамедлительной координации действий.

В своем выступлении Г. В. Осипов также коснулся вопроса влияния России и США на страны, обладающие богатыми природными ресурсами и испытывающие их дефицит. Основным направлением развития отношений с ними, по мнению докладчика, является расширение

взаимодействия в области социально-экономических отношений, в вопросах научного и культурного обмена и в военной сфере. При этом усилия России и США в данном направлении необходимо координировать. Г. В. Осипов предлагает разработать современную концепцию взаимоотношений между Россией и США по вопросам экономики, политики и военной безопасности и активизировать эту работу посредством развития научного потенциала.

Научный сотрудник Белферовского центра науки и международных отношений Гарвардского университета Даглас Лут свое выступление на тему «Американо-российские отношения: вызовы и возможности» посвятил анализу исторических аспектов положительного опыта военного сотрудничества армий двух великих держав, которые совместными усилиями смогли разгромить фашизм и освободить мир от коричневой угрозы.

Послевоенный положительный опыт ведения боевых действий в Югославии¹, Афганистане², Ираке³ является важным в перспективе наших отношений и может иметь позитивный результат в будущем. Хорошим примером сотрудничества стал проводившийся в 2013 г. в Брюсселе саммит Восточного партнерства, где российской делегации по численности была третьей. На саммите были достигнуты договоренности о том, что Евросоюз признает «устремления и европейский выбор» участников программы «Восточное партнерство», в которую входят Республика Армения, Республика Азербайджан, Республика Беларусь, Республика Грузия, Республика Молдова и Республика Украина. Даглас Лут высказал сожаление, что Россия уже тогда заняла выжидательную позицию.

В заключение Даглас Лут сформулировал несколько принципиальных позиций, которые характеризуют отношения России и США:

- холодная война не закончилась;
- неоднозначное мнение США по Крымскому полуострову, нарушение устава ООН 1945 г. и Хельсинского соглашения 2007 г.⁴;

¹ Югославская война – серия вооруженных конфликтов в 1991–2001 гг. на территории бывшей Югославии, которая привела к ее распаду. В основном югославская война включала в себя ряд межнациональных конфликтов между сербами, с одной стороны, и хорватами, боснийцами и албанцами – с другой, а также хорватско-боснийский конфликт в Республике Босния и Герцеговина и конфликт между албанцами и македонцами в Македонии, которые были вызваны религиозными и этническими противоречиями.

² С 2001 по 2014 г. проводили операцию в Афганистане «Несокрушимая свобода», начавшуюся в ответ на террористический акт 11 сентября 2001 г. Международные силы содействия безопасности в Афганистане (ISAF) действовали в соответствии с резолюцией № 1386 Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 г.

³ Военная операция в Ираке началась утром 20 марта 2003 г. Целью военного конфликта было свержение режима Саддама Хусейна. Операция носила кодовое название «Иракская свобода». 9 апреля иракская столица была взята.

⁴ Соглашения между государствами – участниками Североатлантического договора и другими государствами, участвующими в программе Партнерство ради мира, о статусе их сил.

- дестабилизация ситуации в Донбассе;
- с 2014 г. опасные маневры на море, суше и в воздухе;
- НАТО вынуждено размещать боевые подразделения на новых территориях (в 2017 г. НАТО приступило к размещению на территориях Эстонии, Латвии, Литвы и Польши четырех батальонов по 1 000 военнослужащих в каждом);
- американские танки разворачиваются в сторону России;
- за последние 25 лет впервые увеличились расходы НАТО на поддержание боеготовности (в 2017 г. расходы на оборону стран НАТО выросли на 4,3 %. Расходы НАТО в 2016 г. увеличились на 12 млрд дол. США требуют, чтобы расходы каждой страны альянса составляли к 2024 г. не менее 2 % от ВВП. Пока это условие выполняют только шесть стран: США, Греция, Эстония, Великобритания, Польша и Румыния);
- вмешательство в выборы США политического эффекта не дало: это навредило политической стабильности внутри США и привело к углублению конфронтации между государствами.

Тем не менее у нас есть возможность продвигаться вперед и заглянуть в будущее, избежать негативного сценария во взаимоотношениях между странами, создать правила проведения военных учений и маневров. Разработанные правила необходимо неукоснительно соблюдать при проведении маневров на суше, море и в воздухе посредством активного взаимодействия в сферах уведомления о маневрах, обмена наблюдениями. Основой взаимоотношений является углубление контактов на уровне военных ведомств не только между США и Россией, но и между НАТО и Россией. Необходимо организовывать встречи один раз в три месяца.

Значительное внимание в своем выступлении Даглас Лут уделил встрече с послом США в России Джоном Мид Хантсманом, на которой задал ему вопрос об инструкциях, полученных в отношении России. Основной задачей, как отметил посол, является восстановление доверия между двумя ядерными сверхдержавами.

Даглас Лут выразил свое мнение о перспективах долгосрочного сотрудничества. Он отметил необходимость продолжать совместную борьбу с международным терроризмом, в частности с ИГИЛ, и распространением ядерного оружия в Северной Корее и Пакистане. В завершение докладчик подчеркнул, что США и Россия являются не только соседями на карте, но и остаются главными гарантами стабильности в мире.

В докладе Президента Академии геополитических проблем доктора исторических наук,

профессора Леонида Григорьевича Ивашова «Этапы военного сотрудничества и перспективы развития» было проанализировано военное и политическое взаимодействие великих держав на рубеже XX и XXI вв., которое складывалось исходя из приоритетов ситуации в мире. Современное состояние военного сотрудничества России и США претерпевает не простой период, хотя и имеет хорошие перспективы в борьбе с международным терроризмом, а также в вопросах нераспространения оружия массового поражения.

Заместитель начальника Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ по научной работе доктор военных наук, профессор генерал-лейтенант Сергей Васильевич Чварков выступил с докладом «Стратегия национальной безопасности США и ее влияние на взаимоотношения США и России». В нем он особое внимание обратил на все возрастающее доминирование национальных интересов США над мировыми проблемами, в том числе и в военной области. Как отметил выступающий, сегодня не удастся решить узконациональные интересы ни США, ни России, ни какому другому государству. Только совместными усилиями могут быть решены проблемные вопросы безопасности, в том числе касающиеся наших стран.

В рамках открытого микрофона выступили доктор военных наук, профессор генерал-полковник В. М. Барынькин; ветеран Великой Отечественной войны, участник военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 г. генерал-полковник в отставке Б. П. Уткин; советник директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации генерал-полковник Л. П. Шевцов; бригадный генерал сухопутных войск США в отставке Кевин Райн; Председатель Морского отделения Академии военных наук адмирал И. Н. Хмельнов.

Подвел итоги конференции Президент Клуба военачальников Российской Федерации генерал армии А. С. Куликов. Он отметил активное участие в работе конференции представителей Академии управления МВД России: заместителя начальника академии полковника полиции Н. В. Павличенко, начальника ВАК генерал-майора полиции А. С. Бахта, заместителя начальника первого факультета полковника полиции С. А. Шевченко и члена Клуба военачальников Российской Федерации, начальника центра командно-штабных учений полковника полиции В. Б. Княжева, а также слушателей 1-го и 3-го факультетов.

E-mail: vvg59@mail.ru

ТРИБУНА молодого ученого

А. В. БОГДАНОВ,
адъюнкт* 3-го факультета
(подготовки научных и научно-педагогических кадров)
(Академия управления МВД России)

A. V. BOGDANOV,
Adjunct** of the 3rd Faculty
(Training Research and Teaching Staff)
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343.211.4

Административная преюдиция и реализация принципов справедливости и законности в уголовном праве

Administrative Prejudice and Realization of Justice and Legality Principles in the Criminal Law

В статье рассматриваются вопросы теоретического обоснования возвращения административной преюдиции в уголовное право в части ее соответствия принципам законности и справедливости. Проведен анализ имеющихся научных взглядов на реализацию принципов законности и справедливости при применении административной преюдиции. Предложено авторское видение данного вопроса.

Уголовный закон, преступление, общественная опасность, личность, лицо, совершившее преступление, административная преюдиция, принцип законности, принцип справедливости, система уголовного права, законодательная техника.

The article considers the questions of the theoretical substantiation of administrative prejudice returning in the criminal law, in terms of its compliance with the principles of legality and justice. The analysis of existing scientific views on the realization of the legality and justice principles in the criminal law is carried out during using the administrative prejudice, the author's position is proposed on this issue.

Criminal law, crime, public danger, person, criminal, administrative prejudice, principle of legality, principle of justice, system of the criminal law, legislative technique.

На современном этапе развития науки уголовного права актуальность научной разработки вопросов регламентации административной преюдиции в уголовном праве России

значительно возросла в связи с возвращением законодателем начиная с 2009 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ)¹ норм с административной преюдицией и тенденцией к увеличению числа статей Особенной части УК РФ, ее содержащих.

* Ранее – начальник отдела МВД России по Усманскому району Липецкой области.

** Earlier – Head of the Usmanskiy District Department of the Interior Ministry of Russia on Lipetskaya Region.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Таблица

Показатели преступлений, содержащих административную преюдицию за 2010–2016 гг.

Статья УК РФ	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
116 ¹	-	-	-	-	-	-	64
151 ¹	-	20	462	394	405	516	655
157	-	-	-	-	-	-	27 653
158 ¹	-	-	-	-	-	-	464
212 ¹	-	-	-	-	0	0	0
215 ⁴	-	-	-	-	-	0	0
264 ¹	-	-	-	-	-	41 207	85 257
284 ¹	-	-	-	-	-	0	0
314 ¹	-	-	-	-	2 648	6 063	7 304

Так, действующий УК РФ по состоянию на 8 июня 2017 г. содержит девять статей (ст. 116¹, 151¹, 157, 158¹, 212¹, 215⁴, 264¹, 284¹, 314¹ УК РФ), устанавливающих наступление уголовной ответственности за деяния, содержащие в составе преступления признаки административного правонарушения. Причем на момент их совершения лицо должно считаться подвергнутым административному наказанию за аналогичные деяния, что является обязательным условием наступления уголовной ответственности.

Рассмотрим статистику их применения, согласно данным, содержащимся в форме № 491 (1-ЕГС) «Единого отчета о преступности»² (табл.).

Таким образом, в действующий уголовный закон возвращена административная преюдиция, хорошо известная советскому уголовному праву, но не применявшаяся в конструкциях статей УК РФ 1996 г. на момент его принятия. Вопрос о целесообразности применения в уголовном законодательстве административной преюдиции носит дискуссионный характер.

По мнению Н.Э. Мартыненко, Российская Федерация исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по предупреждению преступных посягательств [10]. Е.Ю. Титушкина указывает на предупреждение преступлений как наиболее предпочтительное направление борьбы с ними [14]. Разделяя данную позицию, мы предлагаем рассмотреть в качестве одной из превентивных мер, направленных на предупреждение преступлений, административную преюдицию в уголовном праве.

Возвращение административной преюдиции в УК РФ требует ее научного осмысления, так

как в теории уголовного права существуют противоречивые суждения о ее соответствии иным уголовно-правовым категориям.

Для того чтобы выработать аргументированную позицию в части теоретического обоснования административной преюдиции в качестве уголовно-правового института, необходимо, прежде всего, сопоставить ее с другими элементами отечественной уголовно-правовой системы на предмет их соответствия.

Основой системы уголовного права являются его принципы, которые определяют содержание правовых норм и институтов данной отрасли права. В соответствии со ст. 3–7 УК РФ принципами уголовного права являются принцип законности, принцип равенства граждан перед законом, принцип вины, принцип справедливости и принцип гуманизма. Единство отечественной системы уголовного права обеспечивается соответствием всех его элементов вышеуказанным принципам.

По мнению А.В. Шмолина, преюдиция в классическом понимании служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечения действия принципа правовой определенности [18]. С.М. Иншаков и В.А. Казакова выделяют административную преюдицию в качестве одной из форм межотраслевой интеграции в праве, обеспечивающей его эффективность [6]. Мы разделяем данную позицию, из которой следует, что преюдиция в праве является одним из механизмов реализации единства правовой системы России.

Противники применения административной преюдиции в уголовном праве, обосновывая свою позицию, в числе основных аргументов приводят довод о ее несоответствии принципам законности и справедливости, закрепленным в ст. 3, 6 УК РФ. При этом под законностью подразумевается положение о привлечении к уголовной ответственности только за совер-

² Об утверждении форм федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС, № 2-ЕГС, № 3-ЕГС, № 4-ЕГС: приказ Генпрокуратуры России от 2 июля 2012 г. № 250.

шение преступления, а под справедливостью — положение о невозможности нести ответственность дважды за одно и то же деяние.

Так, С.Г. Келина считает, что повторение деяния не может менять его юридическую природу [7]. Данной позиции придерживаются многие ученые-специалисты в области административного права, например Д.Н. Бахрах отграничивает проступок от преступления по отсутствию в нем признака общественной опасности [1]. По мнению Д.С. Чикина, в статьях с административной преюдицией структурным элементом состава является деяние, за которое лицо уже привлекалось к административной ответственности, из чего следует двойная юридическая оценка и повторная ответственность, т. е. вначале за него налагается административное наказание, а затем это же административное правонарушение учитывается в качестве обязательного структурного элемента преступления [16]. По мнению Н.И. Хавронюка, нарушение законности проявляется в том, что одни лица за определенные правонарушения привлекаются к уголовной ответственности, а другие — к административной [15]. В свою очередь, А.А. Гогин считает противоречащим закону признание некоторых правонарушений преступными в силу их повторности, поскольку преступлением считается только общественно опасное деяние, содержащее все признаки состава, независимо от иных обстоятельств, к числу которых он относит привлечение к административной ответственности за ранее совершенное правонарушение [4]. Данная позиция разделяется Д.В. Шемякиным в части того, что административная преюдиция нарушает принцип «non bis in idem» (не дважды за одно) [17].

Обозначив приведенные точки зрения противников применения в отечественном уголовном праве административной преюдиции, можно констатировать, что, по мнению вышеназванных авторов, административная преюдиция противоречит принципам законности и справедливости в части повторного наказания за ранее совершенное административное правонарушение, являющееся конструктивным элементом преступления, содержащего административную преюдицию, т. е. указанный принцип «non bis in idem» и в части криминализации административного правонарушения. Приведенная позиция исключает теоретическую обоснованность ее применения в качестве уголовно-правового института, поскольку ставит под сомнение единство уголовно-правовой системы России.

Однако в теории уголовного права существует иная позиция, согласно которой административная преюдиция не противоречит реали-

зации вышеуказанных принципов законности и справедливости. Так, по мнению А.В. Козлова, довод о противоречии административной преюдиции принципу международного и российского права, согласно которому «никто не может нести юридическую ответственность дважды за одно и то же правонарушение», является спорным, если считать, что повторное административное правонарушение становится общественно опасным в силу того, что общественно опасной становится личность правонарушителя, соответственно, наказание в данном случае должно быть более строгим [8].

Некоторые ученые-специалисты в области административного права, например Д.М. Овсянко, придерживаются мнения о наличии признака общественной опасности в любом правонарушении [12]. Данная позиция поддерживается также такими учеными-административистами, как И.В. Тимошенко, К.В. Бабаев, Д.Д. Попов, Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров и другие. В.В. Головки и В.И. Майоров наделяют административное правонарушение признаком общественной вредности [5]. Особо можно выделить мнение Б.В. Росинского о том, что административное правонарушение обладает характеристикой антиобщественности, под которой понимается причинение им вреда законным интересам граждан, общества и государства [13].

По мнению Ч.Ф. Мустафаева, проступок, повлекший административную ответственность, и совершенное после этого деяние, являющееся основанием уголовной ответственности, схожи только по внешним признакам, образующим объективную сторону деяния. Вместе с тем субъективная сторона обоих деяний принципиально отличается, что и является основанием отграничения административного правонарушения от преступления. Данное различие объясняется изменением как интеллектуального, так и волевого элемента умысла. При повторном совершении деяния содержание умысла выражает более негативное, чем прежде, отношение к охраняемым законом социальным ценностям и таким образом влияет на повышение общественной опасности содеянного в целом, что и является основанием для признания данного деяния преступным [11].

Вышеизложенные точки зрения сторонников применения в отечественном уголовном праве административной преюдиции можно свести к утверждению, что административная преюдиция соответствует принципам законности и справедливости, поскольку повторное правонарушение приобретает характер общественно опасного деяния вследствие деформации личности его субъекта в общественно опасную, а ранее совершенное административное

правонарушение не является структурным элементом его состава.

Вышеуказанное утверждение сторонников применения административной преюдиции носит дискуссионный характер также в свете исключения законодателем из УК РФ 1996 г. понятия особо опасного рецидивиста и последующего исключения инициированного Б. Я. Гавриловым [3] и Б. В. Волженкиным [2] понятия неоднократности преступлений³, что интерпретируется их оппонентами как отказ законодателя от оценки общественной опасности личности.

С данным толкованием позиции вряд ли можно согласиться, так как законодатель в то же время оставил понятие «рецидив» (в том числе особо опасный рецидив), регламентировав его в ст. 18 УК РФ, который в соответствии со ст. 68 УК РФ учитывается при назначении наказания в сторону его ужесточения.

Изложенные правовые нормы действующего уголовного законодательства свидетельствуют о том, что наличие ранее совершенных преступлений может иметь существенное уголовно-правовое значение, что по своей сути является критерием общественной опасности личности.

Данную позицию подтверждает и Конституционный Суд РФ, который установил, что неснятая либо непогашенная судимость служит основанием для оценки личности виновного и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью, что предполагает применение более строгих мер уголовной ответственности, причем принципам справедливости и гуманизма противоречило бы законодательное установление уголовной ответственности и наказания без учета личности виновного⁴.

Мы разделяем позицию Ю. И. Ляпунова, что общественная опасность является системной категорией, причем одной из основных ее составляющих является личность преступника — носителя деяния и источника субъективного к нему отношения, определяющего вину, мотив и цель [9]. Социально негативные характеристики личности преступника, влияющие на характер его деяния, создают предпосылки для уголовной ответственности в виде административной пре-

юдиции. Мнение о том, что общественная опасность преступного деяния в значительной мере определяется личностью преступника, разделяется также Н. А. Беляевым, В. Ф. Кириченко, И. Г. Бавсун, М. В. Бавсун и другими учеными.

Таким образом, административная преюдиция выполняет функцию профилактики преступлений путем уголовно-правового воздействия на общественно опасную личность в целях пресечения последующего совершения ею более тяжких преступлений.

Изменение юридической природы повторного правонарушения, связанного с приобретением его субъектом свойств общественно опасной личности, обусловлено тем, что лицо, являясь привлеченным к административной ответственности, заведомо зная об этом, умышленно повторно совершает запрещенное уголовным законом деяние, содержащее в своем составе признаки административного правонарушения, тем самым проявляет себя как общественно опасная личность, носитель социально негативных качеств (пренебрежение к законодательству, аморальность, безответственность, правовой нигилизм и т. п.), приобретая черты специального субъекта, в результате чего совершаемое им деяние, с объективной стороны однородное административному правонарушению, из противоправного переходит в категорию общественно опасных.

Административное правонарушение и преступление, которое в своем составе содержит признаки административного правонарушения, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное административное правонарушение, являются неоднородными деяниями и отграничиваются по признаку противоправности, с одной стороны (административное правонарушение), и общественной опасности — с другой (преступление).

Административное правонарушение, за которое виновное лицо уже понесло установленную законом ответственность, не является структурным элементом состава преступления, содержащего административную преюдицию, так как оно лишь наделяет субъекта, совершившего повторное аналогичное деяние (т. е. само преступление), чертами общественно опасной личности, без какого-либо дополнительного (повторного), самостоятельного уголовного наказания за его совершение.

Данная позиция полностью соответствует практике Европейского Суда по правам человека, нашедшей свое отражение в постановлении по делу «Сергей Золотухин против России», в котором определено, что административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.1 КоАП РФ («Мелкое хулиганство»), не может являться структурным элементом состава пре-

³ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

⁴ По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами граждан [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ («Хулиганство»)⁵.

Таким образом, при совершении преступления, содержащего в своем составе административную преюдицию, виновное лицо привлекается к уголовной ответственности исключительно за совершенное повторно общественно опасное деяние (преступление),

⁵ Дело «Сергей Золотухин против Российской Федерации»: постановление Европейского суда по правам человека от 10 февраля 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902168988> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы:

1. Бахрах Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР: учеб. пособ. Свердловск, 1989.
2. Волженкин Б. В. Принципы справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. 1998. № 12.
3. Гаврилов Б. Я. Соотношение принципа справедливости и проблемы множественности преступлений в уголовном праве // Современная уголовная политика России: цифры и факты: монография. М., 2008.
4. Гогин А. А. Ответственность за нарушение Федерального закона «О рекламе» // Право и политика. 2004. № 5.
5. Головкин В. В., Майоров В. И. Правонарушение как фактическое основание административной ответственности // Алтайский юридический вестник. 2016. № 2.
6. Иниаков С. М., Казакова В. А. Межотраслевая интеграция как предпосылка эффективности права // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2.
7. Келина С. Г. Современная тенденция в развитии уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Государство и право. 1994. № 6.
8. Козлов А. В. О допустимости административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве России // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2012. № 1 (22).
9. Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права: учеб. пособ. М., 1989.
10. Мартыненко Н. Э. Совершенствование уголовно-правовой охраны потерпевшего – задача уголовной политики Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 3 (35).
11. Мустафаев Ч. Ф. Административная преюдиция в советском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986.

на момент совершения которого оно уже являлось специальным субъектом, а именно общественно опасной личностью.

Итак, приходим к выводу о необходимости продолжения дискуссии о том, что административная преюдиция соответствует отраслевым принципам законности и справедливости, что является подтверждением правильности ее законодательной регламентации и теоретическим обоснованием ее применения в системе отечественного уголовного права.

References:

1. Bahrah D. N. Administrativnaya otvetstvennost' grazhdan v SSSR: ucheb. posob. Sverdlovsk, 1989.
2. Volzhenkin B. V. Principy spravedlivosti i problemy mnozhestvennosti prestuplenij po UK RF // Zakonnost'. 1998. № 12.
3. Gavrilov B. Ya. Sootnoshenie principa spravedlivosti i problemy mnozhestvennosti prestuplenij v уголовном праве // Sovremennaya уголовная политика Rossii: cifry i fakty: monografiya. M., 2008.
4. Gogin A. A. Otvetstvennost' za narushenie Federal'nogo zakona «O reklame» // Pravo i politika. 2004. № 5.
5. Golovko V. V., Majorov V. I. Pravonarushenie kak fakticheskoe osnovanie administrativnoj otvetstvennosti // Altajskij juridicheskij vestnik. 2016. № 2.
6. Inshakov S. M., Kazakova V. A. Mezhotraslevaya integraciya kak predposylka ehffektivnosti prava // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2.
7. Kelina S. G. Sovremennaya tendenciya v razvitii уголовного законодатель'stva i уголовно-правовой теории // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 6.
8. Kozlov A. V. O dopustimosti administrativno-pravovoj prejudicii v уголовном законодатель'stve Rossii // Vestnik Dal'nevostochnogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2012. № 1 (22).
9. Lyapunov Yu. I. Obshchestvennaya opasnost' deyaniya kak universal'naya kategoriya sovetskogo уголовного права: ucheb. posob. M., 1989.
10. Martynenko N. Eh. Sovershenstvovanie уголовного-правовой охраны poterpevshego – zadacha уголовной политики Rossijskoj Federacii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2015. № 3 (35).
11. Mustafayev Ch. F. Administrativnaya prejudiciya v sovetskom уголовном праве: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1986.
12. Ovsyanko D. M. Administrativnoe pravo: ucheb. posob. / pod red. G. A. Tumanova. M., 1997.

12. *Овсянко Д. М.* Административное право: учеб. пособ. / под ред. Г. А. Туманова. М., 1997.
13. *Россинский Б. В.* Административное право. Словарь-справочник. М., 2000.
14. *Титушкина Е. Ю.* О проекте федерального закона РФ «Об основах государственной системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 1 (25).
15. *Хавронюк Н. И.* Административная преюдиция и институт рецидива с точки зрения европейских стран [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakon.kz/190761-administrativnaja-prejudicija-i.html> (дата обращения: 25.08.2017).
16. *Чикин Д. С.* Преступление с административной преюдицией как вид сложного единичного преступления // Российский следователь. 2012. № 23.
17. *Шемякин Д. В.* Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Российский следователь. 2015. № 15.
18. *Шмонин А. В.* К вопросу о совершенствовании порядка применения преюдиции в досудебном производстве по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (39).
13. *Rossinskij B. V.* Administrativnoe pravo. Slovar'-spravochnik. M., 2000.
14. *Titushkina E. Yu.* O proekte federal'nogo zakona RF «Ob osnovah gosudarstvennoj sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2013. № 1 (25).
15. *Havronyuk N. I.* Administrativnaya prejudiciya i institut recidiva s toчки zreniya evropejskih stran [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.zakon.kz/190761-administrativnaja-prejudicija-i.html> (data obrashcheniya: 25.08.2017).
16. *Chikin D. S.* Prestuplenie s administrativnoj-prejudiciej kak vid slozhnogo edinichnogo prestupleniya // Rossijskij sledovatel'. 2012. № 23.
17. *Shemyakin D. V.* Problemnye voprosy ispol'zovaniya administrativnoj prejudicii v ugovnom prave // Rossijskij sledovatel'. 2015. № 15.
18. *Shmonin A. V.* K voprosu o sovershenstvovanii poryadka primeneniya prejudicii v dosudebnom proizvodstve po delam o prestupleniyah v sfere ehkonomicheskoy deyatel'nosti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2016. № 1 (39).

E-mail: alexey-b1980@mail.ru

И. В. ГРИГОРЬЕВА,
адъюнкт* 3-го факультета
(подготовки научных и научно-педагогических кадров)
(Академия управления МВД России)

I. V. GRIGORYEVA,
Adjunct** of the 3rd Faculty of Training Research and Teaching Staff
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343.21

Уголовная политика в отношении охраны государственных бюджетных средств

Criminal Policy about Protection of the State Budget Funds

В статье рассмотрена актуальность охраны государственных бюджетных средств от преступных посягательств как самостоятельного направления уголовной политики; научно обосновывается отсутствие нарушения провозглашенной Конституцией Российской Федерации равной защиты всех форм собственности при дифференцированной охране уголовным законом государственных бюджетных средств, являющихся государственной собственностью.

Уголовная политика, хищения государственных бюджетных средств, равная защита всех форм собственности, дифференциация уголовной ответственности.

The article considers actuality of protection of the state budget funds from the criminal encroachments as a separate direction of the criminal policy, absence of a violation of the equal protection of the all ownership's forms proclaimed by the Constitution of the Russian Federation is scientifically substantiated during the differentiated security by the criminal law of the state budget funds which are the state property.

Criminal policy, embezzlements of the state budget funds, equal protection of the all ownership's forms, differentiation of a criminal liability.

В последнее время все чаще в средствах массовой информации появляются сообщения о хищениях государственных бюджетных средств, притом в многомиллионных и миллиардных суммах. Сфера отношений, связанных с государственными бюджетными средствами, в настоящее время приняла «особую, институционализированную форму казнокрадства и коррупции» [9]. Это подрывает авторитет власти перед населением, что может привести к дестабилизации социально-политической ситуации в стране. Как известно, важными средствами стабилизации жизни общества и государства выступают уголовно-политические установки и уголовно-правовые решения. Поэтому возникает необходимость более глубокого научного изучения проблемы хищений государственных бюджетных средств и иных преступных посяга-

тельств на государственную собственность, поиска конструктивных решений, в связи с чем следует рассмотреть осуществляемую в настоящее время уголовную политику в отношении охраны государственных бюджетных средств.

Известно, что уголовная политика — это деятельность государства по выработке и реализации положений стратегического характера, направленных на обеспечение безопасности граждан, общества, государства от преступных посягательств путем использования специальных правовых и организационных средств и методов (уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных, криминологических) противодействия этим криминальным посягательствам [11].

В связи с тем, что Конституцией Российской Федерации 1993 г. была провозглашена равная защита

* Ранее — следователь отдела по расследованию преступлений на обслуживаемой территории отдела полиции № 4 СУ УМВД России по г. Чебоксары.

** Earlier — investigator at the Department of Crimes' Investigation on Service Territory of Police Department № 4 of the Investigation Department of the Branch of the Interior Ministry of Russia in Cheboksary.

всех форм собственности, данный принцип был воспринят уголовным законом для установления равной уголовной ответственности за совершение преступлений против собственности, независимо от ее формы. Поскольку уголовная политика в сфере противодействия преступным посягательствами на собственность стала единой для всех форм собственности, то борьба с хищениями государственных бюджетных средств стала осуществляться теми же средствами и методами, что и с хищениями любого иного чужого имущества.

Однако правоприменительные органы, пытаясь решить проблему хищений государственных бюджетных средств, неоднократно выступали с предложениями о введении в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) самостоятельной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за указанные преступления. Так, с учетом предложений МВД России о дополнении УК РФ статьей 159⁷ «Мошенничество в бюджетной сфере» депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ И.А. Яровой был разработан и внесен 28 октября 2013 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования мер по противодействию коррупции»¹. Законопроект не был поддержан на основании того, что предлагаемые изменения, по мнению некоторых депутатов и экспертов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, противоречат ч. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации² (далее – Конституция РФ) о равной защите всех форм собственности.

По этим же основаниям не был поддержан и проект федерального закона «О внесении изменений в УК РФ в части усиления ответственности за хищение государственных бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов»³, разработанный депутатами Государственной Думы Федерального Собрания РФ А. А. Ищенко, С. Г. Каргиновым, И.К. Сухаревым. Данным проектом предлагалось дополнить УК РФ статьями о хищении средств государственного бюджета (ст. 285⁴) и государственных внебюджетных фондов (ст. 285⁵).

Вместе с тем в своих ежегодных посланиях Федеральному Собранию РФ Президент России В. В. Пу-

тин неоднократно обращал внимание на необходимость максимальной защиты государственных бюджетных средств от преступных посягательств, существенного ужесточения контроля за движением государственных бюджетных средств [10].

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия) в качестве угроз государственной и общественной безопасности отмечены преступные посягательства против собственности и государственной власти. Одной из угроз качеству жизни российских граждан, как составной части национальной безопасности, названо нецелевое расходование государственных бюджетных ассигнований⁴. Одним из приоритетных направлений, указанных в п. 47 Стратегии, в целях обеспечения государственной и общественной безопасности признано развитие системы выявления, предупреждения и пресечения преступных посягательств на государственную собственность.

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации также обращено внимание на то, что основными задачами по реализации государственной политики в этой сфере являются:

- борьба с нецелевым использованием и хищением государственных бюджетных средств;
- контроль закупок для государственных и муниципальных нужд;
- повышение эффективности расходов государственного бюджета⁵.

Таким образом, одной из названных Стратегией задач уголовной политики по обеспечению государственной, общественной и экономической безопасности является борьба с преступными посягательствами на государственные бюджетные средства как объект государственной собственности. С учетом сказанного уголовная политика по противодействию преступным посягательствам на государственную собственность, в том числе хищениям государственных бюджетных средств и иного государственного имущества, должна быть целенаправленной, самостоятельной, предусматривать использование дополнительных эффективных средств и методов. В первую очередь в уголовном законе, как одном из основных средств уголовной политики, следует установить дифференцированную уголовную ответственность за преступные посягательства на государственную собственность, ее объекты, в том числе государственные бюджетные средства и иное государственное имущество.

Однако подобные положения до сих пор не находят отражения в уголовном законе. Так, находящийся с 11 марта 2015 г. на стадии рассмотрения в Государственной Думе РФ проект федерального

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования мер по противодействию коррупции: проект федерального закона № 371176 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.10.2017).

² Конституция Российской Федерации: офиц. текст // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

³ О внесении изменений в УК РФ в части усиления ответственности за хищение бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов [Электронный ресурс]: проект федер. закона от 9 июля 2015 г. № 834729-6 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.10.2017).

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

⁵ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

закона депутатов И.А. Яровой и М.Е. Старшинова «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления борьбы с коррупционными преступлениями», которым предлагается дополнить УК РФ статьей 164¹ «Хищение в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд»⁶, до сих пор, как и предыдущие аналогичные законопроекты, не принят.

По нашему мнению, отклонение вышеприведенных законопроектов вряд ли обоснованно. Наши аргументы заключаются в том, что актом принятия Конституции Российской Федерации 1993 г. были закреплены новые экономические основы конституционного строя России. По мнению Н.В. Мельникова, многообразие и равноправие разных форм собственности являются принципами рыночной экономики [7]. Действительно, если обратиться к анализу ч. 1 и 2 ст. 8 Конституции РФ, то мы увидим, что содержащиеся в рассматриваемой статье положения относятся к экономическим основам, отношениям и определяют равенство всех форм собственности в экономическом аспекте. Однако равенство форм собственности в экономическом аспекте не предполагает равенство объектов собственности (как предметов материального мира) по их социальному, качественному и стоимостному значению.

В связи с этим интересен вывод Т.А. Горюновой, исследовавшей конституционные основы равной защиты всех форм собственности. По ее мнению, равная защита всех форм собственности заключается в равной возможности всех субъектов права собственности защиты их нарушенного права [3]. Полагаем, что усиление уголовной ответственности за хищения государственных бюджетных средств не нарушает равную возможность всех субъектов собственности (государство, юридическое лицо, гражданин) защитить нарушенное в связи с хищением их имущества право собственности посредством обращения в правоохранительные органы и участия в уголовном и судебном процессах.

Однако равная защита всех форм собственности не предполагает, по нашему мнению, равной уголовной ответственности, поскольку уголовный закон при определении уголовной ответственности принимает во внимание степень и характер общественной опасности деяния. Поэтому равная защита всех форм собственности (как экономических категорий) в уголовном праве может означать только одно: равное признание деяний, посягающих на отношения разных форм собственности, преступными. Отметим, что в уголовном законе преду-

смотрена различная уголовная ответственность за хищения чужого имущества в связи с различиями в стоимостных характеристиках предметов посягательства (например, ч. 2–4 ст. 159 УК РФ). В связи с особой качественной характеристикой взяты под особую уголовно-правовую охрану предметы, имеющие особую ценность (ст. 164 УК РФ). Предусмотрена усиленная уголовно-правовая охрана государственных средств от незаконного их получения в виде целевого кредита (ч. 2 ст. 176 УК РФ).

Рассмотрим одно из доказательств возможности дифференциации уголовной ответственности за хищения имущества, находящегося в государственной и иной собственности, при провозглашенной равной защите всех форм собственности. Известно, что к основаниям дифференциации уголовной ответственности относится разная степень общественной опасности, которая зависит от характера, уровня и степени значимости охраняемых общественных отношений, их приоритетности друг перед другом.

Так, в исключительной государственной собственности находятся государственные бюджетные средства, составляющие государственную казну Российской Федерации и являющиеся финансовым обеспечением целого ряда направлений деятельности государственного и общественного значения, среди которых общегосударственные вопросы, национальная оборона, безопасность и экономика, правоохранительная деятельность, жилищно-коммунальное хозяйство, охрана окружающей среды и др. В связи с государственным и общественным назначением бюджетные средства имеют повышенную социальную значимость. Следовательно, их хищения представляют повышенную общественную опасность, поэтому уголовная ответственность за совершение данных преступлений должна быть усилена, а значит, дифференцирована от хищений имущества иной формы собственности.

Следует также отметить, что даже при общей уголовно-правовой охране собственности, независимо от ее формы, научно обосновывается возможность самостоятельной, дифференцированной от общих норм, касающихся хищений чужого имущества, уголовной ответственности за хищения государственных бюджетных средств. Так, в уголовно-правовой науке и уголовном законодательстве собственность выступает в качестве видового и непосредственного объектов преступлений (в частности, для гл. 21 УК РФ), а государственные (бюджетные) средства являются предметом посягательства при их хищениях. При этом мы исходим из того, что предмет и объект не тождественны, так как предмет преступления — это материальная категория, а объект преступления — социальная, хотя предмет и относится к сфере (признакам) объекта преступления [5, 6].

К тому же ряд авторов [1, 4] обращает внимание на существование проблем в квалификации

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления борьбы с коррупционными преступлениями [Электронный ресурс]: проект федер. закона № 740713-6 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.10.2017).

преступлений, связанных с хищениями бюджетных средств, что подтверждает необходимость в дифференциации данных преступлений от иных по предмету посягательства (бюджетные средства) для формирования самостоятельного уголовно-правового механизма противодействия хищениям бюджетных средств.

Таким образом, усиление уголовной ответственности за хищения государственных средств не связано с нахождением их в государственной собственности. Хотя и это возможно, так как право государственной собственности на имущество реализуется опосредованно, не собственником – государством, а его представителями – соответствующими органами государственной власти. Поэтому с отношениями государственной собственности неразрывно связаны отношения в сфере осуществления государственной власти, государственной службы. В результате при нарушении отношений государственной собственности автоматически нарушаются и отношения в сфере функционирования государственной власти, государственной службы. Таким образом, при хищениях государственных бюджетных средств нарушаются два объекта уголовно-правовой охраны. Следовательно, повышенная общественная опасность хищений государственных бюджетных средств требует более усиленной уголовной ответственности.

По нашему мнению, отсутствие в настоящее время дифференцированной уголовной ответственности за хищения государственных бюджетных средств нарушает принцип справедливости, так как установленные УК РФ сроки наказаний в общих нормах-запретах по хищениям чужого имущества не соответствуют характеру и степени общественной опасности хищений государственных бюджетных средств, требующих усиленной охраны.

Более того, принцип справедливости не соблюдается и при реализации уголовного закона. Нельзя не согласиться с мнением профессора Б.Я. Гаврилова, который считает, что минимизированные Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ нижние пределы наказаний, установленные за большинство преступлений, являются негативным примером современной уголовной политики. Действительно, нижние пределы санкций УК РФ за хищения чужого имущества, а значит, и государственных бюджетных средств сведены к минимуму при неизменных верхних пределах, чем установлен широкий диапазон между нижним и верхним пределами санкций (от двух месяцев до десяти лет – при хищении в особо крупном размере), что дает возможность проявлению коррупции (и соответственно несправедливости) при назначении судом наказания [2]. Как показывает практика по уголовным делам о хищениях государственных бюджетных средств, очень редко наказание осужденным

назначается в виде реального лишения свободы, а условно-досрочное освобождение одного из осужденных за хищение государственных средств, вызвавшее большой общественный резонанс, по мнению бывшего уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Э.Памфиловой, свидетельствует о наличии отдельного «элитного правосудия» [8].

В связи с вышеизложенным, а также опираясь на утверждение профессора В.Ф. Цепелева о том, что эффективность уголовно-политических средств достигается в большей степени правоприменительной деятельностью в сфере борьбы с преступностью [12], уголовную политику в отношении охраны государственных бюджетных средств в настоящее время нельзя назвать эффективной. Мы солидарны с мнением Б.Я. Гаврилова, что уголовная политика сегодня «должна стать умеренно антилиберальной» [2].

Согласно результатам анкетирования сотрудников органов внутренних дел, имеющих стаж работы от 5 до 25 лет (всего опрошено 450 человек), 84 % опрошенных высказали суждение о необходимости в современных социально-экономических условиях дифференциации и усиления уголовной ответственности за хищения государственных бюджетных средств. По нашему мнению, выявленное экспертное суждение практических работников о необходимости усиленной охраны бюджетных средств должно учитываться в уголовной политике в отношении охраны государственных бюджетных средств.

Таким образом, проведенный анализ состояния уголовной политики в отношении охраны государственных бюджетных средств позволяет сделать вывод о том, что самостоятельного направления данная деятельность пока не имеет. При признании необходимости повышенной уголовно-правовой охраны государственных бюджетных средств от хищений остается неизменной концепция о равной уголовной ответственности за хищения чужого имущества любой формы собственности. Однако сущность конституционного принципа равной защиты всех форм собственности, на котором базируется до настоящего времени уголовная политика по борьбе с хищениями чужого имущества, позволяет уголовному закону дифференцировать уголовную ответственность за хищения государственных бюджетных средств как особого предмета преступного посягательства. Это связано с повышенной общественной опасностью подобных преступлений ввиду особой социально-экономической значимости государственных бюджетных средств, относящихся к важнейшему объекту государственной собственности. Сказанное позволяет на концептуальном и законодательном уровне выделить самостоятельное направление уголовной политики в отношении повышенной уголовно-правовой охраны государственных бюджетных средств.

Список литературы:

1. Боровских Р. Н. Мошенничество при получении выплат и в сфере страхования: проблемные вопросы квалификации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33).
2. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008.
3. Горюнова Т. А. Конституционные основы равной защиты форм собственности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
4. Ким Д. В. Типичные способы противодействия уголовному преследованию по уголовным делам о мошенничестве в сфере сельскохозяйственного страхования (по материалам практики Алтайского края) // Алтайский юридический вестник. 2017. № 3 (19).
5. Коржанский Н. И. Предмет преступления (понятие, виды и значение для квалификации): учеб. пособ. Волгоград, 1976.
6. Мазуренко Е. А. Объект и предмет уголовно-правовой охраны преступлений против собственности: современные проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
7. Мельников Н. В. Конституционные принципы экономической деятельности как предмет прокурорской надзорной деятельности // Права человека и конституционная безопасность России. Ростов н/Д., 2002.
8. Минюст не видит нарушений при «шокирующем» освобождении Е. Васильевой [Электронный ресурс] // Официальный сайт mk.ru. URL: <http://www.mk.ru/social/2015/09/01/v-kremle-otreagirovali-na-prosbu-proanalizirovat-shokiruyushhee-osvobozhdenie-vasilevoy.html> (дата обращения: 21.05.2017).
9. Наумов Ю. Г., Самольсов П. В. Сговоры на торгах как угроза национальной безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2 (42).
10. Послания Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 4 декабря 2014 г., 3 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president> (дата обращения: 02.10.2017).
11. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учебник: в 2-х ч. / под ред. Л. И. Беляевой. М., 2014. Ч. 1.
12. Цепелев В. Ф. О подходах к оценке эффективности уголовной политики // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 2 (30).

References:

1. Borovskih R. N. Moshennichestvo pri poluchenii vyplat i v sfere strahovaniya: problemnyye voprosy kvalifikacii // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2015. № 3 (33).
2. Gavrilov B. Ya. Sovremennaya ugovolnaya politika Rossii: cifry i fakty. M., 2008.
3. Goryunova T. A. Konstitucionnyye osnovy ravnoj zashchity form sobstvennosti v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2006.
4. Kim D. V. Tipichnyye sposoby protivodejstviya ugovolnomu presledovaniyu po ugovolnym delam o moshennichestve v sfere sel'skohozyajstvennogo strahovaniya (po materialam praktiki Altajskogo kraja) // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2017. № 3 (19).
5. Korzhanskij N. I. Predmet prestupleniya (ponyatie, vidy i znachenie dlya kvalifikacii): ucheb. posob. Volgograd, 1976.
6. Mazurenko E. A. Ob'ekt i predmet ugovolno-pravovoj ohrany prestuplenij protiv sobstvennosti: sovremennyye problemy kvalifikacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 2003.
7. Mel'nikov N. V. Konstitucionnyye principy ehkonomicheskoy deyatel'nosti kak predmet prokurorskoj nadzornoj deyatel'nosti // Prava cheloveka i konstitucionnaya bezopasnost' Rossii. Rostov n/D., 2002.
8. Minyust ne vidit narushenij pri «shokiruyushchem» osvobozhdenii E. Vasil'evoy [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sayt mk.ru. URL: <http://www.mk.ru/social/2015/09/01/v-kremle-otreagirovali-na-prosbu-proanalizirovat-shokiruyushhee-osvobozhdenie-vasilevoy.html> (data obrashcheniya: 21.05.2017).
9. Naumov Yu. G., Samolysov P. V. Sgovory na torgah kak ugroza nacional'noj bezopasnosti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 2 (42).
10. Poslaniya Prezidenta RF V. V. Putina Federal'nomu Sobraniyu RF ot 4 dekabrya 2014 g., 3 dekabrya 2015 g. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president> (data obrashcheniya: 02.10.2017).
11. Ugolovnaya politika i ee realizaciya organami vnutrennih del: uchebnik: v 2-h ch. / pod red. L. I. Belyaevoj. M., 2014. CH. 1.
12. Cepelev V. F. O podhodah k ocenke ehffektivnosti ugovolnoj politiki // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2014. № 2 (30).

E-mail: mail.for.irina13@mail.ru

Г. А. ПАРАДНИКОВА,
адъюнкт
(Омская академия МВД России)

G. A. PARADNIKOVA,
Adjunct
(Omsk Academy of the Interior Ministry of Russia)

УДК 343.137.5

Виды уголовно-процессуальных решений, обусловленных участием несовершеннолетних в досудебном производстве по уголовным делам, и их классификация

The Types of the Criminal Procedural Solutions Caused by Minors' Participation in the Pre-Trial Proceedings on the Criminal Cases and its Classifications

В статье рассматриваются классификационные основания деления уголовно-процессуальных решений, обусловленных участием несовершеннолетних в досудебном производстве по уголовным делам, на различные группы. Предлагается анализ научных подходов и авторское видение особенностей обобщения соответствующих выводов следователя, дознавателя и суда с учетом специфики производства по уголовным делам несовершеннолетних. Дается оценка социальной основе выносимых решений, характерных для исследуемой области правоотношений.

Уголовно-процессуальные решения, следователь, несовершеннолетние, классификация, защита интересов несовершеннолетних.

The article considers the grounds for classification of division of the criminal procedural solutions caused by minors' participation in the pre-trial proceedings on the criminal cases on the different groups. The analysis of the scientific approaches and an author's vision of the features for generalization of the relevant conclusions of an investigator, an inquirer and a court taking into account production's specifics in the criminal cases for minors is proposed. Estimation for the social basis of the pronounced decisions characteristic for the investigating area of legal relations is given here.

Criminal procedural decisions, investigator, minors, classification, minors' interests protection.

Расследование уголовного дела и последующее его рассмотрение в суде предполагает принятие множества процессуальных решений, каждое из которых в той или иной степени способствует не только достижению целей производства, но и защите интересов личности. С учетом особого правового положения несовершеннолетних эти вопросы получают дополнительную интерпретацию, способствуя развитию самостоятельной системы правовых отношений. Принятие ряда решений применительно к ука-

занной категории лиц зачастую не только преследует репрессивные цели, но и вызвано необходимостью реализации гуманитарных функций, связанных с оказанием на несовершеннолетнего воспитательного, психолого-педагогического воздействия. Немалый охранительный и гуманитарный потенциал заложен в участии по данной категории дел дополнительных лиц. Принятие решения о допуске законных представителей (ст. 48, 426, 428 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее —

УПК РФ)¹, вовлечение педагогов, психологов в ход расследования преступлений (ст. 191, 425 УПК РФ) заставляет следователя (дознателя) осуществлять оценку широкого спектра обстоятельств, нередко лежащих вне основного русла движения дела. Помимо этого, указанные должностные лица для реализации назначения уголовного судопроизводства должны учитывать содержание норм не только УПК РФ, но и других отраслей права. Ряд установлений закреплен на международном уровне².

Следует констатировать, что нормативная основа принятия многих решений в рамках производства по делам о преступлениях несовершеннолетних, рассредоточена в разных частях УПК РФ. Данное обстоятельство приводит к отсутствию единого подхода к этой сфере правового регулирования и создает предпосылки для вольного применения необходимых законодательных установлений в практической деятельности. Возникают сложности для системного толкования уголовно-процессуальных установлений. При этом в гл. 50 УПК РФ не предусмотрены общие правила формирования и оформления ответствующих выводов следователя, дознавателя и суда. Изложенные обстоятельства требуют научного осмысления существующей системы процессуальных решений, обусловленных участием несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, их обобщения и классификации.

В доктрине уголовно-процессуального права процессуальные решения всегда имели самостоятельное значение. Данные вопросы как становились предметом отдельных исследований [3–7], так и выступали структурным элементом изучения других проблем [2]. При этом особенности принятия соответствующих решений в отношении несовершеннолетних самостоятельно исследованию ранее не подвергались. Примеров соответствующей классификации в юридической литературе нами не выявлено. В этой связи имеет смысл проанализировать сходные по своей сути подходы. В своей работе П. А. Лупинская отмечает, что все решения могут быть классифицированы:

- по содержанию;
- функциональному значению;
- субъектам, правомочным принимать решения;

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

² Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы), приняты резолюцией 45/112 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- времени принятия и длительности действия;
- процедуре принятия и форме выражения решения в процессуальном акте;
- юридической силе и последствиям.

При этом каждое решение может характеризоваться несколькими классификационными признаками [3].

А. Б. Муравин предлагает другой подход [7]. Взяв за основу позицию данного автора, с учетом современного состояния уголовно-процессуальных отношений, можно предложить следующую классификацию уголовно-процессуальных решений:

- по отношению к обвинению: постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт, обвинительное постановление, обвинительное заключение, постановление о прекращении уголовного дела, постановление о прекращении уголовного преследования;
- степени регламентации: решения, элементы, содержания которых установлены законом (обвинительное заключение, обвинительный акт и др.); решения, обозначенные законодателем без приведения формальных требований к их принятию (представление, повестка и др.);
- юридической силе: решения, вступившие и не вступившие в законную силу; требующие утверждения; нуждающиеся в согласовании с руководителем следственного органа и (или) прокурором;
- месту решения в системе уголовного судопроизводства: начальные, промежуточные и окончательные.

Последнее классификационное основание принятия решения частично нашло свое воплощение на нормативном уровне. Законодатель применительно к деятельности суда выделяет итоговое и промежуточные судебные решения (п. 53.2–53.3 ст. 5 УПК РФ). Полагая, что данное деление допустимо применять не только на уровне судебного производства, но и в ходе предварительного расследования преступлений.

С. Г. Леонов, рассматривая процессуальные решения как юридические факты, классифицирует их по следующим основаниям: способу формирования; отраслевой природе оснований принятия решения; принадлежности к той или иной стадии досудебного производства; моменту принятия решения; процессуальной форме; субъекту, правомочному выносить решения; наличию или отсутствию согласия компетентного должностного лица на вынесение решения; сфере действия решения; содержанию наступающих последствий; юридической природе действия, с совершением которого выносится решение; правовой значимости принятого решения [4].

Анализ приведенных классификаций показал общность многих оснований деления соответствующих групп. Если обратиться к теории права, то акты применения делят на акты-регламентаторы и правообеспечительные акты. В свою очередь, правообеспечительные акты по своему юридическому значению делятся на две группы: основные и вспомогательные. Основные – это акты, которые содержат веление, выражающее конечное решение юридического дела. Вспомогательные – это акты, которые содержат предписания, подготавливающие издание основных актов или же направленные на их осуществление [1].

Основываясь на такой классификации решений, как акты применения права, можно выделить процессуальные решения, обусловленные участием несовершеннолетних в зависимости от того, отвечают ли они на основные вопросы уголовного дела: о событии преступления, участии лица в его совершении и его виновности. С учетом изложенного соответствующие уголовно-процессуальные решения могут быть разделены на основные и вспомогательные.

Основные решения связаны с вынесением приговора либо постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Применительно к несовершеннолетним можно выделить решение о прекращении уголовного преследования в отношении лица, не достигшего к моменту совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, возраста, с которого наступает уголовная ответственность (ч. 3 ст. 27 УПК РФ), прекращение уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ) и др.

Вспомогательные решения отвечают на иные вопросы уголовного дела либо на часть из них. Простым примером вспомогательного решения может выступить решение об избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство (ст. 422 УПК РФ) и др. Принятием такого рода решений производство не заканчивается.

Классификация уголовно-процессуальных решений по их функциональному назначению может отражать специфику участия несовершеннолетних в производстве по уголовному делу. Такие решения отражают начало производства по делу (возбуждение уголовного дела), устанавливают процессуальный статус участников процесса (постановление (определение) о признании лица потерпевшим, подозреваемым, гражданским истцом; постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и др.), дают право на производство следственных действий (постановление о производстве

обыска, следственного эксперимента, о назначении экспертизы и др.), разрешают применение мер процессуального принуждения.

В рамках рассматриваемой категории уголовных дел принимаемые решения можно сгруппировать по целевому назначению. Они могут быть направлены на обеспечение повышенной защиты несовершеннолетних (допуск законного представителя, защитника; отстранение законного представителя или его замена; привлечение сведущих лиц – психолога, педагога и других), обеспечение надлежащего поведения несовершеннолетних (применение мер принуждения), обеспечение интересов доказывания (вызов несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, исследование обстоятельств, предусмотренных ст. 421 УПК РФ, и др.).

Учитывая современные тенденции, направленные на защиту интересов личности в уголовном судопроизводстве, необходимо признать, что меры защиты интересов несовершеннолетних поднимаются на достаточно высокий уровень. Под влиянием данного обстоятельства значительное число процессуальных решений в отношении несовершеннолетних имеет охранительный потенциал. Между тем отдельные решения следователя, дознавателя или суда предполагают учет другой идеологической основы, которая связана с необходимостью оказания на несовершеннолетнего воспитательного воздействия. В связи с этим допустимо деление уголовно-процессуальных решений на две группы: решения, направленные на защиту интересов несовершеннолетних, и решения, связанные с оказанием на несовершеннолетнего воспитательного воздействия. Именно данное классификационное основание позволяет выделить те специфичные выводы следователя, дознавателя или суда, которые характерны для участия такого рода лиц в уголовном процессе.

К первой классификационной группе (решения, направленные на защиту интересов несовершеннолетних) следует отнести допуск и обязательное участие защитника (ст. 49, 51 УПК РФ), законного представителя (ст. 48, 426, 428 УПК РФ); прекращение уголовного преследования по основанию, предусмотренному ч. 3 ст. 27 УПК РФ, медицинское освидетельствование несовершеннолетнего (ч. 4 ст. 421 УПК РФ); решения, связанные с допросом несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (ст. 425 УПК РФ), и др. К решениям, принимаемым для оказания на несовершеннолетнего воспитательного воздействия, необходимо отнести выделение в отношении несовершеннолетнего уголовного дела в отдельное производство (ст. 422 УПК РФ), присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ст. 105 УПК РФ), прекращение уголовного

преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ) и др.

Объективности ради нужно признать, что многие решения, обусловленные участием несовершеннолетних в уголовном процессе, не только содержат в себе охранительный потенциал, но и позволяют оказывать на данных участников уголовного процесса воспитательное воздействие. Так, допуск к участию в уголовном процессе законного представителя несовершеннолетнего (ст. 48, 426, 428 УПК РФ) связан не только с защитой несовершеннолетнего, но и в определенной степени с оказанием на него воспитательного воздействия. В связи с этим приведенное классификационное основание содержит определенную долю условности.

Принимая во внимание вовлеченность несовершеннолетних в семейные отношения, законодатель предусматривает средства, направленные на учет данных обстоятельств уголовного дела. К их числу можно отнести допуск законного представителя (ст. 48, 426, 428 УПК РФ); применение специальной меры пресечения, обеспечивающей реализацию социальных функций семьи (ст. 105 УПК РФ); особый порядок вызова к следователю, дознавателю или в суд (ст. 424 УПК РФ) и др. Таким образом, помимо функций защиты, оказания на несовершеннолетнего воспитательного воздействия, законодатель при конструировании уголовно-процессуальных норм учитывает и социальный фактор. Принимая во внимание связь интересов несовершеннолетних с семьей, ряд уголовно-процессуальных решений можно выделить и по этому основанию.

Данный фактор обуславливается тем, что на международном уровне сохранение социальных связей несовершеннолетнего с семьей рассматривается как необходимая мера. Семья воспринимается одним из средств оказания необходимой нравственной поддержки как неотъемлемый элемент воспитания несовершен-

нолетнего³. Высокий уровень доверительности отношений в семье позволяет благотворно влиять на формирование личности ребенка, способствует его правильной социализации в обществе. Отступление от этого подхода допускается лишь в крайних случаях, когда эту полезную функцию семья не выполняет, оказывает негативное воздействие на подростка, создавая предпосылки для его криминального поведения [2].

Таким образом, следует признать, что уголовно-процессуальные решения, обусловленные участием несовершеннолетних в досудебном производстве по уголовным делам, могут быть классифицированы по разным основаниям. Тем не менее с учетом целевого назначения особенностей производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних, наибольшего внимания заслуживает деление, связанное с мерами защиты указанных участников уголовного процесса, с одной стороны, и мерами, направленными на оказание воспитательного воздействия, — с другой. Данное классификационное основание наиболее полно отражает суть гуманитарных функций государства, заложенных в особых правилах производства по уголовным делам несовершеннолетних.

³ Венская декларация и Программа действий (принята в г. Вене 25 июня 1993 г. на 2-ой Всемирной конференции по правам человека) // Международные акты о правах человека: сб. документов. М., 2002; Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях, принятая резолюцией 41/95 Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1986 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г.; Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Ридские руководящие принципы), приняты резолюцией 45/112 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций. Свердловск, 1973. Т. 2.
2. Дежнев А. С. Охрана интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013.
3. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
4. Леонов С. Г. Процессуальные решения как юридические факты в досудебном производстве российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.

References:

1. Alekseev S. S. Problemy teorii prava: kurs lekcij. Sverdlovsk, 1973. T. 2.
2. Dezhnev A. S. Ohrana interesov sem'i i nesovershennoletnih v ugovol-nom processe Rossii: dis. ... d-ra yurid. nauk. Omsk, 2013.
3. Lupinskaya P. A. Resheniya v ugovolnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2010.
4. Leonov S. G. Processual'nye resheniya kak yuridicheskie fakty v dosu-debnoy proizvodstve rossijskogo ugovolnogo processa: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2011.

5. *Леонов С.Г.* Виды и классификация уголовно-процессуальных решений как юридических фактов в досудебном производстве // Общество и право. 2010. № 2.
  6. *Морковичева Е.В.* Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра. юрид. наук. Оренбург, 2011.
  7. *Муравин А.Б.* Проблемы мотивировки процессуальных решений следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1987.
5. *Leonov S.G.* Vidy i klassifikaciya ugolovno-processual'nyh reshenij kak yuridicheskikh faktov v dosudebnom proizvodstve // Obshchestvo i pravo. 2010. № 2.
  6. *Morkovicheva E.V.* Konceptual'nye osnovy yuvenal'nogo ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra yurid. nauk. Orenburg, 2011.
  7. *Muravin A.B.* Problemy motivirovki processual'nyh reshenij sledovatelya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Har'kov, 1987.

E-mail: paradnikowa@yandex.ru

А. Т. МАМАТКУЛОВ,
адъюнкт* 3-го факультета
(подготовки научных и научно-педагогических кадров)
(Академия управления МВД России)

A. T. MAMATKULOV,
Adjunct** of the 3rd Faculty
(Training Research and Teaching Staff)
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 341.1

Правовая природа особого порядка производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц

The Law Nature of a Special Procedure for the Production of the Criminal Cases Toward to the Certain Persons' Categories

В статье рассматривается правовая природа особого порядка производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц.

The article deals with the law nature of a special procedure for criminal proceedings toward to the certain persons' categories.

Уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная форма, дифференциация, особый порядок, отдельная категория лиц, гарантия, иммунитет.

Criminal proceedings, criminal procedural form, differentiation, special procedure, certain persons' category, guarantee, immunity.

Кыргызская Республика и Российская Федерация имеют общие исторические корни генезиса науки уголовного процесса и законодательства в области уголовного судопроизводства. Почти одновременно в них приняты новые уголовно-процессуальные кодексы, которым, несмотря на определенную специфику правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений, обусловленную объективными обстоятельствами, связанными с социальными, политическими и экономическими условиями развития национальных правовых систем, присущи схожие проблемы, позволяющие говорить о необходимости дальнейшего реформирования уголовно-процессуального законодательства.

Результаты правоприменительной практики свидетельствуют, что первый принятый Уголовно-

но-процессуальный кодекс независимого Кыргызстана¹ (далее – УПК КР) не в полной мере соответствовал требованиям действительности по причинам его обвинительного уклона, явной недостаточности правовых гарантий субъектов, участвующих в уголовном процессе, и низкой эффективности досудебных процедур. Последующие изменения и дополнения в УПК КР не оказали положительного воздействия на проблемы уголовно-процессуальной деятельности, а наоборот, стали одним из факторов, порождающих правовые коллизии, что способствовало отсутствию единой правоприменительной практики.

* Earlier – investigator of the Main Investigation Department of the Interior Ministry of the Kyrgyz Republic.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 г. № 62 (утрачивает силу с 1 января 2019 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://minjust.gov.kg> (дата обращения: 13.01.2018).

* Ранее – следователь Главного следственного управления МВД Кыргызской Республики.

Принятие в 2010 г. Конституции Кыргызской Республики обусловило необходимость реформы судебной системы страны, одним из этапов которой было признано принятие нового Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики² (далее – «новый УПК КР»), вступающего в силу с 1 января 2019 г.

Полагаем, что совершенствование действующей модели уголовного судопроизводства Кыргызстана невозможно без переосмысления научных подходов к решению проблем совершенствования механизма правового регулирования и форм процессуальной деятельности.

Сравнительно-правовой анализ действующего и нового УПК КР с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации показывает, что законодатели данных стран взяли курс к дифференциации форм уголовного судопроизводства, повышая таким образом количество отдельных производств – как упрощенного, так и усложненного вида. Как справедливо отмечает Н. П. Кириллова, «выбор эффективных процессуальных форм и их совершенствование является одним из направлений уголовно-процессуальной политики» [5].

В связи с этим следует обратить внимание на точку зрения И. С. Дикарева, согласно которой «дифференциация уголовно-процессуальной формы есть не что иное, как приспособление, адаптация процессуального порядка производства по уголовному делу к реальным условиям, в которых осуществляется досудебное производство и судебное рассмотрение уголовных дел. Эти условия определяются совокупностью факторов, влияющих на процесс установления юридически значимых обстоятельств дела, упрощая или усложняя достижение истины по делу, а также обуславливающих необходимость усиления гарантий процессуальных правоотношений. Именно эти факторы и служат для законодателя основанием дифференциации процессуальной формы» [4]. В связи с этим необходимо отметить мнение А. П. Гуляева о том, что «дифференциация процессуальной формы возможна в двух направлениях: создание процедур с повышенной системой процессуальных гарантий прав личности, наличием ряда формальных обременений процедуры рассмотрения дела в суде и ... создание более простых процедур (упрощенных производств) для рассмотрения определенных категорий дел» [3]. Разделяет эту позицию и И. М. Алексеев, отмечая, что «дифференциация предполагает наличие производств как усложненного, так и упрощенного типа, необходимость которых обусловле-

на реальными общественными отношениями, складывающимися на современном этапе развития общества. Однако данные производства являются упрощенными или усложненными по отношению к какому-либо эталону» [2]. В кыргызском уголовно-процессуальном законодательстве данным «эталон» можно считать предварительное следствие и общий порядок судебного разбирательства.

«Значимым фактором дифференциации процессуальной формы, – как отмечает И. С. Дикарев, – являются особенности (характеристики) субъекта, изобличаемого в совершении преступления или запрещенного уголовным законом деяния, одной из особенностей считается должностное положение данного субъекта» [4]. В этой связи А. В. Красильников пишет: «Объективные условия общественной жизни и ряд субъективных факторов, негативно влияющих на характер политических и административных отношений, не всегда позволяют в полной мере реализовать полномочия и защитить законные интересы отдельных представителей органов власти и управления в рамках общих средств правового регулирования. Оградить этих лиц от незаконного и необоснованного вмешательства в их профессиональную деятельность, исключить возможность оказания на них давления, в том числе путем угрозы уголовного преследования, призваны исключительные правовые нормы» [6].

Так, правовой новеллой явилось включение в новый УПК КР гл. 56 «Особенности уголовного судопроизводства в отношении отдельных категорий лиц», к которым применяются специальные правила производства по уголовным делам и делам о проступках.

По нашему мнению, производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц представляет собой усложненную по отношению к общему порядку уголовного судопроизводства форму уголовно-процессуальной деятельности.

Однако существуют и другие точки зрения относительно сущности и назначения особого порядка производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. Так, В. И. Руднев на основании положений Конституции Российской Федерации и норм ряда федеральных законов пришел к заключению о том, что для отдельной категории граждан должны быть обеспечены особые условия для выполнения закрепленных за ними законом должностных полномочий. Данные условия должны проявляться в установлении «конкретных гарантий, обладание которыми будет отличать правовой статус этих лиц от правового статуса всех других лиц» [7]. Указанные гарантии призваны обеспечить этим лицам дополнительную защиту от не-

² Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://minjust.gov.kg> (дата обращения: 13.01.2018).

законного возбуждения уголовного дела и привлечения к уголовной ответственности, однако они не должны содействовать необоснованному освобождению от ответственности. Названные гарантии будут включены в состав понятия «иммунитет» [7]. Следовательно, данные изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства являются уголовно-процессуальными иммунитетами.

Мы согласны с В. И. Рудневым в том, что особый порядок уголовного судопроизводства в отношении отдельных категорий лиц призван обеспечить этим лицам дополнительную защиту от незаконного возбуждения уголовного дела и привлечения к уголовной ответственности. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что особенности уголовного судопроизводства могут рассматриваться как «освобождение от выполнения процессуальных обязанностей и ответственности». Указанные гарантии отдельных категорий лиц в сфере уголовного судопроизводства должны являться защитой от необоснованного обвинения. В противном случае усложненный порядок уголовного судопроизводства не будет соответствовать принципу равенства граждан перед законом и судом, закрепленному в конституциях Кыргызстана и России.

Несколько иное мнение высказывает Ф. А. Агаев, полагая, что иммунитеты в уголовном процессе — это «многоступенчатое объединение процессуально-правовых институтов и субинститутов, нормы которых регулируют особый (усложненный) порядок уголовного судопроизводства» [1], где каждый вид иммунитета составляет отдельный правовой институт. Иммунитеты в уголовном судопроизводстве представляют собой «дополнительные процессуальные гарантии законности и обоснованности вовлечения указанных граждан в сферу уголовного судопроизводства и применения к ним мер процессуального принуждения и иных правоограничений» [1].

Однако мы не можем согласиться с указанным мнением Ф. А. Агаева. В классическом понимании иммунитет является специфическим институтом международного права. Наделенные международно-правовым иммунитетом главы иностранных государств, дипломаты, консулы и ряд других лиц не могут подлежать юрисдикции того государства, в котором пребывают во время исполнения своих официальных полномочий. В частности, указанные лица не подлежат ответственности за совершенные ими на территории государства пребывания деяния. По мнению А. В. Красильникова, «иммунитеты — специальные нормы права, устанавливающие требование об изъятии отдельных категорий лиц... из сферы действия соответствующей отрасли права и прекращения (разрыве) конкретного правоотношения, возникшего в связи с юридическим фактом при участии указанных лиц» [6]. Автор считает, что специальные нормы уголовно-процессуального права, регулирующие привлечение к уголовной ответственности отдельных категорий лиц, не прекращают возникшие правоотношения, а развивают их в иной, усложненной форме, обеспечивая при этом дополнительные гарантии защиты указанных лиц. Таким образом, вопрос об определении правовой природы института, регламентирующего особый порядок уголовного судопроизводства в отношении лиц, обладающих специальным правовым статусом «уголовно-процессуального иммунитета», является весьма дискуссионным.

На основании изложенного мы считаем возможным предположить, что особый порядок уголовного судопроизводства в отношении отдельных категорий лиц представляет собой особую уголовно-процессуальную форму, обусловленную следующими факторами: характером общественных отношений, складывающихся при производстве по уголовному делу в отношении названных лиц, и закономерностями правового регулирования специального правового статуса указанных лиц.

Список литературы:

1. Агаев Ф. А. Иммунитеты в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
2. Алексеев И. М. К вопросу о единстве уголовно-процессуальной формы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 4.
3. Гуляев А. П. Единый порядок предполагает дифференциацию // Социалистическая законность. 1975. № 3.
4. Дикарев И. С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие // Российская юстиция. 2013. № 12.

References:

1. Agaev F. A. Immunitety v rossijskom ugolovnom processe: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1997.
2. Alekseev I. M. K voprosu o edinstve ugolovno-processual'noj formy // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 4.
3. Gulyaev A. P. Edinyj poryadok predpolagaet differenciaciju // Socialisticheskaya zakonnost'. 1975. № 3.
4. Dikarev I. S. Differenciaciya ugolovno-processual'noj formy i faktory, ee obuslovliyayushchie // Rossijskaya yusticiya. 2013. № 12.

-
5. *Кириллова Н. П.* Уголовно-процессуальная политика государства и упрощение процессуальных форм // Юрист-Правоведь. 2016. № 5.
  6. *Красильников А. В.* Уголовно-процессуальные привилегии отдельных категорий лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
  7. *Руднев В. И.* Иммунитеты в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
  5. *Kirillova N. P.* Ugolovno-processual'naya politika gosudarstva i uproshchenie processual'nyh form // Yurist-Pravoved. 2016. № 5.
  6. *Krasil'nikov A. V.* Ugolovno-processual'nye privilegii otdel'nyh kategorij lic: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006.
  7. *Rudnev V. I.* Immunitety v ugovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1997.
- E-mail: azamat-mamatkulov85@mail.ru
-

Ю. В. ЦАРЕВА,
адъюнкт
(Нижегородская академия МВД России)

Yu. V. TSAREVA,
Adjunct
(Nizhniy Novgorod Academy of the Interior Ministry of Russia)

УДК 343.126.4

Залог в системе мер уголовно-процессуального пресечения

A Bail in a System of Measures of the Criminal Procedural Restraint

В статье исследуются место и роль залога в существующей системе мер уголовно-процессуального пресечения, показано влияние данной системы и сложившейся практики ее применения на популяризацию залога, сделаны выводы о необходимости расширения практики залога путем оптимизации правовых основ данной меры пресечения; исключения законодательного запрета на комбинированное применение нескольких мер пресечения и изъятия из числа самостоятельных мер пресечения подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Мера пресечения, залог, альтернатива заключению под стражу, механизм правового регулирования, доктринальный запрет, правоприменитель, подписка о невыезде и надлежащем поведении.

The article explores the legal regulation mechanism of restraint's measure in kind of a bail, a place and a role are defined in a present system of measures for the criminal procedural restraint, influence of this system and existing practice of its application on popularization of a bail are shown, the conclusions are made about the need for expanding practice of a bail by optimization the legal basics of this restraint's measure, among them by the way of exception of the legislative interdiction on the combined application of several restraint's measures; by introduction of verification about legality of property origin passing into a bail, and introduction of a state lending institution for poor (low-income) accused persons.

Restraint's measure, bail, alternative to imprisonment, legal regulation mechanism, optimization, doctrinal prohibition, law enforcement, recognizance and about prorer behaviour.

Доля залога в общей совокупности применяемых мер пресечения традиционно мала. Об этом свидетельствуют ежегодные статистические отчеты, подготавливаемые Судебным департаментом при Верховном Суде РФ. В последнее время в этой области наблюдаются отнюдь не положительные тенденции, что вызывает некую обеспокоенность. Так, в период с 2012 по 2016 г. практика применения залога в целом по России исчислялась следующими показателями: в 2012 г. залог избирался 275 раз, в 2013 г. зафиксировано 198 случаев применения данной меры пресечения, в 2014 г. — немногим больше — 224 случая, в 2015 г. положительно

было рассмотрено всего 190 ходатайств об избрании залога, в 2016 г. данная цифра составила 164, а в первом полугодии 2017 г. — 64 [12–16] (рис. 1).

Если сравнить соотношение залога с наиболее распространенными мерами пресечения в виде заключения под стражу и подписки о невыезде и надлежащем поведении, то получится следующая картина.

В 2012–2016 гг., принимая во внимание общие показатели поступивших в суд уголовных дел, официальные ежегодные данные о применении мер пресечения, избираемых по решению суда [12–16], характерную для органов

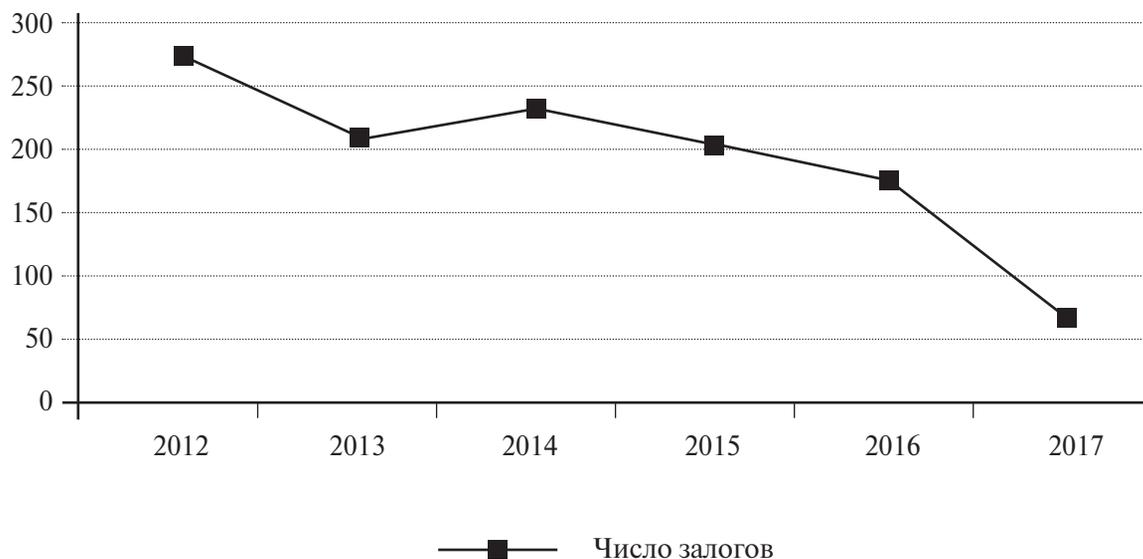

Рис. 1. Графическое изображение числа примененных в России залогов за период: с 2012 г. по 1 полугодие 2017 г.

расследования практику обязательного избрания меры пресечения по каждому уголовному делу и весьма незначительные показатели применения мер пресечения, предусмотренных ст. 103–105 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), можно в процентах рассчитать *примерные доли* ежегодно избираемых мер пресечения в виде заключения под стражу, подписки о невыезде и залога в общем количестве мер пресечения. Используя данную схему, мы вычислили следующие значения: так, количество подписок о невыезде и надлежащем поведении в среднем за указанный период составило 85 %, заключений под стражу – 14 % и залогов – 0,02 %.

Здесь подчеркнем, что данные показатели предлагаем считать примерными ввиду отсутствия официальной статистики применения органами предварительного расследования мер пресечения, предусмотренных ст. 103–105 УПК РФ. Кроме того, проведенное в ходе исследования данной темы анкетирование сотрудников органов предварительного следствия, осуществляющих свою профессиональную деятельность на территории Ивановской, Нижегородской и Ульяновской областей, показало, что из 158 представителей следственных подразделений лишь 8 сотрудников (что составляет 5 %) пояснили, что за свою практику (от одного года до 10 лет) один раз избирали меру пресечения в виде личного поручительства и не имели опыта применения таких мер пресечения, как присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым; наблюдение командования воинской части. Полученные данные дают нам основания предпо-

ложить о наличии немногочисленной практики применения указанных норм должностными лицами органов расследования.

На наш взгляд, проведенный анализ показал, что, во-первых, залог с учетом общего числа ежегодно направляемых в суд уголовных дел практически не применяется, а во-вторых, его доля по сравнению с заключением под стражу, альтернативой которого он призван выступать, микроскопично мала, не говоря уже о соотношении залога и самой распространенной меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Но обратимся к другому сравнительному аспекту. Если отдельно рассмотреть соотношение залога и заключения под стражу как одного из самых строгих мер пресечения, избираемых по решению суда, то мы увидим явный перекося в пользу последнего. Наличие этого обстоятельства, на наш взгляд, характеризует современную уголовно-процессуальную политику применения мер пресечения как избыточно репрессивную, в которой основным средством принуждения, исключая изоляцию подозреваемых (обвиняемых) от общества, продолжает оставаться подписка о невыезде и надлежащем поведении. И нам в этом удалось убедиться.

Полагаем, что распространение залога как меры пресечения, увеличение случаев его избрания как альтернативы аресту значительно поспособствовало бы смягчению сложившейся практики применения мер пресечения, создало перспективы для превращения залога из исключительной в обычную меру пресечения и обеспечило реализацию положений постановления

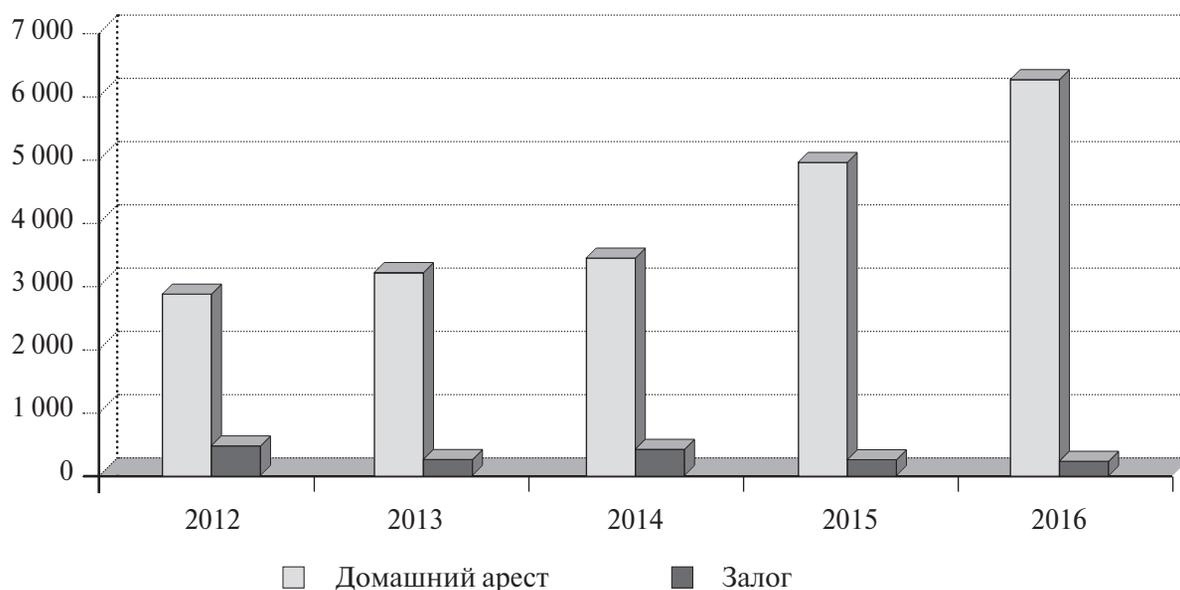

Рис. 2. Соотношение количества примененных залогов и домашних арестов в 2012–2016 гг.

Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»¹, исходя из которых заключение под стражу нужно считать исключительной мерой пресечения и в каждом случае рассматривать возможность применения в качестве альтернативы ей иной, более мягкой меры пресечения.

Еще одним немаловажным, на наш взгляд, сравнительным критерием является соотношение залогов и домашних арестов, учитывая, что обе эти меры пресечения призваны, при наличии законных к тому оснований, заменить заключение под стражу. Здесь подчеркнем, что в 2012–2016 гг. домашний арест применялся как минимум в 10 раз чаще залога, хотя его *примерная доля* в общем количестве ежегодно избираемых мер пресечения, рассчитанная нами аналогичным способом, не доросла и до 1 %. При этом мы наблюдаем, что в отличие от залога число домашних арестов с каждым годом увеличивалось: в 2012 г. он был применен 2 714 раз, в 2013 г. – 3 086, в 2014 г. – 3 334, в 2015 г. – 4 740 и в 2016 г. – 6 101 раз [12–16] (рис. 2). Это означает, что в условиях выбора альтернативы заключению под стражу правоприменитель предпочитает залому домашний арест.

Характерно, что даже по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных в сфере предпринимательской и иной

экономической деятельности, где прямо запрещено заключать под стражу обвиняемых², залог используется гораздо реже, чем домашний арест.

В качестве примера можно вспомнить нашумевшее уголовное дело в отношении бывшего министра экономического развития Алексея Улюкаева, обвиненного в вымогательстве двух миллионов долларов за выдачу подведомственным ему министерством положительной оценки, позволившей совершить крупную сделку с выкупом половины акций крупнейшей нефтяной компании ПАО «Башнефть». Несмотря на ходатайство самого обвиняемого об избрании залога, бывший член кабинета министров был помещен под домашний арест, а следователь объяснил сей факт имеющимся у А. Улюкаева доступом к сведениям, составляющим государственную тайну [9].

Практика показывает, что решения об избрании залогов принимаются судом преимущественно на основании ходатайства, поступившего от участников со стороны защиты (обвиняемого или его адвоката) в качестве альтернативы заключению под стражу или домашнему аресту, т. е. вопреки позиции следователя (дознавателя). И реже наблюдаются случаи положительного принятия решений по материалам, направляемым в суд стороной обвинения в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 108 УПК РФ. Это подтверждают итоги проведенного нами анкетирования: из 158 опрошенных 32 следователя пояснили, что по уголовным делам, находящимся в их производстве, судом хотя

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2. С. 14–26.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.12.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

бы раз была избрана мера пресечения в виде залога, и только восемь из них сами выступили инициаторами его применения, направив в суд соответствующее ходатайство. Следовательно, в остальных случаях решение об избрании залога было инициировано либо стороной защиты, либо судом в судебном заседании по рассмотрению ходатайства органов расследования об избрании заключения под стражу либо домашнего ареста.

Вернемся к результатам анкетирования и выделим основные причины, которые, по мнению опрошенных представителей органов следствия, препятствуют применению залога. Так, 76 % опрошенных пояснили, что основной причиной, по которой они избегают возможности применения залога, является отсутствие условий для надлежащего контроля за поведением обвиняемого и повышенный риск того, что он скроется от органов расследования и суда. Иными словами, в глазах следователей залог не позволяет эффективно достигать цели, указанной в ст. 97 УПК РФ. Примерно такая же доля респондентов склонна считать, что причиной непопулярности залога является завышение законодателем его минимального размера. Мы считаем это вполне справедливым, так как контингент, который подвергается уголовному преследованию, в основной своей массе неплатежеспособен. Это также не благоприятствует распространению залога как меры пресечения. 15 % опрошенных высказались, что в законе недостаточно полно прописан механизм применения этой меры пресечения, усложнена процедура использования в качестве предмета залога недвижимого имущества, не конкретизирован порядок заявления соответствующего ходатайства лицами, выразившими намерение внести залог за обвиняемого. И лишь 5 % проанкетированных сотрудников не прибегают к инициированию процедуры избрания залога ввиду отсутствия личного опыта применения данной меры пресечения и недостаточной следственно-судебной практики в этой области. По их мнению, использование залога является нетрадиционным правовым явлением и для массового его распространения потребуются немало усилий, в первую очередь со стороны законодателя.

Отдельно отметим, что помимо перечисленных причин низкой востребованности залога для нас особую важность представляет позиция абсолютного большинства: более 80 % практических работников в качестве ответа на отдельный вопрос пояснили, что в условиях выбора залогом предпочитают подписку о невыезде и надлежащем поведении, так как процесс ее избрания по сравнению с залогом в разы менее трудоемкий и не требует больших временных затрат. А в условиях необходимости соблюдения органами, ведущими процесс, разумных сроков

производства по уголовному делу этот довод особенно актуален.

Далее предлагаем проанализировать каждую из названных причин и внести собственные предложения по их устранению с целью расширения практики применения исследуемой меры пресечения.

Итак, чтобы устранить первую причину, связанную с неприменением залога ввиду риска сокрытия подозреваемого (обвиняемого) от органов следствия и суда, необходимо исследовать правовой механизм применения всей системы мер пресечения, и залога в их числе. Это подчеркивает системный характер проблемы. В частности, по нашему представлению, требуется отменить доктринальный запрет на одновременное применение нескольких мер пресечения.

По смыслу отечественного уголовно-процессуального закона (ч. 1 ст. 97, 110 УПК РФ), к обвиняемому может быть применена только одна из мер пресечения, а применение одновременно нескольких является недопустимым. При необходимости изменения или применения иной меры пресечения следует предварительно в обязательном порядке отменить ранее избранную меру пресечения.

Призывы отменить существующий запрет на одновременное применение нескольких мер пресечения в научной литературе звучали неоднократно [6, 7]. Проблематика подобных преобразований неслучайно затронута в научных трудах наших современников К. М. Муравьева и В. В. Рудича. Предложенные данными авторами пути модернизации правового механизма применения мер пресечения в целом мы поддерживаем, так как оба они позволяют устранить указанный выше запрет. Однако у каждого из них есть свои особенности.

Так, К. М. Муравьев предлагает качественно новую модель принудительного воздействия на обвиняемых, которая включает три элемента:

- 1) основные ограничения;
- 2) дополнительные ограничения и дополнительные обязательства;
- 3) способы обеспечения исполнения ограничений и соблюдения обязательств.

Под основными и дополнительными ограничениями он подразумевает такие меры пресечения, как заключение под стражу, домашний арест, подписку о невыезде и др. Поручительство, залог и другие правоограничительные меры он относит к способам обеспечения исполнения ограничений и соблюдения обязательств. Лицу, ведущему уголовное дело, должно быть предоставлено право выбирать как основные, так и дополнительные ограничения, составляющие содержание меры пресечения, а также способы их обеспечения, т. е., по сути, создавать меру пресечения [11].

Однако в этом ключе концепция В. В. Рудича нам ближе по нижеследующим причинам. В своем научном исследовании «Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе» он предлагает в качестве мер пресечения, применяемых по решению суда, закрепить залог, домашний арест (ограничение свободы) и заключение под стражу. А меры пресечения психологического характера, предусмотренные ст. 102–105 УПК РФ (подписку о невыезде и надлежащем поведении, все виды поручительства), превратить из самостоятельных мер пресечения в дополнительные средства правоограничения, или в средства контроля за их соблюдением [17].

Таким образом, в случае реализации указанных предложений обвиняемый, в отношении которого избран залог, дополнительно по решению суда может быть подвергнут тем или иным ограничениям, с него могут быть взяты определенные обязательства, и он будет контролироваться специально предусмотренными для этих целей средствами (например, носить электронное средство контроля), которые посчитает необходимым применить суд с учетом мнения сторон [17].

Перейдем ко второй причине низкой востребованности у правоприменителя меры пресечения в виде залога, а именно завышению его нижнего предела.

Минимальный размер залога появился в УПК РФ с принятием ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»³. Для преступлений небольшой и средней тяжести он был установлен в 100 тыс. руб., для тяжких и особо тяжких деяний — 500 тыс. руб. В 2014 г. минимальный предел залога, составляющий 100 тыс. руб., был сокращен вдвое⁴.

Однако, как свидетельствует статистика, эта новация не повлияла на расширение практики применения залога. Так, если в 2008 г. залог был применен в 1 160 случаях [18], в 2009 г. — 1 225 случаях [5], то, начиная с 2010 г., наметилась тенденция на убывание: в 2010 г. зафиксировано 648 залогов [5], в 2011 г. — 438 [8], а более поздние данные, детально исследованные выше, лишь подтверждают ее.

В этой связи вполне оправданной видится точка зрения В. А. Михайлова и А. В. Величко, которые были убеждены, что установление в законе минимального и максимального размеров залоговой суммы не представляется возможным

в силу широты спектра обстоятельств, которые необходимо учитывать для принятия верного решения о назначаемом размере денежного обеспечения [4, 10].

Такой же позиции придерживалась Е. Г. Васильева: «Априорно рекомендовать какие-либо конкретные пределы залога — занятие, на наш взгляд, несвоевременное... Сделать это сможет со временем лишь практика *активного* применения данной меры пресечения» (курсив наш — Ю. Ц.) [3].

Исследование указанного аспекта законодательного регулирования залога в современном уголовно-процессуальном праве позволило нам сделать вывод о необходимости исключения фиксированной величины нижнего предела залога как условия, которое способно оказать позитивное влияние на увеличение практики его применения.

И, наконец, третьей причиной опрошенные сотрудники назвали сложную процедуру избрания данной меры пресечения.

На наш взгляд, у данной проблемы также системный характер. Это означает, что для ее решения необходимы как преобразования существующей правовой регламентации залога, так и изменение современной концепции применения мер пресечения. В связи с этим считаем целесообразными предложения В. В. Рудича, направленные на исключение подписки о невыезде и надлежащем поведении из числа самостоятельных мер пресечения [17].

Объясним свою точку зрения. Всем известно, что процедура избрания подписки о невыезде и надлежащем поведении по сравнению с залогом в разы менее трудоемкая и затяжная. Она не требует изучения материальных возможностей обвиняемого, желающего внести залог; анализа материального положения иных залогодателей; поиска и оценки предмета залога, которым, как известно, может быть как движимое, так и недвижимое имущество. По этим причинам сроки принятия решения об избрании залога могут затянуться. А данные статистики, приведенные в начале статьи, демонстрирующие количество подписок о невыезде, в тысячи раз превосходящее число ежегодно избираемых залогов, дают нам право предположить, что в большинстве случаев при избрании меры пресечения, не связанной с заключением под стажу, следователи (дознаватели), не желая преодолевать сложную и продолжительную процедуру избрания залога, идут по пути наименьшего сопротивления и делают выбор в пользу подписки о невыезде и надлежащем поведении. Об этом свидетельствуют и результаты проведенного нами анкетирования, о которых мы писали выше.

Так, по мнению Н. Н. Ковтуна, И. С. Бобраковой, залог станет реальной альтернативой

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ [Электронный ресурс]: федер. закон от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ (ред. от 03.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О внесении изменения в статью 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 4 июня 2014 г. № 141-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

заклучению под стражу, когда законодатель установит такой процессуальный порядок его применения, который максимально будет отвечать требованиям процессуального «удобства» в первую очередь следственных органов и суда [2].

Кроме того, мы всецело поддерживаем точку зрения профессора А. С. Александрова, считающего целесообразность подписки о невыезде как меры пресечения сомнительной ввиду наличия такой меры уголовно-процессуально принуждения, как обязательство о явке [1].

Подобное нововведение, с нашей точки зрения, способно изменить в целом практику применения мер пресечения: большинство обвиняемых во время проведения предварительного расследования по уголовному делу не будут содержаться под стражей, а будут находиться под залогом, с одновременным применением

к ним различных средств ограничения прав и контроля за их поведением, о которых мы писали выше.

Кроме того, как было уже выше отмечено, сама законодательная конструкция ст. 106 УПК РФ подлежит совершенствованию, один из путей которого был предложен выше, и заключается он в устранении введенного законодателем фиксированного размера залога. Безусловно, это не единственное положение указанной нормы, подлежащее нормативной доработке. Однако принимая во внимание преобладающую в настоящей статье тематику, позволившую рассмотреть залог в системе мер пресечения, полагаем, что анализ проблем, связанных с его правовым регулированием, и внесение предложений по их разрешению должны стать результатом отдельного научно-го исследования.

Список литературы:

1. Александров А. С. Залог как мера пресечения: условия и порядок применения // Уголовный процесс. 2010. № 6.
2. Бобракова И. С., Ковтун Н. Н. Детерминанты, снижающие эффективность применения залога в уголовном судопроизводстве России // Вопросы правоведения. 2011. № 2.
3. Васильева Е. Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Уфа, 2003.
4. Величко А. В. Правовое регулирование применения залога как меры пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
5. Данилова С. И., Костылева Г. В., Муженская Н. Е., Цоколова О. И. Домашний арест и залог как меры пресечения [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А. С. Александрова. М., 2015.
7. Колоскова С. В. Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России: доктрина, юридическая техника и правоприменительная практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014.
8. Мельников В. Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации: монография. М., 2014.
9. Мера пресечения министру Улюкаеву [Электронный ресурс] // Медиазона. 2016. 15 ноября URL: https://zona.media/online/2016/15/11/arrest_ministra (дата обращения: 07.03.2018).

References:

1. Aleksandrov A. S. Zalog kak mera presecheniya: usloviya i poryadok primeneniya // Ugolovnyj process. 2010. № 6.
2. Bobrakova I. S., Kovtun N. N. Determinanty, snizhayushchie ehffektivnost' primeneniya zaloga v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Voprosy pravovedeniya. 2011. № 2.
3. Vasil'eva E. G. Mery ugolovno-processual'nogo prinuzhdeniya. Ufa, 2003.
4. Velichko A. V. Pravovoe regulirovanie primeneniya zaloga kak mery presecheniya v ugolovnom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2001.
5. Danilova S. I., Kostyleva G. V., Muzhenskaya N. E., Cokolova O. I. Domashnij arest i zalog kak mery presecheniya [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
6. Doktrinal'naya model' ugolovno-processual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossijskoj Federacii i kommentarii k nej / pod red. A. S. Aleksandrova. M., 2015.
7. Koloskova S. V. Domashnij arest kak mera presecheniya v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: doktrina, yuridicheskaya tekhnika i pravoprimenitel'naya praktika: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2014.
8. Mel'nikov V. Yu. Obespechenie i zashchita prav cheloveka pri primenenii mer processual'nogo prinuzhdeniya v dosudebnom proizvodstve Rossijskoj Federacii: monografiya. M., 2014.
9. Mera presecheniya ministru Ulyukaevu [Elektronnyj resurs] // Mediazona. 2016. 15 noyabrya URL: https://zona.media/online/2016/15/11/arrest_ministra (data obrashcheniya: 07.03.2018).
10. Mihajlov V. A. Primenenie zaloga v rossijskom ugolovnom processe. Omsk, 1993.

10. Михайлов В. А. Применение залога в российском уголовном процессе. Омск, 1993.
11. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск, 2017.
12. Основные статистические показатели судов общей юрисдикции за 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2360> (дата обращения: 07.03.2018).
13. Основные статистические показатели судов общей юрисдикции за 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3009> (дата обращения: 07.03.2018).
14. Основные статистические показатели судов общей юрисдикции за 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3383> (дата обращения: 07.03.2018).
15. Основные статистические показатели судов общей юрисдикции за 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&pg=0> (дата обращения: 07.03.2018).
16. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 6 месяцев 2017 г. № 1 [Электронный ресурс] // Сводные статические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/F1-svod_1-2017.xls (дата обращения: 07.03.2018).
17. Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе. М., 2018.
18. Фетищева Л. М. Законодательное регулирование и практика применения залога в качестве меры пресечения в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1.
11. Murav'ev K. V. Mery processual'nogo prinuzhdeniya – osobye sredstva ugovolno-pravovogo vozdejstviya: doktrina, primenenie, optimizaciya. Omsk, 2017.
12. Osnovnye statisticheskie pokazateli sudov obshchej yurisdikcii za 2013 g. [Ehlektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2360> (data obrashcheniya: 07.03.2018).
13. Osnovnye statisticheskie pokazateli sudov obshchej yurisdikcii za 2014 g. [Ehlektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3009> (data obrashcheniya: 07.03.2018).
14. Osnovnye statisticheskie pokazateli sudov obshchej yurisdikcii za 2015 g. [Ehlektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3383> (data obrashcheniya: 07.03.2018).
15. Osnovnye statisticheskie pokazateli sudov obshchej yurisdikcii za 2016 g. [Ehlektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&pg=0> (data obrashcheniya: 07.03.2018).
16. Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu ugovolnyh del po pervoj instancii za 6 mesyacev 2017 g. № 1 [Ehlektronnyj resurs] // Svodnye staticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej // Oficial'nyj sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/F1-svod_1-2017.xls (data obrashcheniya: 07.03.2018).
17. Rudich V. V. Organizacionno-pravovoj mekhanizm primeneniya mer presecheniya v ugovolnom processe. M., 2018.
18. Fetishcheva L. M. Zakonodatel'noe regulirovanie i praktika primeneniya zaloga v kachestve mery presecheniya v ugovolnom processe // Yuridicheskaya nauka i praktika: vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2015. № 1.

E-mail: yulya.tsareva1984@mail.ru

С. А. ЦЕПИНСКИЙ,
слушатель* второго факультета (подготовки руководителей (начальников)
территориальных органов МВД России)
(Академия управления МВД России)

S. A. TSEPINSKIY,
Listener** at the 2nd Faculty (Training Chiefs (Heads)
of the Territorial Bodies of the Interior Ministry of Russia)
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

УДК 343.7

Организация расследования угонов и краж автотранспорта с использованием специальных знаний

Investigation's Organization of the Thefts and Vehicles' Burglaries with Special Knowledges' Using

В статье рассматривается работа следователя по организации использования специальных знаний при расследовании угонов и краж автотранспорта. Анализируется широкий спектр материальной информации, имеющей значение для установления обстоятельств совершения такого рода преступлений. Подробно рассматриваются экспертные возможности работы с основными группами следов. Обоснованно формулируется вывод о необходимости сочетания качественной работы специалиста на первоначальном этапе расследования с результатами последующих экспертных исследований. Уделено внимание процессуальной регламентации использования специальных знаний при расследовании угонов и краж автотранспорта.

Организация, расследование, угон, кража, специальные знания, следы, специалист, эксперт.

The article considers the investigator's work for organization of using the special knowledges during the vehicles' hijackings and thefts' investigation. Have been analyzed a wide range of material information that is relevant for establishing the circumstances of a such crimes' commission. The expert possibilities of working with the main groups of traces are detailed considered. The conclusion is reasonably formulated about necessity of combining the qualitative work of a specialist at the initial stage of investigation with the results of next expert researchings. Attention is paid for the procedural regulation of using special knowledges during investigation of the vehicles' hijackings and thefts.

Organization, investigation, hijacking, special knowledges, traces, specialist, expert.

Эффективное расследование краж и угонов автотранспортных средств невозможно осуществить без широкого и комплексного использования специальных знаний. В различных следственных ситуациях возникает необходимость применения специальных знаний по самым разным направлениям от традиционных трасологических до молекулярно-генетических. Зачастую вопросы, стоящие перед следовате-

лем, могут быть решены только путем проведения комплексных исследований. Это требует от следователя и дознавателя знания специфики направлений экспертно-криминалистической деятельности и возможностей проведения различных видов экспертиз [11].

Большое разнообразие следственных ситуаций, которые возникают в ходе предварительного расследования краж и угонов автотран-

* Ранее – заместитель начальника полиции (по ОР) ОМВД России по району Богородское г. Москвы.

** Earlier – Deputy Head of the Operative Work at the Police Department of the Interior Ministry of Russia on the Bogorodskoye region of Moscow.

спорта, требует от следователя осмысленной деятельности по организации использования специальных знаний. При этом обязательными составляющими такой деятельности являются качественный первичный сбор следовой информации; точная последовательность и комплексность проводимых исследований и экспертиз; осмысленное следование методическим рекомендациям, предназначенным для расследования соответствующих преступлений; безусловное выполнение всех требований процессуального законодательства и иных нормативных документов, регламентирующих использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность использования следователем специальных знаний следующим образом.

1. Использование специальных знаний эксперта:

– в форме назначения судебной экспертизы и получения заключения эксперта (ч. 1 ст. 80, ст. 195, 204 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК РФ))¹;

– в форме допроса эксперта в целях получения разъяснения или уточнения данного заключения (ч. 2 ст. 80, ст. 205 УПК РФ).

2. Использование специальных знаний специалиста:

– в форме привлечения специалиста к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 2 ст. 58, ст. 168 УПК РФ);

– в форме получения заключения специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК РФ);

– в форме допроса специалиста об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения (ч. 4 ст. 80, ст. 168 УПК РФ).

Кроме того, в ходе раскрытия и расследования преступлений специальные знания в виде назначения и производства судебной экспертизы могут быть использованы до возбуждения уголовного дела (ч. 4 ст. 195 УПК РФ), а также в непроцессуальной форме [10] в виде получения консультаций и справок от специалиста, участия эксперта или специалиста в составлении плана следственно-оперативных действий, участия в совещании по вопросам расследования уго-

ловного дела, инструктирования им участников предстоящего следственного действия [6].

При расследовании рассматриваемой категории преступлений могут быть назначены следующие виды экспертиз: дактилоскопическая, трасологическая по следам обуви, орудий взлома, транспорта, по исследованию замков дверей автомашины, по установлению уничтоженных рельефных знаков, технико-криминалистическая экспертиза документов, товароведческая, пожарно-техническая, биологическая, ботаническая, почвоведческая, а также экспертизы по исследованию веществ и материалов (горюче-смазочных материалов, лакокрасочных покрытий, стекла, волокон ткани и т. д.) и др. [3].

В зависимости от сложности дела и обстоятельств, подлежащих выяснению, может быть назначена комиссия судебная экспертиза, которая производится не менее чем двумя экспертами одной специальности (ч. 1 ст. 200 УПК РФ), либо комплексная судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей (ч. 1 ст. 201 УПК РФ). Так, в ходе оперативно-разыскных мероприятий по делу об угоне автомашины ВАЗ 2108, принадлежащей гр. М., было установлено, что преступление совершил гр. В. В ходе допроса гр. В. пояснил, что он таким образом отпраздновал свое 18-летие. В характеристике, полученной из учебного заведения, было указано, что В. с трудом справляется с учебной нагрузкой. Для разрешения сомнений в том, соответствует ли умственное и психическое развитие гр. В. 18-летнему возрасту и мог ли он осознавать преступность своих действий, была назначена комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, на разрешение которой были поставлены следующие вопросы:

– имеются ли у В. отклонения от нормального для его возраста уровня психического и умственного развития и в чем они выражаются;

– если такие отклонения имеются, то могли ли они повлиять на способность В. осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими;

– осознавал ли гр. В. полностью или частично значение своих общественно опасных действий по угону автомашины;

– в какой мере гр. В. мог руководить своими действиями по угону автомашины.

Следует отметить, что, несмотря на очевидность значения экспертиз для установления обстоятельств расследуемого преступления, их возможности следователи используют не в полной мере. В частности, из изученных нами 253 уголовных дел о кражах или угонах автомобилей, совершенных в г. Москве за период с 2010 по 2016 г., по 36,7 % уголовных дел не было назначено ни одной экспертизы.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

Также имеют место следующие факты: несвоевременность назначения экспертизы, неточности в формулировке вопросов эксперту и их неполнота, что отрицательно сказывается на ходе расследования. Так, при осмотре угнанной автомашины «Toyota RAV4», принадлежащей гр. С., на рулевом колесе были обнаружены отпечатки пальцев рук, которые были изъяты на отрезок липкой ленты типа «скотч». По делу была назначена дактилоскопическая экспертиза. При этом перед экспертом был поставлен лишь один вопрос: «Пригодны ли следы руки для идентификации?». Между тем в современной дактилоскопии активно развиваются и используются как методы дактилоскопической идентификации, так и методы дактилоскопической диагностики и дактилоскопического прогнозирования [7]. По следам пальцев рук могут быть сделаны выводы не только об особенностях строения руки человека, оставившего след, какой рукой (правой или левой) и какими пальцами или участком ладони оставлены следы, но также о том, каков пол, примерный рост лица, оставившего следы [8], а в некоторых случаях – ориентировочный возраст [1], что имеет существенное значение для организации розыска лица, совершившего угон.

Большое значение для раскрытия и расследования краж и угонов автотранспортных средств имеет трасологическая экспертиза, особенно такие ее виды, как экспертиза следов взлома замка двери автомашины, экспертиза следов обуви, обнаруженных рядом с брошенной угонщиками автомашиной, транспортно-трасологическая экспертиза, в частности, исследование маркировочных обозначений автотранспортного средства. Трасологической экспертизой устанавливается пригодность следов для идентификации, время образования следов, механизм и последовательность образования следов и другие обстоятельства. При этом вопросы должны ставиться с учетом конкретных обстоятельств расследуемого преступления.

Следы обуви лиц, совершивших угон или кражу автотранспортного средства, не часто обнаруживаются на месте преступления (такие следы были изъяты по 3,6 % изученных дел), однако они несут в себе существенную информацию о подозреваемом. Основной задачей экспертизы следов обуви по делу об угоне автотранспортного средства является установление обуви, оставившей след. При обнаружении следов обуви эксперту в качестве образца для сравнения представляется обувь подозреваемого. Направляя на экспертизу изъятые образцы обуви, следует указать на такие обстоятельства, как количество времени, прошедшего с момента происшествия до момента их изъятия; период времени, в течение которого данная обувь использовалась; под-

вергалась ли обувь ремонту, и если да, то какому и когда.

Путем проведения экспертизы следов орудий взлома решаются задачи по идентификации орудия взлома или инструмента по оставленным им следам, определению способа взлома, характеристики орудия взлома и т. п. Если в ходе осмотра были выявлены следы взлома на замке двери автомашины, то до проведения экспертизы этих следов следователь не должен самостоятельно совершать каких-либо действий с замком двери автомашины, поскольку этим может привести к уничтожению имеющихся на механизмах замка следов взлома, что повлечет за собой утрату доказательственной информации.

При назначении трасологической экспертизы следов и орудий взлома желательно направлять эксперту сам предмет, содержащий искомые следы. В случае невозможности этого, эксперту предоставляются масштабный фотоснимок, на котором ясно видно расположение следов, а также слепки следов. При этом следует сообщить эксперту время обнаружения и предположительное, исходя из материалов уголовного дела, время образования следов. Перечень вопросов, решаемых путем трасологической экспертизы следов взлома, достаточно обширный.

При использовании преступниками автомашины для прибытия к месту планируемой кражи автотранспортного средства и его сопровождения от места кражи к месту сокрытия на месте происшествия могут быть обнаружены следы протекторов шин данной автомашины. Экспертное исследование этих следов позволяет определить следующее: одним или несколькими транспортными средствами оставлены следы, каким видом транспорта оставлен конкретный след, какова модель шины, оставившей следы на месте происшествия, в каком направлении двигалось автотранспортное средство.

В случае обнаружения автомашины, которая могла использоваться преступниками для прибытия к месту кражи автотранспортного средства, на разрешение эксперта ставится вопрос: не данной ли автомашиной оставлены следы на месте происшествия? Соответственно, идентификационному исследованию подвергаются и шины с целью определения, какой именно шиной были оставлены следы на месте происшествия. При этом эксперту предоставляются сами шины, а не их экспериментальные следы, поскольку, используя только экспериментальные следы без исследования самой шины, эксперт будет не в состоянии определить идентификационную значимость деталей строения протектора шины, отличить групповые признаки шины от индивидуальных, а также определить устойчивость их отображения в следе.

Важным направлением трасологической экспертизы является исследование подлинности маркировочных обозначений автотранспортного средства, проводимое в целях установления фактов и способов их изменения, а также для выявления первоначальных идентификационных маркировок кузовов и агрегатов автотранспортного средства, присвоенных им на заводе-изготовителе.

При проведении исследования маркировочных обозначений транспортных средств наряду с идентификационными решается ряд таких диагностических задач и подзадач, как установление факта изменения маркировочных обозначений, установление факта замены отдельных деталей и агрегатов автотранспортного средства; установление первоначальных маркировочных обозначений; установление маркировочных обозначений, позволяющих идентифицировать автотранспортное средство, установление производственного номера автотранспортного средства. Соответственно, предметом исследования является установление факта изменения маркировочных обозначений и установление их первоначального (заводского) содержания [12].

При расследовании краж и угонов автотранспортных средств возникает необходимость в проведении материаловедческой, судебно-химической, физико-химической экспертиз для исследования различных веществ органического и неорганического происхождения: горюче-смазочных материалов, лакокрасочных покрытий, полимерных материалов и пластмасс, стекла, волокон ткани, а также выделений и частей человека, таких как кровь, слюна, частицы кожи, волосы и т. п. При этом путем экспертного исследования возможно установить природу вещества и источник его происхождения, физические и химические свойства вещества, его групповую принадлежность и т. д.

В процессе совершения угона или кражи автотранспортного средства преступники, соприкасаясь с предметами обстановки в салоне автомашины (сиденьями, подголовниками, обивкой дверей), оставляют на них микроследы волокон одежды, тканей тела и собственных выделений. Исследование этих следов позволяет идентифицировать личность человека, оставившего след, установить факт пребывания подозреваемого на месте кражи или угона автомашины и (или) в салоне автомашины, расположение в салоне автомашины каждого из участников угона или кражи (что позволяет определить лицо, управлявшее угнанным или похищенным транспортным средством). На предметах, с которыми соприкасались преступники, могут оставаться и запаховые следы. Изъятие запаховых следов производится с помощью ватных или марлевых тампонов. Ими проводят по по-

верхности предмета, на котором предположительно могли остаться запаховые следы, а затем эти тампоны помещают в герметичную темную стеклянную посуду.

Российский законодатель допустил назначение и проведение судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела² (ст. 144, ч. 4 ст. 195 УПК РФ). Это позволяет оперативно использовать обнаруженные при осмотре места происшествия следы преступления в целях розыска и задержания лиц, совершивших угон автотранспортного средства. Однако следует согласиться с С. В. Верховтуровой, что на стадии возбуждения уголовного дела нецелесообразно назначать сложные виды экспертиз (например, комиссионные, комплексные), поскольку они требуют длительных сроков проведения [2].

В случае возникновения у следователя вопросов по проведенной экспертизе он вправе допросить эксперта для разъяснения и уточнения данного им заключения. Предмет допроса эксперта ограничен, он не может быть допрошен по поводу сведений, ставших ему известными в связи с производством судебной экспертизы, если они не относятся к предмету данной судебной экспертизы (ч. 2 ст. 205 УПК РФ). Например, при исследовании отпечатка пальца руки на предмет его пригодности для идентификации эксперт может определить некоторые физические характеристики лица, оставившего этот отпечаток. Однако он не может быть допрошен по данному вопросу, даже если сообщит об этом лицу, производящему дознание или предварительное следствие, по собственной инициативе. В данном случае следует назначить дополнительную экспертизу.

Если допрашивается эксперт, принимавший участие в комиссионной или комплексной экспертизе, то предмет его допроса ограничен рамками той части исследований, которую он проводил сам, т. е. он может быть допрошен только в отношении сведений, изложенных в той части экспертного заключения, за содержание которой несет ответственность.

Наряду с экспертом основным носителем теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки, техники является специалист [5]. В ходе предварительного расследования специалист может быть допрошен об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также для разъяснения своего мнения (ч. 4 ст. 80 УПК РФ). Порядок допроса специалиста такой же, как и допроса эксперта. Однако следует иметь в виду, что к эксперту и экспертному заключению законодатель предъявляет бо-

² О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

лее жесткие требования, чем к специалисту. Так, перед проведением экспертизы эксперту разъясняются его права и обязанности (ст. 199 УПК РФ), и он несет ответственность за дачу заведомо ложного заключения (ч. 5 ст. 57 УПК РФ), что служит гарантией его объективности [4]. В отношении же специалиста, материалов и документов, предоставляемых им по результату своего исследования лицу, производящему предварительное расследование, уголовно-процессуальный закон таких требований не содержит. Относя заключение специалиста к доказательствам по делу (п. 3.1 ч. 2 ст. 74, ч. 3 ст. 80 УПК РФ), законодатель не регламентирует процедуру его подготовки. Заметим также, что ч. 1 ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации³ предусматривает уголовную ответственность эксперта за заведомо ложное заключение или показания, но в отношении специалиста уголовная ответственность предусматривается только за заведомо ложные показания. Это может способствовать возможности предоставления специалистом недостоверных сведений и даже противодействия расследованию [9].

Как показало проведенное исследование по делам об угонах и кражах автомашин, использование специальных знаний специалиста осуществлялось в основном в форме его привлечения к участию в таких следственных действиях, как осмотр места происшествия, осмотр документов и вещественных доказательств, следственный эксперимент, где он оказывал содействие следователю в обнаружении и закреплении следов преступления и в использовании технических средств фиксации хода проведения следственного действия.

В то же время следователи редко используют возможности специалиста для выяснения обстоятельств, требующих специальных познаний. В частности, в 38,8 % осмотров мест кражи или угонов автотранспортных средств в этих следственных действиях не принимал участие специалист-криминалист, что являлось основной причиной того, что не были обнаружены

и изъяты пригодные для экспертного исследования следы преступления. Из изученных дел только по 9,7 % проводился допрос специалиста, а заключение специалиста запрашивалось лишь по единичным делам. Частично это объясняется тем, что сами следователи не видят большой разницы между заключением специалиста и заключением эксперта. 81,3 % опрошенных следователей полагают, что специалист перед дачей заключения обязан провести исследование материальных следов преступления.

Несмотря на то что заключение и показания специалиста являются доказательствами по уголовному делу (ч. 2 ст. 74 УПК РФ), как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, «следует иметь в виду, что специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза»⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование следователем специальных знаний при расследовании краж и угонов автотранспортных средств может быть высокоэффективным только при условии комплексного характера такого использования. Недостатки использования знаний специалиста, особенно при осмотре места происшествия и на первоначальном этапе расследования, влекут за собой на последующих этапах неэффективное использование знаний эксперта и, в конечном счете, ведут к утрате возможностей получить необходимые доказательства о тех или иных обстоятельствах расследуемого преступления. В то же время грамотное и умелое использование познаний специалиста способствует обнаружению и фиксации следов преступления, позволяет специалистам определить, в какой области знания должна быть поручена конкретная экспертиза, а также правильно поставить вопросы перед экспертом.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

Список литературы:

1. Божченко А. П. Диагностика возраста человека по папиллярному рисунку пальцев рук // Эксперт-криминалист. 2009. № 3.
2. Верхотурова С. В. Некоторые вопросы назначения и производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37).

References:

1. Bozhchenko A. P. Diagnostika vozrasta cheloveka po papillyarnomu risunku pal'cev ruk // Ehkspert-kriminalist. 2009. № 3.
2. Verhoturova S. V. Nekotorye voprosy naznacheniya i proizvodstva sudebnoj ehkspertizy na stadii vobuzhdeniya ugovnogo dela // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2016. № 3 (37).

3. *Загвоздкин Н. Н.* Особенности расследования угонов и краж автомобилей или иных транспортных средств на первоначальном этапе. Владивосток, 2016.
4. *Моисеева Т. Ф.* О процессуальном положении судебного эксперта // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 2 (22).
5. *Пашутина О. С.* Допрос специалиста и истребование его заключения в уголовном судопроизводстве России: проблемы и пути их разрешения // Мировой судья. 2011. № 10.
6. *Пермяков А. Л.* Некоторые вопросы практического использования специальных знаний во внесудебной экспертной деятельности при расследовании мошенничества в инвестиционной сфере // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 3.
7. *Самищенко А. С.* Научные основы дактилоскопии и перспективы их развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
8. *Самищенко С. С.* Современная дактилоскопия: Теория, практика и тенденции развития: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
9. *Самищенко С. С., Самищенко А. С.* Носитель специальных знаний в уголовном судопроизводстве как субъект противодействия расследованию // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 1 (21).
10. *Тарасов А. А.* Эксперт и специалист в уголовном процессе России: монография. М., 2017.
11. *Цховребова И. А.* Экспертно-криминалистическая деятельность органов внутренних дел: содержание и регламентация // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 4 (24).
12. *Чеснокова Е. В.* Исследование маркировочных обозначений транспортных средств как подвид экспертизы восстановления уничтоженных маркировочных обозначений // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений. М., 2006. Т. 2.
3. *Zagvozdkin N. N.* Osobennosti rassledovaniya ugonov i krazh avtomobilej ili inyh transportnyh sredstv na pervonachal'nom eh tape. Vladivostok, 2016.
4. *Moiseeva T. F.* O processual'nom polozhenii sudebnogo ehksperta // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2012. № 2 (22).
5. *Pashutina O. S.* Dopros specialista i istrebovanie ego zaklyucheniya v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii: problemy i puti ih razresheniya // Mirovoj sud'ya. 2011. № 10.
6. *Permyakov A. L.* Nekotorye voprosy prakticheskogo ispol'zovaniya special'nyh znaniy vo vnesudebnoj ehkspertnoj deyatel'nosti pri rassledovanii moshennichestva v investitsionnoj sfere // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2016. № 3.
7. *Samishchenko A. S.* Nauchnye osnovy daktiloskopii i perspektivy ih razvitiya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2015.
8. *Samishchenko S. S.* Sovremennaya daktiloskopiya: Teoriya, praktika i tendencii razvitiya: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2003.
9. *Samishchenko S. S., Samishchenko A. S.* Nositel' special'nyh znaniy v ugovolnom sudoproizvodstve kak sub'ekt protivodejstviya rassledovaniyu // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2012. № 1 (21).
10. *Tarasov A. A.* Ehkspert i specialist v ugovolnom processe Rossii: Monografiya. M., 2017.
11. *Ckhovrebova I. A.* Ehkspertno-kriminalisticheskaya deyatel'nost' organov vnutrennih del: sodержanie i reglamentaciya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2012. № 4 (24).
12. *Chesnokova E. V.* Issledovanie markirovochnyh oboznachenij transportnyh sredstv kak podvid ehkspertizy vosstanovleniya unichtozhennyh markirovochnyh oboznachenij // Kriminalisticheskie sredstva i metody v raskrytii i rassledovanii prestuplenij. M., 2006. T. 2.

E-mail: Stas--86@ya.ru

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

А. Ф. ВОЛЫНСКИЙ,
профессор кафедры криминалистики,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)

A. F. VOLYNSKIY,
Doctor of Law, Professor,
Professor at the Department of Criminalistics,
Merited Researcher of Russian Federation, Merited Law Expert of Russia
(Moscow University of the Interior Ministry of Russia named after V. Ya. Kikotya)

УДК 343

Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления

Subject of Criminalistics and «Scientific Separatism»: Consequences and Opportunities of Their Overcoming

В статье на основе обширного обзора литературных источников исследуется эволюция представлений о предмете криминалистики как науки и учебной дисциплины. Констатируется, что ни одна отдельно взятая наука уголовно-правового блока, в том числе криминалистика, не может обеспечить решение междисциплинарной проблемы раскрытия и расследования преступлений. Необходима интеграция знаний этих наук, организация межнаучных исследований, формирование комплексной учебной дисциплины, соответствующего упорядочения организации и законодательной регламентации тех видов деятельности, которые составляют в целом содержание раскрытия и расследования преступлений. Преподавать соответствующую учебную дисциплину возможно в ведомственных вузах правоохранительных органов после изучения других учебных дисциплин в их узкопредметном представлении.

Криминалистика, наука, учебная дисциплина, предмет, раскрытие и расследование преступлений.

The author, based on an extensive review of the literary sources, explores evolution of the ideas about a subject of criminalistics as science and educational discipline. It is stated that no single science of the criminal law unit, including criminalistics, cannot provide a solution to the interdisciplinary problem of detection and investigation of crimes. It is necessary to integrate the knowledges of these sciences, organization of the scientific research, formation of a complex educational discipline, appropriate streamlining of the organization and legislative regulation of those activities kinds that constitute the whole content of detection and investigation of crimes. It is possible to teach appropriate educational discipline in the tertiary education institutions of law enforcement agencies, after studying other academic disciplines in their narrow-frame view.

Criminalistics, science, educational discipline, subject, detection and investigation of crimes.

Австрийский ученый Ганс Гросс в конце XIX в. из общего блока уголовно-правовых наук выделил «материальное уголовное право», отмечая, что предметом его изучения являются «преступное деяние и наказание». При этом «формальное уголовное право (процесс)» включает в себе правила применения материального уголовного права. Но каким именно способом совершаются преступления, как исследовать эти способы и раскрывать их, какие были мотивы в совершении такового, какие имелись в виду цели – ни уголовное право, ни процесс не отвечают на эти вопросы. Это представляет предмет криминалистики [15].

Сначала криминалистику в ряде стран рассматривали как естественно-техническую, имеющую сугубо прикладной характер науки. Соответственно, она и называлась «научная полиция», «техническая полиция», «уголовная техника» и т. п. В 1915 г. было опубликовано первое в России практическое руководство по криминалистике С. Н. Трегубова «Основы уголовной техники». Впрочем, годом позже, в 1916 г., издается книга Б. Л. Бразоля «Очерки по следственной части. История. Практика», в которой значительное внимание уделяется тактике отдельных следственных действий и организации предварительного следствия в целом. Тем не менее в то время именно научно-технические аспекты и использование достижений естественных наук составляли основу криминалистических знаний, обусловив их отмежевание от уголовно-процессуальной науки.

Следует признать, что этот факт «научного сепаратизма» благотворно отразился на развитии и уголовного процесса, избавившегося от несвойственных его предмету задач, и криминалистики, приобретшей «свободу творчества» в своем самоопределении, самоутверждении, а в конечном итоге в росте практической значимости. При этом изначально особое внимание уделялось предмету криминалистики, который рассматривался как «способы собирания и закрепления доказательств»; «техники расследования преступлений», включая данные из области логики, психологии, медицины, химии, физики; «способы регистрации преступников», «техники производства осмотров и методы исследования материальных улик» [4].

В начале советского периода доминировало мнение, что криминалистика – это наука о раскрытии и расследовании преступлений, о применении в этих целях данных естественных и технических наук. Однако к середине 30-х гг. прошлого века в предмет криминалистики стали включаться вопросы тактики [42], методики [14], планирования и организации рас-

следования преступлений в целом [18]. Так, по существу сформировалась трехчленная система курса криминалистики. Заключительным в тот период можно признать определение криминалистики, данное А. И. Винбергом и Б. М. Шавером, – это «наука о специальных приемах и методах обнаружения, собирания, фиксации и исследовании доказательств, применяемых для раскрытия преступлений» [8].

Этапным стало определение предмета криминалистики, данное в 1967 г. Р. С. Белкиным и Ю. И. Краснобаевым, как науки о закономерностях изучаемой ею объективной действительности [5]. В дальнейшем это положение остается доминирующим, несмотря на неоднократные редакционные уточнения определения предмета данной науки, прежде всего, самим Р. С. Белкиным. В окончательном варианте его редакции представлено следующее определение: «Криминалистика – это наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных методах и средствах судебного исследования преступлений» [25]. Это определение предмета криминалистики (иногда с редакционной «отсебятиной») разделяет большинство отечественных ученых-криминалистов [21, 23, 26].

Вместе с тем уже тогда обращали на себя внимание попытки ряда ученых-криминалистов поиска «своего пути» в определении предмета криминалистики. Например, А. Н. Васильев утверждал, что это наука об организации планомерного расследования преступления, эффективном собирании и исследовании доказательств в соответствии с уголовно-процессуальными науками [20]; по мнению В. А. Образцова, это наука о технологии и средствах практического следоведения, поисково-познавательной деятельности [31]; И. Ф. Пантелеев считал криминалистику наукой о раскрытии преступлений [22]. Очевидно, что акцент смещается на деятельность и ее организацию. Таким образом, предмет криминалистики представляется:

- в теоретико-методологическом аспекте – как наука о закономерностях отображения следов преступления и их использования в расследовании;

- в прагматико-прикладном аспекте – как наука о методах и средствах, приемах и способах раскрытия и расследования преступлений;

- в информационно-познавательном аспекте – как наука, изучающая закономерности возникновения следовой информации, о технологии ее собирания, исследования и использования в раскрытии и расследовании преступлений.

Однако во всех названных случаях криминалистика как наука призвана содействовать внедрению в следственную практику разрабатываемых ею методов, средств и рекомендаций, способствовать совершенствованию правового и организационного обеспечения их использования в раскрытии и расследовании преступлений. Так, несколько позже, уже в 80-х гг. прошлого века, было положено начало разработке в криминалистике проблем криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений как деятельности по формированию условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению в этих целях криминалистических методов, средств и рекомендаций. Эта деятельность не охватывается непосредственно предметом криминалистики в любом из вышеобозначенных вариантах его толкования, но объективно предопределяется служебной задачей этой науки добиваться и содействовать внедрению ее методов, средств и рекомендаций в следственную практику [10, 24, 28].

Однако после 1967 г., когда впервые было дано определение предмета криминалистики как науки о закономерностях объективной действительности, произошло много исторически значимых событий, повлиявших на состояние общества и, как следствие, на состояние преступности и борющихся с ней правоохранительных органов. Стали очевидными различия преступности в условиях плановой социалистической и рыночной экономики. Обладая значительными материальными и денежными средствами, рыночная преступность стала несравненно более агрессивной, организованной, мобильной, вооруженной, способной оказывать противодействие не только расследованию конкретных (уже зарегистрированных) преступлений, но и деятельности правоохранительных органов в целом [39].

Серьезные изменения претерпела и криминалистика. В 70–80 гг. прошлого века от нее «отпочковались» сначала оперативно-разыскная деятельность (далее – ОРД), а затем и судебно-экспертная деятельность (далее – СЭД). Иначе говоря, криминалистика, которая представляла единую, интегрированную в этом отношении отрасль знаний, в результате очередной волны «научного сепаратизма» лишилась важнейших направлений деятельности и характерных для них возможностей (методов, средств) выявления «механизма преступления», познания его «объективных закономерностей» и их использования в раскрытии и расследовании преступлений.

В связи с этим, естественно, возникают вопросы о сущности и содержании деятельности, связанной с организацией раскрытия и расследования преступлений, а также о месте и роли в ней криминалистики и «отпочковавшихся»

от нее ОРД и СЭД. Поиск ответов на эти и подобные вопросы – ключевая проблема современной отечественной криминалистики [33]. Невозможно найти ответы, доказывая ее «кризисное состояние», обусловленное «причастностью к репрессиям 30-х годов» прошлого века, обвиняя ее в догматизме, идеологизированном бюрократизме и иных «смертных грехах» [2, 37, 38].

Вместе с тем «отпочкование» ОРД и СЭД от криминалистики, следует заметить, положительно сказалось на их развитии в научном плане. Это инициировало более активную разработку их общей теории и методологически важных проблем (предмет, природа, система, задачи и т. п.), способствовало росту их самостоятельности, определению места и связей в системе смежных наук и в конечном итоге законодательной регламентации этих видов деятельности, а также росту их публичности и популярности в общественном сознании.

Однако к настоящему времени четко проявилась и негативная сторона данного явления. В результате криминалистика в значительной мере утратила интеграционные функции как наука, аккумулирующая достижения естественных, технических и гуманитарных дисциплин и приспособливающая их для решения задач собирания, исследования и использования доказательств в целях раскрытия и расследования преступлений. В результате дифференциации криминалистических знаний были «обеднены» практически все разделы этой науки. Но особенно пострадала криминалистическая техника, лишившись самой показательной своей части – экспертно-криминалистического исследования доказательств, реально влияющего на раскрытие и расследование преступлений.

Фактически вне должного внимания ученых-криминалистов и судебных экспертов оказались проблемы организации и правового обеспечения деятельности специалистов-криминалистов, функции которых в значительной части выполняют сотрудники (эксперты) экспертно-криминалистических центров территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях (далее – ЭКП). Совмещение в одном лице функций специалиста и эксперта-криминалиста привело к тому, что особое внимание в научной и практической деятельности уделяется производству экспертиз [13]. А результативность собирания следов преступлений при производстве осмотров мест происшествий с участием специалистов-криминалистов ЭКП отошла на второй план и остается крайне низкой – в среднем с одного места происшествия изымается не многим более одного следа или в три раза меньше возможного. Около трети изъятых следов не пригодны для идентификации

или не имеют причинно-следственной связи с событием преступления [10, 13].

По существу предмет криминалистики в прагматико-прикладном аспекте (в части криминалистической техники) в настоящее время характеризуется собиранием и предварительным исследованием (без признания доказательственного значения его результатов) следов преступлений – источников разыскной и доказательственной информации. Более конкретно этот вывод проявился в докторской диссертации Ф.Г. Аминова, который предложил полностью сосредоточить судебно-экспертную деятельность в соответствующих учреждениях Минюста РФ и в частных судебно-экспертных организациях, а силами ЭКП и других правоохранительных ведомств осуществлять только собирание следов преступлений [3].

Это предложение не является новым. Первые попытки реализовать его практически под предлогом обеспечения процессуальной независимости судебных экспертов были приняты в середине 60-х гг. прошлого века, когда и появилось дополнение к ст. 67 (п. 3а) УПК РСФСР¹, запрещавшее назначать судебную экспертизу лицам, участвовавшим по тому же делу в осмотре места происшествия в качестве специалистов. Поскольку это законодательное решение было принято без должного организационно-штатного обеспечения, следственная практика пошла по пути правового нигилизма – сотрудники ЭКП по-прежнему участвовали в осмотрах мест происшествия, но этот факт не отмечался в протоколе данного следственного действия.

Показательно, что в это же время даже в европейских социалистических странах приобрела все более широкое признание идея технико-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений, предполагающая сквозное участие специалиста-криминалиста в этом процессе, начиная от собирания следов преступлений при осмотре места происшествия и завершая их исследованием и использованием. Специалист-криминалист выступал при этом в качестве постоянного помощника следователя. Более того, в некоторых странах результаты исследования специалиста уже тогда признавались в качестве доказательств [7, 9].

Такой же подход, но еще в более выраженной форме отмечается в австро-немецкой, романской (Франция, Италия) и англосаксонской моделях криминалистики. В их представлении криминалистика – это в основе своей синтез

технических средств и тактических приемов расследования преступлений или просто полицейская техника. Некоторые из них включают в криминалистику обширные области уголовного права и криминологии [19] и тем более не вычлениют из нее в виде самостоятельных наук ни ОРД, ни СЭД, как это произошло в отечественной криминалистике.

В последние годы появился ряд публикаций с критическим анализом не только современного состояния, но и истории развития отечественной криминалистики [2, 37, 38]. В этих работах подвергаются сомнению и диалектика, и теория отражения, и вообще марксистская философия, якобы «искусственно притянутые» к формированию методологических основ этой науки. А в некоторых из них современные проблемы отечественной криминалистики связываются с идеологизированным прошлым нашей страны и даже с обвинениями ее в репрессиях 30-х гг. прошлого века. Хотя к репрессиям она имела такое же отношение, какое криминалистика западноевропейских стран – к несвятым делам «святой инквизиции».

И все-таки, будучи воинственно-разрушительными по тональности и форме, эти работы по существу дают повод к размышлению, а значит, к формированию созидательного начала в развитии нашей криминалистики. Во всяком случае, в них не без оснований отмечается следующее:

- медленная адаптация отечественной криминалистики к современным условиям жизни нашего общества, к рыночным социально-экономическим отношениям и характерной для них преступности;

- проявление догматического подхода к толкованию методологически важных положений общей теории криминалистики, к формированию научных основ организации и методики раскрытия и расследования преступлений;

- наличие существенного разрыва между современными достижениями НТП и реализацией его возможностей в борьбе с преступностью через криминалистику, а вместе с тем критическое восприятие следственной практикой предложений и рекомендаций криминалистической науки;

- несостоятельность материалистической диалектики как единственно верного универсального метода, что сдерживает развитие теории криминалистики, препятствует проникновению в нее идей постмодернизма, социального конструктивизма и результатов современных достижений естественных и технических наук;

- незаинтересованное, а порой по инерции прошлого формально критическое отношение отечественной криминалистики к моделям и школам этой науки, исторически сформировавшимся в других странах, утрата ею лидирую-

¹ Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [Электронный ресурс]: Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. (утратил силу). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

шего положения по отношению к криминалистике русскоговорящих стран;

– научная ущербность толкования гносеологического фундамента методологической основы криминалистики с позиции только теории отражения.

Между тем, акцентируя внимание на «внешних» факторах развития отечественной криминалистики, на политико-социальных проблемах, обвиняя ее в высоком уровне преступности и низкой раскрываемости преступлений, теоретизируя по поводу философских подходов к формированию ее методологии, к анализу ее истории, при этом отмечая чрезмерную затеоретизированность учебного курса, авторы этих публикаций, теоретизируя, почти не обращают внимания на практически значимые «внутренние» проблемы криминалистики, на ее место и роль в системе наук уголовно-правового блока, на условия реализации ее интеграционных функций в организации раскрытия и расследования преступлений, наконец, на организационное и правовое обеспечение внедрения ее методов и средств, рекомендаций и предложений в следственную практику.

И совсем уж необъяснима огульная критика некоторых молодых ученых результатов научных исследований и вклада в развитие отечественной криминалистики Р.С. Белкина, который сформулировал и теоретически обосновал методологически выдержанные положения о предмете, природе и системе этой науки. Нельзя упрекнуть его и в догматизме. Находясь в постоянном научном поиске, он нередко критически рассматривал и уточнял ранее им же сформулированные выводы и предложения. Например, понятие предмета криминалистики им уточнялось редакционно четыре или пять раз, но неизменным оставался вывод, что эта наука о «закономерностях объективной действительности», и вряд ли есть какие-либо основания отрицать это в настоящее время.

Однако установление недостатков исследуемого явления и причин их проявления в отечественной криминалистике, обусловленных как внутренними, так и внешними факторами, является важным, но не решающим элементом в поиске и реализации концептуально новых подходов в ее развитии. Как и в реформаторских преобразованиях, здесь следует иметь в виду два этапа: разрушительный и созидательный. Чтобы преобразование не завершилось на первом этапе (чем иногда заканчиваются некоторые реформы), уже изначально следует иметь более четкое представление о его цели и путях достижения, понимание того, что для этого потребуется формирование общественного (для начала хотя бы корпоративного) сознания, научное обоснование необходимого и возможно-

го, а следовательно, определенное время. Такие задачи по-большевистски, революционно не решаются, даже если иметь в виду заимствование опыта развития криминалистики в традиционных рыночных странах, что в основном и предлагают критики отечественной криминалистики.

В решении современных проблем отечественной криминалистики в условиях кризиса нашей системы судопроизводства очень важно обладать полной и объективной информацией о той сфере деятельности, осуществлению которой призвана способствовать эта наука, – деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Очевидно, что данная задача оказалась в явном противоречии с оставшимися после «сепаратистского раскола» и явно обедненными возможностями криминалистики. Станным представляется факт, что до сих пор криминалисты не определились с понятием «организация» обеспечиваемой ими деятельности. Для одних авторов организация раскрытия и расследования преступлений – это «рациональный выбор расстановки и приложения сил, орудий и средств» [29]; для других – «создание умственной модели предстоящей и осуществляемой деятельности» [16]; для третьих – «процессуальное руководство следователя ходом расследования и его участниками» [17]; а для некоторых она (организация) представляется совсем просто – «самостоятельный раздел криминалистики, состоящий из научных положений и рекомендаций по направлениям деятельности следователя» организационного характера [27].

Даже при наличии авторского толкования отдельных элементов определений организации раскрытия и расследования преступлений вне внимания авторов остается структурно-содержательная характеристика данного явления. Между тем в основе такой характеристики, по нашему мнению, можно представить методологически выдержанное определение «организации», содержащееся в энциклопедических изданиях, как «внутренней упорядоченности, согласованности взаимодействия более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленного его строением» [6, 40]. Очевидно и то, что в качестве «автономных частей» при этом выступают такие виды деятельности, как процессуальная, криминалистическая, ОРД, СЭД и в определенной мере административная. Сюда же относится деятельность органов, осуществляющих функции надзора и контроля за предварительным следствием.

Объединяет эти виды деятельности общая конечная цель – раскрытие и расследование преступлений. Поэтому взаимодействие осуществляющих их служб, аппаратов, подразделений, учреждений, в том числе в лице отдель-

ных сотрудников, выступает как важнейший, базовый элемент организации в целом [11]. Такое определение организации раскрытия и расследования преступлений, представление его структуры логически приводит к выводу, что ее совершенствование с учетом современных вызовов рыночной преступности является межнаучной (если не сказать меганаучной) проблемой. А это значит, что в рамках одной отдельно взятой науки уголовно-правового блока она не решаема. Криминалистика (тем более в ее «обедненном» состоянии) при создании специального раздела не в состоянии решить эту проблему. Это будет всего лишь попытка с непригодными средствами. Тем более, что на эту конечную цель не сориентированы ни ОРД, ни СЭД, если судить по определениям предмета их исследований.

Исследователи проблем ОРД по существу позаимствовали у криминалистов общий подход к определению предмета своей науки, взяв за основу «закономерности механизма совершения преступлений и противодействия криминальной среды...», в конечном итоге утверждают, что это наука, «разрабатывающая правовые, организационные, методические и тактические основы» применения оперативно-разыскных сил, средств и методов в борьбе с преступностью [32]. С точки зрения элементарной логики возникает по крайней мере два вопроса:

– достаточно ли изучать закономерности механизма совершения преступлений и противодействия криминальной среды для достижения такой глобальной цели, как борьба с преступностью?

– каким образом и в какой форме возможности ОРД как науки реализуются в разработке организационных, правовых и методических основ соответствующей деятельности?

Широкий разброс мнений о понятии предмета своей науки характерен и для представителей СЭД. При этом отмечается, что различия в толковании этого вопроса объясняются тем, что «одни авторы рассматривают предмет судебной экспертизы с точки зрения практической деятельности, другие – в научном аспекте» [1]. Признание такого факта само по себе показательно – значит наука не находится в тесной связи с практикой. Однако наука (тем более прикладная) не может существовать ради науки. А практика здесь представляется в виде перечня судебно-экспертных задач, излагаемого разными авторами в разной редакции. О раскрытии и расследовании преступлений и не вспоминается, поскольку общая задача судебной экспертизы заключается в производстве соответствующих исследований в целях обеспечения судопроизводства, в том числе гражданского и арбитражного, а не только уголов-

ного. При этом судебная экспертиза выступает в основном как средство доказывания.

Очевидно, как и в криминалистике, на предмет ОРД и СЭД следовало бы посмотреть, учитывая прикладной характер этих наук и их общую задачу – содействовать деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. А это значит, что, наряду с их предметом в узконаучном понимании, им следует иметь в виду предмет той практической деятельности, которую они призваны обеспечивать, т. е. способствовать совершенствованию ее организационного, правового, методического обеспечения – по крайней мере в части внедрения в следственную практику разрабатываемых ими методов, средств и рекомендаций. И в этом отношении проблемы решаемы только на основе межнаучной консолидации, предполагающей вслед за произошедшей дифференциацией криминалистических знаний их интеграцию на качественно ином и более высоком организационном уровне, в качестве которого выступает предмет деятельности, обеспечиваемой этими науками.

Это неизбежно повлечет необходимость комплексных, межнаучных исследований, несомненно более сложных, но по результату – прорывных для криминалистической теории и практики, для организации раскрытия и расследования преступлений. В перспективе не исключено формирование такой комплексной межнаучной дисциплины, как «организация и методика раскрытия и расследования преступлений», и соответствующего учебного курса [12].

В этом курсе можно было бы, во-первых, изложить общие положения организации и методики раскрытия и расследования преступлений, имея в виду тесную взаимосвязь этих категорий (методика без организации беспомощна, организация без методики – бесцельна); а во-вторых, отдельно представить организацию и методику раскрытия и расследования как общеуголовных, так и экономических преступлений с описанием особенностей реализации возможностей как ОРД, так и СЭД. Следует иметь в виду научное исследование и изложение в учебном курсе соответствующего материала с учетом существования трех уровней проблем:

– единичных, т. е. в рамках предметов обособленно существующих наук уголовно-правового блока;

– общих, в рамках предмета деятельности, обеспечиваемой науками уголовно-правового блока в части раскрытия и расследования преступлений;

– всеобщих, характеризующих содействие наук уголовно-правового блока совершенствованию организации следственных органов,

правового обеспечения их деятельности, внедрения в их деятельность современных достижений науки и техники.

В этом контексте, следует заметить, очевидны объяснения, почему в странах Евросоюза «последователи Ганса Гросса включают в криминалистику обширные области уголовного права и криминологии» [19]. Строго говоря, и отечественная криминалистика традиционно использует в своих исследованиях некоторые положения криминологии и уголовного права. Достаточно обратить внимание на содержание криминалистической характеристики любого вида преступления, чтобы в этом убедиться. Но особенно наглядно такая необходимость проявляется в научном обеспечении организации и методики расследования преступлений в сфере экономической деятельности в соответствующей профессиональной подготовке следователей и оперативных работников в вузах МВД России и других правоохранительных министерств и ведомств [34, 35].

Таким образом, вопрос состоит не в том, включать или не включать положения других наук уголовно-правового блока в криминалистику, а в том, каковы эти положения, в каких целях и в каком объеме они должны быть представлены. По методикам расследования общеуголовных преступлений, сформировавшихся в условиях плановой экономики, потребность в этом была и остается минимальной. Поэтому отечественная криминалистика критически рассматривала «чрезмерное» расширение предмета науки в странах с рыночной экономикой, не придавая значения их многовековому опыту борьбы с преступностью в сфере экономики. Этим, как нам представляется, объясняется и тот факт, что в таких странах предмет и содержание криминалистики характеризуются как множество в единстве, как целое, включающее в себя и ОРД, и СЭД. Без этого преступления в сфере экономической деятельности практически не раскрываются. Соответственно, предмет криминалистики рассматривается более прагматично применительно к предмету обеспечиваемой ею деятельности как науки о раскрытии и расследовании преступлений.

Особенность экономических преступлений, а следовательно и сложность их выявления и расследования, заключается в том, что они совершаются, как правило, под прикрытием законной экономической деятельности, зачастую по схемам, профессионально разработанным наемными (вовлеченными в преступную деятельность) специалистами нередко при покровительстве или непосредственном участии представителей органов власти. В Уголовном кодексе Российской Федерации преступления данного вида в большинстве своем определены

в бланкетных нормах, что предполагает, при их уголовно-правовой квалификации и решении вопроса о возбуждении уголовного дела, использование некоторых положений из других наук уголовно-правового блока – из области гражданского права и иных отраслей специального права (земельного, финансового, градостроительного и др.).

В этом заключается интеграционная функция криминалистики. Этим обуславливаются особенности использования помощи специалистов-экономистов, в том числе по специальным отраслям права, начиная от выявления экономических преступлений, их уголовно-правовой квалификации и завершая организацией и тактикой производства отдельных следственных действий и правовой оценкой собранных по делу доказательств. Фактически при расследовании экономических преступлений необходима не ситуативная, а постоянная помощь специалистов. Обеспечить такую помощь в полном объеме и надлежащим образом судебно-экспертные учреждения Минюста России и ЭКП в настоящее время не в состоянии. Причина тому – несовершенство организации и правового регулирования их деятельности, сложившихся почти сто лет назад.

В условиях формирования в нашей стране рыночных социально-экономических отношений существенно возросла роль специальных знаний, реализуемых в форме судебной экспертизы как при раскрытии и расследовании преступлений, так и при судебном рассмотрении гражданских и арбитражных дел [36]. Таким образом, в настоящее время обозначились два довольно объемных и специфических направления СЭД. В системе судебно-экспертных учреждений Минюста России около половины экспертиз проводится по гражданским и арбитражным делам. Проблема процессуальной независимости судебных экспертов при этом приобрела принципиально важное значение, на что обращает внимание Генеральная прокуратура Российской Федерации, предъявляя аналогичные требования и к ЭКП [30]. Однако выполнить эти требования по форме, определенной в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ)², они объективно не в состоянии по причине своей принадлежности к системе правоохранительных органов. Но и отказаться от таких подразделений и выполняемых ими функций МВД России не готово, о чем убедительно свидетельствует печально известный упоминав-

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

шийся уже опыт реализации предписания ст. 67 (п. 3а) УПК РСФСР.

Значимость судебной экспертизы заметно возросла в связи с глобализацией международных отношений и расширением экономических связей нашей страны. В этих условиях актуализировалась проблема организации международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности, предполагающего соблюдение соответствующих стандартов в деятельности судебных экспертов [41]. Судебная экспертиза, что очевидно, приобрела статус государственного процессуального института не только по принадлежности, но и по содержанию выполняемых ею функций.

В связи с этим странной представляется ситуация, когда наш законодатель вместо того, чтобы разнообразить формы использования специальных знаний с учетом специфики задач, решаемых на различных стадиях уголовного процесса (по опыту многих зарубежных стран), счел возможным «приспосабливать» к ним судебную экспертизу, представляя ее единственным, в своем роде универсальным средством доказывания даже до возбуждения уголовного дела³. Строго говоря, это еще не стадия уголовного процесса, а предшествующие его началу действия, когда говорить о судебной экспертизе (именно о судебной) просто некорректно – еще нет правовых и фактических оснований, не говоря уже о противоречиях в требованиях УПК РФ к порядку ее назначения. Очевидно, что все доказательства в конечном итоге собираются для суда, но это не значит, что все средства доказывания, используемые при раскрытии и расследовании преступлений, судебные.

К тому же проблема заключается не в названии экспертизы («судебная» или «следственная»), а в том, что, допустив ее производство до возбуждения уголовного дела, законодатель не устранил причину неоправданного дублирования огромного объема работы ЭКП. До 2013 г. ими проводилось около миллиона так называемых предварительных исследований и более миллиона экспертиз, две трети из которых – как правило, по тем же объектам, с использованием тех же методик и той же приборной базы, а зачастую (если не как правило) теми же сотрудниками ЭКП.

В настоящее время, по нашим данным, экспертизы до возбуждения уголовных дел назначаются в 5–6 % случаев, когда в этом возникает необходимость. И это объяснимо. Назначение судебной экспертизы сопряжено с выполнением требований, обуславливающих

значительные временные затраты или вообще невыполнимых до возбуждения уголовного дела (например, ознакомление подозреваемого с постановлением о назначении экспертизы). Сроки выполнения экспертиз явно превышают сроки решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Но самое главное – таким образом не решается проблема дублирования экспертных исследований.

Примерно в каждом втором случае подозреваемые по экономическим преступлениям и их защитники, которые, как известно, появляются в уголовном процессе только после возбуждения уголовного дела, требуют назначения повторной или дополнительной экспертизы. И все это предполагает еще большие временные и материальные затраты и, конечно, крайне отрицательно влияет в целом на сроки расследования. Вот почему на практике по-прежнему до возбуждения уголовного дела доминируют назначения предварительных исследований как более динамичный и краткосрочный способ получения информации, требующейся при решении вопроса о возбуждении уголовного дела в довольно ограниченных временных пределах.

Изучение сложившейся в этом отношении практики показывает, что в ее сохранении в современном состоянии заинтересованы адвокаты и представители частных экспертных учреждений. Первым не выгодно расширяться возможности правоохранительных органов действовать более наступательно и динамично; вторые опасаются сокращения поля их деятельности. Между тем в странах Евросоюза законодательно определен упрощенный порядок назначения специалистов, научно-технических исследований, признается доказательственное значение их результатов. Экспертизы на стадии предварительного расследования преступлений назначаются только тогда, когда заключение специалиста по каким-то причинам вызывает сомнение. В некоторых странах ЕС на девять заключений специалистов приходится всего одна экспертиза.

Кстати, исследование специалиста как средство доказывания допускалось по УПК некоторых социалистических стран Восточной Европы [7]. Таким образом, был решен ряд принципиально важных проблем организации и правового обеспечения использования специальных знаний в уголовном процессе, положительно сказавшихся на эффективности деятельности правоохранительных органов, в частности на сроках раскрытия и расследования преступлений.

Общей закономерностью развития научного знания являются дифференциация и интеграция. Очевидно, что вновь вернуть ОРД и СЭД в лоно криминалистики невозможно и не нуж-

³ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ// СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 875.

но. Их интеграция может и должна происходить на качественно иной основе, на более высоком организационном уровне, если иметь в виду предмет не только этих наук, но и той деятельности, которую они вместе призваны обеспечивать. В этом суть и назначение прикладных наук, к которым относятся криминалистика, ОРД, СЭД, а в известной мере – уголовное право, криминология и даже науки гражданско-правового блока (при раскрытии и расследовании экономических преступлений). Это науки, которые корреспондируются с ранее обозначенными нами «частями целого», т. е. организацией раскрытия и расследования преступлений.

В связи с этим есть основания для следующих выводов.

1. Раскрытие и расследование преступлений – межнаучная, междисциплинарная проблема. Ни одна отдельно взятая наука уголовно-правового блока, в том числе криминалистика (тем более в ее современном состоянии), не может обеспечить ее решение.

Список литературы:

1. *Аверьянова Т. В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории. М., 2006.
2. *Александров А. С.* Семь смертных грехов современной криминалистики [Электронный ресурс] // Международная ассоциация содействия правосудию. URL: <http://www.iauaj.net/node/342> (дата обращения: 15.01.2018).
3. *Аminev Ф. Г.* Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: Современные проблемы и пути их решения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2017.
4. *Belkin P. S.* История отечественной криминалистики. М., 1999.
5. *Belkin P. S., Krasnobaev Yu. I.* О предмете советской криминалистики // Правоведение. 1967. № 4.
6. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1974. Т. 18.
7. *Buush A., Volynskij A.* Экспертиза и специальные научно-технические исследования по новому УПК социалистической республики Румынии // Советская юстиция. 1970. № 24.
8. *Vinberg A. I., Shaver B. M.* Криминалистика: учебник. 4-е изд. М., 1950.
9. *Volynskij A. Ф.* Вопросы судебной экспертизы и криминалистической техники на V Междунар. симпозиуме криминалистов социалистических стран. М., 1969.
10. *Volynskij A. Ф.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учеб. пособ. для слушателей магистратуры и адъюнктуры по кафедре криминалистики. М., 2016.

2. Очевидна необходимость интеграции знаний этих наук с ориентацией на общий для них предмет деятельности, направленной на раскрытие и расследование преступлений, что закономерно связано с решением задач организации межнаучных исследований (чрезвычайно сложных, но в данном случае прорывных); формирования комплексной (интегрированной) учебной дисциплины; соответствующего упорядочения организации и законодательной регламентации тех видов деятельности, которые составляют в целом содержание раскрытия и расследования преступлений.

3. Преподавать такую учебную дисциплину (назовем ее условно «Организация и методика раскрытия и расследования преступлений») следовало бы в юридических вузах правоохранительных министерств и ведомств после изучения обучающимися соответствующих учебных дисциплин в их узкопредметном представлении, прежде всего в таком учебном заведении, как Академия управления МВД России.

References:

1. *Aver'yanova T. V.* Sudebnaya ehkspertiza. Kurs obshchej teorii. M., 2006.
2. *Aleksandrov A. S.* Sem' smertnyh grekhov sovremennoj kriminalistiki [Elektronnyj resurs] // Mezhdunarodnaya asociaciya sodejstvija pravosudiju. URL: <http://www.iauaj.net/node/342> (data obrashcheniya: 15.01.2018).
3. *Aminev F. G.* Sudebno-ehkspertnaya deyatel'nost' v Rossijskoj Federacii: Sovremennye problemy i puti ih resheniya: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Rostov n/D., 2017.
4. *Belkin R. S.* Istoriya otechestvennoj kriminalistiki. M., 1999.
5. *Belkin R. S., Krasnobaev Yu. I.* O predmete sovetskoj kriminalistiki // Pravovedenie. 1967. № 4.
6. Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya. 3-e izd. M., 1974. T. 18.
7. *Buush A., Volynskij A.* Ehkspertiza i special'nye nauchno-tehnicheskie issledovaniya po novomu UPK socialisticheskoj respubliki Rumynii // Sovetskaya yusticiya. 1970. № 24.
8. *Vinberg A. I., Shaver B. M.* Kriminalistika: uchebnik. 4-e izd. M., 1950.
9. *Volynskij A. F.* Voprosy sudebnoj ehkspertizy i kriminalisticheskoy tekhniki na V Mezhdunar. simpoziume kriminalistov socialisticheskikh stran. M., 1969.
10. *Volynskij A. F.* Kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij: uch. posob. dlya slushatelej magistratury i ad'yunktury po kafedre kriminalistiki. M., 2016.
11. *Volynskij A. F.* Organizaciya raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij: problemy i puti ih resheniya // Rossijskij sledovatel'. 2016. № 1.

11. *Волынский А. Ф.* Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути их решения // Российский следователь. 2016. № 1.
12. *Волынский А. Ф.* Организация раскрытия и расследования преступлений – комплексная, межнаучная категория // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10.
13. *Волынский А. Ф.* Судебно-экспертная и криминалистическая виды деятельности: общее и особенное // Эксперт-криминалист. 2013. № 2.
14. *Громов В.* Методика расследования преступлений. Руководство для органов милиции и уголовного розыска. М., 1929.
15. *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908.
16. *Зеленский В. Д.* О понятии и содержании расследования преступлений // Проблемы организации расследования преступлений: матер. всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 21–22 сентября 2006 г.). Краснодар, 2006.
17. *Ищенко Е. П.* Об организации предварительного расследования преступлений // Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и практическая реализация: матер. межвузовского науч.-практ. семинара (Москва, 25 марта 2014 г.). М., 2014.
18. Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений / под ред. А. Я. Вышинского. М., 1935. Кн. 1.
19. Криминалистика: учебник / под ред. А. И. Бастрыкина, А. Ф. Волынского, С. В. Дубровина. М., 2017.
20. Криминалистика: учебник / под ред. А. Н. Васильева. М., 1980.
21. Криминалистика: учебник / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М., 2008.
22. Криминалистика: учебник / под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. М., 1998.
23. Криминалистика: учебник / под ред. Н. П. Яблокова, В. Я. Колдина. М., 1990.
24. Криминалистика: учебник / под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузгина. М., 1995. Т. 1.
25. Криминалистика: учебник / под ред. Р. С. Белкина. М., 2002.
26. Криминалистика: учебник / под ред. Т. А. Садовой, А. А. Эксархопуло. СПб., 1995.
27. Криминалистика: учебник. 4-е издание / под ред. А. Г. Филиппова. М., 2010.
28. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: учебник / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. М., 1997.
29. *Ларин А. М.* Ya sledovatel'. М., 2008.
30. О состоянии законности в деятельности государственных экспертных учреждений (подразделений) и негосударственных экспертов // Информационно-аналитический бюллетень General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. М., 2014. № 1 (5).
31. *Образцов В. А.* Криминалистика. Курс лекций. М., 1996.
12. *Volynskij A. F.* Organizaciya raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij – kompleksnaya, mezhauchnaya kategoriya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 10.
13. *Volynskij A. F.* Sudebno-ehkspertnaya i kriminalisticheskaya vidy deyatel'nosti: obshchee i osobennoe // Ehkspert-kriminalist. 2013. № 2.
14. *Gromov V.* Metodika rassledovaniya prestuplenij. Rukovodstvo dlya organov milicii i ugovolnogo rozyska. M., 1929.
15. *Gross G.* Rukovodstvo dlya sudebnyh sledovatelej kak sistema kriminalistiki. SPb., 1908.
16. *Zelenskij V. D.* O ponyatii i soderzhanii rassledovaniya prestuplenij // Problemy organizacii rassledovaniya prestuplenij: mater. vseros. nauch.-prakt. konf. (Krasnodar, 21–22 sentyabrya 2006 g.). Krasnodar, 2006.
17. *Ishchenko E. P.* Ob organizacii predvaritel'nogo rassledovaniya prestuplenij // Kriminalisticheskoe uchenie ob organizacii rassledovaniya prestuplenij: formirovanie i prakticheskaya realizaciya: mat. mezhdvuzovskogo nauch.-prakt. seminar (Moskva, 25 marta 2014 g.). M., 2014.
18. Kriminalistika. Tekhnika i taktika rassledovaniya prestuplenij / pod red. A. Ya. Vyshinskogo. M., 1935. Kn. 1.
19. Kriminalistika: uchebnik / pod red. A. I. Bastykina, A. F. Volynskogo, S. V. Dubrovina. M., 2017.
20. Kriminalistika: uchebnik / pod red. A. N. Vasil'eva. M., 1980.
21. Kriminalistika: uchebnik / pod red. A. F. Volynskogo, V. P. Lavrova. M., 2008.
22. Kriminalistika: uchebnik / pod red. I. F. Pantel'eeva, N. A. Selivanova. M., 1998.
23. Kriminalistika: uchebnik / pod red. N. P. Yablokova, V. Ya. Koldina. M., 1990.
24. Kriminalistika: uchebnik / pod red. R. S. Belkina, V. G. Kolomackogo, I. M. Luzgina. M., 1995. T. 1.
25. Kriminalistika: uchebnik / pod red. R. S. Belkina. M., 2002.
26. Kriminalistika: uchebnik / pod red. T. A. Sadovoj, A. A. Ehksarhopulo. SPb., 1995.
27. Kriminalistika: uchebnik. 4-e izdanie / pod red. A. G. Filippova. M., 2010.
28. Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti kriminal'noj milicii i organov predvaritel'nogo rassledovaniya: uchebnik / pod red. T. V. Aver'yanovoj, R. S. Belkina. M., 1997.

29. Ларин А. М. Я следователь. М., 2008.
30. О состоянии законности в деятельности государственных экспертных учреждений (подразделений) и негосударственных экспертов // Информационно-аналитический бюллетень Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2014. № 1 (5).
31. Образцов В. А. Криминалистика. Курс лекций. М., 1996.
32. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. 2-е издание / под редакцией К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова, А. Ю. Шумилова. М., 2004.
33. Подшибякин А. С. О сущности и предмете криминалистики и основных направлениях ее разрушения // Правовое и криминалистическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности. М., 2011.
34. Прорвич В. А. О криминалистической характеристике преступлений, связанных с нарушением конституционных прав граждан, организаций и государства в сфере земельно-имущественных отношений // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч. труд. М., 2014. Вып. 3.
35. Прорвич В. А. Роль судебно-экономической экспертизы в криминалистическом обеспечении расследования преступлений коррупционной направленности // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений коррупционной и экономической направленности: матер. 52-х крим. чтений. М., 2011. Ч. 1.
36. Россинская Е. Р. Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика. М., 2011.
37. Сокол В. Ю. Кризис отечественной криминалистики. Краснодар, 2017.
38. Терехович В. Н., Ниманде Э. В. Сущность предмета познания криминалистики // Библиотека криминалиста. 2012. № 3 (4).
39. Тишутина И. В. Противодействие расследованию организованной преступной деятельности: теория и практика выявления и преодоления. М., 2012.
40. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
41. Хазиев Ш. Н. Теоретические основы организации международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.
42. Якимов И. Н. Криминалистика. Уголовная техника. М., 1929.
32. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': uchebник. 2-e izdanie / pod redakciej K. K. Goryainova, V. S. Ovchinskogo, G. K. Sinilova, A. Yu. Shumilova. M., 2004.
33. Podshibyakin A. S. O sushchnosti i predmete kriminalistiki i osnovnyh napravleniyah ee razrusheniya // Pravovoe i kriminalisticheskoe obespechenie operativno-rozysknoj deyatel'nosti. M., 2011.
34. Prorvich V. A. O kriminalisticheskoy karakteristike prestuplenij, svyazannyh s narusheniem konstitucionnyh prav grazhdan, organizacij i gosudarstva v sfere zemel'no-imushchestvennyh otnoshenij // Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya: sb. nauch. trud. M., 2014. Vyp. 3.
35. Prorvich V. A. Rol' sudebno-ehkonomicheskoy ehkspertizy v kriminalisticheskom obespechenii rassledovaniya prestuplenij korrupcionnoj napravlenosti // Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestuplenij korrupcionnoj i ehkonomicheskoy napravlenosti: mater. 52-h krim. chtenij. M., 2011. Ch. 1.
36. Rossinskaya E. R. Sudebnye ehkspertizy v grazhdanskom sudoproizvodstve: organizaciya i praktika. M., 2011.
37. Sokol V. Yu. Krizis otechestvennoj kriminalistiki. Krasnodar, 2017.
38. Terexhovich V. N., Nimande Eh. V. Sushchnost' predmeta poznaniya kriminalistiki // Biblioteka kriminalista. 2012. № 3 (4).
39. Tishutina I. V. Protivodejstvie rassledovaniyu organizovannoj prestupnoj deyatel'nosti: teoriya i praktika vyyavleniya i preodoleniya. M., 2012.
40. Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar'. M., 1983.
41. Haziev Sh. N. Teoreticheskie osnovy organizacii mezhdunarodnogo sotrudnichestva v oblasti sudebno-ehkspertnoj deyatel'nosti: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2017.
42. Yakimov I. N. Kriminalistika. Ugolovnaya tekhnika. M., 1929.

E-mail: inna_tishutina@mail.ru

С. В. КОРНАКОВА,
доцент кафедры уголовного права,
криминалистики и уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент
(Байкальский государственный университет)

S. V. KORNAKOVA,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Criminal Law,
Criminalistics and Criminal Process
(Baikal State University)

УДК 343.546

Квалификация насильственных преступлений сексуального характера, совершенных несовершеннолетними в отношении несовершеннолетних

The Violent Sex Crimes' Qualification Made by Minors Against Minors

Статья посвящена рассмотрению составов преступлений, предусмотренных ст. 131–132 УК РФ, в случае их совершения несовершеннолетними в отношении несовершеннолетних. Подвергаются анализу элементы насильственных преступлений сексуального характера и их квалифицирующие признаки. Обращается внимание на особенности установления объективной и субъективной сторон преступления, исходя из возрастных особенностей несовершеннолетних. Делается вывод о необходимости внимательного отношения к такому влияющему на степень вины обстоятельству, как возраст потерпевшего, при совершении преступления несовершеннолетним.

Преступность несовершеннолетних, насильственные преступления сексуального характера, преступления в отношении несовершеннолетних.

The article is devoted to consideration of a crime's composition provided by the articles 131–132 of the Criminal codex of the Russian Federation in a case of its making by the minors against the minors. The elements of its composition and its qualifying features are been analysed. Attention is payed for the peculiar properties of establishment for the objective and subjective sides of a crime, based on the aging characteristics of the minors. The conclusion is making about the need for careful attention to such influencing on the degree of guilt as age of a victim during making a crime by a minor.

Minors crime, violent sex crimes, crimes against minors.

В последние годы исследователями отмечается падение нравственных принципов и духовных ориентиров в обществе, проявляющееся в деформации половой морали, следствием которой является резкое снижение возраста вступления в половые контакты. Особенно тревожными являются серьезные сдвиги в со-

знании и стереотипах сексуального поведения подрастающего поколения, когда совершение несовершеннолетними насильственных преступлений сексуального характера в отношении своих ровесников или младших по возрасту лиц уже нельзя отнести к редким явлениям. По отношению к общей насильственной преступно-

сти среди несовершеннолетних удельный вес преступлений сексуального характера относительно небольшой (0,1–0,2 %), но это в значительной степени обусловлено высокой латентностью подобного рода преступных деяний.

Имеющее место в настоящее время значительное расширение проблемы сексуальной преступности в отношении несовершеннолетних вызывает реакцию не только общественности, но и законодателя, которым были внесены соответствующие изменения в нормы уголовного и уголовно-процессуального закона. Тем не менее имеются некоторые вопросы, связанные с квалификацией преступлений, предусмотренных ст. 131–132 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), в особенности в ситуациях, когда и лицо, совершившее преступление, и лицо, пострадавшее от его совершения, являются несовершеннолетними. В связи с этим обращение к данной проблеме представляется актуальным.

При совершении преступлений, объединенных гл. 18 УК РФ, объектом посягательства являются половая свобода и половая неприкосновенность личности. Между тем, если сексуальное посягательство совершено в отношении совершеннолетнего лица, объектом преступления будет и половая свобода, и половая неприкосновенность, если же в отношении несовершеннолетнего – таким объектом следует считать только половую неприкосновенность. Такая позиция разделяется не всеми учеными. В частности, А. Б. Баумштейн считает, что разделение половой неприкосновенности и половой свободы в уголовном праве является искусственным. Оно не только не согласуется с трактовкой этих понятий в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), но и противоречит конституционным принципам, направленным на охрану личной свободы и неприкосновенности, поскольку свобода и неприкосновенность личности в ст. 22 Конституции РФ² закреплены как единое, неделимое личное право [2].

Основным аргументом, показывающим несостоятельность приведенного утверждения в случае совершения сексуального насилия в отношении несовершеннолетнего, является, на наш взгляд, сомнительность применения к нему категории «половая свобода». Общеизвестно, что самостоятельная реализация личностью своих прав в сексуальной сфере возможна лишь при достижении совершеннолетия. Исходя из того, что преждевременные половые отношения негативно сказываются как на физическом,

так и нравственном развитии несовершеннолетних, половая неприкосновенность является их правом не подвергаться вовлечению в такие отношения. В этой связи вызывает возражение и утверждение А. М. Мартиросьяна, относящего к основным и самым важным объектам уголовно-правовой охраны при насильственных половых преступлениях в отношении несовершеннолетних интересы их гармоничного развития, а лишь к дополнительным (факультативным) – их половую неприкосновенность [13]. По нашему мнению, в данном случае автором не учтена причинно-следственная связь, поскольку нарушение интересов несовершеннолетних в нормальном физиологическом, психологическом и нравственном развитии является результатом (следствием), а не причиной (основанием) посягательства на их половую неприкосновенность. Именно поэтому половая неприкосновенность несовершеннолетних представляет собой полную невозможность, абсолютный правовой запрет сексуальных отношений.

Объективная сторона предусмотренных ст. 131–132 УК РФ составов преступлений имеет сложный характер, предусматривая наличие действий сексуального характера с применением (угрозой применения) насилия либо с использованием беспомощного состояния потерпевших. В трактовке Верховного Суда Российской Федерации под насилием в ст. 131 и 132 УК РФ следует понимать как опасное, так и неопасное для жизни или здоровья насилие, включая побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему лицу физической боли либо ограничением его свободы³.

Что касается угрозы применения насилия, то взгляды ученых на ее характер при совершении насильственных действий сексуального характера разнятся. Так, по мнению В. И. Комиссарова и Е. В. Лялиной, криминалистическое понятие психического насилия шире уголовно-правового и может включать в себя, например, угрозу разглашения компрометирующих потерпевшего сведений с целью сломить его сопротивление. Для подтверждения высказанного утверждения авторами приводится следующий пример: «Четверо несовершеннолетних, увидев, что А. курит, сказали ей, что, если она не пойдет с ними, расскажут об этом ее родителям. Испугавшись угрозы, А. пошла с группой подростков в кочегарку, где они вновь высказали ту же угрозу. А., испугавшись огласки, никакого сопротивления насильникам при совершении полового акта не оказала» [8].

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2017) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Конституция Российской Федерации: офиц. текст // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

³ О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 // Рос. газ. 2014 г. № 284.

Такой подход к пониманию угрозы при совершении данной категории преступлений нельзя признать правильным, поскольку, во-первых, именно уголовный закон является правовым основанием для определения структурных элементов состава преступления и криминалистическое понятие угрозы относительно определенной статьи УК РФ не может быть шире уголовно-правового. В ст. 131–132 УК РФ сказано вполне определенно: с применением насилия или угрозой его (т. е. насилия) применения. Очевидно, что разглашение компрометирующих сведений насилием не является. Во-вторых, представляется, что приведенный авторами пример подпадает под состав преступления, закрепленного в ст. 133 УК РФ, – понуждение к действиям сексуального характера путем шантажа, под которым, согласно юридическому словарю, и понимается «угроза разоблачения, разглашения позорящей информации с целью добиться от шантажируемого каких-либо определенных поступков» [3]. Поэтому верным является мнение ученых, считающих, что угроза в составе насильственных сексуальных преступлений предполагает угрозу применения физического насилия, наступление которого в случае неповиновения воспринимается потерпевшим как неизбежное [15]. Сильным аргументом необходимости именно такого подхода к пониманию угрозы является утверждение Л. А. Андреевой о том, что законодатель, установив санкцию со столь высоким минимумом наказания, подтверждает тем самым, что этим составом охватываются только те действия, которые представляют значительную общественную опасность. Автор справедливо считает, что угроза перед предстоящим злом ставит жертву в такие условия, когда она, как правило, не может принять мер к предотвращению угрозы, а потому вынуждена подчиниться. Только такая угроза по силе воздействия может быть приравнена к физическому принуждению и способна парализовать свободу действий потерпевшего [1]. Способ угрозы значения не имеет, но угроза должна быть реальной, непосредственной. Такое понимание понятия угрозы имеет важное значение для квалификации содеянного и его отграничения от состава ст. 133 УК РФ.

Так, А. М. Мартиросьян допускает ошибку, относя преступления, предусмотренные ст. 133 УК РФ, к насильственным сексуальным преступлениям [13]. А. П. Дьяченко в связи с этим обоснованно указывает, что при понуждении виновный применяет противоправные способы, предусмотренные УК РФ, которые, однако, не включают в себя ни физическое насилие, ни угрозы его применения, что характеризует любое насильственное преступление.

По существу, понуждение – это не насильственное сексуальное преступление, а недобровольное [5]. Именно поэтому данный вид преступления отнесен к категории преступлений небольшой тяжести, в отличие от насильственных сексуальных преступлений. Насилие (или угроза его применения) направлено на подавление воли потерпевшего, т. е. выполняет функциональную роль, являясь в связи с этим обязательным, конструктивным признаком насильственных сексуальных преступлений.

В свою очередь, под беспомощным состоянием при насильственных действиях сексуального характера следует понимать такое состояние лица, при котором оно не могло по каким-либо причинам оказать сопротивление преступнику либо не понимало характера и значения совершаемых с ним сексуальных действий. По делам данной категории наиболее распространенным является способ приведения в беспомощное состояние путем физического воздействия, приведения в беспамятство с помощью алкоголя и т. п., а также посредством использования беспомощного состояния жертвы, которая в силу физического или психического склада не в силах оказать сопротивления насильнику, например в силу малолетнего возраста. При этом малолетний возраст потерпевших сам по себе не может рассматриваться как действительно беспомощное состояние. Данный признак в большей степени подразумевает непонимание значения сексуальных отношений и незнание последствий совершения таких действий [7, 9].

Г. П. Краснюк, отмечая, что для правильной квалификации совершенного деяния необходимо достоверное установление согласия несовершеннолетнего потерпевшего на совершение в отношении него действий сексуального характера, указывает следующие возможные варианты действительного или мнимого согласия потерпевшего, когда оно дано:

- без принуждения при понимании характера и значения совершаемых с ним действий;
- под принуждением вследствие угроз, шантажа со стороны преступника;
- лишь для того, чтобы избежать физического насилия или угроз его применения;
- в связи с непониманием характера и значения совершаемых с ним действий;
- согласие (возражение) не было выражено вследствие малолетнего возраста, беспомощного состояния либо умственной отсталости [11].

В каждом случае выяснению подлежит действительная причина согласия потерпевшего. Следует подчеркнуть, что кажущееся согласие малолетних на совершение с ними сексуальных действий не является юридически значимым для квалификации преступления, поскольку малолетний, во-первых, находится в зависи-

мости от более старшего по возрасту лица, а значит, не обладает свободой воли; во-вторых, в силу функциональной незрелости не осознает значения сексуальных действий; в-третьих, не в состоянии предвидеть в полной мере все негативные для него последствия совершаемых в отношении него действий. Таким образом, беспомощность малолетних проявляется в том, что они неспособны защитить себя, в силу возраста не понимают значения происходящего либо не воспринимают происходящее как насилие, могут считать происходящее игрой, нормой, не зная, что это плохо. В связи с этим вряд ли справедливым является утверждение В. А. Брусенцевой, которая выделяет в качестве критерия разграничения насильственных и ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности психическое отношение потерпевшего к совершаемым с ним действиям [4]. Действия сексуального характера при видимой добровольности следует расценивать как насильственное сексуальное посягательство в случае, когда жертва в силу своего малолетнего возраста и недостаточного психического и физического развития не могла понимать характер и значение совершаемых с нею действий. Когда речь идет о малолетнем потерпевшем, не достигшим 10-летнего возраста, его согласие на совершение с ним действий сексуального характера может быть только мнимым. Это подтверждается и данными сексологов и сексопатологов, согласно которым до достижения этого возраста у малолетних не может быть накоплена достаточная информация о нормах взаимоотношения между полами и особенностях полового поведения [12].

Между тем не всегда малолетний возраст (до 14 лет) можно однозначно расценивать как наличие беспомощного состояния. В настоящее время общая либерализация половой морали привела к значительному падению возрастных границ начала половой жизни. Г. А. Егошина в связи с этим отмечает, что следствием акселерации явилась ситуация, когда уже в 12–13-летнем возрасте девочки нередко имеют такой уровень полового созревания, что могут испытывать интерес к лицам другого пола, беря на себя инициативу относительно полового общения [6], вполне ориентируясь в вопросах сексуального взаимоотношения полов. При этом, учитывая необратимость результата естественного полового акта и связанную с этим возможность разоблачения взрослыми факта ранней половой жизни, девочки сознательно допускают в отношении себя лишь сексуальные ласки и оральный половой акт с целью удержания партнера. Поэтому на практике вопрос о квалификации действий виновного в отношении не достигших 14-летнего возраста

потерпевших является затруднительным. Действия сексуального характера в отношении потерпевшей в возрасте 12–13 лет с ее согласия вряд ли во всех случаях можно расценивать как насильственные в отношении потерпевшей, находящейся в беспомощном состоянии. Из этого следует, что квалифицирующее значение соотношения возраста потерпевшей и ее беспомощного состояния должно в каждом конкретном случае решаться исходя из степени физического и умственного развития потерпевших, а также степени их осведомленности в вопросах полового общения.

За совершение тяжких преступлений (ч. 2 ст. 20 УК РФ) законом установлен пониженный по отношению к общему возраст уголовной ответственности. В частности, насильственные преступления сексуального характера носят такой характер общественной опасности, который не может не осознаваться лицами, достигшими к моменту их совершения 14-летнего возраста. Сексуальные потребности относятся к таким областям поведения, которые поддаются сознательному регулированию и контролю, поэтому, несмотря на определенную незавершенность у несовершеннолетнего формирования установок в области сексуальных отношений, для него, как правило, уже очевидна асоциальная направленность насильственных сексуальных действий и их запрещенность.

При совершении насильственных сексуальных преступлений несовершеннолетними в отношении несовершеннолетних имеет место парадоксальная ситуация: уголовно-правовой запрет на половые отношения с не достигшими совершеннолетия нарушается лицами, чья сексуальная безопасность подлежит охране государством, поскольку они также не достигли совершеннолетия. При этом основой соотношения двойного статуса несовершеннолетних (субъект преступления и его жертва) является общий объект, подлежащий особой правовой защите со стороны государства, — социальные отношения, обеспечивающие условия нормального интеллектуального, физического и нравственного формирования личности несовершеннолетнего [7, 16].

Уголовным законом предусмотрена повышенная ответственность за совершение преступлений, потерпевшими от которых являются несовершеннолетние. Это обусловлено тем, что несовершеннолетние не только не способны в должной степени осознавать все негативные (ближайшие и отдаленные) последствия реализации сексуальных отношений, но и не могут в полной мере самостоятельно противостоять преступным посягательствам, которые относятся в связи с этим к одним из наиболее опасных. С этой точки зрения считается, что на квалифи-

кацию содеянного не влияет возраст виновного, поскольку вне зависимости от этого интересы несовершеннолетнего нарушаются. Действительно, несовершеннолетний как объект уголовно-правовой охраны становится более уязвимым в случае совершения в отношении него преступления совершеннолетним лицом в силу очевидного «неравенства сил» преступника и потерпевшего. Поэтому применительно к данной категории преступлений недостижение совершеннолетия, по мнению некоторых авторов, может не являться значимым квалификационным обстоятельством, поскольку уголовным законом (разд. V) для несовершеннолетних предусмотрены особые критерии дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания и в любом случае в отношении несовершеннолетнего будет применяться менее строгая ответственность, чем в отношении лица, достигшего совершеннолетия [18].

Содержание норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), устанавливающих особенности применения уголовно-правовых мер в отношении несовершеннолетних, действительно позволяет судить об их большей профилактической направленности и более ярко выраженном, чем в общих нормах, обеспечении специально-предупредительного воздействия. Несмотря на это, более обоснованной представляется позиция А. Н. Хоменко, который считает логически неверным вменение квалифицирующего признака в случае совершения преступления лицом, не достигшим совершеннолетия в отношении несовершеннолетнего, поскольку мала вероятность того, что субъект способен осознавать юридически значимые свойства объекта, влияющего на характер и степень общественной опасности совершенного им преступления [17]. На наш взгляд, не нашедшие отражения в сознании виновного характеризующие потерпевшего признаки не могут иметь уголовно-правового значения и не должны влиять на уголовную ответственность.

Субъективная сторона преступления раскрывается в теории уголовного права при помощи таких юридических категорий, как вина, мотив и цель совершения преступления. Предполагается, что побудительной причиной совершения насильственных половых преступлений в большинстве случаев является сексуальная потребность. Половая жизнь, с точки зрения цивилизованного общества, является реализацией естественной и необходимой сексуальной потребности [14]. Тем не менее в отношении подростков, не достигших совершеннолетия, понятия «естественность» и «необходимость» вряд ли применимы. В силу возраста тип мотивации несовершеннолетних, совершающих половые

преступления, особенно совершаемые впервые, зачастую не может опираться на их собственный сексуальный опыт, а в связи с отсутствием знаний об этой области жизни в большей степени определяется информацией порнографической направленности, обуславливающей отрицательные моральные установки в сфере полового сознания. Так, подсудимый В., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, по поводу совершенного не смог объяснить «для чего это делал», пояснил, что «с ребятами смотрели порнофильмы через Интернет по сотовому телефону... хотел испытать то, что испытывали мужчины в порнофильме»⁴.

Поэтому первый сексуальный опыт несовершеннолетних нередко обусловлен отнюдь не стремлением удовлетворить половую страсть, о которой они пока не могут иметь представления, а любопытством. В этой связи вряд ли во всех случаях справедливо утверждение В. Коняхина о том, что из самой сущности данного вида преступления следует, что для него внутренне присущи только сексуальные мотивы и цели – половое влечение и стремление удовлетворить половую страсть [10].

Показательна в этом отношении позиция Верховного Суда Российской Федерации, ограничительно толковавшего до недавнего времени пределы действия ст. 131 и 132 УК РФ исключительно удовлетворением половой потребности⁵, что на практике приводило к трудностям в квалификации преступлений сексуального характера. В настоящее же время, согласно ч. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», «мотив совершения указанных преступлений (удовлетворение половой потребности, месть, национальная или религиозная ненависть, желание унижить потерпевшее лицо и т. п.) для квалификации содеянного значения не имеет».

Для доказывания субъективной стороны преступления при совершении насильственных действий сексуального характера несовершеннолетним в отношении несовершеннолетнего, прежде всего, следует установить факт осознания виновным социальных свойств и фактического характера деяния, а также

⁴ С учетом того, что рассмотрение уголовных дел, совершенных несовершеннолетними (п. 2 ч. 1 ст. 241 УПК РФ), а также уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности личности (п. 3 ч. 1 ст. 241 УПК РФ) происходит в закрытом судебном заседании, ссылка на номер уголовного дела и суд не указывается // Архив Иркутского областного суда.

⁵ О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации (ред. от 14 июня 2013 г.): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 // Рос. газ. 2004. № 136.

желание совершить это деяние. Что касается осознания виновным характера объекта, то, на наш взгляд, в случае сексуального посягательства несовершеннолетнего на своего ровесника или младшего по возрасту лица наиболее внимательного подхода требует применение разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о том, что «квалификация преступлений по признакам п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ возможна лишь в случаях, когда виновный знал или допускал, что потерпевшим является лицо, не достигшее восемнадцати лет», поскольку несовершеннолетний, посягающий на своего ровесника, вряд ли в полной мере может оценить то обстоятельство, что он посягает на охраняемое уголовным законом нормальное физическое, психическое и нравственное развитие потерпевшего. На практике п. «б» ч. 3

ст. 131–132 УК РФ влияет на тяжесть назначаемого наказания. На наш взгляд, по отношению к несовершеннолетним справедливо утверждение Ч. Беккариа, что действенность наказания определяется не жестокостью наказания, а его неизбежностью. Считаем, что вопрос о применении в отношении несовершеннолетних уголовно-правовых мер в каждом конкретном случае должен решаться в особенной степени тщательно и строго индивидуально, исходя из обстоятельств уголовного дела и личности несовершеннолетнего. При осуществлении правосудия особая уголовно-правовая защита прав и законных интересов совершивших преступление несовершеннолетних должна базироваться на нормах Конституции РФ, гарантирующих защиту детства (ст. 38), а также на принципах и нормах международного права.

Список литературы:

1. Андреева Л. А. О характере принуждения при изнасиловании // Правоведение. 1960. № 2.
2. Баумштейн А. Б. Некоторые проблемы привлечения к уголовной ответственности за преступления, связанные с половой неприкосновенностью несовершеннолетних // Новый юридический журнал. 2012. № 1.
3. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2004.
4. Брусенцева В. А. Методика расследования ненасильственных сексуальных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005.
5. Дьяченко А. П. Отзыв официального оппонента на диссертацию А. М. Мартиросьяна «Насильственные половые преступления в отношении несовершеннолетних (уголовно-правовой и криминологический аспекты)» // Северокавказский юридический вестник. 2010. № 2.
6. Егошина Г. А. Сексуальные посягательства на малолетних и несовершеннолетних и их предупреждение: уголовно-правовое и криминологическое исследование по материалам Республики Марий Эл: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 1999.
7. Иванова Л. М., Корягина С. А. Преступность несовершеннолетних и проблемы ее раннего предупреждения // Социальная компетентность. 2016. № 2 (2). Т. 1.
8. Комиссаров В. И., Лялина Е. В. Первоначальный этап расследования изнасилований, совершенных группой несовершеннолетних. М., 2007.
9. Коновалов Н. Н. Беспомощное состояние потерпевшего лица при насильственных действиях сексуального характера и изнасиловании // Российский следователь. 2013. № 14.

References:

1. Andreeva L. A. O karaktere prinuzhdeniya pri iznasilovanii // Pravovedenie. 1960. № 2.
2. Baumshtejn A. B. Nekotorye problemy privlecheniya k ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya, svyazannye s polovoj neprikosnovennost'yu nesovershennoletnih // Novyj juridicheskij zhurnal. 2012. № 1.
3. Bol'shoj juridicheskij slovar' / pod red. A. Ya. Suhareva, V. E. Krutskih. M., 2004.
4. Brusenceva V. A. Metodika rassledovaniya nenasil'stvennyh seksual'nyh prestuplenij: dis. ... kand. jurid. nauk. Voronezh, 2005.
5. D'yachenko A. P. Otzyv oficial'nogo opponenta na dissertaciyu A. M. Martiros'yana «Nasil'stvennye polovye prestupleniya v otноshenii nesovershennoletnih (ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty)» // Severokavkazskij juridicheskij vestnik. 2010. № 2.
6. Egoshina G. A. Seksual'nye posyagatel'stva na maloletnih i nesovershennoletnih i ih preduprezhdenie: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie po materialam Respubliki Marij Ehl: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Samara, 1999.
7. Ivanova L. M., Koryagina S. A. Prestupnost' nesovershennoletnih i problemy ee rannego preduprezhdeniya // Social'naya kompetentnost'. 2016. № 2 (2). Т. 1.
8. Komissarov V. I., Lyalina E. V. Pervonachal'nyj ehtap rassledovaniya iznasilovaniy, sovershennyh gruppoy nesovershennoletnih. M., 2007.
9. Konovalov N. N. Bepomoshchnoe sostoyanie poterpevshego lica pri nasil'stvennyh dejstviyah seksual'nogo haraktera i iznasilovanii // Rossijskij sledovatel'. 2013. № 14.
10. Konyahin V. Nasil'stvennye dejstviya seksual'nogo haraktera // Zakonnost'. 2005. № 9.

10. *Коняхин В.* Насильственные действия сексуального характера // Законность. 2005. № 9.
11. *Краснюк Г. П.* Ненасильственные сексуальные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.
12. *Левин Л.* Сексология и сексопатология. М., 2000.
13. *Мартиросьян А. М.* Насильственные половые преступления в отношении несовершеннолетних (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2010.
14. *Обуховский К.* Психология влечений человека. М., 1972.
15. Особенности расследования отдельных категорий уголовных дел и уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц / под ред. И. Г. Смирновой. М., 2016.
16. *Писаревская Е. А.* Насильственная преступность несовершеннолетних и ее предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006.
17. *Хоменко А. Н.* Особенности субъективных признаков преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних // Адвокат. 2012. № 3.
18. *Щепельков В. Ф.* Влияние возраста виновного на квалификацию преступлений с несовершеннолетним потерпевшим // Криминалист. 2010. № 2 (7).
11. *Krasnyuk G. P.* Nenasil'stvennyye seksual'nye posyagatel'stva na lic, ne dostigshih chetyrnadcatiletnego vozrasta: dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2000.
12. *Levin L.* Seksologiya i seksopatologiya. M., 2000.
13. *Martiros'yan A. M.* Nasil'stvennyye polovyye prestupleniya v otnoshenii nesovershennoletnih (ugolovno-pravovoy i kriminologicheskij aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D., 2010.
14. *Obuhovskij K.* Psihologiya vlechenij cheloveka. M., 1972.
15. Osobennosti rassledovaniya ot del'nyh kategorij ugolovnyh del i ugolovnyh del v otnoshenii ot del'nyh kategorij lic / pod red. I. G. Smirnoj. M., 2016.
16. *Pisarevskaya E. A.* Nasil'stvennaya prestupnost' nesovershennoletnih i ee preduprezhdenie: avto-ref. dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 2006.
17. *Homenko A. N.* Osobennosti sub"ektivnyh priznakov prestuplenij, sovershaemyh v otnoshenii nesovershennoletnih // Advokat. 2012. № 3.
18. *Shchepel'kov V. F.* Vliyanie vozrasta vinovnogo na kvalifikaciyu prestuplenij s nesovershennoletnim poterpevshim // Kriminalist". 2010. № 2 (7).

E-mail: svetlana-kornakova@yandex.ru

А. М. ТАРАСОВ,
главный советник генерального директора «Лаборатории Касперского»
по юридическим вопросам,
главный научный сотрудник научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

A. M. TARASOV,
Doctor of Law, Professor,
Merited Law Expert of the Russian Federation,
Chief Adviser of the General Director of the «Kaspersky Laboratory»
for the Juridical Questions,
Chief Researcher at the Research Center
of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia

УДК 351.74

Теоретические аспекты принципов президентского контроля за деятельностью правоохранительных органов

The Theoretical Aspects of the Presidential Control's Principles for the Law Enforcement Bodies Activity

В статье рассматриваются теоретические аспекты понятия «принципы контроля», включая принципы президентского контроля, осуществляемого за деятельностью правоохранительных органов Российской Федерации, исходя из конституционных полномочий Президента Российской Федерации как главы государства.

Актуальность и востребованность публикации обусловлены тем, что правоохранительные органы в ходе осуществления уголовно-процессуальной, оперативно-разыскной, административно-юрисдикционной деятельности допускают нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина, гарантом которых в соответствии с п. 1 ст. 80 Конституции Российской Федерации является Президент Российской Федерации.

Предупреждение таких нарушений является одним из путей повышения эффективности деятельности субъектов президентского контроля. Результаты данного исследования применимы в организации деятельности субъектов президентского контроля в целях повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и совершенствования систем управления.

Президентский контроль, Президент Российской Федерации, Контрольное управление Президента РФ, органы исполнительной власти, указы и распоряжения, субъекты и объекты контроля.

The article considers the theoretical aspects of the «principles' control» concept including the presidential principles' control making for activity of the law enforcement bodies of the Russian Federation, based on the constitutional powers of the President of the Russian Federation as a head of the state.

Urgency and relevance of the publication is due to the law enforcement bodies during implementation the criminal procedural, operative investigative, administrative jurisdictional activities allow the violations of the constitutional rights and freedoms of a person and citizen, guarantor of which is the President of the Russian Federation in accordance with the paragraph 1st article 80 of the Constitution of the Russian Federation.

Prevention of such violations is one of the ways of effectiveness activity increasing of the presidential control's subjects. The results of this research are applicable in organization of the presidential control's subjects in order to effectiveness activity increasing of the law enforcement bodies and perfection of management systems.

Presidential control, President of the Russian Federation, Control management of the President of the Russian Federation, executive authority, decrees and orders, subjects and objects of control.

Принцип – это основное, исходное положение какой-либо теории, учения, науки; это руководящее положение, основное правило, установка для какой-либо деятельности. Понятия «принципы управления», «принципы контроля» являются одними из фундаментальных понятий и компонентов, характеризующих такие сложные явления, как управление, контроль, государственный контроль, президентский контроль. По нашему мнению, проблема принципов контроля в теоретическом аспекте в настоящее время изучена недостаточно. Прямое и конкретное закрепление в нормативных правовых актах перечня принципов контроля не нашло своего отражения. В научной литературе по теории социального управления вопросы о принципах контроля зачастую рассматриваются в общеуправленческом плане.

Если абстрагироваться от понятия «принципы управления», то принципы контроля представляют собой закрепленные в нормативных правовых актах или вытекающие из них основные правила, положения, которые определяют важнейшие свойства и особенности контрольной деятельности. По нашему мнению, совокупность же свойств общественных отношений, проявляющихся в ходе президентского контроля за деятельностью правоохранительных органов, определяется на основе научного обоснования и анализа нормативных правовых актов, регулирующих деятельность субъектов президентского контроля, а также их практической работы.

Поскольку цели и задачи контроля, как и управления, достигаются при соблюдении (реализации) основных и обязательных правил, исходных и руководящих положений, то понятие «принцип контроля» можно определить как общепризнанное и обязательное правило для субъектов контроля, применяемое в различных контрольных ситуациях. Такое понятие включает в себя социальные, управленческие, экономические и другие закономерности в сфере контрольной деятельности, в том числе за деятельностью правоохранительных органов, и в то же время формирует и вбирает в себя необходимые требования, в соответствии с которыми формируется и функционирует, например, система президентского контроля за деятельностью правоохранительных органов в общей системе государственного управления, государственного и президентского контроля.

При этом отметим, что кроме главного субъекта президентского контроля, т. е. Президента РФ, как показывает анализ его соответствующих указов, данный вид контроля уполномочены осуществлять такие субъекты, как Администра-

ция Президента РФ¹, Контрольное управление Президента РФ², полномочные представители Президента РФ в федеральных округах³, Совет Безопасности РФ и аппарат Совета Безопасности РФ⁴.

¹ Согласно п. 1 Положения об Администрации Президента Российской Федерации Администрация является государственным органом, сформированным в соответствии с п. «и» ст. 83 Конституции РФ, который обеспечивает деятельность Президента РФ и осуществляет контроль за исполнением решений Президента РФ (см.: Конституция Российской Федерации: офиц. текст // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398; Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 6 апреля 2004 г. № 490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

² Деятельность Контрольного управления регулируется Положением о Контрольном управлении Президента РФ. Данное управление является самостоятельным подразделением Администрации Президента РФ и уполномочено осуществлять контроль и проверку реализации федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, организациями федеральных законов (в части, касающейся полномочий Президента РФ, в том числе по обеспечению прав и свобод человека и гражданина), указов, распоряжений, посланий, поручений, указаний Президента РФ, а также исполнение общенациональных проектов правоохранительными органами исполнительной власти (см.: Об утверждении Положения о Контрольном управлении Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 8 июня 2004 г. № 729. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

³ Согласно п. 5 Положения о полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе задачей полномочного представителя является организация контроля за исполнением в федеральном округе решений федеральных органов государственной власти (см.: О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

⁴ В соответствии с п. 3 Положения о Совете Безопасности Российской Федерации одной из задач Совета Безопасности РФ, являющегося конституционным совещательным органом, осуществляющим подготовку решений Президента РФ, является формирование государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и контроль за ее реализацией. Согласно подп. «ж» п. 4 данного Положения одной из функций Совета безопасности РФ является осуществление контроля деятельности федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности.

Аппарат Совета безопасности РФ руководствуется Положением об аппарате Совета Безопасности Российской Федерации, согласно подп. «д» п. 3 которого осуществляет контроль за реализацией федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ решений Президента РФ по вопросам координации деятельности в области обеспечения национальной безопасности, а также решений Совета Безопасности РФ и совещаний по стратегическому планированию (см.: Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации (вместе с «Положением о Совете Безопасности Российской Федерации», «Положением об аппарате Совета Безопасности Российской Федерации», «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по безопасности в экономической и социальной сфере», «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по военной безопасности», «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по информационной безопасности», «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по общественной безопасности», «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по проблемам Содружества Независимых Государств», «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по проблемам стратегического планирования», «Положением о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по экологической безопасности», «Положением о научном совете при Совете Безопасности Российской Федерации») [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 6 мая 2011 г. № 590. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Анализ положений вышеназванных субъектов президентского контроля, утвержденных указами главы государства, а также положений о федеральных органах исполнительной власти свидетельствует о том, что к правоохранительным органам относятся МВД России, Минобороны России (Военная полиция), Минюст России (с подведомственными ему Федеральной службой исполнения наказаний и Федеральной службой судебных приставов), ФСБ России, СВР России, ФСО России, ФТС России, а также Федеральная служба войск национальной гвардии РФ (Росгвардия). Деятельность перечисленных органов является объектом президентского контроля. Подтверждением является, в частности, редакция ст. 32 ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»⁵, где установлено, что Президент РФ руководит деятельностью федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами обороны, безопасности, внутренних дел, он же утверждает по представлению Председателя Правительства РФ положения об этих органах и назначает их руководителей.

При этом следует отметить, что поскольку Президент РФ в соответствии с п. 1 ст. 80 Конституции РФ является главой государства, а следовательно как высшее должностное лицо государства занимает особое, стратегическое положение среди органов государственной власти, перечисленных в ст. 11 Конституции РФ, то и президентский контроль является стратегическим и осуществляется он за основными, наиболее важными, стратегически значимыми направлениями деятельности правоохранительных органов, что сказывается на установлении и обосновании принципов президентского контроля, в том числе за деятельностью правоохранительных органов. В теоретическом и практическом понимании эти принципы являются, по нашему мнению, конкретизацией характерных особенностей контрольной деятельности субъектов президентского контроля и вытекают из места и роли данного вида контроля в системе государственного управления и контроля.

В данной статье мы рассмотрим следующие два системообразующих принципа президентского контроля: принцип контролируемости (подконтрольности) и принцип правового статуса главного субъекта функциональной системы президентского контроля (Президента РФ), или принцип «первого лица». Оба эти принципа взаимосвязаны между собой и в определенном плане дополняют друг друга,

как впрочем и все другие принципы президентского контроля. Установление этих принципов президентского контроля за деятельностью правоохранительных органов должно, как отмечалось выше, базироваться на конституционных полномочиях Президента РФ как главы государства, гаранта Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, главного и стратегического субъекта контроля за деятельностью правоохранительных органов.

Учитывая, что контроль является одной из обязательных функций, базовым элементом, компонентом системы управления, средством обратной связи между функционирующими системами управления: субъектами управления и контроля и объектами контроля (подконтрольными органами и их подразделениями), а также, что контроль – это и вид управленческой деятельности, то в связи с этим речь обоснованно может идти об организующей, управленческой роли и значении контроля [1–5]. Тем важнее и ценнее определить и обосновать некоторые особенности принципов президентского контроля за деятельностью правоохранительных органов.

Основываясь на семантике слова «контроль», а также, в частности, на понятиях «контроль», «контрольная деятельность», «президентский контроль», представляется необходимым и важным выделить и рассмотреть *принцип контролируемости (подконтрольности)*, являющийся обязательным правилом в осуществлении управленческой деятельности. Его применение субъектами управления и контроля в полной мере касается различных видов государственного контроля, в том числе президентского, правительственного, парламентского, судебного, а также таких отраслевых видов контроля, как административный и финансовый контроль.

Поскольку в понятии «принцип контролируемости (подконтрольности)», в том числе деятельности правоохранительных органов, сконцентрирована и зафиксирована закономерность функционирования любой системы управления, необходимость реализации обязательной функции контролируемости (подконтрольности), то в связи с этим можно сделать обоснованный вывод, что контролируемость (подконтрольность) является одним из общих, базовых и обязательных принципов президентского контроля за деятельностью правоохранительных органов, а также способом установления отклонений в деятельности подконтрольных органов и средством обратной связи между контролируемой и подконтрольной системами управления (контроля).

При этом следует исходить из того, что принцип контролируемости (подконтрольности) комплексно выражает необходимость

⁵ О Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. конституц. закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и целесообразность выполнения различных направлений контрольной деятельности, осуществляемой субъектами президентского контроля, связанных с организацией контроля, сбором, обобщением, анализом информации, статистической отчетности, а также результатов предыдущих проверок деятельности правоохранительных органов, ранее подвергшихся контролю. В свою очередь системное применение принципа контролируемости (подконтрольности) создает реальную возможность не только устанавливать отклонения в деятельности правоохранительных органов, но и осуществлять обоснованное, планомерное и позитивное воздействие на устранение выявленных нарушений, улучшение конечных результатов работы правоохранительных органов как в целом, так и на различных ведущих их направлениях.

Таким образом, реализация данного основополагающего принципа способствует успешной реализации контрольных задач, стоящих перед субъектами контроля, и организации взаимодействия субъектов контроля между собой. К тому же его системное применение позволяет осуществлять очень важную в контрольной деятельности обратную связь между субъектом и объектом управления (контроля), достигать поставленных целей управления, своевременно обнаруживать отклонения в деятельности подконтрольных органов и их причины. Тем самым последовательная реализация принципа контролируемости является одним из основных позитивных факторов результативной работы, причем не только субъектов, осуществляющих президентский контроль, но и подконтрольных правоохранительных органов.

Отметим при этом, что достижение положительного эффекта от реализации принципов контроля в целом и данного принципа в частности возможно при соответствующем правовом, кадровом, организационном, информационном, научно-методическом, финансовом обеспечении деятельности субъектов президентского контроля и подконтрольных органов, т. е. при создании условий для эффективного функционирования систем президентского контроля и систем правоохранительных органов на всех стадиях: от принятия до реализации принятых управленческих решений.

Таким образом, реализация данного принципа — это одно из решающих условий эффективного функционирования и развития как контролирующей системы президентского контроля с ее главным и системообразующим субъектом — Президентом РФ, так и подконтрольной (правоохранительные органы).

Особенно связан и вытекает из общей управленческой и контрольной деятельности Президента РФ принцип, который можно назвать

принципом правового статуса главного субъекта функциональной системы государственного и президентского контроля (далее — принцип «первого лица»).

В целях обоснования выделения и важности реализации такого принципа рассмотрим конституционные полномочия Президента РФ. Согласно п. «а» ст. 71 Конституции РФ осуществление госконтроля за соблюдением федеральных законов относится к ведению Российской Федерации, ее органов. Первым в перечне органов государственной власти, указанных в ст. 11 Конституции РФ, назван Президент РФ, затем Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ и суды. При этом следует заметить, что ни в ст. 10 Конституции РФ, в которой провозглашено разделение властей, ни в ст. 11, определяющей основы государственной власти РФ и ее субъектов, Президент РФ не исключен из системы разделения властей.

Как отмечалось выше, в соответствии с п. 1 ст. 80 Конституции РФ Президент РФ является главой, высшим должностным лицом государства. Кроме того, согласно п. 2 ст. 80 Конституции РФ он наделен полномочиями по обеспечению *согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти*. При этом Президент РФ не подменяет полномочия и деятельность парламентских и исполнительных органов власти, а взаимодействуя с ними, создает условия для согласованной с ними работы, выступая в качестве координатора принимаемых решений различными ветвями и органами государственной власти, в том числе и по вопросам государственного управления и контроля, что необходимо учитывать при обосновании важности выделения и наполнения содержанием принципа «первого лица».

Таким образом, конституционные полномочия Президента РФ как главы государства, в том числе и контрольные, выделяют его, его статус среди органов законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти в части, касающейся как сферы государственного управления, так и сферы контроля, а также определяют место и роль президентского контроля в системе государственного управления и контроля, позволяют вполне обоснованно выделить в системе контроля принцип «первого лица», причем не только в структуре президентского, но и государственного контроля в целом.

Кстати, к основным подконтрольным направлениям деятельности правоохранительных органов, например полиции, относятся, согласно ст. 2 ФЗ «О полиции»⁶, обеспечение защиты личности, общества, государства от про-

⁶ О полиции [Электронный ресурс]: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тивоправных посягательств; предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам; обеспечение правопорядка в общественных местах, безопасности дорожного движения; осуществление экспертно-криминалистической деятельности.

Кроме непосредственно правоохранительной деятельности правоохранительные органы осуществляют нормативно-правовое регулирование, разработку и реализацию государственных программ в своей сфере деятельности, кадровую, договорно-правовую, финансовую, материально-техническую, аналитическую, штабную, инспекторскую и другие обязательные и важные виды работ⁷, которые также могут являться предметами президентского контроля.

Рассматривая принцип «первого лица», следует исходить из того, что в соответствии с конституционным статусом глава государства обязан принимать все установленные законодательством Российской Федерации меры по обеспечению безопасности личности, общества, государства, охране правопорядка, суверенитета, независимости, государственной целостности, обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Возложение на Президента РФ обязанности быть гарантом означает, что он призван действовать персонально, а также инициировать деятельность всех органов государственной власти, обеспечивая таким образом их согласованное функционирование и взаимодействие, в том числе в сфере контрольной деятельности. Отмеченные полномочия Президента РФ наполняют рассматриваемый нами принцип «первого лица» дополнительным содержанием, обогащают его ресурс как средство (инструмент) повышения эффективности президентского контроля.

Одним из важнейших аспектов обоснованности выделения принципа правового статуса главного субъекта функциональной системы государственного управления и президентского контроля, или принципа «первого лица», востребованности его применения, нацеленного на обеспечение эффективности государственного и президентского контроля, в том числе за деятельностью правоохранительных органов, являются и полномочия Президента РФ по изданию подзаконных нормативных правовых актов. Так, в соответствии со ст. 90 Конституции РФ Президент РФ издает указы и распоряжения,

которые обязательны для исполнения на всей территории РФ. В связи с этим изданные им указы и распоряжения, в частности по результатам проведенного контроля деятельности правоохранительных органов, также подлежат безотлагательному и качественному исполнению. По нашему мнению, в этом конституционном полномочии главы государства проявляется превентивный ресурс принципа «первого лица». Кстати, Президент РФ по результатам такой контрольной деятельности своим указом может принять и кадровые решения, в том числе в отношении соответствующего должностного лица правоохранительного органа, в чем, можно утверждать, заложен административный ресурс президентского контроля в целом и принципа «первого лица» в частности.

Востребованности применения принципа «первого лица» способствует централизация и определенная автономность статуса субъектов, осуществляющих президентский контроль. Как отмечалось, Президент РФ является главой государства, главным и центральным субъектом в системе государственного (президентского) управления и контроля. Все другие субъекты президентского контроля входят в эту систему с учетом их статуса.

Так, Администрация Президента РФ является государственным органом, а, например, Контрольное управление, аппарат Совета Безопасности РФ, аппараты полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах — структурными подразделениями Администрации Президента РФ (положения об Администрации Президента РФ, о других подразделениях Администрации Президента РФ (субъектах президентского контроля) объявлены конкретными указами Президента РФ). При этом у каждого субъекта контроля свой административно-правовой статус, свои полномочия, задачи и контрольные функции. Кроме того, у каждого субъекта контроля своя внутренняя организационно-штатная структура, вертикальная система подчиненности.

Кроме того, выделение принципа «первого лица» в системе принципов президентского контроля необходимо и для понимания механизма функционирования системы государственного, в том числе президентского, контроля, для определения путей повышения эффективности государственного управления, разработки современных методик по осуществлению контрольной деятельности субъектами президентского контроля за деятельностью органов исполнительной власти, в том числе правоохранительных органов.

Изложенное позволяет утверждать, что выделение с конкретным обоснованием принципов президентского контроля за деятельностью

⁷ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

правоохранительных органов – это не самоцель. Это необходимо для определения общих принципов всей системы государственного контроля.

Применение принципов контроля – важнейшая задача, стоящая перед всеми субъекта-

ми государственного контроля, направленная на реализацию целей и задач по повышению эффективности государственного (президентского) контроля, усилению его позитивного влияния на процесс государственного строительства.

Список литературы:

1. *Кочерин Е. А.* Основы государственного и управленческого контроля: монография. М., 2000.
2. *Тарасов А. М.* Государственный контроль в России: монография. М., 2008.
3. *Тарасов А. М.* Президентский контроль: понятие и система: учеб. пособ. СПб., 2004.
4. *Тарасов Ю. А.* Принципы государственного контроля над экономической преступностью и их криминологическая роль // Вестник Академии права и управления. 2010. № 18.
5. *Харитонов А. Н.* Государственный контроль над преступностью: монография. Омск, 1997.

References:

1. *Kocherin E. A.* Osnovy gosudarstvennogo i upravlencheskogo kontrolya: monografiya. M., 2000.
2. *Tarasov A. M.* Gosudarstvennyj kontrol' v Rossii: monografiya. M., 2008.
3. *Tarasov A. M.* Prezidentskij kontrol': ponyatie i sistema: ucheb. posob. SPb., 2004.
4. *Tarasov Yu. A.* Principy gosudarstvennogo kontrolya nad ehkonomicheskoy prestupnost'yu i ih kriminologicheskaya rol' // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2010. № 18.
5. *Haritonov A. N.* Gosudarstvennyj kontrol' nad prestupnost'yu: monografiya. Omsk, 1997.

E-mail: tarasov.tam@yandex.ru